

# *HISTORIA ROSSICA*

Сибирь  
в составе  
Российской  
империи



ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

# *HISTORIA ROSSICA*

---

Окраины Российской империи

Сибирь  
в  
составе  
РОССИЙСКОЙ  
ИМПЕРИИ



Новое  
Литературное  
Обозрение

2007

*Издано при финансовой поддержке Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

*Международный благотворительный фонд  
им. Д.С. Лихачева*

*Книга написана при финансовой поддержке  
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия*

Редколлегия серии  
«Окраины Российской империи»

*А.И. Миллер* (председатель), *А.В. Ремнев*, *А. Рибер*

Авторский коллектив:

*И.Л. Дамешек*, *Л.М. Дамешек*, *В.П. Зиновьев*, *А.В. Ремнев*,  
*Н.Г. Суворова*, *В.П. Шахеров*, *М.В. Шиловский*

Ответственные редакторы

*Л.М. Дамешек*, *А.В. Ремнев*

## **С 34 СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с., ил.

В составе России Сибирь исторически имела две ипостаси — отдельность и интегральность. Противоречивые и динамичные картины Сибири, формирующиеся на протяжении XVIII — начала XX в. в общественном сознании и воззрениях политиков, определили импульсивность и непоследовательность правительственных действий в регионе. Авторы этой книги стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения сибирской истории имперского периода, но и представить новые подходы к ее интерпретации, сфокусировав свое внимание на проблемах взаимоотношения центра и Сибири, специфике ее хозяйственного и социокультурного освоения, феномене сибирской ссылки, адаптации русских переселенцев к новым условиям и взаимодействию их с коренными народами, формировании особой русско-сибирской территориальной идентичности.

УДК 94(571.1/.5)''17.19  
ББК 63.3(253)

Ни в историографии, ни в преподавании имперскому измерению истории России у нас никогда не уделялось должного внимания, и даже при желании поговорить об этом со студентами преподавателю до недавнего времени просто не на что было бы опереться — подходящая литература практически отсутствовала<sup>1</sup>.

Имперский нарратив, который в значительной мере унаследован современной русской историографией — во всяком случае, той ее версией, которая отражается в учебниках истории, — неизменно фокусировался на центре, на государстве, на власти.

Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя — лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план.

Новая история империи — это именно та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте. Когда мы говорим об имперском измерении российской истории, речь идет прежде всего о многообразии населения империи, о сложных системах отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами, об асимметричности административно-политических и правовых структур, о ресурсах устойчивости империи, о ее способности стабилизировать

гетерогенное в этноконфессиональном и социокультурном отношении общество. Разумеется, история центральных органов власти как таковых, история армии как одного из ключевых имперских институтов, внешняя политика, экономическое развитие — все эти сюжеты составляют важную часть истории империи, и многое еще предстоит сделать для более полного их исследования. Но очень важно, чтобы и при изучении этих вопросов, которыми историки традиционно занимались больше, принимался во внимание фактор неоднородности империи и в фокусе исследования оказывалась взаимосвязь внешнеполитических сюжетов (будь то дипломатических или военных), развития армии как института или экономических процессов в империи с ее внутренней, окраинной и национальной политикой.

Вот перечень ключевых вопросов, на которые должна отвечать современная историография Российской империи в той ее части, которая занимается отношениями центра империи и ее окраин. Как власти структурировали пространство империи, устанавливая и меняя административное деление; вводя и отменяя должности генерал-губернаторов и наместников; сохраняя или отменяя традиционные для регионов законодательные нормы, расширяя или сокращая объем их автономии; основывая города и/или наделяя их статусом административных центров; создавая университеты в одних и закрывая их в других городах; нарезая учебные округа; прокладывая каналы, железные дороги и телеграфные линии? Какими были экономические отношения окраин и центра? Как в разные периоды строилась политика империи в вопросах религии, миссионерской деятельности, смены вероисповедания ее подданными, браков между людьми различных конфессий? Как регулировалось употребление различных языков? Как центральные власти и чиновники на местах вырабатывали и пытались проводить в жизнь политику в отношении разных групп населения? Как опыт, приобретенный при управлении одними окраинами, влиял на политику властей на других окраинах, будь то путем заимствования управленческих схем и законодательных решений, или через чиновников, которые в течение своей карьеры нередко по несколько раз меняли место службы? Как местные элиты и сообщества реагировали на политику имперских властей, как они отстаивали свои особые интересы, если империя на них покушалась, но также — как они сотрудничали с империей и как они пытались использовать имперские ресурсы в местных интересах?

При этом нужно помнить, что число акторов, взаимодействовавших в том или ином регионе по тому или иному вопросу, неизменно было больше двух. Центральная бюрократия никогда не была единой, у центральной власти, в свою очередь, могли быть и, как правило, были серьезные расхождения в понимании ситуации с чиновниками на местах. Но и местные сообщества не были едины. Их элиты часто были расколоты, в том числе и по вопросу о лояльности империи, и нередко апеллировали к властям для решения внутренних конфликтов. Важно также иметь в виду, что состав населения различных окраин империи со временем существенно менялся, в том числе в результате миграций. Нередко значительные по численности группы уходили из империи добровольно или по принуждению. Наиболее известные примеры: мухаджирское движение кавказских горцев, польская, а затем еврейская эмиграция. Во всех этих случаях число эмигрантов составляло сотни тысяч. Но еще более массовым явлением было переселение на некоторые окраины казаков и населения центральных и юго-западных областей, а также немецких, сербских, чешских колонистов, а на Дальнем Востоке — китайцев и корейцев. Различные религиозные и этнокультурные группы могли сотрудничать между собой в противоборстве с центральной властью, могли конфликтовать друг с другом и стараться заручиться поддержкой имперских властей в этой борьбе. И власти империи, и местные элиты проводили ассимиляторскую политику в отношении различных групп населения, порой сотрудничая, но часто и противодействуя друг другу в этих ассимиляторских усилиях, которые в зависимости от обстоятельств бывали более или менее успешными. Но неизменно в этих взаимодействиях происходило взаимное усвоение разнообразных культурных навыков, что создавало огромное разнообразие смешанных и переходных культурных форм.

Характер этих взаимодействий постепенно менялся в XIX в. по мере того, как отношения между различными группами населения в модернизирующейся империи все более осмысливались в новых категориях нации и класса. Пространство империи становится не только ареной соревнования националистических движений, но и объектом этого соревнования, поскольку каждое из этих движений формирует и внедряет в массовое сознание свой проект или образ национальной территории, то есть той земли, которая «по праву» должна принадлежать именно этой нации, и никакой другой. Само собой разумеется, что эти образы национальной территории, фор-

мируемые различными национальными движениями, находились в конфликте между собой, как правило, частично «налагаясь» друг на друга, претендуя на одни и те же территории, а порой и вовсе отрицая право некоторых других групп претендовать на статус отдельной нации. Взаимодействия национальных движений и соперничество их проектов не имели какого-то заранее предопределенного исхода. Эти процессы могут быть поняты только в контексте имперской истории, ведь национальные нарративы, призванные утверждать «естественность», неизбежность и глубину исторических корней нации, по самой своей природе не способны уделить должного внимания проблеме альтернативности процессов формирования наций.

Все это вполне относится и к русской историографии. Некоторые попытки перекроить традиционный имперский исторический нарратив, сделав его более «национальным», сводятся к стремлению рассказать историю русских отдельно от всех остальных жителей империи. Такая стратегия заведомо обречена на неудачу, ведь даже вопросы о том, кто же такие русские (например, когда и как решилось, входят ли в их число белорусы и малороссы), или о том, как складывались представления русских о своей «национальной территории» (например, когда и как стали «русскими» Сибирь, Дон или Ставрополье), можно четко сформулировать и исследовать только в контексте истории империи.

Российская империя уже давно ушла в прошлое. Но изучение перечисленных выше вопросов представляет не только академический интерес. Современная ментальность и историческая память русских имеет, по крайней мере, одно весьма существенное отличие от ментальности и исторической памяти их соседей, как тех, кто живет сегодня в независимых государствах, так и тех, кто остается гражданами современной России. В написанном в 1946 г. эссе венгерский мыслитель Иштван Бибо отметил особую психологическую черту народов этого региона — экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед реальной или воображенной угрозой гибели национальной общности в результате лишения государственной самостоятельности, ассимиляции, депортации или геноцида<sup>2</sup>. Этот страх был связан сперва с турками, позже с немцами, в некоторых случаях с поляками, позднее и с Россией. Германию перестали воспринимать как непосредственную угрозу после Второй мировой войны, Турцию много раньше. Этот воспитанный веками непредсказуемого, часто ката-

строфического развития экзистенциальный страх последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 г. на современную Россию.

Для ментальности русских мотив этнической виктимизации до последнего времени не был характерен. Русские всегда чувствовали себя жертвами притеснения, но притеснения со стороны государства, которое они не воспринимали как этнически чуждое. Феномен, о котором говорил Бибо, для русских психологически не близок и потому непонятен. Коллективные экзистенциальные страхи трудно причислить к набору здоровых черт психики, однако и неумение их понять, задуматься о серьезности их причин нельзя отнести к достоинствам, особенно у нации, которой остро необходимо критическое осмысление своей истории, в том числе и своих отношений с соседями. Именно здесь лежат исторические корни того кризиса понимания и доверия, который так характерен для отношений современной России с ее соседями. Каждой стороне предстоит пройти свою часть пути к преодолению этого кризиса. Русским, среди прочего, предстоит полнее осознать репрессивность империи, наследниками которой — как в положительном, так и в отрицательном смысле — они являются. Соседям русских, в свою очередь, предстоит преодолеть односторонне негативный образ Российской империи, для которой, конечно, благополучие и свобода ее подданных никогда не были приоритетом, но которая отнюдь не была той «империей зла», какой она предстает в современных школьных учебниках соседей России.

Книга, которую читатель держит в руках, является частью серии, посвященной истории различных окраин Российской империи. Эти книги написаны российскими авторами с учетом последних достижений нашей и зарубежной историографии, в попытке ответить хотя бы на часть тех вопросов, о которых шла речь. Они адресованы всем, кто хотел бы больше узнать об истории Российской империи. Авторы не отступали от научных стандартов в аргументации и представлении материала, и специалисты, преподаватели и студенты найдут в этих книгах много полезного, в том числе для сравнения политики империи на разных окраинах. Но авторы неизменно старались избегать «профессионального жаргона» историков, старались писать так, чтобы читатель без специального исторического образования не испытывал при знакомстве с их трудом дополнительных сложностей.

\* \* \*

В 2006 г. в серии «Окраины Российской империи» вышла книга «Западные окраины Российской империи» (под редакцией М.Д. Долбилова и А.И. Миллера). За книгой, которую читатель держит в руках, вскоре последуют еще две – «Северный Кавказ в составе Российской империи (XVIII – начало XX в.)» (под редакцией И.Л. Бабич и В.О. Бобровникова) и «Центральная Азия в составе Российской империи» (под редакцией С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмахановой).

---

<sup>1</sup> Эта ситуация начала меняться в последние годы. Открытие многих прежде недоступных для них архивов вызвало настоящий взрыв интереса к истории Российской империи у зарубежных специалистов. Уже опубликован целый ряд превосходных исследований американских, немецких и других зарубежных историков, посвященных именно окраинной политике. Постепенно эти работы становятся доступны в переводах на русский. Есть также целый ряд российских исследователей, которые занимаются этой проблематикой на высоком профессиональном уровне. Именно в области изучения Российской империи наши специалисты вполне успешно и на равных интегрируются в мировую науку. Помещенные в конце каждой из книг настоящей серии библиографические списки, а также примечания в тексте послужат читателю ориентиром в этой новой литературе.

<sup>2</sup> *Bibó István. The Distress of the East European Small States // Bibó I. Democracy, Revolution, Self-Determination. New York, 1991. P. 39.* В русском переводе см.: *Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: Три квадрата, 2004. С. 155–262.*

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует множество объяснений происхождения слова «Сибирь»: есть сторонники монгольского, тюркского, славянского вариантов этимологии. Наибольшее распространение получила версия, связывающая происхождение этого термина с самоназванием одной из этнических групп — «сипыр», обитавших в конце первого тысячелетия в районе лесостепного Прииртышья. Постепенно это этническое имя закрепилось за определенной территорией и уже в XIV в. стало широко употребляться для обозначения земель, расположенных к северу от владений золотоордынских ханов.

После образования у тобольских татар государственности Сибирью стало называться Сибирское ханство. На территории, расположенной к востоку от Урала, в XVI в. также были известны Тюменское ханство, Югра и Мангазея. Однако после похода Ермака и начавшегося затем земледельческого освоения и политической интеграции новых земель в состав Русского государства термин Сибирь стал применяться для обозначения всей территории, расположенной в бассейнах рек Оби, Енисея, Лены, Ангары и вплоть до Тихого океана. Сибирь и Дальний Восток географически занимают огромное пространство от Урала на западе и до Тихого океана на востоке, от границ Монголии на юге и до берегов Северного Ледовитого океана на севере. Это территория площадью свыше 10 млн км<sup>2</sup>, что составляет около 60% современной России.

В изучении и преподавании истории России в последние полтора-два десятилетия наметилось преодоление централистской перспективы, однако еще живо чувство региональной обделенности, которое в значительной степени питает столь популярное ныне в регионах недоверие к центру. В предисловии к одному из школьных учебников по истории Сибири специально заостряется на этом внимание: «Возьмите любой школьный или вузовский учебник, и вы увидите, как мало места уделено там территории, лежащей к востоку от Урала, — Сибири. Вряд ли данное обстоятельство можно признать нормальным: ведь Сибирь с середины XVII века составляла и до сих пор составляет большую часть России, и во многом именно благодаря ей Россия стала великой державой и остается таковой до сих пор»<sup>1</sup>.

В данной книге авторы стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения истории Сибири имперского периода, но и представить новые подходы. Сибирская специфика (видение «образов Сибири») здесь прочитывается на протяжении значительного временного отрезка с разных ступеней властной вертикали, таких ступеней, которые определялись не политическими пристрастиями или классовой принадлежностью, а пространственным расположением. Это позволяет приблизиться к созданию общей концепции развития Российской империи. Ретроспективный анализ региональной имперской политики раскрывает управленческие коллизии, высвечивает малоизвестные линии столкновения/сотрудничества власти и общества, определяет специфику хозяйственного и культурного освоения Сибири, адаптации переселенцев и взаимодействия с коренными народами, прослеживает формирование сибирской территориальной идентичности, выявляет факторы, которые позволили империи сохранить длительную устойчивость, способствовали интеграции Сибири в состав России не только при помощи политико-административных, экономических, но и социокультурных механизмов.

Другая причина, заставившая авторов взяться за эту книгу, заключается в отсутствии добротного учебника по истории Сибири, тогда как этот предмет преподается в большинстве сибирских вузов. Студенты все еще вынуждены пользоваться или пятитомной «Историей Сибири» (Л., 1968. Т. 2—3), или редким и заметно устаревшим учебным пособием «История Сибири» (Томск, 1987). Новый вузовский учебник «История Сибири» (М.; Новосибирск, 2001) Л.Г. Олеха был справедливо подвергнут резкой критике как научно несостоятельный, а серия интересных книг об историческом прошлом Сибири, подготовленных новосибирскими авторами для школьников<sup>2</sup>, не отвечает все же уровню высшей школы. Надеемся, что наш труд хотя бы частично восполнит этот пробел и станет своего рода этапом подготовки фундаментальной научной истории Сибири, а также будет полезен в преподавании.

---

<sup>1</sup> Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI—XIX вв.): Учебное пособие для старших классов общеобразовательных учреждений. Новосибирск, 1998. С. 5.

<sup>2</sup> Например: *Зверев В.А., Зуев А.С., Кузнецова Ф.С.* История Сибири. Ч. 2: Сибирь в составе Российской империи. Учебное пособие для 8-го класса. Новосибирск, 1999.

# СИБИРЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ

СИБИРЬ В ИМПЕРСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВЛАСТИ. ИМПЕРИЯ И  
СИБИРСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

### 1.1. СИБИРЬ В ИМПЕРСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВЛАСТИ

**П**роцесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в. и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное закрепление за Россией новых территорий и народов восточнее Урала, крестьянское переселение и хозяйственное освоение сибирских земель, но и осмысление Сибири как Земли Русской. Важно понять, как из «страны без границ», из «земель неизвестных» Сибирь стала неотъемлемой частью России, изменила в целом ее географическое и историческое пространство. Сибирский регион — это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определяемыми и динамичными границами. Поэтому так важно проследить процесс генезиса нового ментально-географического пространственного образа, выделения его в особый предмет общественного сознания и сегментирования в правительственной политике. Географические образы могут рассматриваться «как культурные артефакты, и как таковые они непреднамеренно выдают предрасположения и предрассудки, страхи и надежды их авторов. Другими словами, изучение того, как общество осознает, обдумывает и оценивает незнакомое место, является плодотворным путем исследования того, как общество или его части осознают, осмысливают и оценивают самих себя»<sup>1</sup>. Территория власти нуждается в своих маркерах, включающих идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковые фигуры исторических региональных деятелей. Параллельно с имперским административным строительством шел

процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах.

Вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но и активно формировали новую географию. Интерпретация региона постепенно усложнялась как с расширением внешних имперских границ, так и вследствие нарастания внутренних политических и административных задач, управленческой специализации и дифференциации, изменения этнодемографической структуры, появления новых экономических интересов. Власть здесь шла явно впереди экономики, нередко не дожидаясь установления государственных границ, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы. Но всякая административная, а тем более государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «Таким образом, — отмечает Ф. Бродель, — история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»<sup>2</sup>.

Территория Сибири исторически росла с движением русских на восток от Сибирского ханства до Сибирского генерал-губернаторства, достигнув своего предела к середине XIX в., когда закончился процесс вхождения в состав Российской империи Степного края, Приамурья и Приморья. В середине XIX в. Ю.А. Гагемейстер описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел Азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»<sup>3</sup>. Однако почти тридцать лет спустя А.Я. Максимов замечал, что «Географическое общество, ведающее антропологические и этнографические задачи, еще не занималось решением вопроса о том, где начинается

западная граница Сибири. А где кончается восточная или южная граница, на это не сумеет дать ответа даже и специальный Азиатский департамент Министерства иностранных дел»<sup>4</sup>. Не случайно, начиная в 1918 г. читать курс лекций по истории и географии Сибири на только что открытом во Владивостоке историко-филологическом факультете, известный востоковед профессор Н.В. Кюнер предлагал условиться, что следует понимать под «Сибирью»: «Это имя ныне прилагается к стране, обладающей громадным и не установленным в точности и различно понимаемым пространством, в зависимости от того, с какой точки зрения мы будем рассматривать территориальный объем страны, о Сибири можно мыслить различно»<sup>5</sup>. Отмечал Кюнер и всегда существовавшее несовпадение исторического смысла «Сибири» с ее географическим пространством. При этом он настаивал на расширительном понимании, включая в Сибирь не только Дальний Восток, но и Степной край.

Одновременно набирал силу обратный процесс, когда «Сибирь» стала постепенно сокращаться и даже исчезать с административной карты России. Шел процесс регионального дробления «большой» Сибири, протянувшейся от Урала до Тихого океана, и к концу XIX столетия на геоэкономической и административной карте Азиатской России появляются Дальний Восток и Степной край. Уже в «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» (1897 г.) из Сибири исключались Акмолинская и Семипалатинская области. Отделение Дальнего Востока от Сибири, начавшееся на рубеже XVIII—XIX вв., получило важный политический импульс в 1850-х гг. и завершилось в 1884 г. административным обособлением в Приамурском генерал-губернаторстве. В издании «Азиатская Россия», предпринятом Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в 1914 г., отмечалось, что помимо административного деления в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забайкальская) и Дальний Восток, куда включают помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Вместе с тем геополитические образы Сибири оставались надолго сопряженными в своей пространственной динамике не только с Дальним Востоком России и Казахской степью, но и с Маньчжурией, Монголией, Китаем.

В начале XIX в. Сибирь составляло единое генерал-губернаторство, которое в 1822 г. в результате реформ М.М. Сперанского было разделено на два генерал-губернаторства: Западно- и Восточно-Сибирское. Однако в 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, и от Сибири отделился Степной край, став самостоятельным генерал-губернаторством с центром в Омске. С этого времени можно говорить, что Западная Сибирь превратилась в своего рода «внутреннюю окраину», повысив свой статус интегрированности в имперское пространство, что заметно отличало ее от Восточной Сибири, Дальнего Востока и Степного края. Фактически до начала XX в. понятие «Восточная Сибирь» употреблялось не столько в географическом смысле, сколько в административном и было тождественно Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству. В 1884 г., с созданием Приамурского генерал-губернаторства, от Сибири отпочковался Дальний Восток, породив затянувшийся спор о границах между ними, а в 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское. Как и в Европейской России, в Сибири с 1898 г. округа стали называться уездами, чтобы устранить признаки терминологической обособленности. Разрасталось и усложнялось специальное (экстерриториальное) деление Сибири, зачастую не совпадавшее с общими административными границами и центрами, что свидетельствовало об усложнении регионального управления и усилении ведомственного влияния имперского центра. Известный русский правовед Н.М. Коркунов утверждал, что «самое слово Сибирь не имеет уже более значения определенного административного термина»<sup>6</sup>. В противовес формировавшемуся сибирскому регионализму, который вызывал политические подозрения в сепаратизме, понятие «Сибирь» замещается «Азиатской Россией», в чем был заложен известный семантический смысл, акцентировавший цивилизационный потенциал единства Российской империи. В центре не могли не сознавать опасности длительного существования административного единства большого периферийного региона империи, который мог составить управленческую конкуренцию центру.

Сибирь оказывалась включенной в широкий дискурс «Европа — Россия — Азия», составной частью которого было новое прочтение проблемы деления России на европейскую и азиатскую части. Деление это было вызвано еще петровской вестернизацией, стремлением иметь в провозглашенной империи свою европейскую метрополию и свою азиатскую периферию. За изменениями на

административной карте империи стоял целенаправленный процесс ее внутреннего устроения. Административные границы не только оформляли исторически сложившиеся регионы, но и способствовали их складыванию, определяли их статус в империи. К тому же колонизационный компонент имперской политики давал возможности не только для укрепления государственного единства, но и для создания общего цивилизационного пространства.

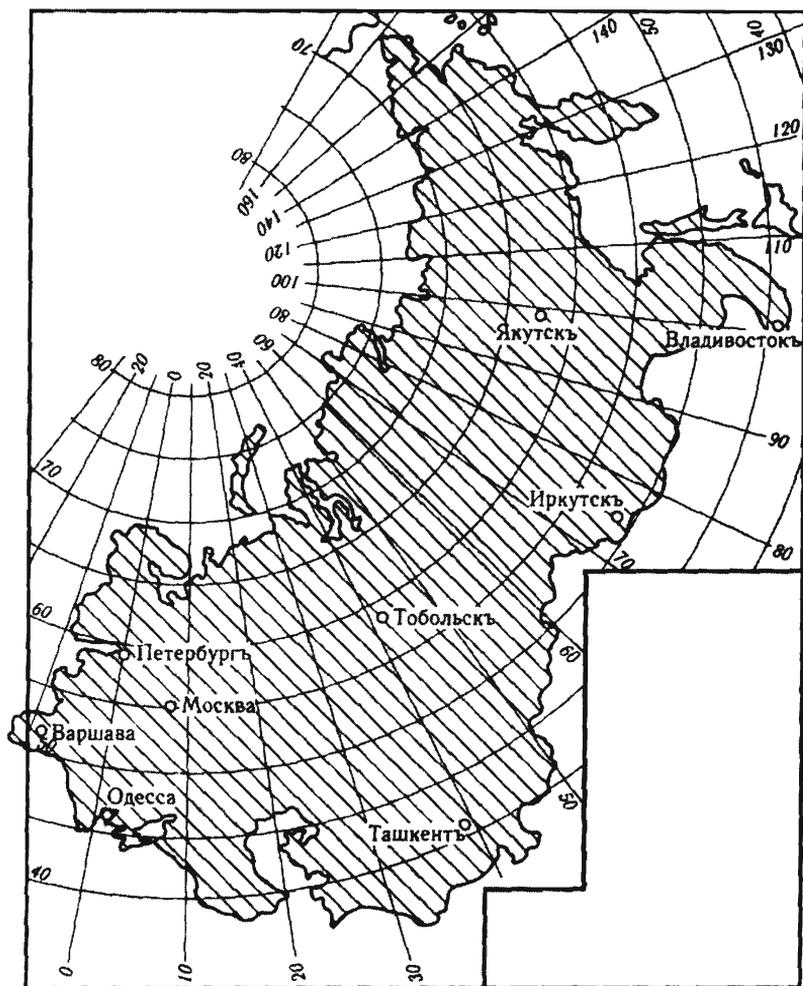
Еще Н.И. Надеждин заметил, как к «основному ядру» империи, где «география имеет чисто русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются в Азии и Северной Америке новые земли. Это, по его словам, наш Новый Свет, который «деды наши открыли и стали колонизовать почти в то же время, как прочие европейцы нашли новый путь к азиатскому югу и открыли восток Америки»<sup>7</sup>. Известный статистик и географ К.И. Арсеньев среди десяти «пространств» империи выделял и сибирское, ограничиваясь указанием, что «Сибирь есть истинная колония земледельческая, металлоносная и коммерческая; рассматривая под сим видом, она имеет преимущество над колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океаном, ни посторонними владениями... Вообще Сибирь, Закавказье, Финляндия и Царство Польское, — подчеркивал он, — суть такие страны, которые обеспечивают нынешнюю безопасность Государства, не затрудняя внутреннего управления. Сии земли, полезные для России по уважениям военным, политическим и коммерческим, не составляют существа Империи, и... должны быть рассматриваемы как вспомогательные силы одной главной и великой силы, заключающейся в собственно Русских землях»<sup>8</sup>.

Такое положение Сибири в составе России не должно было быть вечным. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П.А. Словцов уже в начале XIX в. рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал. Сотрудник российского посольства, направленного в Китай (но туда не пропущенного) Ф.Ф. Вигель писал в 1805 г., что, в отличие от британских заморских колоний, Сибирь, «как медведь», сидит у России на привязи и пока ей не нужна. Однако в будущем, рассуждал он, Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти. Востоковед В.П. Васильев в программной статье «Восток и Запад», опубликованной в 1882 г. в первом номере газеты «Восточное обозрение», призывал перестать смотреть на

русских как на пришельцев в Сибири, заявляя, что «мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами». П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал об изменении в результате колонизации этнографической границы между Европой и Азией путем ее смещения все дальше на восток. Историк М.К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, прежде всего крестьянской. Н.Я. Данилевский в своем знаменитом труде «Россия и Европа» утверждал, что процесс русской колонизации можно представить растянутым во времени, поэтапным «расселением русского племени», что не создавало колоний западноевропейского типа, а лишь расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российского государства, считал он, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия». В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляет, по мнению Фридьофа Нансена, «в сущности, естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян»<sup>9</sup>.

У Д.И. Менделеева, сибиряка по происхождению, вызывало беспокойство то, что на карте Россия выглядит преимущественно азиатской. «Россия, по моему крайнему разумению, — писал он в 1906 г., — назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью». Историческая задача России как раз и заключается в том, чтобы «Европу с Азией помирить, связать и слить». Деление на Европейскую и Азиатскую Россию он считал искусственным уже в силу единства «русского народа (великороссы, малороссы и белорусы)», но при этом старался найти такой способ картографического изображения России, где бы выступало первенствующее значение Европейской России (см. рис. 1).

Значительная часть имперских проблем разворачивалась вокруг отношений между центром и периферией. Центр являлся особым символическим и организационным образованием, который стремился не только извлекать ресурсы из периферии, но и про-



Эскиз карты России по проекции, предложенной Д.И. Менделеевым  
(Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 183)

никнуть в нее, перенести туда свои духовно-символические принципы, организационно мобилизовать ее для своих целей. Однако огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое присвоение новых территорий на Востоке требовали образования на линии «центр — периферия» новых центров, транслировавших

функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение. Стремление к регионализму (сверх обычного деления на губернии или области) объясняется известным несоответствием традиционного административно-территориального деления особенностям экономики и политики, которые требовали более широких объединений. В свою очередь, крупные региональные образования воспроизводили общую схему структурируемого пространства, создавая свой центр и свою периферию. В Азиатской России большие региональные общности были оформлены в генерал-губернаторства с четко выраженной военно-административной доминантой.

Империя, включая в свой состав ту или иную территорию на Востоке, начинала прежде всего ее властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Охотско-Камчатский край — для Северной Америки; Забайкалье — для Приамурья; Приамурский край — для Маньчжурии; Западную Сибирь и Оренбургский край — для Казахской степи и Средней Азии).

Особое место в системе административно-территориального устройства Сибири занимали пограничные области, в которых была не только упрощенная система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но и поддерживался длительное время явный приоритет военной власти над гражданской, внешние границы имели аморфные очертания и обладали большой подвижностью. В этом положении местная администрация становилась ответственной не только за внутреннее устройство области, но и за определение ее границ, в том числе и государственных, за проведение внешней политики в отношении сопредельных государств.

В зависимости от политических и экономических перспектив перемещались в сибирском пространстве и военно-административные центры. Для интеграции периферийных регионов в состав Российской империи чрезвычайно важным был не только процесс формирования внешних и внутренних границ, но и «оцентрирование» новой территории, создание локальных эпицентров имперского влияния. Их появление и миграция отражали изменение направленности региональных процессов, смену административных, военно-колониционных, хозяйственных и геополитических приоритетов.

Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления социальной, правовой и административной однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, в результате чего имперская политика на окраинах была противоречива. Это отражалось на взаимоотношениях центральных и местных властей, приводило к серьезным управленческим коллизиям. Переход от поливариантности в административном устройстве (как это было на ранних этапах истории империи) к внутренне усложненной моновариантной модели неизбежно приводил к росту централизации и бюрократизации управления, допускающих лишь некоторую деконцентрацию власти на окраинах.

Однако существование генерал-губернаторства закрепляло мысль о том, что эта часть империи изымается из-под действия общего законодательства. Личностная природа генерал-губернаторской власти, при довольно частой смене генерал-губернаторов, неизбежно придавала дискретный характер правительственному курсу в отношении той или иной окраины. Смена лиц на генерал-губернаторском посту имела нередко определяющий характер на направление и успех правительственных мероприятий. Известный правовед Б.Э. Нольде подчеркивал, что русское право «никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь [на окраинах] творило... наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русскому государству»<sup>10</sup>. Путь в поиске «осуществления одной и той же государственно-правовой мысли», полагал он, «лежит через изучение каждой из автономных земель, взятой в отдельности». Это касалось и необходимости учета особенностей окраин при организации управления, и ясного понимания того, что административной политике имперского центра на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государственного управления. «Кость от кости и плоть от плоти общерусского управления, — подчеркивал исследователь истории управления Сибири С.М. Пручченко, — система сибирского управления находилась в непосредственной зависимости от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности, которые неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»<sup>11</sup>.

Проводя политику, направленную на политико-административную и экономическую интеграцию азиатских окраин в единое имперское пространство, самодержавие придерживалось определенной последовательности при переходе от военно-административного надзора за традиционными институтами власти к введению общероссийской бюрократической системы государственных учреждений. Последовательность административно-политических действий на имперских окраинах довольно точно определил в начале 1880-х гг. восточносибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов, как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии...»<sup>12</sup>

Этот процесс с известным схематизмом и упрощением можно описать следующим образом:

1. Шел процесс первоначального освоения и присвоения («первооткрыватели», обеспечивающие «историческое» право на данную территорию), создания опорных военно-промышленных пунктов и установления периметра (зоны, рубежа) внешней границы, обеспечения государственной безопасности и формирования имперского тыла (в том числе за счет естественных преград, слабой доступности и бедности природных и трудовых ресурсов, низкой привлекательности окраинной территории), создания оборонительных рубежей, государственной границы, размещения вдоль границы вооруженной силы (регулярных и иррегулярных войск, казачьих линий, военных опорных пунктов). На этом этапе высокая степень частной инициативы, которая, однако, неизменно координируется и направляется государством, характерен симбиоз военно-хозяйственных функций и создание частных компаний, экспедиций, наделенных управленческими функциями. Первые завоеватели и открыватели были вместе с тем и первыми географами новых имперских земель.

2. Власть стремилась «оцентрировать» новую территорию путем установления региональных административных центров (на первых порах превалировали военные и фискальные интересы, а затем уже собственно экономические), что сопровождалось хозяйственной колонизацией регионального тыла (часто этот процесс шел от границ региона вглубь). Империя как бы проскакивала внутренние районы ради ускоренной внешней экспансии. Изменение внешнеполитических и внутривнутриполитических задач, расширяющееся экономическое освоение региона, демографические процессы привели к частой миграции региональных центров.

3. Определение административно-политического статуса территории (наместничество, генерал-губернаторство, губерния, область), поиск оптимальной модели взаимоотношений местной власти и центра (сочетание принципов централизации, децентрации и децентрализации). Организация имперской инфраструктуры региона (пути сообщения, почта, телеграф), его культурное закрепление (церкви, школы, медицина) и научное «завоевание» (картографирование, землеописание, статистическое и этнографическое исследования). Создание смешанных органов местного управления и суда, сохранение норм обычного права и конфессионального регулирования («инородческое», «военно-народное» управление, традиционные судебные институты, организация контроля и управления иноверческими вероисповеданиями).

4. Имперское «поглощение» региона путем создания унифицированных управленческих структур, усложнения административно-территориальной сетки (включая специальные ведомственные административно-территориальные образования: военные, судебные, горные и т.п. округа), специализации институциональной организации различных уровней управления и суда, сокращения сферы действия традиционных институтов и их бюрократизации, усовершенствования системы управленческой коммуникации, закрепления за империей территории путем интенсивной земледельческой и промышленной колонизации русскими, миссионерской и культуртрегерской деятельности, расширения сферы применения русского языка и имперского права, обрусения народов, распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны, включая экономическую и социокультурную модернизацию.

## 1.2. ОБРАЗЫ СИБИРИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В составе России Сибирь имела как бы две ипостаси: отдельность и интегрированность. П.Н. Милоков в этой связи замечал: «Последний продукт колонизационного усилия России — ее первая колония — Сибирь стоит на границе того и другого». У местного сибирского населения постепенно формировалось чувство территориальной обособленности, осознания своей непохожести и социально-экономической ущемленности в отношениях между центром и окраинами, выстраивания особой русско-сибирской идентичности, амбивалентности образов Сибири. Это была тоже Россия, но какая-то «иная». Сибирь манила романтической свободой, своими богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Она представлялась залогом российского могущества, землей, где, по словам фонвизинского Стародума, можно доставать деньги, «не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечество». В российских правительственных кругах на Сибирь долгое время смотрели как на случайно доставшуюся колонию, видя в ней «Мехику и Перу наше» или «Ост-Индию». Хотя, отправляясь в Сибирь в 1819 г. с ревизией, М.М. Сперанский предостерегал от модного заблуждения «превозносить Сибирь и находить в ней Индию». Сибирь в представлении россиян все еще оставалась концом света, «дном мешка». К началу XIX в. Сибирь уже прочно вошла в литературу и устную мифологию как символ ссылки. Переход через Уральские горы вольными и невольными путешественниками окрашивался сильными эмоциями, как вступление не просто в новое неведомое географическое пространство, но в другую жизнь. Ссылка в Сибирь многими воспринималась равносильной смерти. Д. Кеннан так описывал драматическую сцену прощания ссыльных с родиной у пограничного столба «Европа—Азия»: «Некоторые дают волю безудержному горю, другие утешают плачущих, иные становятся на колени, прижимаясь лицом к родной земле, и берут горсть с собой в изгнание, а есть и такие, что припадают к холодному кирпичному столбу со стороны Европы, будто целуя на прощание все то, что она символизирует»<sup>13</sup>. Но также было в сознании вольных и невольных переселенцев светлое ожидание, связанное с тем, что они покидают «ненавистную Россию», с ее самодержавным деспотизмом, крепостным рабством и земельной нуждой. Знакомясь с Сибирью ближе, они про-

никались к ней теплыми чувствами, стирая в сознании прежние стереотипы. Уже первые впечатления от Сибири и сибиряков рассеивали прежние взгляды и входили в противоречие с господствующим мнением. «Я воображал себе Сибирь холодной, мрачной, страшную, заселенную простодушным и бедным народом, — вспоминал декабрист В.Ф. Раевский, — и вдруг увидел огромные слободы, где не было ни одной соломенной крыши, и народ разгульный и бойкий»<sup>14</sup>. Декабристы отмечали социально-экономическое и психологическое своеобразие старожильского населения. Об этом свидетельствовало все: манеры поведения сибиряка, его быт, пища, интерьер жилища, имущественный достаток. Поэтому сибиряк, не знавший крепостного гнета, привыкший к самостоятельности, живущий в относительном довольстве в сибирском «мужицком царстве», привлекал взоры не одного поколения деятелей освободительного движения в России. Но они любили не столько Сибирь настоящую, сколько Сибирь будущую. Большие надежды на Сибирь возлагал М.В. Буташевич-Петрашевский. В 1841 г. он писал, что «Сибирь заменит настоящую Россию и что в ней возникает народность русская без примеси и правление республиканское будет в ней господствующим»<sup>15</sup>. О том, что Сибири суждено в будущем стать «отдельной империей», говорил в 1848 г. петрашевец-сибиряк Р.А. Черносвитов. В сибирских городах, унаследовав традиционное фрондерство местного купечества, под влиянием декабристов, петрашевцев, ссыльных поляков начинает формироваться не внушающая доверия властям сибирская интеллигенция.

Меняется представление о Сибири и у простого россиянина. Историк П.И. Небольсин писал, что в 1840-е гг. Сибирь, может быть, несколько утратила в глазах русского крестьянина ореол «края особенно привольного», но зато простой народ переставал дичиться ее. Сюда все чаще идут вольные переселенцы, работники на прииски — не потайными тропами, а «с законным паспортом за пазухой»<sup>16</sup>. Сибирь переставала быть всероссийским пугалом. Когда ссылаемые на поселение из малоземельных великорусских губерний приходили в Сибирь, они убеждались в ее богатствах, восклицая: «Там бы умер, здесь бы встал!»<sup>17</sup> Бежавший в Сибирь крепостной крестьянин Семен Пудеров писал в 1826 г. своим родственникам в Центральную Россию: «И в Сибири также солнце светит и здесь народ живет, но гораздо лучше вашего, потому что здесь нет кровопийц и тиранов господ»<sup>18</sup>. Сибирские крестьяне казались людьми более развитыми в культурном отношении по

сравнению со своими российскими собратьями. Все чаще звучало сравнение Сибири с Северо-Американскими Штатами. На протяжении XIX в., хотя и медленный, наблюдался процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака». Н.М. Пржевальский во время поездки по Уссурийскому краю в 1867—1869 гг. с удовлетворением отмечал, что крестьяне принесли с собою «на далекую чужбину» родные им привычки, поверья, приметы, что они уже быстро перестают тосковать по родине, заявляя: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст Бог, пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем»<sup>19</sup>.

Вслед за Ф. Бродецем, по примеру Франции, нам стоит понять, что единой России не существовало и следует говорить о многих Россиях. Возвращавшемуся в 1854 г. после морского путешествия с Дальнего Востока через Сибирь в Россию И.А. Гончарову уже Якутск показался столь родным, что он записал: «Нужды нет, что якуты населяют город, а все же мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени одноэтажных деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь!» Подъезжая же к Иркутску, он с удовлетворением отмечал, что «все стало походить на Россию», но с одним лишь отличием: нет барских усадеб; а отсутствие крепостного права в Сибири «составляет самую заметную черту ее физиономии».

Психологическое и культурное своеобразие сибиряков поражало и пугало современников. По словам М.С. Каханова, «сибирский крестьянин умнее, прямодушнее, гостеприимнее русского, в нем нет ни той раболопной услужливости, ни той равнодушной грубости, которые так обыкновенны в русском крестьянине; он веселее и бодрее его»<sup>20</sup>. П.А. Кропоткин записал в дневнике в 1862 г. свои впечатления о характере сибиряка, сознающего «свое превосходство над русским крестьянином». Комментируя это обстоятельство, он пояснял, что о России и о «расейских» сибиряки отзываются с презрением, а «само слово “расейский” считается даже несколько обидным»<sup>21</sup>. Приехавшему в начале 1870-х гг. на службу в Сибирь П.П. Суворову также пришлось столкнуться с подобным явлением. «Это слово “русские”... имеет глубокий, даже политический смысл. В нем заключается представление о России как о чем-то отдаленном, не имеющем родственного, близкого соотношения ее

к стране, завоеванной истым русским. В Иркутской губернии, — писал он, — мне даже приходилось слышать слово “метрополия” вместо Россия»<sup>22</sup>. Он заметил в сибиряках даже некоторую ненависть к приезжим, особенно чиновникам, которых именовали «навозными». Управляющий Морским министерством И.А. Шестаков, проехавший в 1886 г. году через Сибирь, записал в дневнике: «Россия, пожалуй, возродится Сибирью. У нас остаются дураки, а сюда идет сметка, способность...»<sup>23</sup> А.А. Кауфман отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика. И главное было не в том, что они использовали американские сельскохозяйственные орудия, а нечто более важное — то, что у амурского крестьянина была «необыкновенная восприимчивость к новизне, отсутствие всякой рутины, проявляющееся в его земледельческом хозяйстве»<sup>24</sup>. О чувстве собственного достоинства жителя Западной Сибири писал в 1898 г. Н.Г. Гарин-Михайловский: «Здешний сибиряк не знает даже слова “барин”, почти никогда не видит чиновника, и нередко ямщик, получив хорошо “на водку”, в знак удовольствия протягивает вам, для пожатия, свою руку». Отношение же к России у сибиряка, отмечал писатель, «сбивчивое». С уважением говорят: российский плуг, российский пахарь, но тут же можно услышать от какой-нибудь бабы: «А что в глупой России умного может быть?» Местные богатеи, недовольные новыми порядками, вызванными притоком переселенцев, ворчат: «Доведут, как в России: ни хлеба, ни денег не станет»<sup>25</sup>. В начале XX в., с организацией массового переселения за Урал, правительство начинает сознавать политическую опасность таких настроений в сибирской старожильческой среде. Главноуправляющий землеустройством и земледелием кн. Б.А. Васильчиков заявил об этом в Государственной думе: «Лозунг “Сибирь для сибиряков” широко проник во все слои и группы местного населения. Отсюда вытекает и совершенно определенно выраженная недоброжелательность к переселению; выражаясь в низших, менее культурных слоях подчас прямым насилием против пришлого населения, в более культурных слоях это же настроение выражается в форме огульного порицания всей переселенческой политики правительства и противопоставления ей особой сибирской политики»<sup>26</sup>.

О закономерности такого явления утверждала и наука о колониях, за достижениями которой внимательно следили как в правительстве, так и в сибирском обществе. Сибирские областники

создали целое учение об образовании в Сибири особого культурно-антропологического типа («сиби́ро-русской народности»), по образцу того, как это происходило в Америке. Поэтому мало было заселить край желательными для русской государственности колонистами, важно было укрепить имперское единство культурными скрепами. Выталкиваемый из Европейской России за Урал земельной теснотой и нищетой переселенец уносил с собой сложные чувства — грусть по покинутым местам и неприязнь к царившим на утраченной родине порядкам. Существовало опасение, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют верноподданнические чувства. Вызывало озабоченность центра и то, что русский человек, оторвавшись от привычной ему социокультурной среды, может легко поддаться чужому влиянию. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной в конце XIX в. канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»<sup>27</sup>.

Постановка этой важной задачи, по мнению правительства, вызывалась сибирскими особенностями: определенным религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов, разнородным этноконфессиональным составом населения. Поражали не только просторы и природные богатства Сибири («Вот в какую страну приехали, странно как-то даже») или отсутствие соломенных крыш, но и то, что в сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви деревянные, небогатые, а многие просто убогие. Настораживало и большое количество в Сибири старообрядцев, влияние ислама и буддизма и даже шаманизма. Современники отмечали, что при частых и тесных контактах с иноверцами русский человек «и сам стал как-то равнодушнее к своей вере»<sup>28</sup>. Переселенцы представлялись более стойкими в православной вере, нежели сибиряки-старожилы.

Националистически настроенные авторы напоминали о забвении русских интересов на окраинах, об отсутствии должной поддержки миссионерской деятельности православной церкви, о потакании инородцам, особенно со стороны местных властей, приведшем к тому, что русское население Сибири, «будучи с инородцами в постоянных сношениях, даже в дружбе и родстве, не

прочь иной раз и их богам помолиться»<sup>29</sup>. Обер-прокурор Синода С.М. Лукьянов призывал создать на Дальнем Востоке тот внутренний уклад жизни, «который действительно придает переселенцу облик русского человека». Роль православной церкви для русского человека будет тем более велика, доказывал глава ведомства православного вероисповедания, что он здесь оказывается в непривычных условиях жизни, тоскует по покинутой родине и может попасть под влияние разного рода сектантов. Владивостокский епархиальный совет в 1909 г. так разъяснял эту ситуацию: «Переселяющиеся сюда русские люди более всего нуждаются в воздействии церкви; заброшенные в глухую тайгу, не слышащие служб церковных, не изучающие слова Божия, русские люди легко дичают, становятся самыми грубыми материалистами и самыми нетерпимыми индивидуалистами»<sup>30</sup>.

Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население в Азии китайцев, корейцев, японцев, монголов и даже якутов и бурят, которые воспринимались как конкуренты российскому имперскому колонизационному проекту. Опасались, что, попав под влияние иностранцев и «иностранцев», переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют чувство верноподданности. Исследователи уже отметили культурно-цивилизационную слабость русского крестьянина как культуртрегера<sup>31</sup>. Так считали и современники. Оторвавшись от привычной ему социокультурной среды, русский человек легко поддается чужому влиянию. Об объёму влияния русских упоминал писатель И.А. Гончаров<sup>32</sup>, об этом же твердили в своих записках многие местные чиновники. Так, приморский военный губернатор П.В. Казакевич указывал, что такое воздействие оказывают не только якуты, но и камчадалы, среди которых всего за десять лет русские переселенцы «усвоили себе все их привычки и образ жизни, а потомки наших первых поселенцев в Гижиге, Охотске, Удске совершенно почти даже утратили тип русский»<sup>33</sup>. Схожее явление наблюдалось и в Забайкалье, где сибиряки, смешиваясь с бурятами, нередко утрачивали даже свой первоначальный антропологический тип. Пугало то, что «обынородничанье» русских порождало новую этнокультурную и конфессиональную ситуацию, когда «обрядовая набожность русского населения заменилась чисто языческим суеверием, частью заимствованным от иностранцев, частью навеянными на них новою неизвестною до тех пор жизнью»<sup>34</sup>.

Задумывавшийся о задачах обрусительной политики в отношении инородцев А.И. Термен, послуживший в Туркестане, Забайкалье и Маньчжурии, призывал принять действенные меры не только для того, чтобы «выработать из вверенного ему материала надежно слитую с коренным элементом империи культурную единицу»<sup>35</sup>, но и поднять нравственность самого русского народа на окраинах, повысить авторитет православной церкви и русской школы. Бурятское население сторонилось русских, писал он, «лучше подальше от этих культуртрегеров, сохраним свой старый строй, примем буддизм с его нравственными предписаниями, мы по крайней мере не выйдем от водки и болезней». Для многих обрусение означало, по его словам, «пасть и опозлиться»<sup>36</sup>.

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской политикой. Признавая в целом более высокий, чем у российского крестьянина, уровень умственного развития сибиряка-старожила, А.Н. Куломзин обращал внимание правительства на то, что отсутствие «руководства со стороны церкви и школы и влияние ссыльных придало развитию сибиряка не предвещающий ничего хорошего отпечаток». По его наблюдениям, сибиряку присущи огрубелость нравов, преобладание «индивидуальных интересов над общественными», а также «полное отсутствие каких-либо исторических преданий, традиций, верований и симпатий». Сибиряк, утверждал А.Н. Куломзин, забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутой зауральской жизнью, перестал считать себя российским человеком. Однако у него уже пробудилась любовь к своей новой родине, и сибиряк с особой ревностью относился к тому, что в России пренебрежительно отзываются о Сибири. Это было отражением не только процесса региональной идентификации, но и своего рода сибирского шовинизма, который проявлялся в пренебрежительном отношении к переселенцам, которых нередко именовали «лапотниками», «неумытыми» и «необразованными». Куломзин писал в мемуарах, что перед его внутренним взором «каким-то кошмаром» стояла мысль о том, что «в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство»<sup>37</sup>.

Очевидно, неприятие взгляда на Сибирь как на колонию было отчасти вызвано американским синдромом, посеявшим в головах

российских политиков и интеллектуалов убеждение в том, что все колонии в будущем отделятся от метрополии. В 1819 г. «Дух журналов» в рецензии на книгу К.И. Арсеньева «Начертания статистики Российского государства» ужасался, что Сибирь именовалась колонией России<sup>38</sup>. Об этом же твердила и европейская колониальная наука. П. Леруа-Болье заявлял: «Метрополии должны привыкнуть... к мысли, что некогда колонии достигнут зрелости и что тогда они начнут требовать все большей и большей, а наконец, и абсолютной независимости»<sup>39</sup>.

Вопрос о месте сибирского региона с особой актуальностью встал в самом начале 1860-х гг. Целям и задачам колонизации азиатских окраин империи было посвящено три заседания (11 и 22 марта, 1 апреля 1861 г.) Политико-экономического комитета Русского географического общества. Разгоревшаяся дискуссия продемонстрировала расхождения во взглядах на цели и методы освоения огромных зауральских пространств, которые давно обещали значительные выгоды государству, но до сих пор отсутствовало ясное представление, как их достичь. В процессе обсуждения отчетливо выявилось два подхода к колонизации окраин. Первый исходил из принципиального отличия сибирских и дальневосточных земель от колоний типа Индии для Англии или Кубы для Испании. Оставить сибирские земли незаселенными означает «оставить при живом государственном теле безжизненную глухую часть, которая будет напрасно затруднять развитие народной жизни внутри государственного тела». Отсюда призыв не скупиться на затраты и быть готовыми пожертвовать настоящим во имя будущего.

Противоположный взгляд в Политико-экономическом комитете на колонизацию азиатских окраин империи был обозначен в выступлении известного знатока Востока барона Е.К. Мейендорфа. С его точки зрения, последние приобретения в Азии (речь шла прежде всего об амурских землях) не представляют экономических выгод для России, а только «отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей». Более того, оценивая перспективы колонизации, он выдвигал мрачный прогноз: «Предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех новых наших поселений, мы этим только будем споспешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний»<sup>40</sup>. Возражая Е.К. Мейендорфу, академик К.М. Бэр призывал не бояться возможного отделения колоний, ссылаясь на опыт Англии, которая, по его мнению, только экономически выиграла от самостоятельности своих бывших за-океанских владений.

Впрочем, фобия сибирского сепаратизма появилась раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения и зародилось сибирское областничество. Уже в первой половине XIX в. появляются в правительственных кругах сомнения в благонадежности сибиряков, предчувствие, что Сибирь может последовать примеру североамериканских колоний. Опасались как происков разного рода недоброжелателей России, так и распространения на Сибирь через политических ссыльных революционного духа. В правительстве рано начинают задумываться над перспективой сибирского сепаратизма. В середине 1820-х гг. такой возможностью пугал Ф.В. Булгарин, напоминая, что еще масонская группа Н.И. Новикова вынашивала планы устройства республики в Сибири, чтобы затем по ее образцу преобразовать всю Россию. П.И. Небольсин предупреждал в 1848 г. Военное министерство о преждевременности занятия Амура, пока не устранен «внутренний враг» в самой Сибири в лице недовольных российскими порядками беглецов из центральных губерний, старообрядцев, ссыльных поляков и т. п. Он запальчиво призывал: «Надобно убить этого врага, надобно убить, с корнем вырвать мысль, укоренившуюся в сибиряках, что Сибирь совсем не Россия», что «Россия сама по себе, а Сибирь сама по себе». Это может со временем навести сибиряков на мысль о повторении опыта Северо-Американских Штатов. Сибирь, по его словам, еще не готова к самостоятельному контакту с цивилизованными народами, симпатии сибиряков могут легко обратиться в сторону американцев<sup>41</sup>. Н.Н. Муравьев-Амурский также свидетельствовал о наличии господствовавшего в Петербурге предубеждения, «что Сибирь рано или поздно может отложиться от России». Однако фобия сибирского сепаратизма оказалась не чужда и самому Муравьеву-Амурскому. Основную опасность за Уралом, на его взгляд, могут представлять помимо поляков сибирские купцы-монополисты и золотопромышленники, не имеющие «чувств той преданности государю и отечеству, которые внутри империи всасываются с молоком»<sup>42</sup>. М.А. Бакунин утверждал, что Амур, соединивший Сибирь с внешним миром, «со временем оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность». Он добавлял, что в Петербурге этого вполне серьезно опасаются и боятся, как бы Муравьев не провозгласил независимость Сибири<sup>43</sup>. Сибирский корреспондент «Колокола» в 1862 г. предупреждал правительство, что если оно и впредь будет игнорировать нужды Сибири, то должно помнить, что «ветерок враждебной ему гражданской сво-

боды скоро проникнет через Амур во всю Сибирь, и тогда ему придется расстаться с зауральскими владениями еще вернее, чем оно теперь расстанется с Польшей»<sup>44</sup>. У Н.А. Серно-Соловьевича в 1862 г. при аресте изъяли проект конституции, которая предусматривала федеративное устройство России со столицей для Сибири в Иркутске. В листовке «Великоруса» (январь 1863 г.) писалось: «Да здравствует союзная конституция Руси, Украины и Сибири»<sup>45</sup>. В.И. Кельсиев в «Исповеди» (1867 г.) напоминал правительству, что поляки не упустят случая «насолить» в Сибири<sup>46</sup>. Н.А. Ишутин распространял слухи о том, что Сибирь хочет отделиться от России, а Соединенные Штаты Америки обещали в том помочь»<sup>47</sup>. В статье «Современная Россия и ее развитие» (1 января 1868 г.) Н.П. Огарев писал: «Сибири в будущем суждено сыграть по отношению к европейской части России ту же роль, которую играют Соединенные Штаты по отношению к Англии, т. е. пойти путем самостоятельного развития»<sup>48</sup>. В записке, составленной в III отделении, о политических настроениях сибиряков (21 февраля 1866 г.) отмечалось: «Открытые в Сибири заговорщики имели целью распространение нигилизма и отделение Сибири, корни их заговора пушены глубоко; в нем участвуют служащие по Министерству народного просвещения, чиновники, даже купечество и золотопромышленники...»<sup>49</sup> «Московские ведомости» периодически запугивали правительство возможным восстанием, польской интригой и объявлением независимости Сибири. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова «Сибирь и Россия», заменяя их словами «Сибирь и Европейская Россия», вместо «сибиряки» требовал писать «уроженцы Сибири». Когда в начале 1880-х гг. Н.М. Ядринцев задумал издавать газету и намеревался ей дать название «Сибирское обозрение», то поддерживавший его П.П. Семенов-Тянь-Шанский предложил, чтобы не раздражать чиновников, менее вызывающее название — «Восточное обозрение». Иначе, опасался он, «это будет пахнуть сепаратизмом»<sup>50</sup>. Подобные настроения создавали определенный фон для общественного мнения как в столице, так и в Сибири, оказывали влияние на правительственную концепцию Сибири.

Когда к рубежу XIX—XX вв. процесс хозяйственного освоения Сибири заметно ускорился, это, в свою очередь, заметно обострило отношения центра и сибирского региона, вывело из латентного состояния проблемы не только экономические, но и политические, привело к дальнейшему увеличению государственных

расходов, росту дефицита сибирского бюджета. Посыпались обвинения, что Сибирь живет за счет остальной России. Заговорили о невыгодности окраин, тяжести затрат на их нужды из государственного бюджета. Редактор «Гражданина» кн. В.П. Мещерский демонстративно заявлял, что «один Невский проспект по крайней мере в пять раз ценнее всей Сибири»<sup>51</sup>. Это было напрямую связано с так называемой проблемой «оскудения центра». «Санкт-Петербургские ведомости» в сентябре 1900 г. отмечали, что все более и более явной становится борьба центра с окраинами на экономической почве, первому кажется, «что его во всем обходят и дают предпочтении окраинам в ущерб его интересам». Давление на правительство справа нарастало. Огромные затраты на строительство Сибирской железной дороги, переселенческое движение крестьян вызвали ожесточенную критику со стороны дворян-землевладельцев. Они требовали перераспределения расходов между окраинами и центром для поддержки последнего. Затраты на железнодорожное строительство в Сибири российским централизованным представителям представлялись неоправданно высокими. В харьковском уездном комитете Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности кн. А.Д. Голицын заявлял, что правительство тратит огромные суммы на железнодорожное строительство в Сибири, тогда как в самой России состояние путей сообщения совершенно неудовлетворительное<sup>52</sup>. Редактор «Нового времени» А.С. Суворин писал о том, что «пора оставить рубль в хозяйстве русского человека, а не вынимать его из этого хозяйства на необъятные горизонты»<sup>53</sup>. Помещики опасались оттока из центральных губерний на окраины дешевых рабочих рук. В качестве аргумента выдвигалось утверждение, что снижение плотности населения окажет сдерживающее влияние на экономическое и культурное развитие всей страны. В.П. Мещерский доказывал, что прежде, чем вкладывать в Сибирь огромные средства, ее необходимо «ассенизировать», избавить край от ссыльных и каторжных, которые «гуляют взад и вперед по Сибири вольными казаками». Поэтому со строительством дороги для «соединения этой громадной людской клоаки» с Европой пока лучше подождать. Полковник Генерального штаба Н.А. Волошинов писал в 1889 г.: «Триста слишком лет Сибирь считается покоренной русскими, но владеет ли ею Россия? Принадлежит ли на самом деле Сибирь русскому народу и русскому государству? Пользуется ли этим громадным пространством своих владений стомиллионный русский народ или им владеют и

извлекают из него выгоды несколько тысяч заброшенных туда выходцев, назвавших себя “сибиряками” и готовых забыть, что они русские...»<sup>54</sup>

Особенно отчетливо расхождение экономических интересов центра и региона проявлялось в вопросах колонизации, свободы торговли — как внутренней, так и внешней (КВЖД, porto-franco дальневосточных портов и устьев сибирских рек, «Челябинский тариф» и т.д.), а также при распределении бюджетных средств в пользу окраин. Серьезные разногласия возникали и в вопросе об определении характера развития промышленности, направлении транспортных артерий. Сибирская общественность активно сопротивлялась превращению региона в сырьевой придаток центра, призывала освободиться от «московского мануфактурного ига». Вызывало недовольство и то, что ряд реформ (прежде всего судебная и земская), осуществленных в Европейской России, не были распространены на азиатские окраины. Сибирь и Дальний Восток долгие годы оставались местом уголовной и политической ссылки. Высказывались обвинения, что метрополия высасывает не только материальные, но и духовные силы периферии, централизовав всю научную деятельность и систему высшего образования. Существовали серьезные расхождения во взглядах на цели и задачи крестьянского переселения («расселение» или «заселение»). Собственно сибирские или дальневосточные нужды чаще всего отодвигались на второй план и приносились в жертву интересам имперской политики.

Стихийно присоединенное «баснословное пространство» (определение Ф. Броделя) Сибири осваивалось чрезвычайно медленно, что предоставило самодержавию время «мало-помалу принять свои предосторожности, навязать свой контроль, разместить казацьи отряды и своих чиновников, активных, даже если и склонных к казнокрадству». Сибирь не могла «ускользнуть» от России уже в силу своей экономической отсталости и почти автаркического положения многих ее областей. Сибирь, в отличие от Канады, надолго застряла на первоначальной стадии хозяйственного освоения. Сибирский регион почти на всем протяжении XIX в. не стал ни объектом мощного колонизационного движения, ни источником сырья для российской промышленности, ни заметным рынком сбыта для мануфактур и фабрик центральной части страны. Вплоть до строительства Сибирской железной дороги с экономической точки зрения, как резко выразился один из современников, Сибирь оставалась большим «географическим трупом»<sup>55</sup>. Смысл правитель-

ственной политики долгое время сводился к тому, чтобы побольше взять и поменьше дать. Помимо организации сбора податей, пошлин и ясака правительство интересовало лишь вопросы безопасности, ограждения Сибири от посягательств внешних и внутренних конкурентов. Военно-административные и фискальные цели до конца XIX в. превалировали в сибирском управлении. Сибирь долгое время была привлекательна только для небольшой социальной группы людей в центре. Наибольший же интерес гнезвился в спонтанном понимании стратегических экономико-политических возможностей этой потенциально богатой периферии империи. Самодержавие не умело пользоваться Сибирью, как его справедливо упрекали областники, потому что не имело средств для создания дорогостоящего механизма эксплуатации сибирских природных ресурсов. Ему едва хватало средств на присоединение, удержание и управление новыми землями и народами на востоке империи.

Противоречивое и динамичное видение Сибири и Дальнего Востока России, формировавшееся на протяжении XIX — начала XX в. в общественном сознании и воззрениях политиков, во многом определило импульсивность и непоследовательность правительственных действий в регионе, существенно повлияло на имперскую географию власти, породило многочисленные управленческие проблемы в отношениях центра и далекой имперской окраины. Без знания широкого исторического контекста регионального ракурса имперской политики невозможно уловить смысл длительных дебатов внутри правительства о направлении политического курса самодержавия, понять технологию выработки и принятия управленческих решений, содержание многочисленных нереализованных проектов реформ в Сибири.

---

<sup>1</sup> Bassin M. *Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865*. Cambridge, 1999. P. 274.

<sup>2</sup> Бродель Ф. *Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история*. М., 1994. С. 274.

<sup>3</sup> Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение Сибири*. СПб., 1854. Ч. I. С. 1.

<sup>4</sup> Максимов А.Я. *В немшонной стране. (Из воспоминаний) // Исторический вестник*. 1884. № 2. С. 301—302.

<sup>5</sup> Кюнер Н.В. *Лекции по истории и географии Сибири (Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918—1919 гг. / Со-*

ставлен на основании записок слушателей под ред. проф. Н.В. Кюнера. Владивосток, 1919. С. 16.

<sup>6</sup> Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 2. С. 480.

<sup>7</sup> Надеждин Н.И. Опыт исторической географии Русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22, ч. 2. С. 39.

<sup>8</sup> Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 25—26.

<sup>9</sup> Нансен Ф. Страна будущего // Дальний Восток. 1994. № 4/5 С. 185.

<sup>10</sup> Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 280—281.

<sup>11</sup> Прутченко С.М. Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. 1. С. 5—6.

<sup>12</sup> Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 66.

<sup>13</sup> Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 1. С. 110.

<sup>14</sup> Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 334.

<sup>15</sup> Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930. С. 27.

<sup>16</sup> Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 50.

<sup>17</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1589. Оп. 1. Д. 1014. Л. 14.

<sup>18</sup> Зиновьев В.П. «И в Сибири также солнце светит и здесь народ живет...» (Бытовые письма как источник по социальной истории Сибири) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 94. См. также: «Воля только здесь...» // Иртышский вертоград. М., 1998. С. 204—212.

<sup>19</sup> Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869. М., 1947. С. 70.

<sup>20</sup> Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 883. Т. 2. Л. 34—35.

<sup>21</sup> Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 46—47.

<sup>22</sup> Суворов П.П. Записки о прошлом. М., 1898. Ч. 1. С. 140.

<sup>23</sup> Дневник И.А. Шестакова // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 26. Оп. 1. Д. 4. Л. 65.

<sup>24</sup> Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901—1903. СПб., 1905. С. 46, 48.

<sup>25</sup> Гарин-Михайловский Н.Г. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Он же. Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 21—22.

<sup>26</sup> Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 422—423.

<sup>27</sup> Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м., [1894]. Т. 1. С. 116.

<sup>28</sup> Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 327.

<sup>29</sup> Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12, ч. 1. Восточная Сибирь. СПб.; М., 1895. С. XI.

<sup>30</sup> С.М. Лукьянов — П.А. Столыпину (16 янв. 1910 г.) // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 177-6.

<sup>31</sup> *Sunderland W.* The «Colonization Question»: Vision of Colonization in Late Imperial Russia // *Janrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Bd. 48. S. 231. См. также: *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870—1914 гг. // *Российская империя в зарубежной историографии*. М., 2005. С. 199—227.

<sup>32</sup> Путевые письма И.А. Гончарова // *Литературное наследство*. М., 1935. Т. 22/24. С. 423—424.

<sup>33</sup> П.В. Казакевич — М.С. Корсакову (24 июня 1864 г.) // *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)*. Ф. 87. Оп. 1. Д. 287. Л. 29.

<sup>34</sup> *Осокин Г.М.* Московия на Востоке // *Русский разлив*. М., 1996. Т. 2. С. 145.

<sup>35</sup> *Термен А.И.* Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. Пг., 1914. С. 2.

<sup>36</sup> *Термен А.И.* Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 13.

<sup>37</sup> *Куломзин А.Н.* Пережитое // *РГИА*. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107.

<sup>38</sup> *Дух журналов*. 1819. Ч. 32, кн. 3. С. 28.

<sup>39</sup> *Леруа-Болье П.* Колонизация у новейших народов. СПб., 1877. С. 512.

<sup>40</sup> В 1841 г. на страницах журнала «Отечественные записки» Н.Б. Герсегованов писал о полной бесперспективности Сибири, в которой «капиталы, ум и предприимчивость» будут только растрочены понапрасну. Сибирь — бесплодная колония, наподобие датский Исландии. «Сибирь, питаясь соками России, — утверждал он, — сама мало оттого тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы» (*Герсегованов Н.Б.* Замечания о торговых отношениях Сибири к России // *Отечественные записки*. 1841. Т. 14. С. 30.)

<sup>41</sup> *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18089. Л. 1.

<sup>42</sup> *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Биографические материалы по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Хабаровск, 1999. С. 206.

<sup>43</sup> *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. 4. С. 314.

<sup>44</sup> Колокол. М., 1962. Вып. V. С. 1092.

<sup>45</sup> Цит. по: *Лалин Н.А.* Революционно-демократическое движение 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири. Свердловск, 1967. С. 120.

<sup>46</sup> *Кельсиев В.И.* Исповедь // *Архив русской революции*. М., 1991. Т. 11/12. С. 248.

<sup>47</sup> *Сватииков С.Г.* Указ. соч. С. 63—64.

<sup>48</sup> Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1978. С. 16.

<sup>49</sup> *Русско-польские революционные связи*. М.; Wrocław, 1963. Т. 2. С. 567;

Лапин Н.А. Революционно-демократическое движение 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири. С. 125.

<sup>50</sup> Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 39.

<sup>51</sup> Действительно, в конце XIX в. доход в казну в расчете на одного человека в Сибири составлял в среднем 4 руб. 62 коп., тогда как в Московской губернии — 23 руб. 23 коп. (Яснопольский Н.П. О географическом распределении доходов и расходов в России. Киев, 1890. Ч. I. С. 65).

<sup>52</sup> Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 54—55.

<sup>53</sup> Современная летопись // Русский вестник. 1903. № 3. С. 436.

<sup>54</sup> Волошинов Н.А. Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С. 17.

<sup>55</sup> Вельяминов Н.А. Воспоминание об императоре Александре III // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 313.

# КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ XVIII — НАЧАЛА XX в.: ИМПЕРИО- И НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ  
XVIII — НАЧАЛА XX в.: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ.  
КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, что она представляла собой территориальный монолит, и поэтому колонизационное движение из внутренней России не имело характера эмиграции. Империя как бы выростала из исторического процесса «собирания русских земель» и, как писал поэт Велемир Хлебников, «вслед за отходом татарских тревог — это Русь пошла на восток». Западно-европейские переселенцы неизбежно утрачивали связь с метрополией, тогда как сельское население России, как писал чиновник Министерства финансов и член Русского географического общества Ф.Г. Тернер, «не только не разрывало связи со своим отечеством, но служило, напротив того, большему сплочению этих дальних стран с Россиею». Современный британский историк и политолог Д. Ливен заметил: «Русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя?»<sup>1</sup> Российский исследователь Л.Е. Горизонтов видит в русском колонизационном движении перспективу «двойного расширения» Российской империи путем внешнего ее территориального роста, который дополнялся параллельным разрастанием «им-

перского ядра» за счет примыкающих к нему окраин<sup>2</sup>. Имперский проект в Азиатской России предусматривал постепенное поглощение имперским ядром (прежде всего в результате русской крестьянской колонизации) Сибири, Дальнего Востока, а также части Степного края. Это был сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациостроительства, что должно было обеспечить империи большую стабильность и дать ей национальную перспективу.

Таким образом, тема колонизации выходит далеко за рамки хозяйственного освоения Сибири и имеет огромное значение для понимания процессов формирования социокультурного и политического пространства России. Вместе с тем расширение смыслов и приращение эмоциональных коннотаций термина «колонизация» требуют более четкого его определения в конкретно-историческом контексте. Первоначально достаточно узкое толкование ограничивало колонизацию как процесс массового вселения в некультурную (или малокультурную) страну выходцев из цивилизованного государства. В дальнейшем «колонизация по Марксу» получает еще более негативное звучание, связанное с эксплуатацией ресурсов, местного населения, «захватом рынков и дешевой рабочей силы» для получения максимальной прибыли. Колонизация в данном случае рассматривалась в контексте утверждения превосходства, «цивилизованной метрополии» над «некультурной колонией». Близким к такому пониманию колонизации является и понятие «фронтир», введенное в научный обиход американским историком Ф.Д. Тернером<sup>3</sup>. Фронтир как граница, порубежье между цивилизованным и нецивилизованным пространством в условиях Азиатской России приобретал черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько должна была сближать внутреннее и внешнее пространства. Колонизация была направлена на снятие, перенесение границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, на преодоление культурной дистанции.

Российский колонизационный дискурс примерно с середины XIX в. осложняется пересечением понятий «переселение» и «колонизация». Первоначально понятие «колонист» достаточно широко использовалось только в отношении иностранных переселенцев в пределах империи и не переносилось на переселенцев из внутренних губерний. Соответственно различался и характер процессов переселения и колонизации. В первом случае речь шла преимуще-

ственно о сельскохозяйственной миграции в пределах одной государственной территории; во втором — об освоении новой территории и через освоение ее дальнейшая интеграция в пространство империи. Практика синонимичного употребления этих понятий свидетельствовала о совпадении в некоторых случаях переселенческих и колонизационных усилий государства. В. Сандерланд объяснил эти процессы особенностью русской колонизации: «Если российская колонизация и русское переселение равнозначны, это означает, что колонизация в России была не только крестьянской или земледельческой, или домашней, или колониальной проблемами, но всеми этими проблемами вместе. Результатом явилось то, что русские образы колонизации были изначально запутанными»<sup>4</sup>.

## 2.1. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ XVIII — НАЧАЛА XX В.: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Уже с XVII в. миграция населения на окраины постепенно попадает под контроль государства, которое изначально стремилось подчинить ее задачам имперского закрепления новых территорий. Сохранение и усиление крепостного права в центре страны не позволяло государству свободно распоряжаться зависимым крестьянским населением, поэтому подавляющее большинство прибывших в Сибирь в XVIII в. крестьян были беглыми помещичьими или черносочными крестьянами. Общее количество вновь прибывших колонистов («утеклецов») достоверно определить возможно, но существенное увеличение русского населения Сибири, в частности крестьянского, подтверждает постоянный приток неучтенного населения. Вольно-народная колонизация была выгодна государству, поэтому особых мероприятий по выдворению беглых крестьян, как правило, не предпринималось, хотя допускалось принудительное переселение вновь прибывших в районы первой государственной необходимости (в XVIII в. это территории, принадлежащие Кабинету на Алтае, притрактовая полоса в Барабинской степи, Прииртышье (Пресногорьевская, Кузнецкая, Иртышская линии), Забайкалье, Якутско-Охотский тракт). До тех пор пока сохранялось военно-стратегическое значение территорий в Сибири, преобладала так называемая «служилая пашня», обеспечивавшая хлебом местное служилое население (казаки, стрельцы, подьячие, духовенство, дети боярские). Данные категории колонизаторов на раннем

этапе рассматривались государством как наиболее эффективный колониционный материал прежде всего в силу своей многофункциональности. К.Б. Газенвинкель отмечал, что казаки, помимо «основной службы на границе, где им постоянно приходилось отражать набеги немирных туземцев, несли еще всякую другую службу, в том числе посылались для конвоирования транспортов со съестными припасами, за пушечным зельем и оружием; занимали сторожевые посты по многочисленным острожкам и заставам, собирали ясак с инородцев, разведывали “новые земли” и приводили их под высокую царскую руку»<sup>5</sup>. В XVIII в. служилое землепользование утрачивает свое значение на освоенных территориях, смещается на южные и восточные пограничные линии Сибири или переходит в форму держания казенных оброчных статей. Основным фактором вытеснения служилого землевладения стал рост крестьянского населения и отторжение земельных угодий в пользу мелкого крестьянского хозяйства.

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных территорий (трактов и пограничных линий), укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов, используя при этом доступные колониционные элементы: старообрядцев, казаков Донского и Запорожского войск, бессрочно отпускных солдат, ссыльных. Штрафная колонизация активно использовалась правительством в XVIII в. и была главным источником пополнения рабочей силы на заводах и рудниках. Неэффективность принудительной колонизации проявлялась прежде всего в деле земледельческого освоения, так как не учитывалось наличие удобств при водворении переселенцев, выдвигались на первый план государственные надобности (создание этапных линий, заселение трактов и приграничных территорий). Для этих целей все средства казались пригодными, а хозяйственные последствия заселения выглядели не вполне очевидными и обязывающими. Кроме того, постоянно действующим негативным фактором штрафной колонизации было отсутствие стимулов и навыков для хозяйственной деятельности у самих колонизаторов. В 1765 г. сибирский губернатор Д.И. Чичерин в донесении Сенату писал, что безрезультатность правительственных мероприятий по водворению переселенцев связана с их «ленивством», которое «все превозмгло и никакого успеха в том нет»<sup>6</sup>. Тогда же сибирская администрация, признавая негативное влияние ссыльных на нрав-

ственность старожилов, запретила приселять ссыльных к старожильческим деревням, «дабы леностью ссыльных не заражать местное население».

Последним крупным колонизационным проектом XVIII в. стал сенатский указ 1799 г. о населении «Сибирского края, прилежащего к границам китайским». Указом по-прежнему предполагалось принудительное заселение стратегически важных территорий, но в качестве конечной цели планировалось хозяйственное освоение Сибири. Подчеркивалось, что Сибирский край из-за слабой заселенности «не приносит пользы, каковую бы государство от него получить долженствовало». Рост населения в приграничной территории (Байкал, Нерчинск, Кяхта) должен способствовать увеличению доходов от русско-китайской торговли, обеспечить ее обслуживание, привести к появлению суконных фабрик и юфтовых мануфактур. Планировалось переселение первоначально 2 тыс., а затем до 10 тыс. ссыльных. Для переселенцев предполагались льготные условия водворения, в частности наделение каждого 30 десятинами удобной земли. Однако возможность самостоятельно добраться до Восточной Сибири была ограничена, а средства для реализации этой программы были минимальны. Не обеспеченные поддержкой государства «колонизаторы поневоле» вынуждены были содержать себя подаяниями местного населения. Неутешительным итогом данного проекта стало около 600 человек, водворившихся в Забайкалье.

В 1806 г. программа заселения Сибири была пересмотрена. В качестве главной причины неэффективности колонизационных усилий было признано отсутствие надзора и контроля со стороны государства. Новое положение о переселении в Сибирь, учитывая негативный опыт штрафной колонизации, расширило территорию водворения и состав переселенцев. Впервые было разрешено вольным поселенцам из государственных крестьян малоземельных внутренних губерний селиться в Западной Сибири. В Тобольскую и Томскую губернии отправляли в основном государственных крестьян, прибывших по собственному желанию. Они освобождались от уплаты податей и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. До первой жатвы на месте переселенцы получали семена на посев и хлеб или кормовые деньги. По прошествии льготного срока они обязаны были выполнять все подати и выплатить в течение 15 лет полученную от казны ссуду. К 1813 г. в Томскую гу-

бернию прибыли около 16 тыс. переселенцев. В Иркутской губернии расселяли принятых от помещиков крестьян, отставных солдат и ссыльнопоселенцев. Принудительная ссылка давала значительно меньшие результаты. Однако за Байкалом и вокруг него за 1800—1819 гг. было водворено около 8 тыс. ссыльнопоселенцев.

В ноябре 1821 г. М.М. Сперанский внес на рассмотрение Сибирского комитета проект «О позволении переселения в Сибирь государственных крестьян из внутренних губерний, а также в Сибири из одной губернии в другую». В проекте присутствовали те же начала добровольности. Сперанский отмечал двоякую выгоду для государства от добровольных переселений в Сибирь: во-первых, заселение малолюдного края, во-вторых, обеспечение безземельных крестьян. Сибирский комитет одобрил это предложение, и оно было объявлено в именном указе «О разрешении казенным крестьянам всех губерний переселяться в Сибирь и внутри сибирских губерний» (1822 г.). Однако совершенно отказаться от штрафной колонизации государство не смогло, и это нашло отражение в «Уставе о ссыльных» 1822 г. В 30—40-е гг. XIX в. колонизация Сибири попадает в поле зрения различных ведомств: МВД, Министерства финансов, а затем Министерства государственных имуществ (далее — МГИ). До окончательного заселения Причерноморья Сибирь исключалась из районов, которые подпадали под действие правил об общем порядке переселения казенных крестьян, изданных в 1824 и 1831 гг. Эти правила были распространены на Сибирь в 1842 г.

В 1843 г. Государственный совет одобрил дополнительные правила переселения страдающих от недостатка земли государственных крестьян в многоземельные места. Цели переселенческой политики определялись двояко: решение проблемы обезземеливания и продолжение хозяйственного освоения окраин («Чтобы излишние руки в одних местах обратить в другие, к возделыванию пространств, впусе лежащих»). Однако ограничения, сохранявшиеся в отношении некоторых категорий государственных крестьян (семьи с детьми призывного возраста, крестьяне под следствием или судом, крестьяне-мануфактуристы и ремесленники), по-прежнему свидетельствовали о российских, а не сибирских приоритетах в колонизационной политике. Государство, контролируя масштабы переселения, жестко регламентировало его на всех этапах, заботясь о появлении в Сибири состоятельного колонизатора и прочности его водворения. Местные учреждения МГИ должны были контролировать районы выхода и водворения переселенцев, определяя

степень экономической, политической и социальной целесообразности переселения, проводить межевые и землемерные работы, формировать переселенческие партии, следить за использованием ссуд. Государство обеспечивало прибывших жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами, предоставляло трехлетнюю льготу на выплаты податей и 10-летнюю денежную ссуду. При незначительных размерах переселенческого движения государству реально удавалось обеспечивать переселенцев всем необходимым, но льготы привлекали население, и переселение возрастало.

Быстрый рост сельского населения, увеличение производства зерна беспокоили западносибирских чиновников. Узость рынка, отсутствие удобных речных и морских путей для сбыта сельскохозяйственной продукции, малочисленность городского и промышленного населения могли привести к перепроизводству хлеба, снижению цен на него и, как следствие, снижению платежеспособности сибирского крестьянства. Чиновник по особым поручениям ГУЗС Н.Я. Смирнов отмечал в этой связи, что переселение крестьян в Сибирь, вызывая значительные затраты, пользы правительству не принесёт. Переселенцы будут «сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет свою цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?». Поэтому, заключал он, для Сибири еще долго «не нужны попечения правительства об умножении в ней народа извне; это раннее попечение превратит Сибирь, страну богатую, довольную — в нищую». Фискальные аргументы сибирской администрации тем не менее оказывали незначительное влияние на правительственный курс и не смогли сдержать миграционные настроения переселенцев.

Заселение Сибири во второй половине XIX и в начале XX в. все теснее увязывается правительством с разрешением крестьянского вопроса в центре страны. Это убедительно подтверждают события 60—80-х гг. XIX в., когда правительство фактически закрыло наиболее доступные сибирские губернии для переселения. Исключением оставались территории Приамурского края. После реформы 1861 г. крестьяне получили личную свободу, но правительство, ограждая интересы помещиков, продолжало ограничивать право крестьян на переселение. За переселение без разрешения правительства предусматривалось уголовное наказание (от 3 недель до 3 месяцев). По закону 1866 г. отменялись ссуды и льготы для переселенцев из числа государственных крестьян, а само переселение

разрешалось только по приемным документам, что значительно увеличивало материальные затраты переселенцев. Запретительная политика не смогла существенно ограничить переселенческий поток, но привела к развитию самовольных переселений, удельный вес которых увеличился до 80—85%. Именно это обстоятельство вынуждает правительство в 1869, 1871, 1876 гг. предоставить самовольным переселенцам права на водворение. Разработанные и утвержденные в 1881 г. временные правила в большей степени сдерживали, чем поощряли переселение. Так, сами правила имели ограниченное применение и не были даже опубликованы. В стремлении проконтролировать процесс, не допустить стихийного движения крестьян выдача разрешений была обставлена множеством формальностей. Переселенец, решивший получить законные основания для изменения места жительства, должен был получить согласие не только собственной общины, местного начальства, но и двух министерств (МВД и МГИ).

Из стратегических соображений — необходимости освоения и закрепления пограничных окраин — в 1861 и 1866 гг. создаются особые правила заселения Амурского и Южно-Уссурийского края и Приморской области, которые рассматриваются правительством как экспериментальные площадки использования новых технологий колонизации: плановое заселение при полном контроле и инициативе правительства, морские перевозки Добровольного флота, более активное финансовое участие казны, использование при водворении не только общинного, но и подворного (хуторского) хозяйства. Стратегическая колонизационная задача, как ее трактовал заведующий переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе, заключалась в создании полосы казачьих и крестьянских поселений, которые закроют «русской грудью границу», обеспечат коммуникации и станут плацдармом для дальнейшего имперского продвижения, сломив сопротивление укоренившегося уже здесь китайского населения. Добровольный флот за трехлетие 1883—1885 гг. доставил во Владивосток 5780 человек, из них 4683 были перевезены за казенный счет. Привлекательность условий, малые затраты населения, хорошая осведомленность крестьян отдельных внутренних губерний (за счет направления за Урал ходоков) достаточно быстро привели к незапланированному росту переселенческого потока. В середине 1880-х гг. местная администрация совместно с переселенческими чиновниками и земскими организациями вынуждена была проводить авральные мероприятия по задержанию ходоков и

отправке их обратно. При этом чиновники, отвечавшие за водворение переселенцев, отмечали большое значение общинных институтов и навыков коллективного труда «для колонизации чуждого края».

В целом 1880-е годы можно считать подготовительным этапом массовой колонизации, развернувшейся в 90-х гг. XIX в. — начале XX в. В это время государство создает специальную структуру государственных учреждений, в том числе и местного уровня, задача которых заключалась в изучении колонизационной вместимости территорий, образовании переселенческих участков (переселенческие отряды и партии), в ведении систематического учета (регистрационные пункты в Челябинске и Тюмени) и т. д. По приблизительным подсчетам, с 1861 по 1885 г. число переселившихся в Сибирь крестьян составляло около 300 тыс., включая и самовольных переселенцев, которые в это время преобладали. Экономическая состоятельность переселенца обуславливала место его размещения: бывшие крепостные старались водвориться сразу за Уралом, более состоятельные государственные крестьяне, особенно при наличии казенных ссуд, добирались и до Восточной Сибири. Но в целом основная масса переселенцев первой половины XIX в. оседала в Западной Сибири (до 80%).

Новые тенденции в колонизационной политике стали постепенно проявляться с конца 80-х — начала 90-х гг. XIX в. Очередной переселенческий закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» значительно расширил возможности потенциальных переселенцев (освобождение от обязанности брать увольнительные приговоры от общества, уплачивать недоимки, ссуда на продовольствие и обсеменение полей), что вызвало своего рода переселенческий бум. Действие этого закона было ограничено уже в 1892 г. Более долговременные последствия имело создание в 1891 г. Комитета Сибирской железной дороги и выработанные им новые принципы переселенческого движения. Прежде всего было официально признано, что процессы переселения безвредны для экономического развития Центральной России из-за высокого прироста там населения (до 1,5 млн в год). С другой стороны, переселение было признано необходимым для окраин в целях «распространения и упрочения русской народности», а потому самовольное движение не должно было тормозиться административными преследованиями. По мнению вице-председателя комитета Н.Х. Бунге, основополагающим

в колонизационной практике должно стать правительственное воздействие, которое не будет задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, а придаст переселенческому движению правильную организацию. При такой постановке проблемы число самовольных переселенцев начинает постепенно сокращаться (с 80—85% в конце 80-х гг. до 60% в 1894 г. и 26% к началу XX в.). Хотя в абсолютных цифрах оно все еще оставалось значительным. Уменьшение удельного веса самовольных переселенцев было связано с облегчением процедуры получения разрешения (вплоть до отмены предварительного разрешения по закону от 7 декабря 1896 г.), с устранением формальностей, возобновлением правительственных льгот и ссуд. По решению комитета все самовольные переселенцы, прибывшие в Сибирь и Степной край с 1895 г., наделялись казенной землей и всеми правительственными пособиями. В распоряжение комитета был предоставлен особый «фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги», главным образом для нужд колонизации Сибири. Финансовые возможности этого фонда (начальный капитал 14 млн руб., в 1897 г. — дополнительно почти 8 млн, в 1901 г. — свыше 5 млн) в сочетании с регулярными государственными дотациями (3—4 млн руб. в год; в целом же за 11 лет, с 1893 по 1903 г., только на переселенческое дело было израсходовано около 27 млн руб.) позволяли организовать переселенческое движение на новом уровне: значительно расширить фронт землеотводных и ирригационных работ, наладить постоянный статистический учет, создать более действенные организационные структуры, частично компенсировать отсутствие земских учреждений в Сибири во врачебной и продовольственной сферах, в дорожном строительстве. Начиная с закона 6 июня 1904 г. в переселенческом законодательстве доминируют политические аспекты, все более усиливающиеся в годы Первой русской революции и последующей столыпинской реформы. За счет переселения стремились улучшить хозяйственные условия крестьян внутренних губерний и тем самым снизить остроту аграрного кризиса.

Масштабы переселенческого движения в период 1906—1908 гг. превзошли самые смелые ожидания русских ученых-аграриев, которые, определяя дальнейшие перспективы, пытались сопоставить уровень обезземеливания русских крестьян с колонизационной емкостью сибирского региона. После войны и отмены запретительных мер в 1906 г. приток переселенцев составил 220 тыс., в 1907 г. —

383 тыс., не считая 136 тыс. ходоков, а в 1908 г. был достигнут максимум — 700 тыс. человек. После 1910 г. и до начала Первой мировой войны ежегодное число переселенцев колебалось в пределах 250—300 тыс. человек. Всего с 1907 по 1914 г. только в Сибирь переселилось свыше 2,5 млн крестьян. Очевидно, что подобные масштабы переселения не соответствовали реальным возможностям местной администрации обустроить всех вновь прибывших. Обратные переселенцы составляли от 2 до 10%, хотя доля окончательно водворившихся хозяйств увеличилась в 7 раз по сравнению с предшествующими периодами. Основную массу переселенцев дали Центральный, Малороссийский, Новороссийский, Белорусский, Волжский и Юго-Западный районы, на долю которых приходилось 92% всего вновь прибывшего населения. Приоритет российских, преимущественно аграрных интересов прослеживается и в столыпинском аграрном законодательстве. В частности, известный указ 9 ноября 1906 г. о праве выхода крестьян из общины и закреплении земельного надела в частную собственность на Сибирь не распространялся, определяя тем самым роль данного региона исключительно как резерва для малоземельного российского крестьянства. Проводя крупномасштабные землеустроительные мероприятия по отводу участков для переселенцев в спешном порядке, государство неизбежно нарушало права старожилов и инородцев.

В 1906 г. было принято положение «О порядке применения закона 1904 г. о переселении», подтверждавшее принцип свободного переселения из любых местностей Европейской России, были созданы новые переселенческие структуры в центре (Переселенческое управление в ведении Главного управления землеустройства и земледелия), значительно увеличены расходные сметы и штат местных переселенческих организаций. Мероприятия по улучшению организации переселений, усилению попечительных мероприятий отражались на «качестве» колонизаторов. Основное ядро столыпинских переселенцев — это безземельные и малоземельные крестьяне, фактически не имеющие собственных средств и рассчитывающие только на государственную помощь. В условиях сокращения свободного колониционного фонда Сибири, когда доступные и наиболее плодородные участки были уже перенаселены, перед правительством встает проблема привлечения к переселению состоятельного колонизатора, способного к водворению в сложных условиях — пограничных территорий, безводных степей, северных таежных урманов. В 1908 г., еще до известной поездки в Сибирь

П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина (конец августа — начало сентября 1910 г.), в правительственных кругах начинает обсуждаться идея о необходимости уравнивания поземельных прав сибирского крестьянства с российским и, соответственно, распространения на сибирских крестьян общероссийского аграрного законодательства. В итоге законопроект «Положения о поземельном устройстве на казенных землях сибирских губерний и областей» не был утвержден, а сибирские крестьяне так и не получили права собственности на землю. Среди разнообразных причин, по которым проект считался недопустимым, отмечалось, что землеустройство «прикрепит старожила к месту и тем лишит его возможности выполнять свою культурную задачу» по освоению новых территорий. Хотя с 1908 г. сибирским переселенцам начинают отводить земельные участки не только для общинного владения, но и под хутора и отруба. В общинах начинается размежевание земель и передача их в индивидуальное владение, но не принудительно, а добровольно. Процесс ликвидации общинного землевладения в Сибири проходил быстрее, чем в России.

1914—1917 годы можно определить как время подведения итогов и выработки новых (не реализованных на практике) колонизационных проектов, когда массовое переселенческое движение постепенно угасает, а в условиях войны в государственной политике появляется новый объект манипуляций — военнопленные, беженцы и вынужденные переселенцы.

## 2.2. Колонизация Сибири как политический проект

Освоение российских окраин, выбор приоритетных направлений и оптимизация состава переселенцев требовали от государства соответствующего идеологического обоснования. При этом опыт англичан в Северной Америке и Индии, а также собственный опыт в Закавказье заставлял самодержавие с осторожностью относиться к колониальной терминологии и по возможности противопоставлять характер взаимоотношений между центром и окраинами в Российской империи тем отношениям, которые были между метрополиями и колониями европейских держав. В российской имперской политике все большее значение приобретает мнение, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. Крестьянская колонизация становилась одним из

важнейших компонентов имперской политики, а крестьянин рассматривался как эффективный ее проводник. Крестьянская колонизация сознательно определялась как необходимое дополнение военной экспансии. «Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный публицист Ф.М. Уманец, — должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борода должны обязательно следовать за русскими знаменами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»<sup>7</sup>. В решении российской исторической миссии движения на восток Уманец ставил рядом меч и плуг. Таким образом, важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии — последняя оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими<sup>8</sup>.

Экстенсивный характер крестьянского земледелия как бы подталкивал власть к расширению земельной площади, в том числе и созданию земельных запасов впрок, для будущих поколений. П.А. Кропоткин вспоминал, как во время экспедиции 1864 г. в верховья Амура заблистали глаза у казака, увидевшего, насколько хороши там земли: «Тогда мне стало ясно, что рано или поздно, при поддержке русского правительства или без нее, оба берега Амура, куда пустынные, но удобные для колонистов, заселятся русскими»<sup>9</sup>. «Необходимо помнить, — писал уже в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин, — что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры»<sup>10</sup>. Влиятельный в правительственных сферах экономист профессор П.П. Мигулин на страницах газеты «Русь» пытался в начале XX в. описать имперское расширение на Дальнем Востоке в категориях «национального интереса»: «Народ наш, обладающий страстною жаждою к земле, отлично поймет значение захвата таких областей, как Монголия и Маньчжурия, с их обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледелия, и для скотоводства. Но он поймет и значение открытого моря и важность короткого общения (торгового и политического) с восточными народами, живущими в ином, чем мы, климате и производящими предметы нашего широкого потребления (чай, хлопок, пряности, фрукты), без которых мы не можем обойтись... Поймет наш народ

отлично также важность умножения наших золотоносных, железных, нефтяных, медных, каменноугольных и других месторождений, которыми столь обильны спорные области, — поймет и пойдет на их разработку»<sup>11</sup>. Нам нужно только преодолеть страх перед постоянно расширяющимся пространством империи, ибо это, по его мнению, заложено в самой природе русского земледелия, которое при своем экстенсивном характере постоянно подталкивает к расширению государственных границ. Именно это и обусловило стремление русского народа к востоку, потому что народ инстинктивно понимал то, чему учит мировая история, — расширение территории всегда и везде служит источником обогащения государств. Именно русские крестьяне в первую очередь заинтересованы в этом движении, которое идет часто вопреки центральной власти, и, опережая политические действия правительства, они уже начали селиться в Монголии и Маньчжурии. Но и в рассуждениях экономиста П.П. Мигулина было явно больше политической риторики, нежели экономического расчета. Еще в большей степени, нежели Франция, Россия была «обречена расплачиваться за свою огромную территорию, за свой по-крестьянски ненасытный аппетит к приобретению все новых и новых земель»<sup>12</sup>. Мания пространства долгие годы отождествлялась в народном сознании с политическим могуществом империи.

Определив в качестве приоритетного направления колонизации крестьянский (народный) вариант, государство вынуждено было увязывать ее с аграрным вопросом внутренних, малоземельных губерний. Характерно, что правительство только в 1889 г. признает переселение безвредным для экономического развития внутренних губерний России в связи с резким приростом населения (около 1,5 млн в год). Это отражалось как на составе переселенцев, определении мест водворения, типов поселений, размере и характере государственной помощи, так и в целом на качестве и результативности колонизации. Основным (но далеко не единственным) мотивом переселения крестьян в Сибирь было аграрное перенаселение в Европейской России. Подтверждение этому — места выхода переселенцев: центральночерноземные, украинские и средне-волжские губернии (старого заселения), которые давали более 80% всех российских переселенцев. Ориентируясь на такого колонизатора, государство осознавало его экономическую несостоятельность, неспособность самостоятельно добраться до пограничных территорий и водвориться на неосвоенном месте. Переселяя мало-

земельных и безземельных крестьян в Сибирь, государство не только ухудшало экономическое положение Сибири, но и не решало аграрных проблем внутренних губерний. Даже в период наиболее массового переселения в Сибирь в годы столыпинской реформы отток населения не перекрывал естественного прироста<sup>13</sup>.

Слабая обеспеченность переселенцев инвентарем, деньгами, скотом требовала дополнительных государственных затрат. Надежда на поддержку государства превращала переселенца не в предпринимчивого, самостоятельного крестьянина, который ожидался властями, а в иждивенца, «государственного пестуна», у которого отсутствовали трудовой потенциал и хозяйственная мотивация. А.А. Кауфман, по поручению МГИ изучавший состояние старожильческих и переселенческих хозяйств в Сибири, в качестве главного недостатка крестьянской колонизации выделял низкий культурный и нравственный уровень крестьян-переселенцев. «Разнообразные ссуды и льготные проезды, даровые кормежки и прочие блага привлекали не только безземельных, ищущих работу, но и лентяев, развращенных до мозга костей, и пропойц, бывших дома дармоедами, а для окраин, составляющих тягчайшую обузу»<sup>14</sup>. Непрочность водворения российских переселенцев чиновники вполне обоснованно связывали и с объективными факторами (природно-климатические, экономические условия), и с психологическими установками отечественных колонистов. Чиновники прямо обвиняли крестьян в опасной склонности к бродяжничеству, стремлении к постоянному улучшению собственного положения, поиску идеальных условий. «Сказочные поверия о существовании в Сибири небывало богатых краев», постоянно подпитываемые слухами и рекламными изданиями, развивали желание искать лучшего и мешали довольствоваться тем, что они получали первоначально. В результате очередной колонизационный рывок завершался не созданием «сплошного густого русского населения», но, напротив, появлением в Сибири народной массы, «блуждающей по уездам бесцельно и безрезультатно» в поисках земель «около Низации». Крайне низкий уровень агрикультуры российского переселенца при известном консерватизме в хозяйственной сфере усугублял положение в сложных, специфических условиях Сибири, Дальнего Востока или Степного края. Сознвая «негодность российского хозяйства», крестьянин тем не менее с большим трудом отказывался от традиционных приемов обработки пашни или набора зерновых культур, редко использовал приемы хозяйственной

культуры местного населения. Как правило, выходом из данной ситуации была сдача в аренду земель тем же аборигенам, а последствием — превращение российских крестьян-хлеборобов в маленьких помещиков, что, по сути, не входило в планы государства. В конце XIX в. Общеземская организация для оказания медицинской и продовольственной помощи переселенцам Приамурского края, работавшая под руководством Г.Е. Львова, отмечала все те же проблемы, охарактеризовав переселение как «дорогие похороны за счет государства»<sup>15</sup>.

Осознание проблемы неэффективности крестьянской колонизации не приводило к отказу от нее. Более того, на протяжении всего XIX и в начале XX в. именно крестьянство в различных «ипостасях» оставалось для Российской империи основным колонизационным элементом. Промышленное освоение Сибири явно отставало от аграрного.

Наличие крепостного хозяйства во внутренних губерниях, а после его отмены сохранение крупного дворянского землевладения являлось одним из наиболее важных сдерживающих факторов масштабной крестьянской колонизации. Компенсируя ограничения вольно-народной колонизации, государство в XVIII — первой половине XIX в. активно использует штрафную колонизацию для заселения Забайкалья, Сахалина, Якутско-Аянского тракта. Принудительная колонизация еще в большей степени подчеркивала не хозяйственный характер освоения сибирской окраины, а преимущественно военно-стратегический и административный. При создании и заселении важнейших коммуникационных линий, пограничных и спорных территорий изначально слабо учитывались удобства водворения. Несмотря на получаемые ссыльнопоселенцами льготы и привилегии, фактически снимавшие с уголовной и административной ссылки признаки наказания, штрафная колонизация могла только незначительно увеличить население Сибири<sup>16</sup>.

Ссылка в Сибирь по преимуществу рассматривалась правительством и населением как «внутренняя колонизация», «государево дело», в отличие от практиковавшейся на Западе карательной эмиграции из метрополии в колонии. Не случайно даже каторжане Сахалина с гордостью заявляли: «Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет»<sup>17</sup>.

Одновременно с крестьянской колонизацией, а на границах опережая ее, следовала колонизация казачья. Казачьи отряды рассматривались как авангард продвижения в Приамурье, на юге Западной Сибири, Степном крае, т. е. именно в тех случаях, когда крестьянской колонизации было недостаточно, когда хозяйственное освоение сопровождалось угрозой вооруженных столкновений с «дикими и хищными» соседями. Помимо причисления крестьян в состав казачества последнее также численно росло за счет ссыльных (поляков), солдатских детей, отставных солдат и выходцев из «иностранческого» населения. С началом строительства Уссурийской железной дороги вопрос о продолжении казачьей колонизации поднимается в связи с так называемой «желтой опасностью». Местные власти в 1897 г. решительно потребовали усиления казачьего элемента, «дабы там создать железную грудь, о которую разбились бы всякие враждебные попытки желтой азиатской расы». При этом высказывалось пожелание получить «трудолюбивые элементы, одинаково пригодные как для отпора неприятелю, так и для тяжелого земледельческого труда в диких, не тронутых культурой местах». Предпринятая попытка массового переселения донских казаков была признана неудачной из-за сложных природно-климатических условий, к которым «военные колонизаторы» не смогли адаптироваться.

Критическое отношение к казачьей колонизации нарастало по мере ослабления непосредственной военной угрозы на приграничных территориях и понимания опасности экономического проникновения представителей «желтой расы». Крупное казачье землевладение было признано менее эффективным средством колонизации по сравнению с крестьянским переселением. Будучи состоятельными колонизаторами, казаки предпочитали не земледельческую деятельность, а торгово-предпринимательскую. При этом казачьи земли становились объектом купли-продажи и аренды для тех лиц, которые в этом контексте однозначно негативно оценивались государством (корейцы, китайцы и европейские колонисты). В 1903 г. Омский сельскохозяйственный комитет констатировал «факт полной запущенности казачьего хозяйства при изобилии годных под культуру земель». Казаки в редких случаях занимались сельским хозяйством, предпочитая сдавать землю в аренду или обрабатывать ее дешевым трудом киргизов (казахов). Одна из комиссий по казачьему вопросу даже подчеркивала, что «киргизы приносят большой вред казачеству, приучая станичников своим

даровым трудом к лени». Но, несмотря на использование дешевой рабочей силы, у казаков обрабатывалось лишь 5% земли, находящейся в их владении<sup>18</sup>.

Государство становилось своеобразным заложником «наличного» колониционного элемента, слабости и недостатка которого были вполне очевидны, что отражалось в постоянном поиске дополнительных (альтернативных) сил. На протяжении всего периода государство постоянно возвращалось к идее привлечения российского дворянства для колонизации сибирской окраины. Развитие крупного помещичьего хозяйства предполагало не только более высокий агротехнический потенциал, финансовую обеспеченность, не требующую дополнительных затрат со стороны казны, но и распространение на Сибирь «исконно русских начал», создание прочной социальной опоры государственной власти на окраине, привлечение чиновников на сибирскую службу.

В проектах первой половины XIX в. допускалось распространение не только дворянского частного землевладения, но и в облегченной форме крепостного права. Дворянская колонизация рассматривалась и в связи с необходимостью укрепления оборонноспособности российских границ. Так, в проекте титулярного советника Л. Похилевича предлагалось для решения проблемы дворянского малоземелья переселять не занятых на государственной службе дворян Европейской России, Польши и Финляндии на сибирские границы, «устраивая из них военные поселения»<sup>19</sup>. Дворянам следовало предоставлять в полную и потомственную собственность до 300 десятин земли с обязательством за «этот подарок» нести воинскую службу для защиты этих стран от внешних неприятелей, с правом водворять крестившихся инородцев. Во II Сибирском комитете необходимость распространения на Сибирь частного дворянского землевладения мотивировалась развитием края в соответствии с «потребностями русской жизни и сообразно с монархизмом», а также расширением в среде сибирского населения образованных и «верных слуг престола, безусловных исполнителей воли монаршей».

После отмены крепостного права в России развитие частного землевладения на окраинах не связывалось только с дворянским сословием и не предполагало распространение несвободного труда. Учитывая опыт колонизации Америки, Н.Н. Муравьев-Амурский предлагал при заселении Приморья и Приамурья передавать землю в частную собственность. «Отважного и предприимчивого

янки» Сибирский комитет не поддержал, так как еще не окончательно были уяснены перспективы экономического освоения данной территории.

К началу XX в. идея привлечения частного капитала развивается уже в принципиально новых условиях. Опираясь на современный опыт Канады и США, имперские сановники все чаще поддерживали идею передачи осваиваемой земли в частную собственность для большей заинтересованности колонизатора и выступали за привлечение частного капитала на условиях концессии. При этом крупное землевладение на окраинах уже не рассматривается как однозначно эффективный способ колонизации. Опыт землепользования иностранных колонистов и казаков показывал недостатки крупных земельных владений, которые не обрабатывались колонистами самостоятельно, а сдавались в аренду или «лежали втуне». Особенно опасной тенденцией для государства было создание крупного частного землевладения иностранных колонистов, в частности немцев, на купленных или арендованных казачьих и казенных землях в приграничных районах Степного края. Участки вышедших на пенсию казачьих офицеров передавались им в собственность вместо пенсии и, как следствие, становились объектом купли-продажи. Контролировать этот процесс государство не могло, поэтому наиболее развитые в хозяйственном отношении территории, обеспеченные рынками сбыта и развитыми коммуникационными связями, оказывались в руках колонистов неправославного вероисповедания и неславянского происхождения, а в некоторых случаях и не российских подданных. Принятый в 1901 г. закон об отводе частным лицам казенных земель Сибири разрешал приобретение земельных участков лицам всех сословий, за исключением «инородцев» и евреев. Несмотря на предоставленные российскому дворянству исключительные льготы, закон фактически не был реализован, и желающих вкладывать капитал в развитие сибирских окраин среди «коренного русского населения» не нашлось.

С последней трети XVIII в. на слабо заселенных окраинах правительство активно использовало иностранных колонистов. Первоначально они осваивали территории Причерноморья, Приазовья, Бессарабии, Поволжья, Украины, и только с 70-х гг. XIX в. начинается период вторичной миграции иностранных колонистов из зон плотного заселения на Северный Кавказ, в Оренбургскую губернию, Степной край, Среднюю Азию, Сибирь и на Дальний Восток. Привлекаются при этом колонисты-сектанты (в частности,

менониты), затем католики и лютеране. Иностранная колонизация гарантировала окраинам рациональное и высокопродуктивное земледелие, успешное промышленное предпринимательство, создание образцовых ферм. Для привлечения иностранных колонистов правительство создавало льготные условия, отраженные еще в манифесте 1763 г. и положениях 1787 г., которые гарантировали право приписываться к любому податному сословию или купечеству, селиться, где будет удобно, сохранять собственную веру, с разрешением отправления всех обрядов, строительства церквей, а также освобождение от всех податей и повинностей, включая рекрутскую, на срок от 10 до 30 лет, сохранение внутренней юрисдикции. Помимо расширенных прав государство оказывало помощь и при водворении: предоставляло земли (на каждую семью 30 десятин в наследственное владение на вечные времена), беспроцентную ссуду на 10 лет для обзаведения домом, рабочим скотом, инструментами (500 руб.). При создании мануфактур и фабрик иностранным колонистам гарантировалась продажа товаров без пошлин. На окраинах с преобладающим мусульманским и языческим населением колонистам разрешалось распространять собственную веру и принимать в свое общество сменивших вероисповедание, а также покупать невольников нехристианской веры<sup>20</sup>. Широта дарованных прав была обусловлена геополитическими интересами государства, стремлением закрепить пришлое население, стабилизировать ситуацию, поддерживая верноподданнические чувства новых россиян.

Не все надежды, возлагавшиеся государством на иностранных колонистов («цивилизованных национальностей нерусского корня»), сбылись: постепенно открывались и негативные стороны, которые порождали фобии в обществе и во властных структурах. Настороженное отношение к иностранным колонистам на западных и южных окраинах было связано с их успешной конкуренцией «русскому элементу». Кроме того, при этническом и конфессиональном своеобразии иностранных колонистов поощрение их локальной замкнутости противоречило обрусительной политике на окраинах.

Изменение отношения к иностранным колонистам в Сибири прослеживается с конца XIX в., в условиях вторичной миграции собственных внутренних колонистов и изменения географии переселенческого движения. В 1889 г. новым положением «О переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» государство фактически впервые признало переселение не только выгодным

для Сибири и ее промышленного развития, но и безвредным для экономического развития Центральной России. Дарование в связи с этим новых экономических льгот (например, возможность перекладывать недоимки на общество, отмена увольнительных приговоров) резко увеличило численность российских переселенцев — с 30 тыс. в 80-е гг. до 70 тыс. в 90-е гг. (среднегодового прироста). На общих основаниях в качестве российских переселенцев на казенные земли Сибири и кабинетские земли Алтая водворялись и немецкие колонисты, оставив свои колонии на Волге, Украине, Северном Кавказе, в Крыму и других районах Европейской России<sup>21</sup>.

Принятие запретительных правил для иностранных колонистов западных окраин отразилось и на положении колонистов Сибири, Степного края, Приморья и Приамурья. Для иностранных колонистов, не имеющих российского подданства, не допускалось переселение в приграничные районы, для российских же подданных неславянского происхождения, в частности российских немцев, запрещалось не только создавать самостоятельные поселки, но и селиться и арендовать земли на этих территориях. Побывавший в Сибири в 1895 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, обеспокоенный появлением около Омска первых немецких переселенческих поселков и желанием степного генерал-губернатора образовать из них отдельную волость, в своем всеподданнейшем докладе писал: «Необходимо, если вообще допускать их водворение в Сибири, селить их если не в одних селениях с русскими, то, во всяком случае, в пределах одной волости и перемешивать немецкие селения с русскими». Аналогичные идеи высказывались при обследовании переселенческих поселков в северной части Западной Сибири чиновником канцелярии Комитета министров И.В. Сосновским: «Отдавая должную дань культурному значению основанных в Тарских урманах эстонских, латышских и немецких поселков, нельзя в то же время не высказаться против излишнего увлечения “немецкой” колонизацией и, в особенности, против заполнения сплошных районов чуждыми нам по крови и духу элементами, ибо очевидно, что обеспечение последним возможности обособленного устройства в Сибири не может входить в задачи нашей колонизационной политики. О нежелательности — с точки зрения государственных интересов и интересов русских людей — водворения немцев в Сибири писал П.А. Столыпин в 1910 г. А.В. Кривошеину, руководителю Главного управления

землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ). Противоречия государственного законодательства и непоследовательность местной администрации были вызваны, с одной стороны, стремлением привлечь на окраины крепкий, стабильный в экономическом плане элемент, а с другой стороны, нежеланием создавать изолированные нерусские колонии.

К началу Первой мировой войны настороженное отношение властей сменяется достаточно последовательными дискриминационными мероприятиями — запрещением водворяться на определенных территориях (Петропавловский, Омский, Кокчетавский уезды Акмолинской области, Семипалатинская область), куда стремились русские и украинские переселенцы, способные «обрусить» казахские земли. Открытыми для иностранных колонистов оставались лишь участки с особо сложными климатическими и экономическими условиями (например, южные районы Акмолинской области, таежные урманы Тарского уезда и др.). Изначально экономическая мотивация — лучшая обеспеченность немецких переселенцев землей в Европейской части России — сменяется откровенно шовинистическими идеями «немецкого засилья», «тлетворного влияния сектантов».

Негативное отношение к иностранным колонистам не распространялось на славян — западных и православных. Понимание русскости местные власти пытались расширить, включая в него не только великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще все славянское население. Обосновывая свое предложение в середине XIX в. о переселении на Амур чехов, Муравьев-Амурский отмечал: «Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользою русского населения. Передадут свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, — в России же должно быть напротив»<sup>22</sup>. Известный славист А.Ф. Гильфердинг писал, что западные славяне будут на Амуре гораздо лучшими колонистами, чем немцы, которые останутся «чуждыми русскому народу» и неизвестно как себя поведут во время вражеского нашествия. «Славянин же, — утверждал он, — смотрит на Россию как на родную землю и охотнее поедет в русские владения, чем куда бы то ни было. Немец не скоро научится по-русски и будет всегда держать себя в исключительном положении; чех, моравец, словенец, словак через месяц заговорят по-русски, а де-

тей их от русских вы не отличите»<sup>23</sup>. Но в деле с переселением «чехо-славян» политические опасения перевесили славянофильскую аргументацию, несмотря на положительное решение вопроса царем. Вспомнили о том, что чехи католики, а недавние польские события показали, что, «несмотря на одноплеменность рас, католичество кладет непреодолимую преграду сближению»<sup>24</sup>.

Насаждение православия, будучи одним из доминирующих принципов политики на западных окраинах, на востоке зачастую вступало в противоречие с задачами прочной колонизации и русификации. Власти не могли не учитывать высокой степени устойчивости русских старообрядцев и духоборов к воздействию иноэтнической среды, сохранения ими русскости при отдаленности от русских культурных центров, хозяйственной предприимчивости и самостоятельности<sup>25</sup>. В отличие от приверженцев официальной церкви, старообрядцы на местах водворения создавали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. И именно это обстоятельство наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей делало старообрядцев весьма подходящей категорией населения для исполнения роли пионеров фронта. Несмотря на антигосударственные настроения, старообрядцы стихийно закладывали основу российской государственности.

Дискриминационные мероприятия в отношении старообрядцев (двойной оклад до 1782 г., запрещение выбирать в крестьянскую администрацию лиц неправославного вероисповедания до 1883 г.) сохраняли свою силу и действенность на уже освоенных и плотно заселенных территориях в борьбе с пропагандой «лжеучений». Там же, где на первый план выдвигались задачи колонизации, местные власти не только активно привлекали староверов для первичного освоения самых сложных участков, но и намеренно подсаляли («подсыпали») к ним православных<sup>26</sup>. Последствия подобного объединения были легко предсказуемы: староверы отправлялись «в глубь первобытных лесов, в уединение, никем и ничем не нарушаемые», что полностью совпадало с планами администраторов расширить географию русской колонизации.

На рубеже XIX—XX вв. появляются проекты заселения старообрядцами и русскими сектантами Дальнего Востока и Маньчжурии. После принятия законов о веротерпимости в 1905—1906 гг. на Дальний Восток переселилось около 3 тыс. австрийских и румынских старообрядцев. Проблемы данной категории переселенцев

(включая финансовую поддержку, организационные моменты переселения и водворения) обсуждались на заседаниях Совета Всероссийского съезда старообрядцев.

### 2.3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СИБИРИ: «ПРОЕКТ БОЛЬШОЙ РУССКОЙ НАЦИИ» И СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает осознанно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами. Однако предполагалось, что эти окраины со временем способны обрести и слиться с сердцевинной империи, ее внутренними губерниями, населенными русскими. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало условия для расширения этнического ареала расселения русских.

Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения или, как в случае Приамурья и Приморья, на территориях, которым угрожала извне демографическая и экономическая экспансия. Внимание имперских политиков и идеологов в условиях изменившегося характера войн, которые перестали быть династическими или колониальными и превратились в национальные, устремляется на географию «племенного состава» империи. Народы империи начинают разделяться по степени благонадежности, принцип имперской верно-

подданности этнических элит стремились дополнить более широким чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разбавить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать превентивными мерами инонациональную угрозу как внутри, так и извне империи.

Империя направляет на свои восточные окраины русских переселенцев, которые сознают себя там передовым форпостом России, что усиливает их национальную идентичность. Русские крестьяне здесь сильнее, нежели в центре страны, отождествляют себя с Русским государством, которое их защищает и которое они также призваны защитить.

Успешность интеграционных процессов на востоке империи в начале XX в. бывший военный министр А.Н. Куропаткин призвал оценивать с точки зрения заселения «русским племенем», разделив территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могли быть признаны «краем великорусским и православным», то в третьем районе, который тоже уже стал русским, этот процесс еще не завершился и представляет серьезные опасения в Амурской и Приморской областях ввиду усиливающейся миграции китайцев и корейцев. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенно восточных ее местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях<sup>27</sup>.

Территория за Уралом виделась уже не просто земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого западного врага. Бывший декабрист Д.И. Завалишин отмечал в 1864 г., что всякий раз, когда Россия волею или неволею обращалась к национальной политике, она принималась думать о Сибири<sup>28</sup>. Поэтому, подчеркивал он, так важно, чтобы зауральские земли были не просто освоены экономически, но и заселены по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

Н.Н. Муравьев-Амурский на Дальнем Востоке в середине XIX в. продолжал действовать в рамках прежней российской колонизационной стратегии, призванной демографически закрепить за импе-

рией новые территории, создать военно-административные опорные пункты, устроить коммуникации и военно-хозяйственные казачьи линии. Но в его обосновании необходимости скорейшего заселения приамурских земель появляются уже новые национальные ноты. Ботаник Г.И. Радде вспоминал, что в Муравьев-Амурском «горело желание насадить в необозримых пустынях семя русской культуры»<sup>29</sup>. Единство русского государственного ядра и вновь заселяемых имперских окраин достигалось прежде всего тем, писал в середине XIX в. кяхтинский градоначальник Н.Р. Ребиндер, «что сибиряки сохранили во всей чистоте первобытный русский тип и русские начала. Это служит лучшим залогом единства русских по сю и по ту сторону Урала»<sup>30</sup>. Отправляя на Амур ссыльнопоселенцев, Муравьев напутствовал их: «С Богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...»<sup>31</sup>

Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий настаивал в 1856 г. на необходимости, «как в первые времена заселена была Сибирь», переселить в Приамурский край выходцев из Европейской России, разместить их по почтовому тракту, сознавая при этом, что без насильственных мер не обойтись. Он специально разъяснял важность русского культурного продвижения: «Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем, обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменялось почти одно только место, — а общество, т.е. их соседи, те же, что и были в России»<sup>32</sup>. Определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, Иннокентий отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»<sup>33</sup>.

Однако колонизационные планы Муравьева-Амурского не нашли должной поддержки в Петербурге. Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало ясно после Польского восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено даже приостановить действие в Северо-Западном крае циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.). За Уралом самодержавие отказалось и от крепостнического варианта для закрепления за империей новых земель, когда помещик использовался

в качестве колониционного и культурного элемента, как это было в Поволжье, Новороссии и Западном крае. Но к массовой крестьянской колонизации с запада на восток империи в правительственных кругах относились весь XIX век непоследовательно и с большой осторожностью. Ситуация изменилась только на рубеже XIX—XX вв., когда аграрные беспорядки на юге Европейской России стали внушать властям серьезные опасения.

Приамурье и Приморье по мере освоения их русскими становятся все более привлекательными для корейцев и китайцев, породив новый для российской имперской политики «желтый вопрос». На это указывало восстание так называемых манзовых китайцев в 1868 г., разбойные действия хунхузов; к тому же китайцы фактически не подчинялись русской администрации и суду. Это стало новым мотивом для ускорения заселения Дальнего Востока «русским элементом».

В Комитете Сибирской железной дороги пристально изучали опыт германизации польских провинций, европейской колонизации Северной Америки. Прусский опыт насаждения германского элемента в польских провинциях стал своего рода «путеводною нитью» в переселенческой политике в Сибири. Это прежде всего относилось к планам строительства школ и церквей вдоль железнодорожной магистрали. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 г. указывал на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того, чтобы туда принести свое»<sup>34</sup>. Поэтому нужно снять административные преграды движению крестьян за Урал, так как это может нанести ущерб «великой задаче ближайшего объединения наших Азиатских владений с Европейскою Россиею». Именно русские переселенцы, отмечалось в официальном издании ГУЗиЗ, должны духовно скрепить империю, являясь «живыми и убежденными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все, — в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля, — одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа»<sup>35</sup>.

Железные дороги, это новейшее орудие империализма конца XIX — начала XX в., могли облегчить выполнение исторической миссии русского народа в движении на восток. Транссибирская магистраль должна была стальной полосой приковать «наши великие азиатские владения с их различными неисчерпаемыми ресурсами к центру империи». Министр финансов С.Ю. Витте указывал на изменение геополитического пространства внутри самой империи, отмечая значение «великой колонизаторской способности русского народа, благодаря которой народ этот прошел всю Сибирь от Урала до Тихого океана, подчиняя все народности, но не возбуждая в них вражды, а собирая в одну общую семью народов России». Именно русский крестьянин-переселенец, по его мнению, изменит цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал — в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги»<sup>36</sup>. С колонизацией Сибири он связывал не только экономические, но и политические задачи. Русское население Сибири и Дальнего Востока должно стать оплотом в «неминуемой борьбе с желтой расой». Именно это население даст силы и средства для защиты «интересов империи». Политический смысл крестьянской колонизации Витте разъяснял так: «Для того чтобы в предстоящей в будущем [подчеркнуто Витте. — *авт.*] борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты как своего достоинства, так и интересов империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей». Континентальная концепция Витте основывалась на уверенности в способности крестьян-переселенцев создать на востоке империи прочный экономический и демографический тыл для российских морских торговых и военных портов.

П.А. Столыпин в рамках концепции «единой и неделимой России» призывал крепче стянуть рельсами «державное могущество великой России», а главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин

целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре великой России». В интервью французской газете «Figaro» (4 февраля 1911 г.) он разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи».

В связи с поездкой в Сибирь в 1910 г. П.А. Столыпина бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И.И. Тхоржевский заметил: «По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи». И Столыпин «чувствовал целостность — военную и живую — всего того огромного и пестрого материка, которым была Россия. Тот же Алтай, как и Уссурийский край, связывался живыми человеческими узлами с далекой (и вовсе не самостоятельной — ни тогда, ни теперь) Украиной. Но надо было крепче стянуть — и рельсами! — державное могущество великой России. А для этого одной только Сибирской железной дороги было тогда уже недостаточно. Ведь к ее рельсам только и жалось, довольно узкой полоской, все наше переселение! Помню, как переселенческое управление, после передачи из Министерства внутренних дел в Министерство земледелия, полушутя, полусерьезно, умоляло передать его в Министерство путей сообщения: “Там — наше место”. Так тема земли, — писал Тхоржевский, — связывалась со второй сибирской темой — железной дороги».

Действительно, П.А. Столыпин стремился включить в национальную политику охрану земель на востоке империи от захвата иностранцами, подчинить русской власти сопредельные с Китаем малонаселенные местности, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа». Это значение Сибири и Средней Азии как колыбели, где можно будет вырастить новую сильную Россию и таким образом поддержать хиреющий русский корень, как утверждал один из его близких сотрудников С.Е. Крыжановский, ясно сознавалось Столыпиным, и, останься он у власти, «внимание правительства было бы приковано к этой первостепенной задаче»<sup>37</sup>.

Оторванные от привычной социокультурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденные существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой

Востока (непривычной и привлекательной), славянские переселенцы обостренно ощутили свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемых на их бывшей родине. Русскость не ограничивалась только объединением славянских этносов, но могла включать и другие народы, в известной мере абстрагируясь от принципа «чистоты крови»<sup>38</sup>. В смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересов и формировался на окраинах «здоровый русский тип», который является олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси». И эту начатую инстинктивно работу русского народа идеологи империи призывали продолжить сознательно.

В Сибири шел активный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в «большую русскую нацию»<sup>39</sup>. Украинцы и белорусы сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры, но в условиях Сибири они оказывались рассеянными (хотя и проживали часто отдельными поселениями) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и сибирских и дальневосточных народов. Они селились зачастую в городах, работали на золотых приисках и стройках. В результате они были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. Тогда как в Европейской России шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызывавший у петербургских властей политические опасения, напротив того, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало имперскую администрацию. И как следствие в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами, их поглощение русской нацией представлялось делом времени.

Вопросом, кто такие русские крестьяне, каким народностям они принадлежат, за Уралом задались довольно поздно. Сотрудники Общеземской организации, обследовав в 1909 г. состав дальневосточного населения, установили, что в Амурской области основное ядро его составляют малороссы (40,6%). Другие наиболее значительные группы составляли: тамбовцы (10,3%), могилевцы

(10,1%), забайкальские староверы — «семейские» (5,0%), сибиряки (4,1%), поволжане (3,0%). В Приморской области малороссов было еще больше — не менее 75%. Общеземская организация заключала: «Коренного великорусского населения (а также раскольников Тамбовской губернии и Поволжья, староверов Забайкалья и Сибири) — очень мало. И без большой ошибки можно сказать, что Приморская область представляет вторую Украину со значительной примесью белорусов»<sup>40</sup>. Примечательно, что при группировке населения не существовало единых критериев и этнические признаки смешивались с конфессиональными и региональными.

К концу существования империи русские и украинцы составляли в Сибири и на Дальнем Востоке более 80% населения. Однако их распределение по всей территории было неравномерным. В Приморье с 1858 по 1914 г. прибыло 22 122 крестьянских семьи, из них 69,95% были выходцами из Украины. В Южно-Уссурийском крае этот показатель достигал 81,26% крестьян-переселенцев, тогда как русские составляли 8,32%, а белорусы — 6,8%. Современная же ситуация прямо противоположна: русские составляют 86,8% от числа жителей Приморья, украинцы — 8,2%, белорусы — 0,9%. При этом подчеркивается, что русские сформировались здесь в значительной степени из обрусевших украинцев и белорусов<sup>41</sup>. Население украинских анклавов в Сибири и на Дальнем Востоке России быстро переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание.

Само славянское население Сибири и Дальнего Востока было сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы), конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) признакам, но и по региональным характеристикам мест выселения. Обезжавший в 1896 г. переселенческие поселки Западной Сибири А.Н. Куломзин писал бывшему воспитателю Николая II генералу Г.Г. Даниловичу, что перед ним прошла своеобразная этнографическая выставка «представителей славянского племени и других племен, обитающих в России». К началу XX в. в Сибири сложилось пестрое по своему происхождению русское население: старожилы («сибиряки») и новоселы («русские», «русь»). Чаще всего переселенцев называли по губерниям их прежнего места жительства: «курщина», «тамбовщина», «рязанщина» и т. п. Но переезжавшие за Урал крестьяне формировали не только новые этнокультурные группы, определенные местами их выхода, этнической принадлежностью, конфессиональными различиями, но и

создавали новую общность на основе общерусской культуры и идентичности.

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колониционными задачами и стремлением «сделать край русским». С православным миссионерством успешно конкурировала установка расширительного толкования русскости. Власти не могли не учитывать высокой степени устойчивости русских крестьян старообрядцев и духовоборов к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранения ими русскости при отдаленности от русских культурных центров.

Несмотря на то что старообрядцы в результате многоэтапной миграции на Дальний Восток испытали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, они лучше всего сохранили традиционную культуру русских. Это обстоятельство не могло быть не замечено местными властями, которые, проявляя бóльшую, нежели в центре страны, религиозную терпимость, активно использовали старообрядцев в колониционном закреплении восточных территорий за империей. В начале 1880-х гг. забайкальский военный губернатор Л.И. Ильяшевич даже предлагал использовать забайкальских старообрядцев, «семейских», в качестве проводников имперской политики среди бурят, которых старообрядцы могли приучить к оседлому земледелию<sup>42</sup>.

Терпимость к приверженцам гонимой в Центральной России старой веры на дальневосточных землях проявляли не только представители местной администрации, но и некоторые иерархи Русской православной церкви. Важное значение старообрядцам как наиболее дееспособному колониционному элементу придавал архиепископ Иннокентий<sup>43</sup>. Обеспокоенный последствиями «реактивного воздействия монголо-бурят на некоторую часть русского населения» в Забайкалье, М. Грулев с симпатией писал о «семейских»: «Эта часть русского населения выделяется тем, что вышла совершенно чисто из горнила монголо-бурятского влияния, сохранив в полной неприкосновенности и чистоте все свои этнические особенности, религиозные верования, древнерусский патриархальный образ жизни и любовь исключительно к земледельческому труду»<sup>44</sup>. Если в Петербурге все еще опасались вредного религиозного влияния старообрядцев, то окраинные власти поощряли пе-

реселение старообрядцев, отмечая их высокий колониционный потенциал, ценя их способность хранить «облик чистых великороссов». И хотя правительство, которое заботилось о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения, и старообрядцы, которые стремились найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни, шли разными путями и сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что их сближало. Принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности. В иерархии идентичностей конфессиональный фактор здесь явно уступал национальному. Об особой этнической и конфессиональной толерантности в Сибири вспоминали современники: «Не потому ли, что в те далекие времена эти люди пользовались высшим благом — свободой. А свобода у нас была полная: свобода слова — говори, что хочешь, никто тебе не мешает; свободы печати не было, потому что вообще не было никакой печати. Свобода совести была, в Сибири вообще никто не придавал значения национальности и религии: русский, поляк, немец, раскольник — все равно; лишь был бы он хороший человек»<sup>45</sup>.

Переселенческие общества внутренней Сибири и Дальнего Востока в XIX — начале XX в. имели низкие показатели этнической конфликтности, с тенденцией ее возрастания на фронтальной периферии — на юге Западной Сибири («киргизский вопрос») и юге Дальнего Востока («желтый вопрос»). Хотя Российская империя, а затем и СССР рухнули, однако, отмечает Д. Ливен, новой России удалось вобрать в себя и поглотить в своем «материнском лоне» жемчужину имперской короны — Сибирь и благодаря этому остаться великой державой<sup>46</sup>. Основная в этом заслуга принадлежит русским крестьянам-переселенцам, которые не только скрепили огромное имперское пространство, но и обеспечили перспективу национального строительства России.

---

<sup>1</sup> Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

<sup>2</sup> Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.

<sup>3</sup> Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65 (September). P. 473—511.

<sup>4</sup> Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia. S. 213; Сандерланд В. Империя без империализма // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 459—472.

<sup>5</sup> Газенвинкель К.В. Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 54.

<sup>6</sup> Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т. 4. Приложение № 6. С. 261.

<sup>7</sup> Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.

<sup>8</sup> Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 103. Постановку вопроса о связи строительства империи с русской крестьянской колонизацией см.: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 161—169.

<sup>9</sup> Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 189.

<sup>10</sup> Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 44.

<sup>11</sup> Мигулин П.П. Война и наши финансы // Русь. 1904. 7 (20) авг.

<sup>12</sup> Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. С. 272.

<sup>13</sup> Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. 1906. № 1. С. 112—114.

<sup>14</sup> Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 18; Он же. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 319.

<sup>15</sup> Татищев А. Амурская область в колонизационном отношении // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 182.

<sup>16</sup> Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Тюмень, 2000. С. 174—176.

<sup>17</sup> Миролубов (Ювачев) И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 214.

<sup>18</sup> Сибирский вестник. 1903. 11 февр.

<sup>19</sup> РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 73. Л. 7 об.

<sup>20</sup> Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье // Журнал МВД. 1828. № 4; Благовещенский В. Обзор правительственных мер относительно иностранных поселений в России // Журнал МВД. 1850. № 4.

<sup>21</sup> Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997.

<sup>22</sup> Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 3.

<sup>23</sup> Гильфердинг А.Ф. Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 373—374.

<sup>24</sup> Приморский военный губернатор П.В. Казакевич — генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову (24 июня 1864 г.) // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 287. Л. 25—31.

<sup>25</sup> Дударенок С.М., Сердюк М.Б. Взаимоотношения религиозных конфессий и структур государственной власти на юге Дальнего Востока (1858—1917) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья

в XVII—XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 122—124.

<sup>26</sup> Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 252—253.

<sup>27</sup> Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55—75.

<sup>28</sup> Завалишин Д.И. Письма о Сибири // Московские ведомости. 1864. 24 окт.

<sup>29</sup> Радде Г.И. Автобиография // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 171.

<sup>30</sup> Н.Р. Ребиндер — вел. кн. Константину Николаевичу (1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 11—12; Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 161—162. См. также: Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. № 3.

<sup>31</sup> Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 173.

<sup>32</sup> Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 383.

<sup>33</sup> Там же. С. 382. О православной миссионерской деятельности на Амуре см.: Исаченко Б.А. Православное миссионерство на Амуре во второй половине XIX в. // Вестник Амурского гос. ун-та. 2001. Вып. 12. С. 21—23.

<sup>34</sup> Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 211.

<sup>35</sup> Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.

<sup>36</sup> РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

<sup>37</sup> Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 113.

<sup>38</sup> См., например: Новоселова А.А. Свои среди чужих: иноэтнические компоненты в составе русских Среднего Притарья в конце XIX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 2001. № 6. С. 118—124.

<sup>39</sup> О проекте «большой русской нации» см.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31—41.

<sup>40</sup> Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. М., 1909. С. 717—718.

<sup>41</sup> Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 19—21; Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л., Сисарева Е.П. Русские: этническая гомогенность. М., 1998. С. 11.

<sup>42</sup> Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881—1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. № 1. С. 189.

<sup>43</sup> Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 394—395. Очевидно, это не было исключением в российской имперской политике. Схожий факт, имевший место на западной окраине империи, приводит Л.Е. Горизонтов (*Горизонтов Л.Е. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии* // *Славянский альманах*. 1997. М., 1998. С. 148).

<sup>44</sup> Грулев М. Из прошлого Забайкалья (К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1901. № 4. С. 222—223.

<sup>45</sup> Р.Ф. [Фриессе Р.] Воспоминания о жизни на Амуре // Русская старина. 1907. Т. 130. № 6. С. 650.

<sup>46</sup> Ливен Д. Россия как империя: сравнительная перспектива // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 273.

# АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

СИБИРЬ В ИМПЕРСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ МЕХАНИЗМЕ  
XVIII — НАЧАЛА XIX в.

РЕФОРМЫ М.М. СПЕРАНСКОГО: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ  
ИМПЕРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМ 1822 г.  
И НОВЫЕ ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ

## 3.1. СИБИРЬ В ИМПЕРСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ МЕХАНИЗМЕ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

С о времени образования единого Российского государства в XVI в. территория складывающейся империи непрерывно продвигалась на восток. Анализ правового и конкретно-исторического материала позволяет утверждать, что империя, включая в свой состав то или иное пространство и народы, на нем проживающие, начинала властное освоение, интеграцию прежде всего с политико-административных мероприятий, создания опорных военно-промышленных пунктов и оборонительных рубежей. Решение задачи экономического освоения новых территорий отодвигалось на второй план, но именно ее осуществление должно было в конечном итоге обеспечить выполнение стратегических целей Российского государства на Востоке — превращение вновь присоединенных территорий в Россию. Вот почему на первом этапе интеграции вновь присоединенных территорий преобладали военно-мобилизационные методы и административно-правовая русификация. В период формирования самодержавия властное освоение

новых земель обычно начиналось с образования приказов (дворцов), имеющих четко выраженную областную компетенцию. Таковыми были, например, Тверской и Рязанский дворцы (приказы). Суд, расправу, сбор налогов эти приказы творили только на своей территории. Характерно, что первые областные приказы, управлявшие «внутренними» территориями, не имели регламента, который определял бы структуру и характер деятельности этих учреждений, но основными у них были фискальные функции. Дальнейшая эволюция форм и методов управления окраинами напрямую зависела от стратегических взглядов правительства на перспективы и приоритеты развития этих территорий в составе России.

Наглядным свидетельством эволюции взглядов государственной власти на место новых земель стало изменение названия центральных органов, управлявших Сибирью. Этот процесс в известной мере отразил глубину инкорпорации Сибири в Россию. До конца XVI в. Сибирь находилась в ведении Посольского приказа. Тем самым признавалась как бы незавершенность присоединения этих территорий. Принципиальным рубежом в организации управления сопредельными с иностранными государствами землями стала передача сибирских территорий в ведение Казанского приказа в 1599 г. В системе последнего, в отличие от большинства областных приказов, в то время действовали разрядный, поместный, денежный столы, которые осуществляли свои функции на всех вновь присоединенных восточных территориях государства.

Вторым принципиальным рубежом стало создание в 1637 г. в Москве специального Сибирского приказа, отвечавшего за положение дел во всем Зауралье. Во главе вновь образованного органа были поставлены виднейшие представители московской бюрократии — князя Н.И. Одоевский, А.Н. Трубецкой, И.Б. Репнин и др. Характерно, что Одоевский и Трубецкой до этого руководили приказом Казанского дворца, т.е. имели опыт практической деятельности на Востоке. Сибирский приказ с момента образования имел весьма широкие полномочия — от административно-финансовых до военных и дипломатических. Создание специального Сибирского приказа свидетельствовало об осознании правительством особого самостоятельного значения Сибири для России, об эволюции взглядов московских властей на восточные окраинные земли. На практике это выразилось в смене военно-мобилизационных методов колонизации на политико-административные. По мере продвижения на восток отрядов русских людей на новые территории

постепенно распространялась общероссийская система административного деления и управления. Она учитывала исторические особенности новых территорий и их населения, заметно отличавшихся своей индивидуальностью от исконно русских земель. В учете интересов центральной власти и сибирской периферии выражался политический аспект первых административных мероприятий в крае.

Изменения системы административно-территориального устройства и управления в Сибири в XVII—XVIII вв. определялись общим характером эволюции сословно-представительной монархии к абсолютизму, усилением процесса бюрократизации государства<sup>1</sup>. Основой административного деления Сибири, как и Европейской части страны, стал уезд. Удаленность от центра, другие местные особенности приводили к тому, что реально вся полнота власти в уезде сосредоточивалась в руках воеводы. Формирование уездов шло по мере включения новых территорий в состав Российского государства, что являлось одной из важных особенностей административно-территориального устройства Сибири.

К началу XVII в. окончательно оформился Тобольский разряд (область), в составе которого были Березовский, Верхотурский, Енисейский и другие уезды. В 1629 г. был образован Томский, спустя 10 лет Ленский, а в 1677 г. Енисейский разряды. Тем не менее Тобольск, основанный в 1587 г., сохранил положение главного города Сибири, а правительственные указы требовали от уездных воевод согласовывать свои действия с тобольскими воеводами. Последние были, как правило, родовитыми людьми, что создавало им особый ореол в глазах сибиряков. Так в крае вырабатывалась иерархия соподчинения.

Упрочению местной власти способствовала первая губернская реформа. Среди 8 губерний, образованных Петром I указом от 18 декабря 1708 г., была и Сибирская с центром в Тобольске. Сибирский приказ потерял значение центрального государственного учреждения и превратился в Московскую канцелярию Сибирской губернии. Официальное учреждение губернии состоялось в 1711 г., первым ее губернатором был назначен кн. М.П. Гагарин. Его сибирская карьера окончилась грандиозным сыском, обвинением в злоупотреблениях и публичной казнью.

Сибирский приказ был восстановлен (1730—1763 гг.), и в его компетенцию попало назначение всех сибирских чиновников, кроме губернаторов и вице-губернаторов<sup>2</sup>. Однако из его компетенции

был изъят ряд важных финансовых функций и право самостоятельных дипломатических сношений с сопредельными странами. В этот период правительство особое внимание уделяло вопросам социального состава формирующейся сибирской администрации. Царские указы требовали сибирских воевод выбирать «из знатного шляхетства, добрых и пожиточных и совестных». Воеводами стали назначаться, как правило, лица дворянского происхождения<sup>3</sup>. Поначалу срок службы воеводам определялся в два года, в 1744 г. он был продлен до трех, а в 1760-м — до пяти лет.

Со времени своего восстановления Сибирский приказ не занял центрального положения в решении сибирских дел. Реальная власть в крае все больше концентрировалась в руках губернаторов, которые налаживали непосредственные связи с коллегиями и Сенатом. В 1763 г. Екатерина II особым указом передала Сибирский приказ в ведение консультанта по сибирским делам сенатора Ф.И. Соймонова и приказала ему выразить свое мнение о необходимости этого учреждения. В сентябре 1763 г. сенатор представил на имя императрицы доклад, в котором заявил, что содержание этого органа управления «интересам е. и. в. убыточно, а сибирскому народу отяготительно». Логическим завершением деятельности Соймонова стал указ от 15 декабря 1763 г. об окончательном упразднении Сибирского приказа.

Вместе с этими административными перестройками сузилась и территориальная власть тобольского губернатора. Несколько областей Восточной Сибири получили автономию от старого губернского центра. Дальнейшее продвижение империи на восток приводило к смещению административных приоритетов Петербурга, образованию новых опорных центров в Зауралье. Постепенно таким центром наряду с Тобольском становится Иркутск. Еще в 1736 г. огромная Сибирская губерния была разделена на две не зависящие друг от друга провинции — Тобольскую и Иркутскую. Последняя была передана в прямое ведение Сибирского приказа. Таким образом, было положено деление Сибири на Западную и Восточную. Спустя четыре года права иркутского вице-губернатора были расширены до губернаторских полномочий. Меняется общий статус пограничного города Селенгинска из-за усложнения функций и роста русско-китайской торговли. В 30—60-е гг. XVIII в. основной деятельности сибирской администрации стали «Наказ губернаторам» от 12 сентября 1728 г., а позже «Наставление губернаторам» Екатерины II от 21 апреля 1764 г. Отныне губернатор провозгла-

шался хозяином «вручаемой его смотрению губернии» и обязывался исполнять только указы императрицы и Сената.

На протяжении второй половины XVIII в. несколько раз изменялось административное деление Сибири, в восточной ее части появляются отраслевые учреждения центральных ведомств. В 1764 г. Сибирь была поименована «Сибирским царством», а Иркутск стал центром новой губернии. В 1775 г. Иркутская губерния была разделена на Иркутскую и Удинскую (позже Верхне-Удинскую) провинции. Выделение Забайкалья в особую административную единицу мотивировалось особыми хозяйственно-попечительными заботами.

На рубеже XVIII—XIX вв. административное устройство Сибири определялось «Учреждением о губерниях» 1775 г. По нему сибирское управление получило четырехступенчатую систему. Наверху находилось наместничество (генерал-губернаторство), осуществлявшее высшее руководство и надзор в огромном регионе; губернский уровень во главе с губернатором ведал решением административно-хозяйственных, финансовых и полицейских задач; на сопредельных окраинных территориях обычно образовывались области, отличавшиеся упрощенным набором административных функций и управления; низший уровень был представлен уездным управлением, состоявшим, как правило, из земского суда.

Административной реформой Павла I наместничества были упразднены, а Сибирь разделена на Тобольскую и Иркутскую губернии. Однако с приходом к власти Александра I и началом министерской реформы во внутренней политике правительства возобладали централизаторские мотивы. Непременный совет в июне 1801 г. принял решение о восстановлении генерал-губернаторской власти в империи. В Сибирь отправился сенатор И.О. Селифонтов, которому поручалось разработать проект административных преобразований в крае. Итогом миссии Селифонтова стало образование в 1803 г. единого для всей Сибири генерал-губернаторства с центром в Иркутске. Генерал-губернатор получил специальную, довольно просторную инструкцию, которая предоставляла ему широкие властные полномочия. Это позволило Селифонтову осуществить ряд преобразований, направленных на усиление бюрократического надзора. В 1803—1805 гг. Селифонтов предпринял меры по совершенствованию административной системы края. В их числе — организация в 1803 г. областного управления на Камчатке и предварительного управления в Охотске, учреждение в 1804 г.

Томской губернии, сокращение числа уездов во всех сибирских губерниях, разделение наиболее обширных уездов на комиссарства. Для большей продуктивности в работе было осуществлено слияние казенной палаты с Иркутским губернским правлением, которое отныне подразделялось на две экспедиции — исполнительную и казенную. В первой из них председателем являлся губернатор, а во второй — вице-губернатор. В 1805 г. последовало упразднение Нерчинского гражданского управления с одновременным созданием Якутского областного правления.

Административные преобразования Селифонтова преследовали цель расширить влияние генерал-губернаторской власти на финансово-хозяйственную часть местного управления. Упомянутая инструкция обеспечивала генерал-губернатору широкие полномочия и в кадровой политике. Ему предоставлялось право назначать и смещать чиновников (за исключением губернаторов, вице-губернаторов и начальников палат) и «ссылать их в отдаленнейшие места». Селифонтов активно использовал эти полномочия в целях «улучшения» состава местной администрации. Всего за время его правления в Иркутске сменилось шесть губернаторов, а нескольких губернаторов он отдал под суд. По отзывам современников, Селифонтов «явился как вице-рой; все пало ниц и безмолвствовало». Однако постепенно в местном обществе зародилась мощная оппозиция генерал-губернатору, основу которой составили купцы и местная чиновничья элита. Основным и, пожалуй, единственным средством борьбы с произволом Селифонтова стал донос. Неизвестно, как бы развивались события дальше, но в мае 1805 г. в Китай из Петербурга было направлено большое посольство во главе с графом Ю.А. Головкиным. Наряду с прочими обязанностями ему поручалось ознакомиться с состоянием дел в губерниях, находящихся по пути его следования. В их числе было и Сибирское генерал-губернаторство. В результате ревизии Селифонтов был отпущен в отставку с запрещением въезда в столицу. Высочайшим указом 3 марта 1806 г. новым сибирским генерал-губернатором был назначен протеже А.А. Аракчеева, тайный советник сенатор И.Б. Пестель<sup>4</sup>. Он всячески пытался отказаться от должности, ссылаясь на множество причин, основанных, как он писал впоследствии, «на личном убеждении и на фактах». Однако истинная причина заключалась в том, что со времени введения Екатериной II наместнического правления все его сибирские предшественники завершали свою карьеру печально — отстранением от должности

и многолетним пребыванием под судом. Пестель опасался, что его постигнет та же участь. Тем не менее он все же принял предложение — ведь это был личный выбор императора, противиться которому Пестель не осмелился.

Новый сибирский генерал-губернатор был, по характеристике министра юстиции И.И. Дмитриева, «человек умный и, вероятно, бескорыстный, но слишком честолюбивый и самовластный», что в полной мере отразилось на его политике в крае. Умело используя личное доверие императора, в качестве первой меры Пестель заменил своими людьми всех сибирских губернаторов. При этом начальником в Иркутскую губернию был назначен исключительно преданный ему Н.И. Трескин. Последний безжалостно преследовал любого, кто пытался встать в оппозицию высшей сибирской бюрократии. Являясь приверженцами аракеевских методов, Пестель и Трескин установили в Сибири режим жестокой регламентации и беспрекословного подчинения местному начальству. Любые проявления самостоятельности, а тем более оппозиции жестоко наказывались. Расправами с иркутянами Пестель обезопасил себя на некоторое время от противодействия купеческой партии. Однако вскоре он натолкнулся на сопротивление министерств в лице их губернских чиновников, недовольных усилением генерал-губернаторской и губернаторской властей.

В противовес ведомственным интересам, Пестель и Трескин попытались подчинить себе все губернские и особые управления — как в порядке надзора, так и в порядке управления, что привело к постоянным конфликтам между ними. В организации хлебозаготовок сталкивались интересы целого ряда министерств — финансов, военного и даже путей сообщения. Трескин, являвшийся фактически генерал-губернатором, требовал от казенной экспедиции абсолютного подчинения и стремился ограничить самостоятельность всех местных учреждений. Не менее сложно складывались отношения Трескина с местными представителями военного и морского ведомств — попытки сибирских властей поставить этих чиновников под генерал-губернаторский контроль вызывали недовольство столичного начальства. Существовали также серьезные разногласия с представителями других ведомств. Подобные ситуации порождались противоречиями, проистекавшими из несогласованности реформ — губернской 1775 г. и министерской 1802 г., что особо ярко проявлялось в специфических условиях Сибири. В то же время каких-либо принципиальных изменений в админист-

ративных учреждениях края в период правления Пестеля не наблюдалось. В феврале 1808 г. на генерал-губернатора были возложены дополнительные функции по обеспечению продовольствием войск в Сибири и на Камчатке; в апреле 1812 г. было упразднено областное управление Камчаткой, а все административные полномочия возложены на особого начальника.

Административные мероприятия Пестеля, в сравнении с его усилиями по борьбе с оппозицией, были столь незначительны, что, по утверждению современников, его деятельность в крае ограничивалась «исключительно преследованием разных личностей», причем поводом для этого служила зачастую личная неприязнь сибирского правителя к тому или иному человеку. Подобные действия Пестеля объясняются вполне прозаично. Он был наслышан о печальной участи своих предшественников и пытался различными способами застраховать себя. Логичным последствием самоуправства высшей сибирской администрации стал увеличивающийся с каждым днем поток жалоб из Сибири от отдельных граждан и целых общественных групп, находившихся в оппозиции к генерал-губернатору.

Непрекращающиеся конфликты различных сибирских властей, жалобы на произвол чиновников стали известны столичному начальству, несмотря на все предосторожности, принятые Пестелем и Трескиным. 10 октября 1813 г. «для рассмотрения поступивших от Сибирского генерал-губернатора представлений по делам тамошнего края» Александр I повелел учредить Комитет по делам Сибирского края. В состав нового комитета под председательством В.П. Кочубея вошли, по оценке Пестеля, его «величайшие враги»: государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен и управляющий делами иностранных исповеданий кн. А.Н. Голицын. Впоследствии в комитете заседали А.С. Шишков и министр полиции А.Д. Балашев. Комитет по делам Сибирского края организовывался при Комитете министров и должен был вносить в него свои решения. Собираясь Комитет нерегулярно, по мере поступления дел, просуществовал он до 4 февраля 1819 г. На его заседаниях рассматривались помимо представлений сибирского генерал-губернатора различного рода жалобы на действия местной администрации. Значительная часть заседаний Комитета была посвящена разногласиям между иркутским губернатором Трескиным и вице-губернатором Левицким по поводу заготовки хлеба. В апреле 1817 г. Александр I хотел отдать под суд Сената томского губернатора Д.В. Илличевс-

кого, а вместо Пестеля назначить генерал-губернатором его соперника командира Отдельного Сибирского корпуса Г.И. Глазенапа. Но Илличевскому и Пестелю при помощи Аракчеева удалось удержаться.

Значительный интерес для понимания формировавшегося в то время нового подхода к административной политике в Сибири представляют два документа: записка министра внутренних дел О.П. Козодавлева и особое мнение председателя Комитета министров П.В. Лопухина. Лопухин, исходя из сложившейся практики, предлагал направить с ревизией в Сибирь двух сенаторов и учредить специально для Сибири уголовный и гражданский департаменты Сената. Но Козодавлев заявил, что направление сенаторов с ревизией в Сибирь не только неудобно, но и совершенно бесполезно. Он осудил стремление бесконтрольно усиливать местную власть, тогда как ее, наоборот, необходимо, не ослабляя, поставить под надзор. Для этого Козодавлев предлагал учредить в самой Сибири Верховный совет в составе чиновников, назначаемых правительством, и членов, избираемых из сибирских жителей разных сословий. Он также планировал, опираясь на опыт остзейских магистратов, усилить в Сибири городское самоуправление, что, по его мнению, принесло бы пользу торговле, промышленности и образованию. При этом министр настаивал на отставке Пестеля и назначении в Сибирь нового генерал-губернатора, очевидно, связывая с этим осуществление своего плана.

В результате к концу второго десятилетия XIX в. правительство пришло к пониманию, что проблемы восточной окраины заключаются не только в личных качествах ее администраторов, но и в самой системе сибирского управления. Вследствие этого Петербург принимает решение о необходимости реформ.

### 3.2. РЕФОРМЫ М.М. СПЕРАНСКОГО: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ИМПЕРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

М.М. Сперанскому, находившемуся в опале и занимавшему скромный пост пензенского губернатора, указом 22 марта 1819 г. одновременно с назначением генерал-губернатором Сибири была поручена ревизия края. Помимо общих тенденций в административной политике были и конкретные причины, вызвавшие реви-

зию Сперанского. Петербург должен был как-то реагировать на непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. Безнаказанность местной администрации подрывала в глазах населения авторитет самодержавной власти, что было чревато социальными конфликтами. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство, административный произвол снижали податные возможности сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб фискальным интересам империи. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Получив назначение, Сперанский отчетливо сознавал, что управлять Сибирью при существующем порядке вещей невозможно. Впрочем, и само царское правительство пришло к пониманию, что улучшение не наступит без изменения системы управления. Ревизия Сперанского отличалась от прочих сенаторских ревизий хорошей организацией. Основная работа была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда Сперанскому удалось привлечь несколько талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист Г.С. Батеньков).

Однако значительную часть работы Сперанскому пришлось проделать самому. Он лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае. Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. Но решимостью карать виновных у Сперанского улетучивалась по мере продвижения на восток. Основная масса злоупотреблений оказалась связана с казенной заготовкой хлеба, распределением земских и волостных повинностей, податей, ясака, управлением торговлей и промышленностью. В итоге — два губернатора (томский и иркутский) и 48 чиновников были отданы под суд, оказались замешанными в противозаконных действиях 681 человек (в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальников»). Сумма взысканий простиралась до трех миллионов рублей. Пестеля же обвинили лишь в том, что он, находясь в Петербурге, передоверил управле-

ние своим подчиненным, и поэтому ограничились удалением его от службы.

Главную причину выявленных злоупотреблений Сперанский видел не только в личных недостатках представителей сибирской администрации, но также в несоответствии образа управления условиям Сибири. Недостатки, заложенные в самом «Учреждении о губерниях» 1775 г., считал он, в Сибири усиливались отсутствием дворянства, большими расстояниями, малочисленностью населения, недостатком чиновников и отсутствием действенного надзора за действиями администрации. В отчете о ревизии специально подчеркивалась необходимость установления законности в сибирском управлении, четкой организации государственного механизма.

По возвращении Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан I Сибирский комитет. Учреждение такого комитета не было принципиально новым явлением в законодательной и административной практике. В этом можно видеть отчасти возврат к опыту Сибирского приказа. Существовала объективная потребность иметь высший орган, который смог бы не только объединить управление Сибирью, но и разгрузить другие высшие государственные учреждения. Однако I Сибирский комитет имел отличия от своего непосредственного предшественника — Комитета по делам Сибирского края: более стабильный состав членов, длительное существование, своя канцелярия, а самое главное — широкие полномочия. На заседании 3 ноября 1821 г. были конкретизированы функции Сибирского комитета: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края. 2) Постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от местных управителей представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство оного в высшем отношении на основании принятых начал». По всем этим вопросам сибирские генерал-губернаторы должны были обращаться непосредственно в Комитет, но в ходе обычного управления сохранялся общий порядок отношений с министерствами. Комитет мог осуществлять координационные функции при определении правительственной политики по отношению к Сибири, ускоряя рассмотрение сибирских дел и в какой-то мере объединяя действия разрозненных ведомств и сибирских генерал-губернаторов. Сибирский комитет не имел регулярных

заседаний и собирался по мере накопления дел. Его положения поступали прямо к царю на утверждение, минуя другие инстанции. I Сибирский комитет действовал до 1838 г. и занимался не только обсуждением реформ, их реализацией, но и многочисленными вопросами текущего управления.

При учреждении I Сибирского комитета его председателем был назначен министр внутренних дел В.П. Кочубей, с давних пор покровительствовавший Сперанскому. Заручившись поддержкой А.Н. Голицына и Кочубея, а самое важное — Аракчеева, Сперанский смог быстро провести через Сибирский комитет свои проекты. За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.) в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»)<sup>5</sup>.

Обсуждение законопроектов, подготовленных Сперанским и его сотрудниками, почти не встретило оппозиции в Сибирском комитете. Исключение составила лишь разработка вопросов, связанных с порядком управления на Алтае. Местное управление Колывано-Воскресенского (с 1834 г. Алтайского) горного округа находилось в ведении Кабинета Е. И. В. и было поручено его канцелярии во главе с начальником горных заводов. Приписное крестьянство находилось в двойной административной зависимости: кроме власти горных чиновников на него распространялась по суду о тяжких преступлениях и по платежу казенных податей власть томского губернского начальства. Сперанский предлагал сблизить положение приписных и государственных крестьян, передав приписных по части суда и полиции из кабинетского в общегосударственное ведомство. Это привело бы к разрушению административной обособленности горного округа и превращению его в органическую часть Томской губернии.

Но данное предложение провести через Сибирский комитет Сперанскому не удалось. Было принято компромиссное решение — соединить должности томского губернатора и начальника горных заводов в одном лице. Кабинету удалось сохранить свое

преимущественное положение, оставив за собой право представлять кандидата на этот пост из генералов корпуса горных инженеров. При таком порядке неизбежно томский губернатор должен был больше внимания уделять горным заводам, чем всем прочим нуждам губернии. По судебным и полицейским делам приписные крестьяне были подчинены губернскому, окружному и волостному управлению, но заводские повинности и хозяйственное управление остались в руках горного начальства. В его ведении сохранялись: сбор податей, земские повинности, рекрутская повинность, продовольственная часть. В 1828 г. для управления Кольвано-Воскресенскими заводами учреждались подчиненные Кабинету горное правление в Барнауле и сеть горных контор на территории округа.

Схожее положение в управлении устанавливалось и в Нерчинском горном округе. В 1830 г. алтайские и нерчинские горные заводы перешли в ведение Министерства финансов, но в начале 1850-х гг., после того как за счет казны их положение несколько выправилось, восстановили прежнее управление Кабинета. Ликвидировать административную обособленность горных округов Сперанскому не удалось, хотя нерчинские заводы и приписанное к ним население уже с 1830 г. находились в главном местном управлении генерал-губернатора Восточной Сибири, а в 1851 г. приписных крестьян перевели в казачье сословие<sup>6</sup>.

Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г. Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири — Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние — на волости и инородческие управы. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионально-го центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышленности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление.

Если задача установления законности в управлении, по мнению Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание

такой административной системы, которая бы смогла сдерживать личный произвол в управлении. Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые бы корректировали действие единоличной власти. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Главные управления должны были осуществлять связь с высшими и центральными государственными учреждениями и являться как бы частью «министерского установления, действующего на месте, и, следовательно, в одинаковом с министерствами отношении» к Сенату<sup>7</sup>. Это была попытка вписать институт генерал-губернаторов в общую министерскую систему. Но стремление не допустить появления между местным и высшим управлениями кроме министерств еще одной инстанции не решалось объявлением генерал-губернатора региональным министром. Почва для конфликтов между министерским и генерал-губернаторским управлениями в Сибири сохранялась и впредь<sup>8</sup>.

Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора. Сперанский первоначально планировал довольно широкий состав Совета, предлагая включить в него представителя Военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав Совета, видимо, показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел. Отказ от выборного начала при формировании сибирских советов разных уровней управления Сперанский объяснял отсутствием в Сибири дворянства и достаточного количества купечества. Последнее утверждение могло проистекать не только из печального положения сибирского городского управления, но и из бюрократического недоверия к местному обществу. Не отказываясь полностью от идеи обществен-

ного представительства, Сперанский писал в отчете по ревизии: «Впрочем, когда Сибирь более будет иметь населения, когда богатства ее придут в большее движение: тогда можно будет составить Совет Главного ее Управления из людей высшего сословия — сие не сделает существенной перемены в предполагаемом ныне Учреждении»<sup>9</sup>.

Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Надзор мог быть двояким, одни дела зависели от непосредственного усмотрения генерал-губернатора, другие должны были предварительно обсуждаться в Совете и затем уже утверждаться генерал-губернатором. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. Очевидно, такая учрежденческая конструкция обеспечивала генерал-губернатору возможность воздействовать на членов Совета. Однако полностью умалять значение Совета было бы неверным. Хотя его постановления не имели обязательной силы, но в случае разногласий между членами Совета или несогласия с решением генерал-губернатора существовало право особого мнения, которое фиксировалось в журнале заседания и сообщалось высшему начальству. Таким образом, закон предоставлял легальную возможность не соглашаться с мнением начальника, и, кроме того, это означало появление официального канала для поступления информации в центр. Существовала помимо этого небольшая категория дел, которые решались Советом самостоятельно по большинству голосов: судебные дела, вносимые в Совет губернаторами в случае их несогласия с постановлениями губернских судов. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Но все это были весьма робкие попытки юридически ограничить произвол генерал-губернаторов. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегияльности в местном управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упраздняялась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной

палаты. Вторым лицом в губернии после губернатора теперь стал председатель губернского правления. Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией.

Частное губернское управление состояло из губернского правления, казенной палаты, губернского суда и прокурора. Губернское правление состояло из особого председателя (чего не было в губерниях Европейской России) и четырех советников, один из которых управлял экспедицией о ссыльных. Согласно штатному расписанию к губернскому правлению в Сибири примыкали приказ общественного призрения, врачебная управа, строительная часть и типография. Губернское правление ведало в основном административно-полицейскими делами, но могло вмешиваться в сферы хозяйства и суда. В руках губернской полиции находились распределение и контроль за исполнением земских повинностей, заведование хлебными магазинами. Казенная палата назначала торги на закупку хлеба, ведала управлением государственными имуществами, распределением земель, их межеванием, сбором налогов, откупам и т.п. Она подчинялась Министерству финансов и уже поэтому могла сохранять некоторую самостоятельность, хотя в Сибири эта независимость от губернатора была меньшей, чем в центральных губерниях. Некоторые хозяйственные дела перешли в ведение губернского правления, а часть их решалась в губернском совете, где губернатор имел первенствующее значение. Структура казенной палаты была несложной, что свидетельствовало о слабом развитии хозяйственной деятельности: председатель, 5 советников, губернский казначей, канцелярия, землемерная и механическая части и архив.

Судебные дела в сибирских губерниях сосредоточивались в общем губернном суде, без разделения на гражданский, уголовный и совестный суды. Общее присутствие губернского суда составляли председатель и 4 советника. Прокурорский надзор в губернии осуществлял губернский прокурор, в помощь которому назначались два стряпчих: по казненным и уголовным делам. Как и в Центральной России, в Сибири суд и прокурорский надзор не были отделены от администрации. Губернатор утверждал приговоры по судебным делам, и если между ним и губернским судом возникало разногласие, то высшей инстанцией выступал не Сенат, а Совет Главного управления. Исключение делалось лишь для дел о лишении гражданских прав, которые вносились прямо в Сенат.

В непосредственной власти губернатора были наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства. Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия их делопроизводства. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствует о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Областные учреждения являлись, по сути, приспособлением губернского управления к местным условиям. Подобное административное устройство было установлено в Омской и Якутской областях, хотя между ними и были некоторые различия. В число учреждений Омского областного управления входили областной начальник, областной совет (из председателей частных областных управлений), областное правление (исполнительная и казенная экспедиция), областной суд и областной прокурор. Омский областной начальник соединял функции гражданского губернатора и командира Сибирской казачьей линии. В областном совете кроме начальников гражданских ведомств заседали казачий атаман, командир инженерных войск и обер-аудитор. Если состав учреждений Омской области приближался к губернскому уровню, то в Якутской области их число было меньшим, что напоминало окружное управление. Якутское областное управление состояло из областного начальника, областного правления (3 советника, канцелярия и архив), медицинской и землемерной частей и стряпчего.

Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от численности населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений. Окружное управление, как и губернское, делилось на общее и частное. Состав общего окружного управления включал окружного начальника и окружной совет из глав местного частного городского и окружного управлений, стряпчего и канцелярии. Окружному совету поручался общий надзор и особые меры управления, требующие содействия всех учреждений округа. К числу таковых дел отнесли: общую проверку казенных сумм и имущества, ревизию недоимок, составление списка справочных цен, распорядок волостных и земских повинностей и т. п.

Частное окружное управление разделялось на четыре основных направления: полиция, хозяйство, суд и надзор, что осуществлялось, соответственно, земским судом, казенным управлением (казначейство, соляное и винное управления, землемерная часть), окружным судом и стряпчим. Земские суды осуществляли непосредственное наблюдение за крестьянским самоуправлением. Кроме того, они доводили до сведения крестьянских выборных начальников постановления властей, принимали экстренные меры в случае бедствия, контролировали состояние хлебных запасных магазинов и т. д. Отличительной чертой сибирских земских судов являлся надзор за ссыльными.

Городское управление включало в себя общую управу (городничий, частные приставы, канцелярия) и частную (частные приставы и квартальные надзиратели, медицинская и строительная части, хозяйственное управление — городская дума, городской суд). Члены городских хозяйственного и судебного установлений служили по выборам и не получали казенного жалованья, но их канцелярии считались на государственной службе, а содержание их относилось на счет городских доходов. В средних по населенности округах не учреждалось общего окружного управления, предусматривался сокращенный состав земских судов, казенного управления, не было должности стряпчего. В городах этой категории устанавливалось лишь полицейское управление: городничий, частная управа, квартальные надзиратели, секретарь и медицинская часть. Хозяйственное управление и суд сосредоточивались в городской ратуше, состоящей из городского судьи, двух заседателей и секретаря. В малолюдных городах положен был только городничий и городской староста. Небольшим был состав государственных служащих и в малолюдных округах: исправник, секретарь и окружной лекарь с учеником.

Камчатское и Охотское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление организовывались на общих началах с окружным управлением. Отличительной чертой Троицкосавского пограничного управления было то, что во главе его стоял пограничный начальник и не создавалось окружного совета. Вместо него учреждалось присутствие пограничного управления, в которое входили заседатели от казачьих подразделений, пограничные приставы и переводчики.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания имперского центра к организации управления на окраинах. По-

явился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от своеобразного «имперского федерализма» до простой деконцентрации административного аппарата. В 1809 г. была дана конституция Финляндии; в 1815 г. — Царству Польскому; автономное управление существовало в 1812—1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Остзейским краем; разрабатывались специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, областью Войска Донского. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который помимо внешнеполитических вопросов занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику в Сибири. Уже в проекте 1809 г. Сперанский отмечал пять областей, где, по его мнению, требовался особый порядок управления. В их числе была и Сибирь<sup>10</sup>. Во время сибирской ревизии ходили даже слухи, что Сперанский намеревается «сделать из Сибири Финляндию»<sup>11</sup>. Управляющий делами I Сибирского комитета Г.С. Батеньков утверждал, что существовала мысль провести реформирование, аналогичное сибирскому, и на других окраинах империи. Сибирь представлялась удобным объектом для законодательного экспериментирования.

Несомненно, сибирская административная реформа 1822 г. явилась важным шагом на пути рационализации местного управления, введения его в правовые рамки. Не случайно многие положения сибирской административной реформы Сперанский затем пытался внести в общероссийское законодательство. «Сибирское учреждение» 1822 г. почти на целое столетие законодательно закрепило управленческую специфику Сибири. 20 мая 1831 г. было подтверждено, что никакой новый закон не распространяется на Сибирь, если в нем об этом специально не указано. Но основная цель Сперанского — установить законность в управлении — оказалась в целом не достигнута. Многие из провозглашенных мер на практике не получили полного воплощения. Упорядочить сибирское законодательство Сперанскому все же удалось. «Сибирское учреждение» 1822 г. можно рассматривать в качестве первого опыта создания своеобразного свода сибирских законов, и в этом отношении сибирская кодификация опередила общероссийскую ровно на десять лет.

### 3.3. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМ 1822 г.

#### И НОВЫЕ ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ

Проведение реформы в жизнь натолкнулось на непонимание, а подчас и откровенное саботирование ее местными чиновниками. Отдельные составные части «Сибирского учреждения» 1822 г. никогда не были осуществлены (например, «Устав о сухопутных сообщениях»). Уже первые преемники Сперанского на посту генерал-губернатора попытались внести свою лепту в модернизацию системы управления восточными окраинами России.

Реальное положение генерал-губернатора в системе сибирского регионального управления второй четверти XIX в. было довольно сложным. Не имевшие опыта гражданского управления, не знакомые с сибирскими условиями, опасаясь чиновных и купеческих интриг, при отсутствии надежной поддержки среди влиятельных людей в столице и в самой Сибири, генерал-губернаторы могли легко стать послушным орудием в руках сибирской бюрократии. В противном же случае, стремясь проявить самостоятельность, генерал-губернаторы быстро наживали себе противников, которые стремились воспользоваться любым удобным поводом, чтобы скомпрометировать в глазах верховной власти неугодного главного начальника края. Поэтому, чтобы удержаться на своем посту, генерал-губернатору приходилось вести борьбу с настоящей или мнимой оппозицией, подавлять всяческое недовольство, искать поддержки у могущественных сановников в Петербурге и лавировать между различными группировками в сибирском обществе. Даже декабристы или представители польской аристократии, оказавшись в ссылке, но сохранив свои связи с могущественными родственниками и друзьями в Петербурге и Москве, могли повлиять на карьеру генерал-губернатора. Весьма показательны, что четверо из семи сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX в. оставили Сибирь не по своей воле, вызвав серьезное недовольство верховной власти. Причины такого исхода крылись не столько в неудачном выборе кандидатов на генерал-губернаторский пост, сколько в серьезных просчетах административной политики самодержавия в Сибири. Жалобы, доносы, сенаторские ревизии оставались долгое время единственными, хотя и малоэффективными, средствами как-то сдерживать генерал-губернаторскую власть в Сибири от сползания в безудержный деспотизм.

Стремление Петербурга унифицировать местное административное устройство, повысить управляемость сибирским регионом из центра, усилить контроль над действиями местных чиновников наталкивалось на сопротивление сибирских генерал-губернаторов, ревниво отстаивавших административную обособленность края. С первых же лет существования «Сибирского учреждения» генерал-губернаторы повели борьбу за расширение своих полномочий за счет не только местных, но и центральных учреждений. Жалобы сибирских генерал-губернаторов на недостаток власти, на ограничение ее центральными ведомствами или местными учреждениями сопровождалась и реальными шагами по расширению генерал-губернаторских полномочий. С 1838 г. западносибирские, а с 1841 г. восточносибирские учебные заведения были подчинены местным генерал-губернаторам. До этого сибирские учебные заведения входили в состав Казанского учебного округа, для надзора за ними в 1821 г. была учреждена должность визитатора, на которую был назначен директор иркутской гимназии П.А. Словцов. В 1828 г. учебные заведения Сибири были подчинены местным губернаторам, получившим права попечителей учебных округов, а звание визитатора было упразднено.

Существенно расширились их права и в хозяйственном управлении. Указом 1830 г. управление Нерчинскими горными заводами передавалось в заведование генерал-губернатора без участия в этом Совета Главного управления Восточной Сибири (ГУВС). В 1833 г. эту меру распространили на солеваренные промыслы. Законом 1831 г. право давать разрешения на частные разработки месторождений металлов и минералов было предоставлено в Восточной Сибири генерал-губернатору, а в Западной Сибири — горному правлению Колывано-Воскресенских заводов. В канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири были учреждены горное отделение и соляное управление. Бурно развивавшаяся во второй четверти XIX в. золотодобыча также оказалась под непосредственным контролем сибирских генерал-губернаторов. Когда в 1847 г. возник проект реорганизации дорожных и строительных комиссий в сибирских губерниях, западносибирский генерал-губернатор тут же заявил о необходимости подчинить их главному местному начальству. Главное управление путей сообщения и публичных зданий, доказывал он, может быть легко введено в заблуждение «сокрытием обстоятельств, коих дознание в Петербурге самой бдительнейшей и строгой проверке недоступно»<sup>12</sup>. Для этой цели предлагалось

учредить особое отделение в Главном управлении Западной Сибири (ГУЗС) с назначением туда штаб-офицера из Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Такое предложение сибирской администрации было учтено законодателем. Хотя нового отделения при Главном управлении не создали, в распоряжение генерал-губернаторов назначили по одному штаб-офицеру Корпуса инженеров путей сообщения со званием и правами члена Совета Главного управления.

В Западной Сибири проблема взаимоотношений военных и гражданских властей была решена путем соединения в одном лице должностей генерал-губернатора и командира Отдельного Сибирского корпуса. В 1834 г. и в Восточной Сибири войска были подчинены новому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Н.С. Сулиме, эти войска считались «командированными» от Отдельного Сибирского корпуса. Сменивший в 1834 г. Сулиму на посту восточносибирского генерал-губернатора С.Б. Броневский вспоминал, что войска в Восточной Сибири только для счета числились в составе Сибирского корпуса, а ответственность и инспекция целиком лежали на нем.

7 декабря 1833 г. Николай I предоставил сибирским генерал-губернаторам право применять смертную казнь только к каторжным, которым за прежнее преступление смертная казнь была заменена каторжными работами<sup>13</sup>. Высочайшими рескриптами 26 декабря 1834 г. и 1 сентября 1837 г. сибирским генерал-губернаторам предоставлялось право «за возмущение и бунт селением или артелью не менее 10 человек против местной власти или караула, со взломом тюрем или с нанесением вреда» предавать ссыльнокаторжных суду по Полевому уголовному уложению, а ссыльнопоселенцев — военному суду по общим угловым законам<sup>14</sup>. Впоследствии полномочия судить по военно-полевым законам были закреплены секретной инструкцией, которая вручалась сибирским генерал-губернаторам при назначении на должность<sup>15</sup>.

Советы Главных управлений в том составе и с тем объемом полномочий, как это было обозначено в «Сибирском учреждении», не смогли серьезно повлиять на генерал-губернаторскую власть. Функции советников, как определял сам Сперанский, ограничивались «советами, когда их спросят»<sup>16</sup>. С.Б. Броневский, характеризуя современный ему состав Совета ГУВС, писал о советниках от министерств, что это «люди престарелые, очень сговорчивы и, кажется, помещены только для пенсионера»<sup>17</sup>. Чиновник по особым

поручениям (впоследствии иркутский губернатор) А.В. Пятницкий в записке «Взгляд на некоторые предметы Управления Восточной Сибири» (1827 г.) писал, что советники от министерств в ГУВС Корюхов, Ланганс и Васильев «заклучают в себе одну только тень совещателей». Советники-производители, назначение которых зависело от генерал-губернатора, являлись начальниками отделений Главного управления, и их функции заключались уже не столько в том, чтобы советовать, сколько в том, чтобы «производить и исполнять». Впрочем, подбор советников-производителей был также малоудовлетворителен. В ГУВС это были люди с неизвестно каким образованием: двое из них начали службу копиистами, а третий прежде служил в канцелярии почтамта. Несколько лучшим был состав советников-производителей в ГУЗС. Но П.М. Капцевич, находившийся постоянно в Омске, забрал советников-производителей с собой, оставив в Тобольске вместо них писцов, которые пользовались всеми правами советников ГУЗС. Если кто-либо из советников проявлял непокорность, то такого неугодного генерал-губернатору «смельчака, как беспокойного, убирали с места»<sup>18</sup>. Не соответствовало формально высокому положению советника Главного управления и жалованье, которое было ниже, чем у председателей губернских ведомственных учреждений. Деятельность Советов Главных управлений обеих частей Сибири демонстрировала, что их зависимость от генерал-губернаторов все возрастала, что было обусловлено не только юридическими нормами, но и складывавшейся практикой назначения советников, распределением дел между Советом и канцелярией генерал-губернатора.

Неясными оставались в «Сибирском учреждении» отношения генерал-губернатора и губернатора. Назначаемые верховной властью губернаторы имели обособленное положение в ведомственной административной иерархии и принадлежали к территориальной сфере управления. Закон не предоставлял генерал-губернаторам права рекомендовать кандидатов на губернаторские посты, что порой порождало конфликтные ситуации. Но это не означало, что генерал-губернаторы не пытались этого делать, используя свои связи и высокое официальное положение.

За тридцать лет после реформы 1822 г. на губернаторских постах в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях побывало 29 человек. Наиболее часто менялись губернаторы в Тобольске, где за этот период сменилось 11 губернаторов, да к тому же с 5 мая 1832 г. по 5 мая 1835 г. эта должность значилась вакант-

ной. Пятеро из тобольских губернаторов (Д.Н. Бантыш-Каменский, В.А. Нагибин, И.Д. Талызин, М.В. Ладыженский, К.К. Энгельке) покинули пост не по своей воле. Как отмечал жандармский подполковник Черкасов 5-й, губернаторская власть в Тобольской губернии была поглощена окружающими генерал-губернатора лицами. В таких условиях губернатор, писал он, «есть только страдательное лицо, не имеющее и тени власти, определенной Сибирским учреждением. Ни один чиновник в губернии не представляет столь разительной противоположности, с одной стороны, по безусловной зависимости, а с другой — по примерной холодности подчиненных мест и лиц, часто переходящей в неповиновение, а потому этот пост сделался столь сомнительным, что в течение последнего двадцатилетия здесь было 9-ть гражданских губернаторов, из коих большая часть сделались или жертвою интриг, или собственной неосторожности с весьма неприятными для них последствиями»<sup>19</sup>.

В отличие от Европейской России, где быстро оформлялась зависимость губернатора от МВД, в Сибири этот процесс затруднялся не только наличием дополнительного звена в управлении — в лице генерал-губернатора, но и особенностями положения самого губернатора. В отличие от великорусских губернаторов, сибирский губернатор был более ограничен в своих правах. Оказавшись без поддержки далеких от Сибири центральных ведомств, без защиты со стороны генерал-губернатора, губернатор был весьма уязвим для интриг, которыми издавна славилось сибирское чиновное общество.

Одним из наиболее запутанных сибирских административных вопросов оставался вопрос об управлении Колывано-Воскресенским горным округом. Недовольные независимым положением горных чиновников и назначаемого из их среды, по представлению Кабинета и Министерства финансов, томского губернатора, западносибирские генерал-губернаторы неоднократно высказывались против административной обособленности горного округа. П.Д. Горчаков, например, в течение нескольких лет конфликтовал с томским губернатором, сначала Н.А. Шленевым, а затем Ф.Ф. Бегером.

Низкой была результативность деятельности и у губернских советов. Объезжавший в 1828 г. сибирские губернии жандармский подполковник А.П. Маслов отмечал, что в Восточной Сибири губернские советы «существуют только на бумаге», увеличивая власть

губернатора и ограждая его коллегиальной формой от ответственности<sup>20</sup>. Фактически губернские советы превратились в губернаторские канцелярии, а сложность делопроизводства при коллегиальном обсуждении дел лишь замедляла и запутывала управление. Невысоко оценивалась эффективность и других губернских учреждений. В «Обзрении главных оснований местного управления Сибири», подготовленном в 1840 г. бывшим управляющим делами Сибирского комитета А.П. Величко, критике подверглись все уровни сибирской административной системы. Он отмечал, что, несмотря на декларацию положения губернатора как «хозяина губернии», его надзор над чиновниками губернских присутственных мест был номинальным. В «Обзрении» специально подчеркивалось неудобство такого положения: «Губернатор был надзирателем порядка в присутственных местах; но все чиновники, к надзору сему определенные, не состояли в его ведомстве, и даже за ним сами надзирали»<sup>21</sup>. В губернском хозяйственном управлении, сосредоточенном в казенной палате, губернатор мог иметь «одно только случайное участие». Сибирский губернатор, в отличие от великорусских, не имел прямой власти над губернским правлением, где был особый председатель.

Сложной была ситуация в низовом звене сибирского государственного управления. Общие окружные управления были установлены только в десяти из сорока сибирских округов<sup>22</sup>. В других же округах продолжали господствовать прежние порядки. Повсеместно установить общий надзор за деятельностью окружных чиновников так и не удалось. Власть исправника оставалась не только преобладающей, но и малоконтролируемой. Сибирские городские казаки, которые находились в ведении местного гражданского начальства, часто использовались не по назначению — в качестве прислуги, на частных работах и т.п. Формализм, запутанность в компетенции губернских учреждений (губернского совета, губернского правления и казенной палаты), недостаток средств, замедленность делопроизводства вели к тому, что окружные и волостные управления оказывались фактически без надзора. Безнаказанность неизбежно умножала злоупотребления. Земские заседатели и исправники, занятые следственными делами по преступлениям, находились в постоянных разъездах, не имея возможности обращать внимание на сельское управление. Поэтому заведование земским судом фактически находилось в руках секретаря<sup>23</sup>. Положение земского суда красноречиво описано в докладной записке омского

земского исправника Евреинова, датированной 16 октября 1851 г. Он сообщал, что при населении округа в 36 тыс. ревизских душ, не считая ссыльно-поселенцев, «которые затрудняют суд в полном смысле этого выражения», омский земский суд для делопроизводства имеет всего лишь секретаря, двух столоначальников, регистратора и одного писца, а часто остается и без последнего. Объем же делопроизводственной работы чрезвычайно велик. С 1848 по 1851 г. было произведено 456 следствий, ежегодно поступает и разрешается в земском суде до 13 тыс. бумаг, не считая отчетов по управлению округа, разных сведений, требуемых начальством, особенно по взысканию недоимок.

Если в великорусских губерниях функции земских судов сократились в связи с образованием учреждений государственных имуществ, то в Сибири они продолжали выполнять распоряжения казенных палат по хозяйственному управлению государственными крестьянами и «иностранцами». Много времени и сил отнимали у сибирских окружных чиновников дела, связанные с устройством переселенцев и ссыльных. По отношению к ссыльным закон предоставлял окружной сибирской администрации более широкие полномочия, чем в отношении прочих жителей. Нарекания со стороны местной администрации и различных ревизоров вызывали окружные советы. В 1838 г. генерал-губернатор П.Д. Горчаков предложил их вовсе упразднить. Поддержал эту идею восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, заинтересованный в упрощении административного аппарата и высвобождении денежных средств. Но и после этого судьба сибирских окружных советов решалась в различных бюрократических инстанциях еще более десяти лет.

Жандармы, занимая в административной иерархии самодержавной России в царствование Николая I особое место, не оставили своим вниманием и Сибирь. Этому способствовало сосредоточение здесь наиболее опасных противников режима — ссыльных декабристов. Политическая и уголовная ссылки, доставлявшие наибольшее беспокойство самодержавию, обусловили отправку в Сибирь жандармских ревизоров, ускорили создание сибирских жандармских органов надзора. В значительной степени задачи жандармского надзора возросли в связи с большим притоком в Сибирь участников Польского восстания 1831 г.

Согласно положению 28 апреля 1827 г., вся территория Российской империи разделялась на жандармские округа и отделения. В

1833 г. был создан VII (а с 1837 г. — VIII) (Сибирский) жандармский округ с центром в Тобольске (с 1839 г. — в Омске). В каждой губернии появился жандармский штаб-офицер с довольно широкими полномочиями. Жандармские офицеры способствовали обнаружению целого ряда случаев вопиющих злоупотреблений и откровенного произвола, творимых сибирской администрацией, через них самодержавие получило дополнительный канал информации о нуждах региона. Жандармы постоянно напоминали самодержавию о язвах сибирского управления, предлагали свои рекомендации по различным вопросам развития Сибири. В этом смысле они, несомненно, смогли привлечь правительственное внимание к «сибирским вопросам». Но, обличая сибирские беспорядки, жандармское ведомство стало проводником явно реакционных мер, направленных к отказу от принципов, заложенных в реформе Сперанского.

Взаимоотношения жандармов с местными властями складывались непросто. Пользуясь своим независимым положением и покровительством III отделения собственной Е.И.В. канцелярии, жандармы на первых порах «совали повсюду свой нос». В жандармских рапортах «невзирая на лица» давались характеристики не только мелких сибирских служащих, но и губернаторов и генерал-губернаторов. Наглядно это проявилось в столкновении жандармского полковника А.П. Маслова с западносибирским генерал-губернатором И.А. Вельяминовым. Известная отчужденность от сибирского общества, высокомерное отношение к низкопородным местным чиновникам — все это приводило жандармов не только к контактам с декабристами, но и толкала в объятия авантюристов. Зачастую жандармские донесения основывались на слухах, непроверенных доносах, вызванных разного рода интригами. Вмешательство жандармов в управление вызвало активное противодействие со стороны сибирской администрации.

Многим жандармским чинам были присущи широта взглядов, искреннее желание принести пользу краю, искоренить сибирский произвол и злоупотребления. Им доверяли больше, чем обычным сибирским чиновникам. Для решения сложных управленческих задач, а также установления контроля над местным чиновным аппаратом посылались именно жандармские офицеры. В жандармских донесениях нередко содержались сведения о состоянии самых разных отраслей сибирского управления, характеризовалась местная администрация всех уровней. Однако поверхностное знаком-

ство с сибирскими проблемами обличает явный дилетантизм жандармских донесений. Постепенно приходит понимание бессилия жандармскими методами что-либо изменить в существующих бюрократических порядках, сознание небезопасности конфликтов с властью имущими в регионе. Не случайно уже к середине 1830-х гг. уменьшается критическая направленность жандармских отчетов. Жандармы со временем слились с прочей чиновной массой.

Низкая эффективность и коррумпированность местного аппарата управления заставляла имперский центр все чаще прибегать к чрезвычайным мерам контроля, чем объясняется как никогда широко применявшаяся во второй четверти XIX в. практика ревизий. Первой проверкой эффективности «Сибирского учреждения» стала в 1827 г. сенаторская ревизия Западной Сибири кн. Б.А. Куракина и В.К. Безродного. Сенаторам было поручено выяснить степень соответствия недавно проведенных реформ сибирским условиям. Несмотря на важность задач, возложенных на ревизию, она проводилась обычными методами, ограничиваясь формальным обзором состояния делопроизводства в присутственных местах, выявлением наиболее вопиющих случаев злоупотреблений властью и свелась к отставке западносибирского генерал-губернатора П.М. Капцевича и тобольского губернатора Д.Н. Бантыш-Каменского.

В эти годы Сибирь все чаще начинает попадать в поле зрения центральных ведомств. В Восточную Сибирь был направлен в 1831 г. флигель-адъютант И.И. Гогель, которому помимо разбора конфликта архиепископа Иркутского Иринея с генерал-губернатором А.С. Лавинским было поручено изучить положение ссыльных. В отчете о сибирской поездке Гогель не ограничился только проблемами ссылки, но и представил свои замечания в целом о местном управлении. Со специальной миссией за Урал была направлена от Министерства финансов комиссия действительного статского советника Завелейского. За полтора года пребывания в Западной Сибири он составил «Проект положения колонизации государственных крестьян из Европейских губерний России в Западную и Восточную Сибирь», который так и не был реализован. В 1836 г. проводил ревизию сибирских горно-металлургических заводов начальник штаба Корпуса горных инженеров К.В. Чевкин. В 1841 г. Министерство юстиции поручило ревизию мест заключения преступников в Сибири Н.И. Пушину (родному брату декабриста И.И. Пушина). обстоятельное обозрение экономического положения Сибири представил в 1836 г. в Сибирский комитет член совета и

ученого комитета Корпуса горных инженеров генерал-майор граф Сент-Альдегонд. На основе статистических данных, предоставленных ему сибирскими генерал-губернаторами, а также собственных наблюдений, почерпнутых во время непродолжительного пребывания в крае, он изложил свой взгляд на перспективы освоения различных районов Сибири. Значительный резонанс в правительственных кругах, правда безрезультатный, имела записка о Сибири, представленная в Сибирский комитет генерал-майором императорской свиты И.А. Мусиным-Пушкиным. Фактическим автором записки был М.М. Геденштром. На изменение в высшем руководстве Восточной Сибири повлияла ревизия сенатора И.Н. Толстого, проведенная в середине 1840-х гг.

В конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. в центре административной политики самодержавия в связи с реформой государственной деревни, проводившейся П.Д. Киселевым, оказались крестьянское управление и самоуправление. В 1840 — 1841 гг. в Западную и Восточную Сибирь из Петербурга были направлены две комиссии для выяснения состояния государственных имуществ. Правительству необходимо было решить сложный вопрос о внедрении управления государственными имуществами в учрежденческую структуру, определенную «Сибирским учреждением». Это вызвало серьезное беспокойство у сибирских чиновников, что и предопределило во многом их негативное отношение как к ревизорам, так и к самой реформе. Столкнувшись с антиреформистскими настроениями местной бюрократии, сумевшей использовать в свою пользу и крестьянское недовольство, министр государственных имуществ Киселев вынужден был предложить вариант «ползучей реформы», распространяя постепенно новое волостное и сельское управление на сибирские губернии. В 1848 г. были созданы отделения государственных имуществ в составе Главных управлений обеих частей Сибири, а с 1850 г. было начато устройство так называемых «образцовых» волостей.

Результаты ревизий побудили Петербург более внимательно отнестись к нуждам Сибири. Отчет Н.Н. Анненкова по результатам ревизии Западной Сибири в 1851 г. (автором отчета фактически был будущий известный деятель 1860-х гг. В.А. Арцимович) демонстрировал не только хорошее понимание сибирских проблем, но и намечал основные направления в их решении. С отставкой генерал-губернаторов В.Я. Руперта и П.Д. Горчакова закончился определенный этап в правительственной политике по отношению к восточ-

ному региону. Оживление экономической и политической жизни на этой обширной и перспективной окраине Российской империи требовало государственных деятелей иного масштаба, и в этом отношении Западной Сибири повезло меньше, чем Восточной, где в эти годы начиналась замечательная деятельность Н.Н. Муравьева, ставшего вскоре графом Амурским. Оценивая общее состояние управления Сибири, П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал в своих мемуарах: «Положение сибирских генерал-губернаторов... было, впрочем, нелегкое, и даже для того, чтобы сделать что-нибудь действительно полезное для края, нужно было иметь или государственный ум Сперанского, или непреклонную волю Муравьева-Амурского»<sup>24</sup>. Ни того ни другого у сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX в. не оказалось.

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; *Он же.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. М.; Новосибирск, 2003.

<sup>2</sup> Власть в Сибири. XVI — начало XX в. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 131—134.

<sup>3</sup> *Акишин М.О.* Сибирские губернаторы и воеводы 30—60-х гг. XVIII в. (компетенция и состав) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.). Бахрушинские чтения 1997 г. Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 52, 55.

<sup>4</sup> *Ремнев А.В.* Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 141—149.

<sup>5</sup> *Кодан С.В.* М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX в. Иркутск, 1988.

<sup>6</sup> *Клер Л.С.* Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII — начале XX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 18—20.

<sup>7</sup> Записки Г.С. Батенькова // Русский архив. 1881. № 2. С. 270.

<sup>8</sup> *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // *Он же.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 321.

<sup>9</sup> *Прутченко С.М.* Сибирские окраины. Т. 2. С. 83.

<sup>10</sup> *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 191.

<sup>11</sup> *Парусов А.И.* Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819—1822 гг. // Учен. зап. Горьковского ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 52.

<sup>12</sup> Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2433. Л. 34.

<sup>13</sup> Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 30.

- <sup>14</sup> ОР РНБ. Ф. 883. Т. 1. Л. 80.
- <sup>15</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17023. Л. 2—3, 5.
- <sup>16</sup> В память графа Сперанского. СПб., 1872. С. 766.
- <sup>17</sup> ОР РНБ. Ф-IV. № 689. Л. 356.
- <sup>18</sup> П[адерин] А.П. Записки сибиряка // Исторический вестник. 1898. № 9. С. 927.
- <sup>19</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 10. 1835 г. Д. 186. Л. 43—44.
- <sup>20</sup> Там же. Оп. 3. 1828 г. Д. 29. Л. 46.
- <sup>21</sup> Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 44.
- <sup>22</sup> В Енисейской губернии — Енисейске и Минусинске; в Иркутской — Нижнеудинске, Верхнеудинске и Нерчинске; в Тобольской — Тюмени, Таре, Ишиме и Омске; в Томской — Каинске.
- <sup>23</sup> РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.
- <sup>24</sup> Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1946. С. 46.

# УПРАВЛЕНИЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

II СИБИРСКИЙ КОМИТЕТ. В ПОИСКАХ НОВЫХ  
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ СИБИРИ.  
Административная политика самодержавия в СИБИРИ  
в 60—80-х гг. XIX в.

КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАК ОРГАН  
РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ. СИБИРСКИЕ ПРОЕКТЫ И  
РЕФОРМЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

## 4.1. II СИБИРСКИЙ КОМИТЕТ

**В**ажным событием в истории сибирского управления стало создание II Сибирского комитета. Непосредственным поводом к этому стали результаты ревизии Западной Сибири, проведенной в 1851 г. генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым. В Восточную Сибирь на место бездеятельного В.Я. Руперта был назначен молодой и энергичный генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, будущий граф Амурский. Князя П.Д. Горчакова на посту генерал-губернатора Западной Сибири сменил более амбициозный Г.Х. Гасфорд. Николай I поручил Комитету министров разработать предложения «о порядке движения дел сего края на будущее время». Решение усложнившихся задач сибирского управления потребовало принять меры к объединению усилий всех ведомств, большей координации в действиях центральной и местной администрации, выработки комплексной программы освоения региона.

В докладе царю 13 апреля 1852 г. председатель Комитета министров кн. А.И. Чернышев поддержал инициативу Анненкова «не только изменить взгляд на этот край, но и принять меры к прочному слиянию оного с империею», поручив рассмотрение сибир-

ских вопросов «особому установлению», которое бы имело не только административные, но и законосовещательные функции. Через четыре дня после доклада Чернышева, 17 апреля 1852 г., был создан II Сибирский комитет, как было указано в законе, «для предварительного рассмотрения всех вообще дел по управлению Сибирью»<sup>1</sup>. В состав комитета вошли министры: императорского двора и делов, военный, внутренних дел, юстиции, финансов, иностранных дел, главноуправляющие II и III отделениями собственной Е.И.В. канцелярии, председатель департамента государственной экономики Государственного совета. Часто присутствовал на заседаниях комитета вел. кн. Константин Николаевич, придававший сибирским делам исключительную важность<sup>2</sup>. Активную роль на первых порах играл Анненков, отчет которого по ревизии Западной Сибири рассматривался в комитете.

Председателем II Сибирского комитета стал Чернышев, олицетворяя тем самым «личную унию» с Комитетом министров<sup>3</sup>. Делопроизводство нового комитета поручалось канцелярии Кавказского комитета, управляющим которой был В.П. Бутков, имевший значительное влияние в целом на «окраинную» политику имперского центра. Особенно возросло влияние Буткова после смерти в 1861 г. председателя Сибирского комитета А.Ф. Орлова, когда эта должность осталась вакантной, а на заседаниях комитета председательствовал старший из присутствовавших членов. Территориально компетенция II Сибирского комитета охватывала всю Сибирь до Тихого океана, Русскую Америку, Приамурский и Степной края, Оренбургское генерал-губернаторство и даже некоторые сопредельные с Сибирью страны.

Как и Комитет министров, II Сибирский комитет при создании не получил непосредственной исполнительной власти. За небольшим исключением, все его положения требовали высочайшего утверждения и только после этого вступали в силу. В качестве образца для создания Сибирского комитета указывался Кавказский комитет. Но уже изначально Чернышев подчеркнул одно существенное отличие между ними. Если на Кавказе наместник признавался равным по правам с министрами, то сибирским генерал-губернаторам в такой власти было отказано. Сибирский комитет, уточнял Чернышев, будет лишь «хранить и собирать все сведения о Сибири, вникать в ее нужды, следить за постепенным ее развитием, рассматривать и поверять отчеты Главных управлений и поддерживать все клонящиеся к пользе края предположения местных

начальств»<sup>4</sup>. Специально подчеркивалось, что ни одна мера по Сибири не может быть проведена помимо министерств, без предварительного их согласия. Правда, допускалась при этом одна существенная оговорка — если дело не поступило в комитет прямо с согласия царя.

В Сибирском комитете сосредоточивалась основная информация о Сибири. Сюда поступали официальные отчеты с мест. Согласно «Сибирскому учреждению» губернаторы были обязаны представлять отчеты генерал-губернатору, который на их основе составлял общий всеподданнейший отчет. Однако это правило в середине XIX в. сохранялось только в Западной Сибири. В Восточной Сибири начальникам вновь учрежденных областей (Забайкальской, Якутской и Камчатской), а также Кяхтинского градоначальства предоставлялось право подавать отчеты по примеру внутренних губерний прямо царю. Только губернаторы Енисейской и Иркутской губерний все еще продолжали представлять отчеты генерал-губернатору. С 1854 г. было установлено, что общероссийский порядок отчетности губернаторов распространяется и на Сибирь. Генерал-губернаторы были обязаны в отчетах излагать краткий обзор своих действий и предложений. Для их отчетов не устанавливалось какой-либо обязательной формы, хотя на практике генерал-губернаторские отчеты мало отличались от отчетов губернаторов. Копии всех всеподданнейших отчетов обязательно должны были направляться в Сибирский комитет. Кроме того, министерства обязывались предоставлять Сибирскому комитету копии царских повелений по сибирским делам. На Сибирский комитет была возложена цензура всех изданий, в которых упоминалась Сибирь. В 1858 г. было постановлено, что дела о старообрядцах в Сибири поступают не в Секретный комитет о раскольниках и отступивших от православия, а в Сибирский комитет.

В целях усиления контроля Сибирского комитета за прохождением дел, касающихся Сибири, в июле 1854 г. Николай I повелел сибирским генерал-губернаторам ежеквартально представлять ведомости дел, по которым еще не последовало решений в министерствах. Министры были обязаны докладывать императору о причинах задержки решения. Сибирский комитет пытался внимательно следить за тем, чтобы сибирские вопросы в обязательном порядке проходили через него, чтобы министры не обращались с запросами к губернским учреждениям помимо генерал-губернаторов. Но на практике эти требования часто нарушались.

Комитет начал работу с составления программы, которая должна была определить приоритеты в сибирской политике<sup>5</sup>. Такой подход в региональной политике отличался существенной новизной. Это была первая попытка выработать применительно к Сибири принципы окраинной политики, найти баланс общегосударственных и собственно сибирских интересов. Однако подготовка программы натолкнулась на противодействие центральных ведомств, опасавшихся, что комитетом станут широко пользоваться сибирские генерал-губернаторы для решения вопросов помимо министерств. Подобный подход явился рецидивом непрекращавшейся борьбы министров с генерал-губернаторами, когда в местном управлении сталкивались два принципа управления: отраслевой и территориальный. Министров пугало то, что единая программа придаст Сибирскому комитету черты «объединенного правительства» по сибирским делам.

С деятельностью II Сибирского комитета связана очередная попытка пересмотра «Сибирского учреждения». Инициативу в этом вопросе на этот раз взял на себя восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, подвергнув резкой критике сибирские реформы Сперанского. Но комитет отказался как от общего пересмотра «Сибирского учреждения», так и от изменения его частными постановлениями. Декларировалась лишь необходимость лучше исполнять уже имеющиеся законы, а также предлагалось подготовить подробные «наказы» для губернских и окружных учреждений в Сибири.

К середине 1860-х гг. был поставлен вопрос и о самом Сибирском комитете. Вопрос этот возник, как нередко бывало в управленческой практике царской России, в связи с личными амбициями управляющего делами комитета Буткова. II Сибирский комитет был упразднен 31 декабря 1864 г., что отразило угасание пробудившегося на короткий срок интереса к Сибири. Вопросы административного переустройства азиатского региона империи отошли на второй план и стали во второй половине 1860-х — в 1880-е гг. достоянием разного рода межведомственных совещаний и комиссий. Министерства явно тяготились обязательством все сибирские дела обсуждать в Сибирском комитете, отчего происходило не только замедление в принятии решений, но и нарушалась ведомственная независимость министерств. Управленческая структура «государь — Сибирский комитет — министерства — генерал-губернаторы — губернаторы» казалась громоздкой, а излишне жесткие процедуры в

обсуждении проектов не обеспечивали гибкости и оперативности в принятии управленческих решений, а главное, ограничивали возможность достижения сепаратных соглашений между заинтересованными министерствами и выводили генерал-губернаторов из-под их влияния. «Таким образом, — подводил итог С.Г. Сватиков, — был уничтожен орган областного управления для Сибири, наследник Сибирского приказа»<sup>6</sup>.

II Сибирскому комитету не удалось кардинальным образом переломить отношение высших властей к Сибири, им не были подготовлены и проведены реформы, в которых остро нуждалась Сибирь. Но поставить ряд проблем, начать их разработку ему удалось. С точки зрения изучения административной политики важно отметить, что уже в середине XIX в. члены комитета сформулировали многие ключевые проблемы сибирского управления, сумели уловить главные тенденции дальнейшей эволюции правительственной политики в области административного переустройства Сибири. На небольшой период II Сибирский комитет повысил управляемость регионом, обеспечил принятие многих важных управленческих решений.

#### 4.2. В ПОИСКАХ НОВЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ СИБИРИ

Изменение внешнеполитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии, усложнение управленческих задач — эти причины во второй половине XIX в. вновь поставили на повестку дня проблему переустройства административных границ Азиатской России. Рост населения и неравномерность его распределения по губерниям и областям, изменение соотношения русского и коренного населения, новые пути сообщения и торговые связи, появление новых центров экономической жизни также требовали изменения административных границ. Административно-территориальное деление, установленное реформой 1822 г., плохо удовлетворяло новым военно-политическим и экономическим реалиям, вызывало массу нареканий как в центре, так и на местах.

Во второй половине XIX в. в составе двух сибирских генерал-губернаторств (Западно- и Восточно-Сибирского) помимо губерний (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) существова-

ли области (Якутская и Забайкальская), а также Кяхтинское градоначальство. До образования в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства входили Приморская и Амурская области. Закон специально разъяснял, что область не есть нечто среднее (или дополнительное) между губернией и округом, а приравнивается к губернскому уровню управления<sup>7</sup>. Области отличались от губерний прежде всего усеченным составом учреждений. При этом состав административных и судебных учреждений мало соответствовал как численности населения, так и размерам территории губерний и областей.

Существовали различия и между сибирскими губерниями. Так, при одинаковом административном устройстве Енисейская губерния превосходила Иркутскую в три раза по территории. Томская губерния почти в два раза уступала по населению и территории Тобольской, а Забайкальская область, имевшая население больше, чем Енисейская губерния, управлялась по упрощенной схеме<sup>8</sup>. В середине 1870-х гг. в Забайкальской области при населении 451 тыс. человек (311 тыс. русских) все управление ограничивалось военным губернатором и областным правлением, состоящим из вице-губернатора и 4 отделений с 43 чиновниками. Тогда как в Иркутской губернии, при сравнительно близкой по размеру территории и меньшей численности населения, только губернский совет, губернское правление и казенная палата насчитывали 87 чиновников.

Известную путаницу порождало сохранявшееся до 1898 г. деление на округа, которые после упразднения в 1867 г. общих окружных управлений ничем не отличались от уезда. Вместе с тем в сибирских округах появлялись уездные воинские начальники, уездные воинские команды и т.п. Наименования «уезд» и «округ» постоянно путали не только в неофициальной печати, но и в деловой переписке.

Положение усугублялось разраставшимся и все усложнявшимся специальным отраслевым делением Сибири, зачастую не совпадавшим с общими административными границами и центрами. Так, Омск с 1839 г. стал резиденцией западносибирского генерал-губернатора. Помимо этого, с 1854 г. здесь размещалась областная администрация области Сибирских киргизов, а с 1868 г. в Омске сосредоточили областные учреждения Акмолинской области. С упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1882 г. Омск стал административным центром Степного генерал-губернаторства. Однако в Омске продолжали помещаться акцизное управ-

ление и управление государственными имуществами для всей Западной Сибири, правление по постройке Западно-Сибирской железной дороги<sup>9</sup>. И это несмотря на то, что Тобольская и Томская губернии не входили в состав Степного генерал-губернаторства. Начальник Сибирского таможенного округа располагался в Петропавловске и подчинялся непосредственно департаменту таможенных сборов Министерства финансов. При этом южные границы Томской губернии подлежали ведению Семипалатинского таможенного округа. VIII округ корпуса жандармов охватывал всю Сибирь, а его начальник, находившийся в Омске, должен был осуществлять отсюда контроль над отдаленными от него на несколько тысяч верст местными жандармскими управлениями. Надзор за соляными промыслами в Западной Сибири был возложен на Алтайское горное правление, а в Восточной Сибири — на горное отделение ГУВС. Горное управление в Приамурском генерал-губернаторстве было сохранено за горным отделением ГУВС, но объявлено независимым от восточносибирского генерал-губернатора, что неизбежно порождало путаницу<sup>10</sup>. При образовании судебных округов призывали не стесняться административными границами<sup>11</sup>.

Центр Западно-Сибирских почтового и учебного округов находился в Томске. Здесь же размещалось управление Западно-Сибирской горной области. Границы горных областей также не совпадали с общими административными границами. В состав Уральского горного округа входили Березовский и Тюменский округа (уезды) Тобольской губернии; Западно-Сибирского — помимо западносибирских губерний и степных областей — Енисейская губерния (за исключением Бирюсинской золотоносной системы, относившейся к Восточно-Сибирскому горному округу); в Восточно-Сибирский — не только Иркутская губерния, но и дальневосточные области. Внутри горных областей существовали еще свои подразделения на горные и заводские округа. Учебные заведения Приамурского генерал-губернаторства продолжали оставаться в ведении главного инспектора училищ Восточной Сибири. В Иркутске также находились управление военным округом, контрольная палата, единая для всего генерал-губернаторства, казенная палата и акцизное управление для Иркутской губернии и Якутской области. Свою административную автономию имели Алтайский и Нерчинский горные округа, находившиеся в ведении Кабинета Е.И.В. Даже границы некоторых епархий отличались от границ губерний и областей.

В 1865 г. было образовано два военных округа (Западно- и Восточно-Сибирский). С упразднением в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства военный округ здесь был переименован в Омский, а Восточно-Сибирский военный округ в 1884 г. был разделен на два: Иркутский и Приамурский. В 1899 г. был создан единый Сибирский военный округ, который в 1906 г. вновь был разделен на Омский и Иркутский. Например, к Омскому военному округу относились Тобольская и Томская губернии, а также Акмолинская и Семипалатинская области (с 1897 г. Семиреченская область передана в Туркестанский округ). С 1885 г. существовал в Енисейской губернии Усинский пограничный округ, имевший особое административное устройство.

Вопрос о новых административных границах Сибири выходил далеко за рамки притязаний Иркутска или Омска на управление теми или иными территориями. Он был связан в целом с системой регионального управления: в ходе его обсуждения столкнулись различные взгляды по поводу организации административного пространства, степени власти местной администрации, реформирования административных и судебных органов региона, развития коммуникаций и т. д. Пересмотр административных границ в Азиатской России неизбежно возбуждал вопрос о сохранении в Сибири генерал-губернаторской власти. Необходимо было также уяснить степень интегрированности различных районов Сибири в общероссийскую социально-экономическую структуру, выявить пределы возможности введения за Уралом общих норм, регламентирующих сферу управления и суда.

Административная перестройка коснулась в первую очередь Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1856 г. вместо Камчатской области была учреждена Приморская область, в 1858 г. образована дополнительно Амурская область. Для объединения в одних руках пограничного, таможенного и полицейского управления на китайской границе 20 июня 1851 г. было образовано Кяхтинское градоначальство. Оно просуществовало всего 11 лет и было упразднено в 1862 г. с учреждением российских консульств в Пекине и Урге, а также с переносом таможи в Иркутск.

Следующим шагом в административном переустройстве региона стал проект графа Н.Н. Муравьева-Амурского (1860 г.). В проекте предусматривалось придать особый статус Приморской области, наделив ее военного губернатора генерал-губернаторскими правами. Енисейскую губернию предлагалось включить в состав

Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1863—1865 гг. вопрос об административных границах был снова поднят в связи с военно-окружной реформой. Хотя в 1860-х гг. идея создания новых генерал-губернаторств за Уралом не получила поддержки в правительственных кругах, это не означало, что она полностью исчезла из поля зрения государственных деятелей того времени. В министерских канцеляриях и разного рода межведомственных комиссиях продолжились поиски оптимальной комбинации административно-территориальных единиц Азиатской России.

В 1870-х гг. попытались выработать комплексный подход к установлению административных границ всей Азиатской России. Особым этапом в его разработке стала деятельность межведомственной комиссии под председательством А.И. Деспот-Зеновича (1873—1874 гг.). Благодаря трудам известного путешественника полковника М.И. Венюкова был поставлен вопрос об основных принципах определения административных границ и объеме властных полномочий местной высшей администрации. Но и комиссии Деспот-Зеновича не удалось преодолеть ведомственную разногласию. Основные противоречия обнаружились при обсуждении вопросов, касающихся управления дальневосточными областями.

Серьезные изменения на административной карте Сибири произошли только в 1880-е гг. 18 мая 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, но передача Tobольской и Томской губерний в непосредственное ведение министерств не означала ослабления местной власти. Губернаторы не только сохранили свои прежние права, но и получили возможность их расширить. 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Приморской, Амурской областей и Владивостокского военного губернаторства, а в 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское.

Задачи административного устройства Сибири оказывались тесно связанными с общими проблемами децентрализации управления имперскими окраинами. Отчасти передача властных полномочий из центра в регион явилась уступкой требованиям местной высшей администрации, настаивавшей на необходимости создания в регионе сильной и самостоятельной власти. Последнее должно было повысить оперативность местного управления. Несовпадение как в центре, так и на местах взглядов на уровень и перспективы развития различных районов Сибири, на формы региональной

управленческой иерархии приводило к появлению многочисленных проектов административно-территориального переустройства Сибири и сопредельных территорий.

#### 4.3. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ В 60—80-х гг. XIX в.

Во второй половине XIX в. генерал-губернатор все больше превращается в фигуру политическую, призванную поддерживать и укреплять порядок и целостность империи. Поэтому генерал-губернаторская власть, как правило, сохраняется на окраинах или в тех регионах, где политические обстоятельства требовали местной централизации управленческих усилий. Положение генерал-губернатора в государственной иерархии продолжало оставаться слабо определенным. Мало что прояснил в этом смысле «Наказ» генерал-губернаторам 1853 г., вошедший с некоторыми изменениями во все последующие издания «Свода законов Российской империи». Хотя «Наказ» не имел прямого действия в Сибири, его положения отразили официальное представление о целях и задачах института генерал-губернаторов.

Успешность деятельности генерал-губернатора зависела не столько от его правового статуса, сколько от выбора кандидата на этот пост, его личных способностей и предшествующего административного опыта, наличия столичных связей и знаний местных условий управления, длительности пребывания в этой должности. Личностная природа генерал-губернаторской власти при довольно частой смене генерал-губернаторов неизбежно придавала дискретный характер правительственному курсу в отношении той или иной окраины. Смена персонажей на генерал-губернаторском посту нередко определяла направление правительственных мероприятий и влияла на их итог.

Во второй половине XIX в. в Сибири на генерал-губернаторских постах побывало 13, а на губернаторских — 62 человека. В среднем срок службы губернаторов составил около 5 лет (в среднем по России, по данным П.А. Зайончковского, 3—5 лет): более 6 лет прослужили 25 губернаторов (40,3%), из них 10 и более лет только 3 (4,8%), это енисейский губернатор В.К. Падалка, иркутский К.Н. Шалашников и забайкальский Н.П. Дитмар. Были случаи, когда одно и то же лицо последовательно занимало губернаторские

посты в разных частях Сибири. Так, И.К. Педашенко был губернатором в Амурской (1866—1874), Забайкальской (1874—1880) областях и Иркутской губернии (1880—1882); К.Н. Светлицкий был назначен сначала якутским губернатором (1885—1889), затем занял пост иркутского губернатора (1889—1897), а закончил службу в Сибири енисейским губернатором (1897—1898). Все чаще на губернаторских постах появляются люди, имевшие сибирский послужной список: А.В. Виноградский (председатель Томского губернского правления, затем тобольский губернатор), В.К. Падалка (председатель Иркутского губернского правления, енисейский губернатор), А.И. Деспот-Зенович (кяхтинский градоначальник, тобольский губернатор), В.И. Мерцалов (председатель акцизного управления в Омске, томский губернатор), И.П. Моллериус (руководитель канцелярии иркутского генерал-губернатора, иркутский губернатор) и др. Но среди генерал-губернаторов известен всего один подобный случай — М.С. Корсаков, приглашенный на службу в Сибирь Н.Н. Муравьевым, дослужился до должности забайкальского военного губернатора, помощника генерал-губернатора, а затем и генерал-губернатора Восточной Сибири.

Генерал-губернаторское управление выглядело несколько стабильнее: в среднем сибирский генерал-губернатор находился в должности по 5,5 года (в первой половине XIX в. — 4 года), при этом более 6 лет — 7 (53,9%), из них 10 и более лет — 4 (30,7%): Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков, А.Д. Горемыкин и Г.Х. Гасфорд. Ни один из генерал-губернаторов и губернаторов не был отдан под суд или официально уволен за упущения по службе, как это нередко было в первой половине века.

Все сибирские генерал-губернаторы этого времени были военными, как правило, в звании генерал-лейтенанта или полного генерала. Только трое из них имели титул: граф Н.Н. Амурский (получил за службу в Сибири), граф А.П. Игнатьев и барон П.А. Фредерикс. В четырех сибирских губерниях и Якутской области из 53 губернаторов только 18 были военными (обычно генерал-майоры), что соответствовало общероссийской тенденции снижения роли военных в местном управлении. Географически можно наблюдать возрастание доли военных с запада на восток: Тобольская — 2, Томская — 3, Енисейская — 4, Иркутская — 6 (из 10!) и Якутская область — 3. В Забайкальской области (как в дальневосточных, степных и туркестанских областях) сохранялось соединение гражданского и военного управления во главе с военным губернатором<sup>12</sup>. Наибольшее

число военных (50%) занимали губернаторские должности в Сибири в 1860—1870-е гг., что было связано с осложнением политической ситуации.

Соединение военной и гражданской власти в руках сибирских генерал-губернаторов сохранялось, но при приоритете военно-политических задач в деятельности генерал-губернаторов все больший удельный вес приобретают административно-хозяйственные дела. И хотя на генерал-губернаторском посту в Сибири в этот период не было гражданских лиц, можно отметить, что это были люди, более подготовленные к выполнению своих функций, чем их предшественники первой половины XIX в.

Сибирским генерал-губернаторам непосредственно принадлежало высшее местное заведование учебными заведениями, государственными имуществами, казенными лесами, снабжение хлебом и солью и т.п. Все губернские учреждения были обязаны регулярно доставлять сведения в канцелярию генерал-губернатора. Но при этом закон оговаривал, что «места особенного управления», к которым относились казенные палаты, акцизное и почтовое управления и тому подобные учреждения, предоставляют сведения только по специальным запросам генерал-губернатора. К тому же генерал-губернатор, хотя и мог принимать жалобы на служащих там чиновников, в отношении их действовал только по согласованию с министерствами. Подобное правило существовало и в отношении наград. Конечно, закон предусматривал чрезвычайные ситуации, но и тогда, приняв решение, генерал-губернатор обязан был об этом поставить в известность министерство. Несмотря на это, отношения генерал-губернаторов как с центральными ведомствами и их представителями на местах, так и с губернаторами продолжали оставаться запутанными. Отношения эти обострялись при появлении на генерал-губернаторских постах сильных личностей (таких, как Муравьев-Амурский), которые стремились проводить активную и во многом самостоятельную политику в регионе.

Постепенно генерал-губернаторам и губернаторам удалось поставить жандармов под свой контроль. Согласно циркуляру 1880 г. министра внутренних дел графа М.Т. Лорис-Меликова начальники губернских жандармских управлений должны были посылать свои донесения не прямо в Департамент полиции, а губернаторам. Эта мера отвечала желанию «создать на местах твердую и стройную власть», соединив в руках губернатора руководство полицией и жандармерией. Несмотря на то что в 1880 г. III отделение было

упразднено с передачей Отдельного корпуса жандармов в ведение МВД, на местах так и не удалось добиться полного единства в действиях низовых звеньев репрессивного аппарата.

У сибирских генерал-губернаторов во второй половине XIX в. сохранились чрезвычайные полномочия. Указом 25 сентября 1865 г. Александр II предоставил генерал-губернатору Восточной Сибири «впредь до введения в Сибири нового судебного устройства» право предавать военно-полевому суду ссыльных «в случае измены, бунта, равно склонения к оным жителей края, открытого сопротивления военной силе в местах их содержания, насильственного освобождения арестантов, убийства, разбоя и поджогов». Вскоре шеф жандармов, поддержанный министрами внутренних дел, юстиции и военным, запросил таких же прав и для западносибирского генерал-губернатора. Секретные инструкции о действиях в экстремальных ситуациях вручались затем всем генерал-губернаторам, отправлявшимся на службу в Сибирь.

С упразднением Сибирского комитета сибирские генерал-губернаторы вынуждены были все чаще и чаще обращаться в министерства. Их финансовая самостоятельность, и без того весьма ограниченная, была сужена финансовой реформой, единством кассы и усилением контроля за расходованием средств. Сибирские генерал-губернаторы безуспешно пытались расширить свои финансовые права, хотя бы в рамках расходования выделенных из бюджета средств. Закон запрещал генерал-губернатору введение новых налогов, изменение росписи расходующих средств по отраслям управления (за исключением сумм, предназначенных на экстраординарные нужды), передачу казенного имущества в частные руки. Сибирские генерал-губернаторы продолжали жаловаться на сложности во взаимоотношениях с министерствами. Законодательно закрепленное положение, определявшее генерал-губернаторское управление как «часть министерского управления, действующего на месте», выглядело по меньшей мере анахронизмом. Чтобы ускорить прохождение своих представлений в высших и центральных учреждениях, генерал-губернаторы вынуждены были ежегодно приезжать в Петербург и оставаться там продолжительное время.

Сложными и запутанными были отношения между генерал-губернаторами и Кабинетом, владевшим в Сибири заводами, землями и приписными крестьянами. В 1855 г. Алтайские и Нерчинские горные заводы, находившиеся с 1830 г. в ведении Министерства финансов, возвратились под управление Кабинета. Председатель

горного правления в Нерчинске фактически пользовался правами, равными правам губернатора Забайкальского края. К тому же у него всегда была весомая поддержка петербургского горного начальства. С 1830 г. высшее местное управление Нерчинским округом было возложено на восточносибирского генерал-губернатора. Но в 1884 г. он был освобожден от этого, с подчинением начальника Нерчинского горного округа непосредственно Кабинету.

Реальное положение генерал-губернатора зависело не только от отношений с центральными властями, но могло быть серьезно осложнено противоречиями и интригами в самой Сибири. Непростыми, требующими особого такта, выдержки, умения идти на компромиссы, а не просто властвовать, были отношения генерал-губернатора и губернатора с местной бюрократией, верхушкой купечества и промышленников. Как отметил Р. Роббинс, губернатор должен был осторожно балансировать между мягкостью в управлении и силовым принуждением. Неспособность найти такой баланс могла стоить репутации и карьеры<sup>13</sup>.

Огромные территории, масса текущих задач управления, необходимость председательствовать в Совете Главного управления, частые и продолжительные отъезды в Петербург приводили к тому, что генерал-губернаторы не могли осуществлять главную свою функцию — надзор. После Муравьева-Амурского два генерал-губернатора Восточной Сибири ни разу не посетили не только Якутска, но даже и Енисейского округа, не говоря уже о Камчатке.

Отношения генерал-губернаторов с губернаторами оставались сложными. Как и во внутренних губерниях, сибирские губернаторы, губернские правления и казенные палаты обязаны были принимать предписания от Сената и министерств, но обо всех предметах, требующих высшего разрешения, должны были обращаться к генерал-губернатору. В 1855 г. было специально подтверждено, что по всем делам, поступающим в министерства от сибирских генерал-губернаторов, дополнительные сведения должны получаться также только от них, а не от губернских учреждений и губернаторов. Когда министр внутренних дел в 1856 г. поднял вопрос о правах сибирских губернаторов на назначение и увольнение начальников отделений общих губернских управлений, то Сибирский комитет постановил оставить это право за генерал-губернаторами, обязав последних лишь в большей степени учитывать мнение губернаторов. Генерал-губернатор имел право принимать жалобы на действия губернаторов и глав губернских учреждений. Если жало-

бы будут подтверждены, а следствие установит имущественный ущерб, генерал-губернатор с разрешения Сената был вправе наложить арест на имущество губернатора, а в отношении прочих губернских начальников — с разрешения соответствующего министерства. Исключения могли составлять лишь случаи чрезвычайные. Но и тогда генерал-губернатор был обязан поставить в известность Сенат или министерства. Генерал-губернатор самостоятельно мог объявить губернатору только замечание, все же прочие взыскания налагались только с санкции императора. Генерал-губернаторы настаивали на праве воздействовать на назначение губернаторов, тогда как только МВД пользовалось прерогативой рекомендовать кандидатов на эти посты. Генерал-губернаторы отчасти могли влиять на этот процесс, но он мог быть растянут по времени и не выглядел столь явно, как это было в первой половине столетия. Муравьев оказал решающее влияние на назначение губернаторов в Камчатской, Забайкальской, Приморской и Амурской областях, сумев тем самым существенно повысить степень управляемости краем из Иркутска.

Сибирские губернаторы постоянно ощущали вмешательство в свою компетенцию не только генерал-губернатора, но и членов Совета Главного управления. Такая опека со стороны ГУЗС, по свидетельству тобольского губернатора В.А. Арцимовича, с одной стороны, породила безынициативность губернских чиновников, которые старались переложить ответственность за принятие решений на вышестоящее начальство, а с другой — к сосредоточению в Главном управлении мелочных дел. Арцимович настаивал на том, чтобы запретить губернским учреждениям помимо губернатора сноситься с ГУЗС и чтобы определение и увольнение губернских чиновников шло только через губернатора. При этом он старался привлечь в край молодых и образованных людей из Европейской России. Он настаивал на восстановлении губернаторской власти, в упадке которой винил Сперанского, учредившего Совет Главного управления и тем самым передавшего губернское управление «в руки мелких чиновников». По условиям же Сибири, полагал Арцимович, власть губернатора, напротив, должна быть обширнее и самостоятельнее, чем в европейских губерниях страны. Она не может замыкаться лишь на полицейских функциях, а должна распространяться на дела финансовые и судебные. Арцимовича раздражало то, что он не властен предать суду проворовавшегося волостного писаря, не обсудив этого в трех инстанциях: губернском

правлении, губернском совете и Совете Главного управления. По его убеждению, чем отдаленнее от центра край, тем сильнее должна быть власть губернатора. Главные же местные учреждения (генерал-губернатор и Главное управление) призваны не умалять эту власть, а осуществлять лишь надзор и способствовать ускорению принятия решений. Но Арцимович так и остался связанным «генерал-губернаторскими оковами». Стремясь восстановить значение губернаторской власти, он навлек на себя бурю возмущения омских чиновников. Отношения с заносчивым, не терпящим рядом с собой самостоятельного мнения генерал-губернатором Гасфордом также не сложились, и Арцимович в 1858 г. вынужден был покинуть Сибирь.

В комиссии о новом административно-территориальном устройстве Азиатской России, созданной в 1873 г. при МВД под председательством бывшего тобольского губернатора Деспот-Зеновича, также отмечалось, что генерал-губернаторы совершенно уклонились от прямого их назначения и более занялись обязанностями губернаторов, а служебная ответственность сибирских губернаторов превратилась, по сути, в личную зависимость от генерал-губернаторов. Член комиссии забайкальский военный губернатор Дитмар заявил, что губернаторы оказались в чрезвычайно затруднительном положении, когда они обязаны управлять губерниями с чиновниками, назначаемыми без их выбора, а нередко и вопреки ему. Но при этом ответственность за управление в губернии возлагается целиком на них. В заключении комиссии было особо подчеркнуто, что министерства не знают деятельности сибирских губернаторов, представления которых проходят «через горнило Главных управлений».

По мнению В.В. Ивановского, степень власти сибирского губернатора, с одной стороны, была более узкой, чем во внутренних губерниях, что объяснялось наличием посредствующей инстанции в лице генерал-губернатора и Совета Главного управления и редкими непосредственными контактами губернаторов с центральными ведомствами, но, с другой стороны, у сибирских губернаторов более широкой оказывалась функциональная сфера, что обуславливалось нераспространением на Сибирь земской и, фактически, судебной реформы<sup>14</sup>. Это предопределило больший удельный вес в их компетенции хозяйственных и судебных дел. Шире были их полномочия и в ряде специальных отраслей управления: учебных, таможенных, пограничных, военных и т. д. Однако общая тенден-

ция развития губернаторской власти в Сибири вела к сближению их положения с губернаторами внутрисибирских губерний. Важным шагом на этом пути стало упразднение в 1882 г. генерал-губернаторской власти в Западной Сибири. И хотя тобольский и томский губернаторы сохранили специфические черты в своих полномочиях, все же с этого времени они оказались в зоне непосредственного контроля МВД.

В эволюции генерал-губернаторской власти в Сибири второй половины XIX в., таким образом, наблюдается ряд противоречивых тенденций. С одной стороны, существенно возрастает роль генерал-губернатора как политической фигуры, увеличивается его значение в деле обеспечения безопасности, в его руках постепенно концентрируются наиболее важные отрасли местного управления, ему удалось освободиться от во многом формальной, но назойливой опеки Совета Главного управления и усилить свою личную власть. Но, с другой стороны, сохраняются плохо определенные и временами довольно напряженные отношения с министерствами, которые расширяют свое ведомственное присутствие в регионе, финансовые права генерал-губернатора продолжают быть ограниченными, усложняются отношения с губернаторами, которые все больше попадают в зависимость от МВД. Кроме того, и в центре, и на местах все чаще поднимается вопрос о дальнейшей целесообразности сохранения самой генерал-губернаторской власти в Сибири.

Серьезной критике во второй половине XIX в. подверглось «Сибирское учреждение» с точки зрения организации государственных учреждений, порядка их взаимодействия и ответственности. «Сибирское учреждение» все чаще виделось одной из главных причин, препятствующих реформам в Сибири<sup>15</sup>. Пересмотр положений «Сибирского учреждения» коснулся прежде всего совещательных органов при сибирских начальниках разных уровней. Несмотря на то что сибирские губернаторы и генерал-губернаторы уже давно указывали на бесполезность Советов Главных управлений, губернских советов и общих окружных управлений, они продолжали существовать. Генерал-губернаторы зачастую игнорировали заседания Совета Главного управления. Муравьев в 1858 г. получил разрешение сделать своим заместителем в Совете ГУВС иркутского военного губернатора К.К. Венцеля. С 1865 г. губернатор стал председательствовать в Совете ГУВС даже во время пребывания генерал-губернатора в Иркутске. Изменились состав и структура Главных управлений: в ГУЗС было уже пять, а в ГУВС

даже девять отделений. Советники от министерств постепенно утратили и без того небольшое значение. В 1883 г. должности членов от министерств финансов и юстиции были упразднены, и Совет ГУВС стал состоять из лиц, избранных и подчиненных генерал-губернатору, не исключая и члена от МВД. Казенные палаты и акцизные управления прямо подчинялись Министерству финансов, было введено новое городское положение, учреждены присутствия по крестьянским делам, по городским делам, по воинской повинности, контрольные палаты — все это сузило права ГУВС по заведованию хозяйственными делами<sup>16</sup>. В ГУВС, разросшемся до девяти отделений, отсутствовало единство, начальник каждого отделения самостоятельно докладывал дела генерал-губернатору, не согласуя свои предложения с другими отделениями. 2 июня 1887 г. Совет ГУВС был упразднен, его функции перешли к канцелярии генерал-губернатора.

Серьезные нарекания продолжала вызывать организация губернских учреждений. Недостатки местного управления в Сибири становились особенно заметными на фоне быстро меняющейся организации местных органов управления в губерниях и уездах Европейской России. Хотя и с некоторым запозданием, совершенствовалась в плане дальнейшей рационализации и специализации структура губернского управления и в Сибири. В 1862 г. были учреждены акцизные управления (в Иркутске для Восточной Сибири и в Омске для Тобольской и Томской губерний); в 1865 г. — статистические комитеты; в 1866 г. — контрольные палаты; в 1880-е гг. — управление государственными имуществами, губернские присутствия по крестьянским и городским делам; вводится новое городское положение (с 1871 по 1879 г.); изменяется организация крестьянского, инородческого, горного, учебного, тюремного, почтово-телеграфного управления и т.д.

В этих условиях сибирская администрация вновь подняла вопрос о пересмотре положений «Сибирского учреждения», определявшего организацию губернского уровня управления в Сибири. В центре внимания оказались прежде всего губернские советы, которые, по замыслу Сперанского, должны были быть совещательными коллегиальными органами, корректирующими единоличную власть губернаторов. Губернские советы, обрушивался с критикой восточносибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин, подобно Совету ГУВС, «не помогают управлять губерниею, а значительно способствуют к развитию бюрократизма и медленности делопроизвод-

ства». Внесение дел на их рассмотрение превратилось в одну формальность, но эта формальность приводит к тому, что «инициатива действий в губернских учреждениях убита и личная распорядительность губернатора парализована»<sup>17</sup>.

Запутанным оставался порядок взаимоотношений губернаторов, губернских советов и казенных палат по финансовым вопросам. Министерство финансов настаивало на распространении на Сибирь правил, принятых в великорусских губерниях, согласно которым в случае, когда не будет хватать власти казенной палаты, необходимо представлять об этом в министерство.

Еще большим своеобразием отличалась организация областного управления. Во вновь образуемых в Азиатской России областях советов не создавали и предпочитали не вводить полного набора учреждений. Так, например, государственный аппарат Забайкальской области составляли военный губернатор (который являлся одновременно наказным атаманом Забайкальского казачьего войска), областное правление, канцелярия, областной землемер, инспектор по медицинской части и областной прокурор. В областном правлении сосредоточивались как полицейское управление, так и заведование хозяйственными делами. На всю область, состоящую из трех округов, полагался один окружной суд в Чите, имевший права губернского. Судом второй степени для Забайкалья являлся Иркутский губернский суд. При отсутствии в области областного совета усиливался прокурорский надзор; военный губернатор был обязан обсуждать с прокурором дела, относящиеся к компетенции областного совета. На таких же основаниях было установлено управление и в Якутской области. Муравьев настоял на повышении статуса начальника Якутской области до гражданского губернатора, что было сделано 1 января 1852 г.

Преобразования в Забайкальской и Якутской областях усилили самостоятельную власть губернаторов, не создав при них каких-либо коллегиальных органов. Особо подчеркивалась непосредственная зависимость главных начальников этих областей от генерал-губернатора. Упразднялись общие окружные управления и окружные суды в Верхнеудинске и Нерчинске. Не удалось только подчинить забайкальскому военному губернатору управление Нерчинским горным округом, хотя Муравьев настаивал на том, что «управление Забайкальской областью весьма много выиграет от уничтожения независимого от местной власти ведомства». Но забайкальский военный губернатор получил ряд полномочий по над-

зору за состоянием каторжных тюрем, мог влиять на подбор тюремных чиновников, в его руках находилось командование пешим батальоном казаков, охранявшим ссыльнокаторжных<sup>18</sup>.

Упрощенная система управления в сибирских областях, которая на первых порах действительно вызывалась простотой задач управления, со временем перестала соответствовать потребностям. Самодержавие не успевало, а иногда, исходя из ложно понимаемого сбережения казенных средств, затягивало введение необходимых учреждений.

При обсуждении вопросов о лучшей организации местного управления в начале 1850-х гг. вновь вернулись к проблеме административной обособленности Алтайского горного округа. После 25-летней аренды алтайские горные заводы 27 мая 1855 г. были возвращены Кабинету. А.О. Дюгамель в секретном письме к управляющему делами Сибирского комитета Буткову ходатайствовал как о смещении томского губернатора А.Д. Озерского, так и об отделении должности губернатора от должности Главного начальника Алтайских горных заводов. Однако Кабинет продолжал затягивать решение данного вопроса и настаивать на сохранении прежнего порядка и даже расширении прав горного начальника, который «есть хозяин и распорядитель заводами». Должность Главного начальника Алтайских горных заводов была 5 апреля 1864 г. упразднена, а его обязанности по управлению заводами и золотыми промыслами до общего пересмотра Горного устава переданы начальнику Алтайских горных заводов. Таким образом, разделение в управлении произошло, но ни томский губернатор, ни западносибирский генерал-губернатор управленческих прав на Алтайский горный округ не получили<sup>19</sup>. В 1867—1868 гг. в Алтайском горном округе горную полицию заменили общегубернской. Были упразднены особые военно-судные комиссии, но после массовых волнений 1869 г. их восстановили. С 1864 г. в Томский губернский совет (с 1895 г. — губернское управление) был введен постоянный член от горного ведомства, а в 1899 г. на правах постоянного члена в его состав вошел еще один представитель Кабинета — заведующий землеустройством в Алтайском округе. В 1868 г. горный чиновник был назначен в Барнаульское окружное полицейское управление. Это позволило Кабинету сохранить свой контроль за деятельностью губернских органов по управлению населением Алтая<sup>20</sup>. Двойственность в руководстве Томской губернией сохранилась, порождая и в дальнейшем управленческие коллизии.

В 1858 г. частная золотопромышленность, а в 1859 г. и все горное дело Ачинского, Минусинского и Красноярского округов Енисейской губернии перешли из ведения Алтайского горного правления под надзор генерал-губернатора Восточной Сибири. Тогда же восточносибирский генерал-губернатор предложил вернуть Нерчинский округ из Кабинета в казну с ежегодной выплатой компенсации в размере 300 тыс. руб. Но Кабинет продолжал настаивать на своих правах и даже ходатайствовал о передаче ему дополнительно земель в Амурской области, что и было сделано в 1863 г. В 1869 г. надзор за ссыльнокааторжными Нерчинских и Петровских заводов перешел из горного в областное ведение.

В 1884 г. последовало указание о переходе начальника Нерчинского горного округа из-под генерал-губернаторского контроля в непосредственное подчинение Кабинету. С 1888 г. заведование горной промышленностью в Сибири сосредоточилось в Томском и Иркутском горных управлениях, непосредственно подчиненных Горному департаменту Министерства государственных имуществ (МГИ). В ведении Томского управления находились горные заводы и горные и соляные промыслы Томской, Тобольской и Енисейской (кроме Бирюсинской золотоносной системы) губерний, а также Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей; в ведении Иркутского — горные заводы и горные и соляные промыслы Иркутской и части Енисейской губерний, а также Приамурского генерал-губернаторства. Каждая из подведомственных горному управлению территорий делилась на шесть округов во главе с окружными инженерами. Иркутский генерал-губернатор продолжал настаивать на сохранении своих прав в отношении горного управления. Хотя Александр III повелел этот порядок пересмотреть, министр государственных имуществ в 1890 г. заявил, что у генерал-губернатора вполне достаточно имеющихся прав.

Не лучшим оставалось управление государственными имуществами. Положениями II Сибирского комитета в 1854 и 1855 гг. сибирским генерал-губернаторам были переданы права министра государственных имуществ по управлению казенными землями и оброчными статьями. Но данная мера не принесла желаемого успеха. В Сибири не оказалось местных учреждений, способных удовлетворительно справиться с этим делом. В качестве подготовительной меры к распространению на Сибирь специального управления государственных имуществ, помимо IV отделения ГУЗС и образцовых волостей, по предложению Г.Х. Гасфорда, при То-

больской казенной палате было образовано особое отделение для заведования государственными имуществами. Однако казенная палата, в которой сосредоточивалось заведование государственными имуществами, оказалась не способной самостоятельно влиять на крестьянское самоуправление, зависящее от губернского правления. Именно последнее утверждало писарей, волостных голов и сельских старост, их увольняло и предавало суду.

Охрана лесов, вверенная избираемым из крестьянской среды полесовщикам, оставалась номинальной. Это приводило к хищническому уничтожению лесов и низкой доходности для казны. Несмотря на то что с 1822 г. генерал-губернаторы ходатайствовали об организации в крае надзора за использованием лесов, только в 1863 г. были введены временные лесные правила в Тобольской и Томской губерниях, в которых дополнительные обязанности возлагались на казенные палаты и окружных исправников. В 1874 г. в Западную Сибирь были направлены 5 лесных ревизоров для подготовки преобразования управления лесным хозяйством. Они вынуждены были признать, что казенные палаты и исправники оказались способными организовать лишь формальную отчетность, а истребление лесов продолжается по-прежнему. Еще более бесхозяйственно использовались лесные богатства в Восточной Сибири. В 1886 г. восточносибирский генерал-губернатор А.П. Игнатьев представил проект организации лесного управления, но не получил поддержки Министерства финансов, заявившего, что осуществление проекта «невозможно дорого и бессмысленно и едва ли может принести пользу»<sup>21</sup>.

С упразднением в 1882 г. генерал-губернаторства прекратило свое существование IV отделение ГУЗС, специально созданное для управления государственными имуществами. Все вернулось вновь в казенные палаты и губернские правления, мало приспособленные для выполнения подобных функций. Ситуация несколько изменилась с учреждением 20 декабря 1883 г. в Омске единого для Тобольской, Томской губерний и Акмолинской, Семипалатинской областей управления государственными имуществами. В 1893 г. оно было разделено на три: Тобольское, Томское и для степных областей. В 1897 г. аналогичные управления открылись в Иркутской и Енисейской губерниях.

Беспокоило сибирскую администрацию и отсутствие единого надзора за народным образованием. Низшая школа оказалась в руках разных ведомств: церковно-приходские школы подчинялись

епархиальному начальству; волостные и сельские школы — казенным палатам; заводские и рудничные — горному правлению; станичные — войсковому казачьему начальству; а еврейские, мусульманские и ламаистские школы оказывались, по сути, вне всякого контроля со стороны государственных органов в Сибири<sup>22</sup>. В 1859 г. был издан новый закон об управлении учебными заведениями Западной Сибири, которым была введена должность главного инспектора училищ. Генерал-губернатор пользовался при этом правами попечителя учебного округа. Подобное положение было распространено на Восточную Сибирь в 1867 г. С открытием в 1888 г. университета в Томске была учреждена должность попечителя учебного округа.

Сохранялись специфические черты и в организации низового (окружного, волостного и сельского) уровня сибирского управления. Общие окружные управления действовали в середине XIX в. только в 8 округах: Тюменском, Омском, Тарском, Ишимском и Березовском<sup>23</sup> округах Тобольской губернии; Каинском — Томской губернии; Минусинском и Енисейском — Енисейской губернии. Согласно штатному расписанию 1856 г. в таких округах находились окружной начальник с помощником и секретарем; в земском суде — исправник, 1 непреременный заседатель, 4 участковых заседателя и 1 заседатель по питейной части (в некоторых округах еще и по соляной части); в окружном казначействе — казначей и его канцелярия; в окружном суде — судья, 3 заседателя, секретарь и 2 столоначальника; стряпчий с письмоводителем<sup>24</sup>. Среднее окружное управление имело исправника, земский суд и казенное управление. Сокращенное же управление существовало фактически в лице одного только исправника. Сибирские земские суды сверх обычных обязанностей выполняли еще несколько важных функций: приведение в исполнение распоряжений казенных палат относительно управления государственными крестьянами и «инородцами» (в Европейской части России это было возложено на местные органы МГИ); наблюдение за распределением и водворением ссыльных; производство следствий и суда по преступлениям, совершаемым ссыльными и бродягами (могли наказывать 25—40 ударами плетью, отдавать в арестантские роты, удалять в другие округа, а беглых каторжан — от 30 до 40 ударов кнутом).

Главная задача, стоявшая перед окружным звеном сибирского управления, заключалась в организации контроля и руководства крестьянским и «инородческим» самоуправлением, в обеспечении

порядка, исправного поступления платежей и выполнения натуральных повинностей.

При этом правящие круги не покидало ощущение, что ниже губернского уровня в Сибири вакуум государственной власти. Окружное управление на протяжении всей второй половины XIX в. оценивалось даже официально как находящееся «в самом жалком состоянии»<sup>25</sup>. Основными причинами объявлялись слишком широкий круг обязанностей полиции, неудовлетворительный личный состав и его численность, а также низкие оклады содержания. Слабость полицейского надзора объяснялась несоответствием числа полицейских объему возложенных на них задач, пространству полицейских участков и численности населения. На территории каждого участка в Тобольской губернии редко находилось менее 100 населенных пунктов, а население колебалось от 11 до 60 тыс. человек. На огромный Нарымский край приходился всего 1 полицейский (около 186 тыс. кв. верст). Задачи полиции осложнялись и наличием ссыльных, которые в большом количестве (до одной трети и более) находились в безвестной отлучке, на их поиски у полиции не хватало сил. Перевод во второй четверти XIX в. городских казаков из гражданского ведомства в военное усложнил и без того непростое положение местной полиции.

Исправники в Сибири в силу многообразия возложенных на них функций и частых разъездов не в состоянии были обходиться только чиновниками, предоставленными штатом. В практике сибирского управления не редким было создание на свои средства особых канцелярий с вольнонаемными сотрудниками. Как отмечала газета «Сибирь», при 900 руб. жалованья в год сибирский исправник содержал трех писцов, платя им 720 руб. в год<sup>26</sup>. Содержание таких канцелярий исправник, естественно, покрывал за счет незаконных сборов с подвластного ему населения.

Общие окружные управления как органы местного надзора не оправдывали своего назначения и являлись посредствующей инстанцией между губернскими и окружными учреждениями. Однако в защиту общих окружных управлений выступил министр государственных имуществ П.Д. Киселев. Он напомнил, что Сперанский в этой части своего административного плана руководствовался тремя основными соображениями: 1) обширностью сибирских округов и удаленностью их от губернского города; 2) составом населения и потребностью дополнительно оградить его от притеснений низших должностных лиц; 3) наличием ссыльных. Все эти обстоя-

ительства не только сохранились, но к ним добавились и новые: увеличение притока переселенцев, отношения которых с сибирскими старожилами складываются напряженно, и затяжной характер реформирования управления государственными имуществами в Сибири.

Однако резкую позицию в отношении общих окружных управлений занял генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. По его словам, они не достигли поставленной перед ними задачи, и только губернаторский надзор может быть действенным. Но общие окружные управления устояли и просуществовали до 1867 г. В 1866 г. оба сибирских генерал-губернатора в очередной раз заявили о необходимости упразднения общих окружных управлений как лишних инстанций, что и было сделано при общем преобразовании полицейского управления в Сибири.

Еще в 1859 г. в Омске и Каинске городские суды были объединены с окружными, а в 1864 г. эта мера была распространена на Томск, Тобольск и Тюмень. Одновременно городские ратуши упразднились в Барнауле, Кузнецке, Таре и Туринске. Городская полиция в крупных городах продолжала состоять из полицмейстера, приставов и квартальных надзирателей; в небольших городах — из городничего и квартальных надзирателей. Законом 12 июня 1867 г. городская полиция и земский суд были соединены в окружное полицейское управление. Данная мера распространила на Сибирь полицейскую реформу 1862 г., направленную на централизацию власти на низовом уровне управления. В наиболее крупных сибирских городах, как и в целом по России, была сохранена городская полиция<sup>27</sup>.

Постепенно усложнялась система государственного управления крестьянами. Законом 17 декабря 1862 г. на Алтае было учреждено 8 должностей мировых посредников; в 1866 г. обязанности мировых посредников по Нерчинскому и Петровскому заводам возложили на местных земских заседателей<sup>28</sup>. Ликвидация института мировых посредников в 1874 г. в Европейской России привела к упразднению их в 1878 г. и на Алтае. Двойственность положения мировых посредников в Сибири обуславливалась их неопределенной ведомственной принадлежностью, поскольку они должны были выражать часто не совпадавшие интересы местной администрации и Кабинета. В конечном счете в ликвидации этого института оказались заинтересованы обе стороны. Западносибирский генерал-губернатор Н.Г. Казнаков в 1876 г. указывал на неудобство

того, что на Алтае нельзя отстранить мирового посредника, не получив на это разрешения из Петербурга. Он настаивал на «ближайшем контроле» над мировыми посредниками и «более прямой зависимости их от главной местной власти». Горные чиновники попросту игнорировали мировых посредников, продолжая через их голову командовать крестьянами<sup>29</sup>.

В 1883 г. в Западной Сибири были введены должности чиновников по крестьянским делам, что предвосхитило создание института земских начальников во внутренних губерниях России<sup>30</sup>. В отличие от мировых посредников, чиновники по крестьянским делам полностью подчинялись губернской администрации, а назначение и увольнение их производилось министром внутренних дел. Наряду с административными и фискальными функциями, чиновники по крестьянским делам обладали и правом суда по мало важным делам. Однако главная их задача состояла в подборе выборного крестьянского начальства. Были созданы также окружные по крестьянским делам присутствия, куда вошли крестьянские чиновники и земский исправник. В состав губернских советов ввели по одному непременно члену по крестьянским делам, отвечавшему за непосредственное руководство крестьянами. Законами 1879 и 1882 гг. вводился новый порядок в организации управления государственными крестьянами в Западной и Восточной Сибири, официально закреплявший за органами крестьянского самоуправления административно-полицейские функции. Это привело к увеличению числа волостей, выборных крестьянских должностных лиц, а также существенному росту расходов на их содержание. 13 июня 1893 г. были приняты «Временные постановления о расширении предметов ведомства учреждений по крестьянским делам в Тобольской и Томской губерниях», усилившие степень вмешательства чиновников по крестьянским делам в хозяйственную и бытовую жизнь крестьянства. Почти в 2 раза увеличилось количество этих чиновников — их численность в Западной Сибири была доведена до 43. В 1894 г. в Алтайском горном округе было введено дополнительно еще 3 должности чиновников по крестьянским делам.

По улучшению переселенческого управления в эти годы принимались незначительные меры. В 1883 г. в Тюмени был открыт первый в Сибири переселенческий комитет, а в 1884 г. для улучшения надзора в Златоуст, Тобольск и Томск были направлены особые чиновники по переселенческим делам. В Иркутском генерал-губернаторстве для заведования переселенцами учреждались 3 должно-

сти чиновников особых поручений. Однако при этом, как и ранее, отсутствовала должная координация в действиях переселенческих чиновников и местной полицейской власти. Хотя уже в эти годы в центре ратовали за создание некоего «хозяина дела» — особого переселенческого управления при МВД.

Судебная реформа 1864 г. непосредственно не затронула Сибири, здесь продолжала еще долгое время сохраняться старая система судоустройства и судопроизводства<sup>31</sup>. Однако сибирская общественность на страницах печати, в разного рода собраниях, на «юридических вечерах» и заседаниях городских дум вела активную борьбу за новые судебные порядки<sup>32</sup>. За распространение на Сибирь некоторых судебных новаций выступала и местная администрация. В 1865 г. была создана под председательством В.П. Буткова специальная комиссия «О рассмотрении применения к Сибири высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений»<sup>33</sup>. Уже с самого начала работы комиссии стало ясно, что для Сибири будет необходим существенный отход от основных положений судебной реформы, потребуются особые постановления для организации суда для «инородцев» и ссыльных. Определенную сложность представляла реорганизация суда для «инородцев», ссыльных, рабочих золотопромышленности.

Основные дебаты развернулись вокруг организации в Сибири мирового суда. При отсутствии земских учреждений было неясно, как будут организованы выборы мировых судей. В качестве образца для Сибири предлагалась организация суда в Вологодской, Олонецкой, Архангельской, Астраханской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а также в Закавказье, где мировые судьи назначались от правительства и подчинялись напрямую окружным судам, без учреждения мировых съездов. Так как кандидатами в мировые судьи в Сибири будут в основном чиновники, предлагалось понизить или совершенно отказаться от имущественного ценза. Таким образом, извращалась сама суть института мирового суда как суда, независимого от администрации, избранного населением и авторитетного для него. Законом 1885 г. в Сибири были проведены также некоторые изменения в судебной системе. Введена должность судебных следователей, ликвидирован сословный принцип судопроизводства, реформирована система прокурорского надзора, расширены штаты судебных учреждений.

Возможность введения суда присяжных в Сибири большинством членов комиссии первоначально не отвергалась, подыскива-

лись лишь варианты организации выборов и установления ценза. За это выступал Совет ГУЗС, предлагая исключить лишь малонаселенные северные округа. Считалось, что в Сибири существует полоса относительно компактного заселения (между 50 и 60° с.ш.), где возможна реализация судебной реформы в полном объеме. Однако решающим оказалось заключение министра внутренних дел П.А. Валуева, который считал, что введение в Сибири суда присяжных не только преждевременно с точки зрения организации судопроизводства, но и ненадежно «в интересах общегосударственных»<sup>34</sup>. Этот взгляд на долгие годы предопределил судьбу суда присяжных в Сибири. Только законом 10 мая 1909 г. суд присяжных был учрежден в Тобольской и Томской губерниях.

#### 4.4. КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАК ОРГАН РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Грандиозное предприятие, каким стало сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, повлекло за собой создание на высшем уровне специального органа управления — Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД). Он был образован по инициативе министра финансов С.Ю. Витте 10 декабря 1892 г.<sup>35</sup>. Первоначально в состав КСЖД вошли министры финансов, внутренних дел, путей сообщения и государственный контролер. Еще до первого заседания к ним присоединились военный министр и управляющий Морским министерством. Кроме них на заседания часто приглашались министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также иркутский, приамурский и степной генерал-губернаторы. Компетенция КСЖД была гораздо шире, чем требовало само сооружение магистрали, в его функции вошли самые разные вопросы, связанные с имперской политикой в Сибири.

По предложению Витте председателем Комитета был назначен наследник престола вел. кн. Николай Александрович. Назначение на пост председателя КСЖД наследника преследовало не только воспитательные цели. Витте, безусловно, рассчитывал на то, что, связав имя будущего императора со строительством дороги, он таким образом получит гарантию его завершения. Вице-председатель КСЖД Н.Х. Бунге, одновременно и председатель Комитета министров, должен был олицетворять «личную унию» этих двух высших

учреждений, что также соответствовало традиции организации прежних высших комитетов.

Вступив на престол, Николай II сохранил за собой председательство в КСЖД. Это повлекло за собой сокращение числа заседаний Комитета (в первые два с половиной года деятельности КСЖД было 19 заседаний, а в последующие 10 лет — всего 23), но зато увеличилось количество дел, рассмотренных на одном заседании. Бунге и управляющий делами комитета А.Н. Куломзин стремились к тому, чтобы Комитет «не сделался для государя непосильным бременем»<sup>36</sup>.

Управление делами КСЖД попало в руки опытного в государственных делах Куломзина, роль которого в сибирском управлении оказалась заметно выше официально занимаемого им положения. Примечательно, что именно он явился автором проекта царского манифеста о начале строительства магистрали. В 1899 г. Куломзин был назначен членом КСЖД с сохранением руководства канцелярией, а после восшествия на престол Николая II и смерти в 1895 г. Бунге он оказался одним из наиболее деятельных членов Комитета, особенно в вопросах переселенческой политики. Делопроизводство КСЖД было поручено канцелярии Комитета министров. Это еще раз подчеркивало роль КСЖД как вспомогательного при Комитете министров учреждения, с родственными составом и компетенцией. Возглавлял «сибирское отделение» канцелярии Комитета министров сначала будущий министр финансов И.П. Шипов, а затем Н.Л. Петерсон.

Первое заседание КСЖД состоялось 10 февраля 1893 г. в зале Комитета министров в Мариинском дворце. Круг деятельности нового комитета был весьма широким и неясно очерченным, что, впрочем, было присуще многим высшим государственным учреждениям Российской империи. В компетенцию КСЖД входили не только вопросы, связанные с направлением отдельных участков магистрали, ассигнованиями на их строительство, но и с решением целого комплекса социально-экономических проблем: природные ресурсы края, гидротехнические работы, развитие сухопутного, морского и речного транспорта и т.д. В поле внимания комитета оказывались и некоторые внешнеполитические вопросы, вызванные прежде всего строительством Китайско-Восточной железной дороги. Реально в период своей деятельности КСЖД стал высшим государственным органом по выработке правительственной политики по отношению к Сибири. Заседания КСЖД стали полем ост-

рой межведомственной борьбы как по проблемам сибирской региональной политики, так и по общеполитическому курсу.

На КСЖД было возложено решение вопросов, связанных с выбором направления отдельных участков дороги, утверждение денежных смет, общий контроль за ходом строительства. Формально лишенный законосовещательной власти, комитет получил возможность избегать внесения значительной части законопроектов в Государственный совет, проводя их, по примеру того же Комитета министров, через соединенное присутствие КСЖД и департамента государственной экономии Государственного совета, а то и просто высочайше утвержденными положениями самого КСЖД. Это ускоряло процесс разработки и принятия новых законов, связанных как со строительством железной дороги, так и с мерами экономического развития Сибири. Однако КСЖД был лишен исполнительной власти, которая сохранялась по-прежнему за министерствами. 3 июня 1893 г. в составе Министерства путей сообщения (МПС) было образовано управление по сооружению Сибирской железной дороги (существовало до 1899 г., когда его функции были переданы управлению по сооружению железных дорог МПС), а в МВД создано Переселенческое управление. Были установлены специальные правила организации местного контроля на строительстве Сибирской железной дороги, которые позволяли решать многие вопросы, не обращаясь в Петербург.

Определенным административным новшеством было создание 4 марта 1893 г. при КСЖД Подготовительной комиссии из представителей заинтересованных ведомств, председателем которой бесспорно являлся Куломзин. В комиссии вопрос получал всестороннюю разработку, что в большинстве случаев предрешало будущее заключение комитета. Это значительно облегчало работу последнего и устраняло многие разногласия еще на стадии предварительного обсуждения. Подготовительная комиссия фактически монополизировала решение вопросов, связанных с переселением крестьян, устройством церквей и школ в Сибири, что также увеличивало влияние Куломзина на сибирскую политику. Известный французский путешественник и публицист Жюль Легра писал, что от Куломзина «зависит аграрное будущее огромной колонии»<sup>37</sup>.

Наиболее важным вопросом, сопутствующим сооружению Сибирской железнодорожной магистрали, являлся переселенческий вопрос. Через КСЖД осуществлялось финансирование всего переселенческого дела в Сибири. Чтобы на месте ознакомиться с

состоянием переселенческого дела, Куломзин дважды, в 1896 и 1897 гг., совершил поездки в Сибирь.

КСЖД просуществовал до конца 1905 г., хотя фактически прекратил свою деятельность раньше: последнее (42-е) заседание состоялось 17 декабря 1903 г. За время своего функционирования комитет рассмотрел большое количество вопросов, способствовавших развитию Сибири. Особенно сложными оказались проблемы переселенческой политики, с которой МВД тесно увязывало охранительные цели, стремление за счет Сибири снять остроту аграрного кризиса в центре страны. Особенно заметным это стало в начале XX в. в связи с резким обострением аграрного вопроса. Столкновение в переселенческом вопросе с министром внутренних дел В.К. Плеве, как полагал Куломзин, и положило начало ликвидации КСЖД. Лидерство в правительственных сферах с 1903 г. от Витте перешло к его противнику Плеве, которому явно мешал КСЖД. В связи с завершением основных строительных работ на магистрали, по мысли Николая II, КСЖД должен был «мало-помалу превратиться в Комитет Дальнего Востока». С учреждением в структуре МВД Переселенческого управления КСЖД потерял свое бывшее значение в организации крестьянской миграции в Сибирь. Видя совершенную бездеятельность КСЖД, Куломзин неоднократно высказывался за его закрытие. Но только с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. и реформированием Совета министров было признано невозможным дальнейшее существование «особых комитетов с полузаконодательными функциями», это нарушало новый законодательный порядок. По докладу Куломзина 15 декабря 1905 г. КСЖД был закрыт, а подведомственные ему дела впредь должны были направляться в общем порядке. Несмотря на, казалось бы, узкоспециальное назначение, КСЖД соединил на целое десятилетие руководство основными направлениями правительственной политики по освоению сибирского и дальневосточного регионов. Не случайно часто даже в официальных документах его именовали «Сибирским комитетом», как бы подчеркивая преемственность с ранее бывшими комитетами.

#### 4.5. СИБИРСКИЕ ПРОЕКТЫ И РЕФОРМЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В сибирской административной политике рубежа XIX—XX вв. отчетливо просматривается генеральная линия, нацеленная на постепенную унификацию сибирского управления и сближение административного устройства Сибири и Центральной России. Строительство Сибирской железной дороги, как утверждал Витте, должно было продвинуть не только решение задач хозяйственного освоения региона или укрепления военных позиций России на Дальнем Востоке, но и способствовать постановке сибирской администрации «в уровень с теми требованиями, которым она должна отвечать, чтобы быть в стране достойной представительницей государства просвещенного, полагающего в законе основу всех гражданских соотношений»<sup>38</sup>. При этом правительство продолжало сознавать необходимость учета сибирской специфики в области управления. Распространяя на Сибирь уже введенные в великорусских губерниях административные и судебные институты, Петербург стремился использовать накопленный опыт, найти наиболее приемлемые формы адаптации в новых политических, социальных и экономических условиях.

Главным отличием губернского управления в Сибири оставался губернский совет, который так и не стал коллегией при губернаторе и превратился в одно из обычных губернских учреждений, со своим набором предметов управления. Еще одна важная особенность, сохранявшаяся в Сибири, заключалась в обособленности губернского правления от губернатора и наличию в правлении особого председателя. Более широким здесь был и круг ведения губернских правлений.

Законом 1 июня 1895 г. с целью объединить губернские учреждения в Сибири были созданы губернские управления. Однако управляющие казенной палатой, палатой государственных имуществ и председатель губернского суда не стали постоянными членами этого нового губернского органа, а присутствовали только при рассмотрении интересующих их вопросов. Уже в силу этого губернское управление не смогло объединить все государственные учреждения губернии.

Дальнейшая эволюция административного устройства сибирских государственных учреждений в конце XIX — начале XX в. продолжала идти по пути усиления губернаторской и генерал-гу-

бернаторской власти. В этой связи вполне логичным с правительственной точки зрения стало возвращение к вопросу о генерал-губернаторской власти в Сибири.

С упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и отделением от Восточно-Сибирского Приамурского генерал-губернаторства ускорился процесс децентрации высшего местного управления. Министерства постепенно расширяли свое присутствие в Сибири, создавая новые ведомственные учреждения. Однако этот процесс оставался противоречивым, с рецидивами намерений укрепить единую и сильную местную власть в Сибири.

Уже при образовании в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства возник вопрос и о дальнейшем существовании генерал-губернаторства в Восточной Сибири. Но тогда было решено генерал-губернаторскую должность сохранить ввиду намечаемых преобразований в управлении и из-за отдаленности Иркутска от Петербурга. Вместе с тем тенденция к сокращению числа генерал-губернаторств в конце XIX в. стала вполне очевидной. В 1881 г. упразднили Оренбургское генерал-губернаторство, в 1882 г. — Западно-Сибирское, в 1895 г. рассматривался вопрос о дальнейшем существовании Виленского генерал-губернаторства. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин в 1899 г. поддержал идею ликвидации генерал-губернаторства и в Восточной Сибири. «После преобразований, дарованных Сибири в последнее десятилетие, — писал генерал-губернатор, — губернии Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская, в отношении административного и судебного их устройства, весьма приблизились к губерниям, управляемым по общему учреждению»<sup>39</sup>. С проведением железной дороги до Иркутска вместо прежних 30 нужно было всего лишь 8 дней, чтобы приехать в Петербург. «Инородческое» население по своему хозяйственному быту, считал А.Д. Горемыкин, приблизилось к русским крестьянам, что дает возможность подчинить его общей системе управления. Управление же ссылкой без ущерба для дела могло быть вручено губернским учреждениям. Однако предложение иркутского генерал-губернатора не нашло поддержки министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, который, напротив, полагал, что со строительством железной дороги, активизацией экономической жизни в крае, незавершенностью начатых реформ, а также осложнением международной обстановки на Дальнем Востоке говорить о ликвидации Иркутского генерал-губернаторства преждевременно.

22 февраля 1901 г. новый министр внутренних дел Д.С. Сипягин в Комитете министров, напротив, заявил, что сибирское управление претерпело существенные изменения. К этому времени произошли следующие перемены: в 1895 г. проведена губернская реформа, в 1894—1895 гг. приняты меры к организации охраны лесов в Енисейской и Иркутской губерниях, в 1896 г. введен новый порядок управления государственными имуществами, 23 мая 1896 г. изменен порядок поземельного устройства крестьянских хозяйств, 5 января 1898 г. учреждены штаты поземельно-устроительных партий, 19 января 1898 г. отменена подушная подать, с 1897 г. начали вводиться новые судебные правила, в 1898 г. распространен на Восточную Сибирь институт крестьянских начальников, в 1896 и 1899 гг. приняты законы об урегулировании переселенческого движения, а в составе МВД учреждено Переселенческое управление. Последнее позволило освободить чиновников по особым поручениям при генерал-губернаторе от заведования переселенческим делом и передать его в руки крестьянских начальников и переселенческих чиновников. Функции генерал-губернатора фактически свелись к общему контролю над губернскими и уездными учреждениями (это могут теперь вполне успешно, утверждал Сипягин, осуществлять и центральные ведомства), распределению политических ссыльных, надзору за «иноверческим» духовенством, высшему заведованию строительными и дорожными частями, введению казенно-оброчных статей, принятию мер к охране лесов и утверждению торгов на сумму свыше 10 тыс. руб. Во всех других делах управления генерал-губернатор являлся лишь «посредствующей инстанцией между министерствами и губернскими установлениями». Что же касается Якутской области, то ею при отсутствии надежных средств коммуникации, объяснял Сипягин, так же трудно управлять из Иркутска, как и из Петербурга. Якутская область могла бы быть безболезненно присоединена к Приамурскому генерал-губернаторству. Сооружение железной дороги до Иркутска, заключал Сипягин, «завершило непосредственным рельсовым путем связь всего края с Европейскою Россиею»<sup>40</sup>. Весь XIX век, доказывал он, прошел под флагом ограничения и вытеснения из местного управления генерал-губернаторской власти как имеющей чрезвычайный характер. Права генерал-губернаторов, признавал министр внутренних дел, до сих пор остаются плохо определенными. Но больше всего его беспокоило то, что в ведении генерал-губернаторов, по сути дела, остались лишь местные учреждения

МВД, а губернские учреждения других ведомств, в силу проведенных реформ, оказались ему не подвластными. К тому же генерал-губернаторская власть существовала только за счет власти губернаторской, которая была, по существу, подконтрольна МВД.

Произошли некоторые изменения и в военном управлении Сибири. В 1897 г. был образован единый Сибирский военный округ, командующим которого стал степной генерал-губернатор. Эта мера привела к отделению военного управления от гражданского в Восточной Сибири. Теперь иркутскому генерал-губернатору войска были подчинены лишь в порядке общего надзора, для чего, в целях «поддержания в глазах местного населения значения власти», он был переименован в иркутского военного генерал-губернатора. Это положение просуществовало до 1906 г., когда в связи с Русско-японской войной и революционными событиями Военное министерство настояло на восстановлении военного округа в Восточной Сибири с возложением на генерал-губернатора обязанностей командующего войсками.

После передачи в 1897 г. Семиреченской области в ведение туркестанского генерал-губернатора возник вопрос о ликвидации Степного генерал-губернаторства. Разговоры о его бесполезности велись уже с самого момента образования в 1882 г., а в начале 1886 г. появились слухи о возможном упразднении<sup>41</sup>. Однако степной генерал-губернатор М.А. Таубе предложил совершенно иной вариант: образовать новое генерал-губернаторство из Акмолинской и Семипалатинской областей, а также Тобольской и Томской губерний с центром в Омске<sup>42</sup>. По его мнению, устранение генерал-губернаторского надзора за западносибирскими губерниями оказалось преждевременным и замедлило решение многих вопросов, в том числе наиболее острых для края. Но проект Таубе с самого начала не получил поддержки ни в Сибири, ни в Петербурге. Томский губернатор, напротив, настаивал на том, что в порядке управления Тобольская и Томская губернии давно утратили «местные особенности», которые бы могли обусловить восстановление чрезвычайной власти генерал-губернатора. Его поддержал и тобольский губернатор, заявивший, что краю нужен не генерал-губернаторский надзор, а усиление самостоятельности местной губернской власти и «пробуждение общественной самодеятельности». Западносибирские губернаторы явно не желали возврата к прежнему порядку, при котором их значение принижала власть генерал-губернатора. В 1901 г. предложения Таубе рас-

смагивались в Комитете министров, но окончательного решения не получили.

Обсуждение вопроса возобновилось в 1903—1904 гг. в особом совещании, в состав которого вошли не только действующие иркутский и степной генерал-губернаторы, но и их предшественники. На этот раз Таубе воспользовался поддержкой министра внутренних дел Плеве, занятого подготовкой губернской реформы, предусматривавшей передачу некоторых управленческих функций из центральных ведомств в губернские учреждения и усиление губернаторской власти. Плеве, Таубе, Н.Н. Сухотин, П.И. Кутайсов, а также склонявшийся на их сторону А.П. Игнатъев предложили создать одно генерал-губернаторство для всей Сибири. Однако Игнатъев и А.И. Пантелеев, не выступая против генерал-губернаторской власти, считали, что создание единого Сибирского генерал-губернаторства явится лишь возвращением к практике 1803—1821 гг., осужденной еще Сперанским. Они были готовы согласиться с объединением Акмолинской и Семипалатинской областей с Тобольской и Томской губерниями (Пантелеев высказывался за присоединение к Степному генерал-губернаторству лишь Томской губернии) в одном генерал-губернаторстве с центром в Омске. Будущий сибирский генерал-губернатор должен был управлять огромным регионом из Омска, соединяя в одном лице не только высшее гражданское руководство, но и командование Сибирским военным округом. Казалось, что единое управление всей Сибирью принесет исключительную пользу. Железнодорожная магистраль стала «сердцем Сибири», «на которое воздействие единой высшей власти, — доказывали они, — безусловно желательно»<sup>43</sup>. Тем более что дорога и прилегающая к ней территория принадлежат в Сибири двум генерал-губернаторствам и четырем губерниям и оказываются в руках самых разных властей: железнодорожного начальства, жандармской и общей полиции, переселенческих чинов и т.д. Быстрое заселение пространства Западной Сибири в этих условиях может серьезно осложнить деятельность администрации в чрезвычайных ситуациях. Особенно беспокоило правительство усложнение управления хозяйственными делами, связанное с устройством переселенцев. Ситуация обострялась не только из-за того, что администрация не могла переложить часть своих забот на так и не введенные в Сибири земские учреждения, но и по причине неразберихи внутри самого местного государственного аппарата. Было признано, что разрозненная деятельность ведомств на местах суще-

ственным образом «тормозит» переселение. Отвод земельных участков для переселенцев являлся предметом занятий Министерства земледелия и государственных имуществ, а сами вопросы устройства переселенцев были уже делом чиновников МВД. Если в Восточной Сибири их деятельность как-то на месте координировал генерал-губернатор, то в Западной Сибири они должны были постоянно обращаться к своим министерствам. Во время голода, охватившего и западносибирские губернии, в Тобольскую губернию с правами временного генерал-губернатора в начале 1892 г. был послан сенатор кн. Г.С. Голицын.

Одним из дополнительных доводов в пользу своего предложения сторонники реставрации генерал-губернаторской власти в Западной Сибири выдвигали введение в 1901 г. в Томске положения «об усиленной охране», что было вызвано революционным движением студентов и рабочих. В 1904 г. на «усиленную охрану» был переведен Томский уезд. Плеве, посетивший в 1903 г. Западную Сибирь, также пришел к выводу о неудовлетворительном состоянии местной губернской администрации.

Кроме того, тяжелым бременем на местную администрацию ложилась организация уголовной ссылки. «Не говоря уже о политических ссыльных, — прибавляли сторонники единого Сибирского генерал-губернаторства, — требующих исключительно тщательного за ними наблюдения со стороны администрации...»<sup>44</sup> Не успокаивал их и закон 1900 г. о ссылке, который лишь уменьшил приток ссыльных, но никоим образом его не прекратил.

Крайнюю позицию в этом вопросе занял иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов, которому казалось вредным разделение Сибири на две части. Со строительством Сибирской железнодорожной магистрали появилась возможность и потребность, доказывал Кутайсов, объединить вновь Сибирь в единое административное пространство. Он предлагал включить в планируемое Сибирское генерал-губернаторство не только сибирские и степные губернии и области, но даже Екатеринбургскую губернию. Якутская область в его планах предназначалась для ссылки и могла бы управляться губернатором с расширенными правами. Таким образом, вся Азиатская Россия была бы разделена на три крупных административно-территориальных образования: Дальневосточное наместничество, Сибирское и Туркестанское генерал-губернаторства.

Начавшаяся Русско-японская война дала Кутайсову дополнительный повод настаивать на укреплении высшей местной власти.

Осложнения с продовольствием в Восточной Сибири, вызванные войной, вновь обратили внимание на западносибирские губернии, которые он не без основания именовал «житницей Сибири». Кутайсов снова попытался доказать необходимость присоединения Тобольской и Томской губерний к Иркутскому генерал-губернаторству, чтобы был «один хозяин»<sup>45</sup>.

Генерал-губернаторы не разделяли унификационной точки зрения МВД и продолжали настаивать на расширении или хотя бы закреплении своих полномочий. В 1905 г. степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин, излагая свой взгляд на местное управление председателю особого совещания по пересмотру исключительного законодательства графу А.П. Игнатьеву, писал: «Главное: нужно, чтобы губернаторы и генерал-губернаторы получили бы более определенные права, а не одни пустые слова “надзор”, “наблюдение”, “поощрение” и прочее»<sup>46</sup>.

Николай II согласился приступить к разработке в МВД вопроса о подчинении Тобольской и Томской губерний генерал-губернаторской власти, но в самом МВД, с гибелью в 1904 г. Плеве и последовавшей затем сменой политического курса, отнеслись к идее Сибирского генерал-губернаторства с большим сомнением. Управляющий земским отделом В.И. Гурко отрицал необходимость вновь распространять генерал-губернаторскую власть на западносибирские губернии. Ему казалось полезнее провести в Западной Сибири земскую реформу, хотя бы на губернском уровне. Даже Департамент полиции не поддержал идею единого генерал-губернаторства для всей Сибири. Только начальник Переселенческого управления А.В. Кривошеин настаивал на местной централизации переселенческого дела, но и его мало волновало, в какой форме это будет установлено.

Впоследствии вопрос о генерал-губернаторской власти в Сибири ставился еще не раз. В 1908 г. вновь возникли слухи о создании Сибирского наместничества<sup>47</sup>. В своем проекте децентрализации России П.А. Столыпин предусматривал разделение России на 11 областей, в их числе называлась и Степная область (в которую бы входила Западная Сибирь). Восточная же Сибирь (наряду с Туркестаном и рядом других окраинных территорий) оставалась за пределами этого деления и лишалась возможности участвовать в общегосударственном представительстве в Государственной думе. Очевидно, что и к ней относилось замечание о необходимости «перевода некоторых местностей на положение колоний с выделени-

ем их из общего строя империи»<sup>48</sup>. А.И. Гучков рассказывал историку Н.А. Базили, что, не зная, «как отделаться» от П.А. Столыпина, планировали образовать наместничество в Сибири<sup>49</sup>.

К рубежу веков господствовавшие в Сибири дореформенные порядки пришли в явное противоречие с новыми явлениями в жизни края. Самодержавие в этих условиях вынуждено было вернуться к реформе суда, управления земским хозяйством, а также к отмене уголовной ссылки. Однако подготовка сибирских реформ совпала по времени с антиреформаторскими настроениями в правительственных сферах. Это не могло не сказаться на скорости прохождения проектов и их качестве.

Проведение железной дороги и все усиливавшийся поток переселенцев обусловили постановку с новой остротой вопроса о судебной реформе в Сибири. Теперь предусматривалось распространить судебные уставы 1864 г. на Сибирь не только с учетом местных особенностей, но и с изменениями в соответствии с контрреформаторскими идеями. В 1894 г. создается межведомственная комиссия под председательством товарища министра юстиции П.М. Бутовского для рассмотрения вопроса «об улучшении судебной части в Сибири». Комиссия пришла к единодушному заключению о необходимости проведения судебной реформы на большей части сибирской территории, руководствуясь опытом устройства судебных учреждений в северных губерниях и на Кавказе. Наиболее существенным казалось соединение в Сибири обязанностей судебного следователя и мирового судьи, создание, таким образом, своего рода «судьи-следователя»<sup>50</sup>.

Беспокойство власти то, что из-за неразвитости судебных институтов в Сибири и редкой сети полицейских учреждений многие преступления вообще остаются неизвестными властям. Недоверие сибирских жителей к коронному суду порождало практику самосуда, что, как вынуждена была признать комиссия, стало обыденным явлением. Процесс судопроизводства был обставлен громоздкими формальностями, сложной делопроизводственной процедурой. Подследственные и свидетели подолгу должны были ждать разбирательства дел. Полицейские чиновники, на которых возлагались следовательские функции, рассматривали их как дополнительную обузу. К тому же оказывалось, что они слабо знакомы с уголовным законодательством, порядком проведения следствия. В этих условиях процветала судебная волокита, которой пользовались в личных целях не только преступники, но и сами судебные и полицей-

ские чины. С 1889—1892 гг. в Тобольской губернии против 7 полицейских чиновников, на которых были возложены обязанности следователей, были возбуждены уголовные дела. В той же Тобольской губернии в ходе ревизии П.М. Бутовский обнаружил до 1000 находившихся без движения дел, некоторые из них были в производстве по 5—10 и даже 17 лет. Прокурорский надзор оставался слабым. По уверению сибирской печати, среди присяжных поверенных в Сибири преобладали разного рода проходимцы<sup>51</sup>.

Еще в более запущенном виде предстал процесс судопроизводства по гражданским делам. Комиссия констатировала: «Отдаленность суда и судебная волокита делают гражданский суд недоступным для большинства населения, которое поэтому только в случаях, когда нарушаются существенные его интересы, обращается к суду, предпочитая в остальных — отказаться от защиты»<sup>52</sup>. Беспорядок в организации гражданского судопроизводства негативно воздействовал на предпринимательскую деятельность в Сибири, на приток иностранных капиталов. Настоятельная потребность судебных преобразований вызывалась и казавшимся опасным начальству скоплением рабочих в зоне строительства Сибирской железной дороги.

Признавая неотложным реформирование всей сибирской судебной системы, комиссия, несмотря на наметившийся общий пересмотр Судебных уставов 1864 г., все же считала возможным провести в Сибири судебную реформу, «с теми, конечно, отступлениями, которые вызываются особенностями края». В условиях наметившейся судебной контрреформы, когда новый суд подвергался ожесточенным нападкам справа, было решено остановиться на смешанном варианте, который предусматривал соединение «старого суда с новым». Наиболее важными были отказ от введения в Сибири суда присяжных, отступления в разделении суда и следствия и изъятие из ведения нового судопроизводства «иностранцев».

13 мая 1896 г. Николай II утвердил «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири», предусматривавшие создание здесь мирового суда с назначаемыми, а не выборными судьями и без окружного съезда мировых судей (его функции были возложены на окружные суды). На мировых судей были возложены обязанности участковых судебных следователей. Были образованы судебные палаты (в Омске, Иркутске) и окружные суды (в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске, Якутске, Чите). В Восточной Сибири генерал-губернатор сохранил право

рассмотрения заключений прокуроров по преданию суду должностных лиц<sup>53</sup>.

При всей ограниченности и непоследовательности судебной реформы 1896 г., она вводила в организацию судебной власти в Сибири некоторые принципы модернизации: расширяла пределы гласности судопроизводства, состязательность в судебном процессе и усиливала независимость суда от администрации. Суд удалось сделать более доступным и скорым, приблизить его к населению.

Если судебные преобразования, хотя бы в урезанном виде, все же проводились, то земских учреждений до Февральской революции 1917 г. Сибирь так и не дождалась. Земская инициатива иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина в 1898 г. натолкнулась на противодействие Витге, который был противником распространения земских учреждений на окраины. Важную роль в разработке земского вопроса применительно к Сибири сыграли местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности<sup>54</sup>. Только в условиях революции 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин поддержал сибирские ходатайства о земстве. Царским рескриптом 3 апреля 1905 г. иркутскому генерал-губернатору Кутайсову поручалось разработать положение о сибирском земстве. Но надежда на скорую реформу оказалась преждевременной. Только в 1917 г. Временное правительство начало создавать земские учреждения за Уралом, но через год они были ликвидированы советской властью<sup>55</sup>.

В разработке реформы ссылки новый этап был связан с командировкой в 1898 г. в Сибирь и на Сахалин начальника Главного тюремного управления А.П. Саломона и учреждением в следующем году Особого совещания о ссылке. За ограничение ссылки ясно высказался министр юстиции Н.В. Муравьев, обративший внимание на несовместимость проводимых в конце XIX в. преобразований с сохранением ссылки. Со строительством железной дороги Сибирь утратила свою отдаленность, а с ростом переселенческого движения потеряла свое устрашающее значение. Законом 12 июня 1900 г. отменялась судебная общеуголовная ссылка и существенно ограничивалась ссылка административная<sup>56</sup>.

Одним из важнейших направлений административной политики в конце XIX в. оставалась организация крестьянского управления. Уже при проведении реформы в сибирской кабинетской и государственной деревне самодержавие пришло к пониманию недостаточности для управления крестьянами обычных губернских и

окружных учреждений. Земские заседатели оказались не в состоянии обеспечить эффективное с точки зрения властей наблюдение за крестьянским самоуправлением. Кроме того, положение усугублялось нераспространением на Сибирь в полной мере учреждений Министерства государственных имуществ (с 1894 г. Министерство земледелия и государственных имуществ).

Центральная и местная администрация последовательно наращивала бюрократический аппарат, непосредственно осуществлявший контроль за деятельностью крестьянского самоуправления, стремясь окончательно поставить его под свое регулирующее воздействие. Выдвигались предложения о замене выборов крестьянской администрации прямым назначением сверху<sup>57</sup>. Завершением этого процесса стало учреждение института крестьянских начальников, сибирской модификации земских начальников. При разработке закона 2 июня 1898 г. о крестьянских начальниках, как и в случае с другими административными преобразованиями этого периода, в правительственных кругах выявилась неоднозначность подходов к организации управленческого аппарата Сибири.

Инициатива введения нового института крестьянского управления в Сибири принадлежала местной администрации. Иркутский генерал-губернатор А.П. Игнатьев в 1887 г. предложил передать несвойственные полиции функции наблюдения за крестьянским самоуправлением и проведения судебных следствий другим чиновникам. Организация надзора за крестьянским самоуправлением представлялась ему делом «первостепенной важности». Такой надзор должен был быть поручен специальным чиновникам, близко стоящим к крестьянскому и «иностранческому» населению, облеченным правами не только мирового посредника, но и мирового судьи<sup>58</sup>. Фактически это означало распространение на Сибирь разрабатываемого в то время в МВД института земских начальников. В отчете о состоянии Иркутского генерал-губернаторства за 1889—1892 гг. А.Д. Горемыкин также высказался в пользу создания «органов, которые соединяли бы судебную по маловажным делам власть с попечительством над крестьянским населением». А 30 июня 1892 г. он представил в МВД свои предложения о распространении на Сибирь института земских участковых начальников, на которых также предлагал возложить в Сибири дополнительно попечение над «иностранческим» населением, заведование продовольственным делом, содержанием дорог и другими мероприятиями, которые в Европейской России относились к кругу ведения земских учреждений.

Закон 2 июня 1898 г. передал крестьянским начальникам заведование крестьянским общественным управлением, обязал их заботиться об устройстве крестьян и переселенцев, а также предоставил права по управлению и суду в отношении «инородцев». Крестьянским начальникам в тех участках, где имелось «инородческое» население, присваивалось наименование крестьянского и инородческого начальника. 23 апреля 1901 г. крестьянские начальники были учреждены в Забайкальской области. Не ввели их только в Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии, Нарымском крае Томской губернии и Туруханском крае Енисейской губернии. В 1903 г. МВД попыталось учредить эти должности и здесь, выдвигая кроме обычных аргументов и необходимость решения обрусительных задач. Но это новое начинание МВД не было поддержано Министерством финансов. В состав участков крестьянских начальников не вошли городские поселения, золотые и платиновые прииски, состоящие в ведении особой горной полиции, а также казачьи поселения в Забайкальской области. Крестьянский начальник не получил прав мирового судьи, но он мог рассматривать споры между крестьянами по хозяйственным вопросам, подменяя тем самым компетенцию волостного суда. Ему было предоставлено также право налагать на крестьян административные наказания: штраф до 15 рублей или арест до трех суток. Он мог временно отстранять от должности выборных лиц волостного и сельского управления и ходатайствовать перед уездным съездом крестьянских начальников об их увольнении. Крестьянские начальники были поставлены в полную зависимость от губернатора и общего присутствия губернского управления. Назначение и увольнение крестьянских начальников в западносибирских губерниях зависело от министра внутренних дел, а в Иркутском генерал-губернаторстве и Забайкальской области — от иркутского генерал-губернатора. С введением крестьянских начальников земские заседатели окончательно превратились в обычных становых приставов.

Главной специфической чертой кадровой политики в Сибири оставались служебные преимущества для чиновников. Вопрос о пересмотре правил, регламентирующих сибирские льготы, был поставлен уже в 1864 г. Несмотря на актуальность, его решение затянулось более чем на двадцать лет. В первую очередь необходимо было определить, стоит ли распространять особые преимущества на всех чиновников, служащих на окраинах, или должно быть установлено ограничение определенным классом должностей и пре-

доставление льгот только чиновникам, прибывшим в Сибирь. По существовавшим правилам сибирские уроженцы не имели права на большинство льгот, и прежде всего на прибавочное жалованье за выслугу лет в Сибири. Подобные ограничения были вызваны не только финансовыми интересами или соображениями о том, что местные уроженцы лучше приспособлены к сибирским условиям. Против сибиряков в правительственных кругах существовало известное предубеждение, обусловленное не только их низкой профессиональной подготовкой, но и предосудительной с правительственной точки зрения связью с местным обществом. Построенная таким образом система привилегий для приезжих чиновников не только не достигала цели, но и порождала недовольство в сибирском обществе.

Хотя система служебных льгот и привилегий признавалась многими «отжившим наследием прошлого», закон 13 июня 1886 г. сохранил их. Особые преимущества для приезжих по-прежнему составляли: 1) прогонные деньги в усиленном размере (двойные в отдаленные местности и полуторные в остальные места Сибири); 2) пособие на подъем и обзаведение; 3) прибавки к жалованью; 4) пособия по выслуге; 5) пособия на воспитание детей; 6) отпуск на льготных условиях; 7) льготы по пенсионному обеспечению; 8) пособия семьям чиновников, умерших на службе. Исключение в новом законе было сделано для местных уроженцев, получивших высшее образование, а также для коренных жителей Сибири, которые возвращались туда на службу, пробыв менее десяти лет вне ее пределов. На таких лиц теперь распространялись все преимущества сибирской службы. Расширялась возможность отправки сибирских стипендиатов в высшие учебные заведения, но по окончании учебы они обязаны были прослужить в Сибири не менее 6 лет. Окончательно было отменено награждение следующим чином при отправлении на службу в отдаленные местности.

Университетский вопрос, с которым связывали подготовку чиновников в Сибири, удалось сдвинуть с мертвой точки только в 1875 г. новому западносибирскому генерал-губернатору Н.Г. Казнакову. Открытие университета в 1888 г. в Томске с единственным медицинским факультетом (юридический факультет появился лишь через десять лет) не могло существенно повлиять на решение кадровой проблемы.

Чтобы улучшить состав сибирского бюрократического аппарата, уменьшить текучесть кадров, правительство неоднократно воз-

вращалось к идее насаждения в Сибири поместного дворянства. После ревизии Западной Сибири Н.Н. Анненковым вновь был поднят вопрос о дворянском сословии за Уралом. Но с падением крепостного права (а только оно могло гарантировать даровую рабочую силу для будущих сибирских помещиков), при низкой плотности населения в Сибири и наличии большого массива свободных земель вопрос о частной собственности на землю для сибирских чиновников потерял на время актуальность.

Стержнем, пронизывающим сибирскую административную политику имперского центра в течение всего XIX в., можно считать отношение к особому административному устройству Сибири, закрепленному в результате реформ Сперанского. В этой связи период с начала XIX в. до 1822 г. может рассматриваться как время поиска сибирской модели управления, а последующие годы, вплоть до рубежа XIX—XX вв., как стремление скорректировать или даже пересмотреть «Сибирское учреждение». Хотя последнее внешне казалось незыблемым и сохраняло свой особый юридический статус в рамках «Свода законов Российской империи» вплоть до 1917 г., постепенно произошла его внутренняя коррозия, оставившая, как заметил уже в 1875 г. соратник Муравьева-Амурского Б.А. Милютин, «одни обломки».

---

<sup>1</sup> ПСЗ-II. № 26178. 17 апр. 1852 г. О II Сибирском комитете см. подробнее: *Волчек В.А.* Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006.

<sup>2</sup> *Струве В.Б.* Воспоминания о Сибири (1848—1854). СПб., 1889. С. 128.

<sup>3</sup> 5 апреля 1856 г. его на этом посту сменил граф А.Ф. Орлов.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

<sup>5</sup> *Кузнецов А.С.* Сибирская программа царизма 1852 г. // *Очерки истории Сибири.* Иркутск, 1971. Вып. 2. С. 3—26; *Ремнев А.В.* К истории создания «сибирской программы» царизма 1852 г. (Некоторые аспекты источниковедческого анализа) // *Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода.* Омск, 1990. С. 58—69.

<sup>6</sup> *Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь. Прага, 1930. С. 76.

<sup>7</sup> Учреждение Сибирское. Изд. 1892 года. Ст. 276—277.

<sup>8</sup> Данные на конец 1870-х гг. (*Шеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 423).

<sup>9</sup> Впоследствии правление Западно-Сибирской железной дороги было размещено в Томске.

<sup>10</sup> Историческое обозрение 50-летней деятельности МГИ. СПб., 1888. Ч. V. С. 20, 33—35.

<sup>11</sup> Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 82.

<sup>12</sup> Забайкальский военный губернатор, в отличие от туркестанского, назначался по представлению не военного министра, а министра внутренних дел.

<sup>13</sup> *Роббинс Р.* Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы? // *Родина.* 1995. № 5. С. 29.

<sup>14</sup> *Ивановский В.В.* Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. С. 16—17.

<sup>15</sup> Восточное обозрение. 1884. 13 дек.

<sup>16</sup> *Крыжановский В.* О состоянии и изменениях высшего местного управления Восточной Сибири с 1822 по 1887 г. // *Русский архив.* 1913. № 7. С. 23—24.

<sup>17</sup> Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. I. Вып. 1. С. 127.

<sup>18</sup> *Клер Л.С.* Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII — начале XX в. // *Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири.* Иркутск, 1982. С. 20—21.

<sup>19</sup> *Соболева Т.Н.* Административные преобразования 60—80-х гг. XIX в. на Алтае и их влияние на экономическое развитие Кабинетского округа // *Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири.* Барнаул, 1990. С. 147, 151.

<sup>20</sup> *Соболева Т.Н.* Управление кабинетским земельно-арендным хозяйством на Алтае в конце XIX в. // *Проблемы истории дореволюционной Сибири.* Томск, 1989. С. 146—155.

<sup>21</sup> *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. С. 241.

<sup>22</sup> Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 8. Д. 13334. Л. 376.

<sup>23</sup> В Березове было организовано военно-окружное управление во главе с военно-окружным начальником из штаб-офицеров, в лице которого соединялась военная и гражданская власть в округе.

<sup>24</sup> ПСЗ-II. № 31222. 6 дек. 1856.

<sup>25</sup> Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет // Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 131. С. 8.

<sup>26</sup> Сибирь. 1882. 9 мая.

<sup>27</sup> *Игнатьева М.Н.* Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск, 1995. С. 12. В отдаленных и малонаселенных местностях, как, например, Баргузин, окружное полицейское управление состояло всего из двух человек — окружного исправника и его помощника.

<sup>28</sup> Подробнее см.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск, 1983. С. 120—121.

<sup>29</sup> *Жидков Г.П.* Земельный вопрос и реформа 1861 г. на Алтае // *Бахрушинские чтения.* 1966. Вып. 2. Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. С. 100; *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

<sup>30</sup> *Никулин В.Н.* Чиновники по крестьянским делам Западной Сибири (1883—1898) // *Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX в.* Иркутск, 1988. С. 15—21.

<sup>31</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884. Т. I. С. 169.

<sup>32</sup> Вологодский П. К истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12; Арефьев Н. За пределами Европейской России. I. Сибирь // Северный вестник. 1896. № 1. С. 48—58.

<sup>33</sup> Труды особого отдела комиссии... для работы по преобразованию по судебной части. Б. м, б. г. С. 1.

<sup>34</sup> Соображения Особого отдела комиссии для работ по преобразованию судебной части, по предположениям главных местных начальств и должностных и частных лиц Сибирского края, о применении в. у. 20 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части в Сибири. Б.м. [1867]. С. 7, 9.

<sup>35</sup> ПСЗ-III. № 9140, 9354. Подробнее см.: Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 129—132.

<sup>36</sup> РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 195. Л. 15.

<sup>37</sup> Legras J. En Sibirie. Paris, 1899. P. 206.

<sup>38</sup> РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1. Л. 28—29.

<sup>39</sup> Цит. по: Корнилов А.А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. // Сборник о земстве в Сибири. СПб., 1912. С. 12.

<sup>40</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1899 г. Д. 26. Л. 143.

<sup>41</sup> Восточное обозрение. 1886. 2 янв.

<sup>42</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1899 г. Д. 26. Л. 3—5.

<sup>43</sup> Там же. Д. 28. Л. 82.

<sup>44</sup> Там же. Л. 75.

<sup>45</sup> Там же. Л. 116.

<sup>46</sup> Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 222—225, 228.

<sup>47</sup> Сибирские вопросы. 1908. № 41. С. 47—53.

<sup>48</sup> Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 122—123.

<sup>49</sup> Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А.Н. Гучкова с Н.А. Базили // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 167.

<sup>50</sup> Верховский К. Преобразование судебного дела в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8 (июнь). С. 148—150.

<sup>51</sup> Арефьев Н. За пределами Европейской России. I. Сибирь // Северный вестник. 1896. № 1. С. 54.

<sup>52</sup> Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 639. С. 9.

<sup>53</sup> ПСЗ-III. № 12932.

<sup>54</sup> Воронцова Л.Н. Постановка вопроса о реформе местного управления сибирской администрацией (80-е гг. XIX в. — 1907 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 19—26.

<sup>55</sup> Яковлева Н.А. Февральская революция и сибирское земство // Грани. 1994. № 171. С. 200—221.

<sup>56</sup> Ссылные этих категорий составляли 85% всей массы ежегодно ссылаемых в Сибирь (Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон 12 июня

1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1978. С. 140).

<sup>57</sup> *Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979. С. 249—250.

<sup>58</sup> Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет // Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 131. С. 9.

# КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ СИБИРИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИМПЕРСКОЙ ОКРАИНЫ (XVIII — НАЧАЛО XX в.)

СОСТАВ И СТРУКТУРА СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО  
ОБЩЕСТВА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛОКАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ.  
ВНУТРЕННЕЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МОДЕРНИЗАЦИЯ  
ПОТЕСТАРНЫХ ИНСТИТУТОВ

## 5.1. СОСТАВ И СТРУКТУРА СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛОКАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ

**Ц**ентральная власть, присоединяя новые территории, вынуждена была делать ставку на местные общества и традиционные институты самоуправления, используя их в качестве низового звена власти, наделяя их властными полномочиями и сохраняя за ними определенную степень самостоятельности и базовые принципы формирования (выборность, коллегиальность, отчетность исполнительных органов перед представительными). Недостаток бюрократических средств и отсутствие привилегированных сословий на восточных окраинах, отдаленность от центра и несовершенные средства коммуникации приводили к вынужденной деконцентрации власти на всех уровнях. Ни местные, ни тем более центральные власти не могли собственными средствами и силами организовать управление на окраинах, поэтому вынуждены были не только терпеть, но и укреплять систему крестьянского и

родоплеменного самоуправления. Это обуславливало особое значение сословно-представительных учреждений, использование традиционных институтов городского, сельского, аборигенного населения в системе местного управления. Абсолютное преобладание крестьянского сословия, а также существовавшая традиционная система мирского управления в крестьянских обществах объясняет постоянное и пристальное внимание правительства к их деятельности.

При определении территориальной основы местного самоуправления государство использовало либо населенные пункты (село, город), либо более крупные территориальные образования (волость, уезд). Сторонники государственной теории самоуправления вполне обоснованно считали, что принадлежность к территориальному обществу должна определяться объективными признаками, прежде всего совместным проживанием и хозяйствованием на одной территории. Структура и состав местного общества определялись государством исходя из удобств управления, при этом убеждения или верования местного населения не являлись для государства приоритетными факторами<sup>1</sup>. Критерий успешности этой деятельности заключался в том, насколько понимание государством и местной администрацией удобств управления соответствовало развитию данной территории. Стремление к унификации административно-территориальной структуры могло нарушать связи, установившиеся в пределах данного населенного пункта или общины.

В Российской империи, как и в любом другом обширном по территории государстве, существовало несколько уровней самоуправляющихся местных обществ, которые и являлись единицами общего административного деления. Самой мелкой административной единицей большинства государств являлась община, но далеко не всегда все население, компактно проживающее на данной территории, входило в состав общины. В отличие от европейских государств, где границы и состав местных обществ действительно определялись по территориальному признаку, в России государство формировало местное общество, исходя из сословной принадлежности населения. Губернская реформа 1775 г. и Жалованные грамоты дворянству и городам создали возможность для существования всесословного самоуправляющегося городского общества, объединяющего городских жителей всех сословий, имеющих постоянное пребывание и владеющих недвижимым имуществом в черте городской оседлости. Всесословные сельские общины в Рос-

сийской империи существовали в основном на западных окраинах: в Финляндии, прибалтийских губерниях и Царстве Польском. Главной особенностью всесословной волости было включение в ее состав не только крестьян, владеющих собственной усадьбой или недвижимым имуществом, но и лиц, не принадлежащих к крестьянскому сословию, проживающих в селениях<sup>2</sup>. Очевидно, что такое устройство местного общества являлось более удобным для местных жителей, так как отражало сложившиеся на данной территории производственные связи и отношения. Органы крестьянского самоуправления, формирующиеся по территориальному признаку, были более демократичными, поскольку позволяли всем категориям населения участвовать в их деятельности и, следовательно, нести тяготы по содержанию администрации и удовлетворению местных потребностей.

Сибирское крестьянское общество формировалось под влиянием поморских традиций, которые принесли первые поколения переселенцев. Для Поморья была характерна корпоративная организация сельских жителей, объединенных не только хозяйственной деятельностью, но и единой конфессиональной структурой: административная волость в данном случае совпадала с церковной единицей — приходом. При подготовке реформы 1861 г. и позднее в Кахановской комиссии по реорганизации системы местного управления обсуждался вопрос о возможности, преимуществах и недостатках придания приходу значения административной единицы. Главным преимуществом прихода перед крестьянской волостью были всесословность и возможность объединения местных жителей на основе не только гражданских, но и духовных интересов. Но именно это условие было недопустимо для таких регионов, как Сибирь, характеризовавшихся смешанным русским и «иностранческим» населением.

Отсутствие в Сибири крупного помещичьего землевладения делало сельское население более однородным, чем во внутренних губерниях России, в нем не проявлялся антагонизм помещик—крестьян. Кроме того, сословные границы в Сибири были крайне неустойчивы. В XVIII в. шел постоянный взаимообмен: мещане, купцы, служилые люди разных чинов являлись резервом для пополнения крестьянского сословия, а разбогатевшие крестьяне имели право поменять свой сословный статус на мещанский. Поэтому составление государством местных обществ по сословному признаку было искусственным, оно имело преимущественно фис-

кальный характер. Реальное разделение сибирского сельского населения проходило не по сословиям, но по группам населения, которые имели одинаковый правовой статус, но отличались в образе жизни, языке, вероисповедании, уровне благосостояния. Сохранялась разобщенность между русским и «иностранческим» населением, старожилами, ссыльнопоселенцами и переселенцами.

Государство формировало крестьянское общество в Сибири, в первую очередь исходя из удобства осуществления податных функций, строго соблюдая при этом сословное деление. Приоритет административно-фискальных интересов обуславливал постепенный отказ государства от стихийно возникавших при переселении крестьян сельских однодеревенских обществ. Крестьянский мир как неформальная общественная организация возникает уже у первого поколения переселенцев под влиянием поморских традиций земского самоуправления, естественного стремления к самоорганизации и хозяйственных потребностей крестьян<sup>3</sup>. Законодательные акты 60—80-х гг. XVIII в. рассматривали в качестве основы крестьянского самоуправления мир, на официальном языке — селение, наряду с более крупными территориальными образованиями — погостом, слободой, волостью. Так, указы 1765 и 1769 гг. для жителей селения устанавливали круговую поруку в платежах податей и при поимке вора. В 1783 г. подтверждалось право казаков, мещан и крестьян казенного ведомства в городах, местечках, селах, деревнях производить самостоятельно уравнение и раскладку положенных с них доходов. В «Установлении сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях» 1783 г. наряду с селениями, которые определяются как первичный территориальный уровень, появляются пятисотенные участки для выполнения разных повинностей, в том числе и рекрутской. Введение этой единицы нарушало самостоятельность селения при установлении рекрутской очереди. Хотя «Установление» имело местный характер, оно было распространено и на другие губернии. В «Сельском положении», составленном Екатериной II в качестве предполагаемой Жалованной грамоты свободным сельским обитателям, сельская управа избиралась в каждом селении, состоящем не менее чем из пяти дворов<sup>4</sup>. В то же время упоминается и вторая ступень сельского управления — погост.

Использование селения в качестве первичного территориального уровня отвечало интересам самого населения. Крестьянам было удобно, чтобы органы самоуправления, решавшие все вопро-

сы жизнеобитания (включая такие важные, как судебные, окладные), действовали под контролем данного общества и на территории, где сложилась фактическая общественная организация. Но интересы общества не совпадали в данном случае с интересами государства. Государство при определении территориальной основы местного самоуправления исходило из удобства управления, что в этот период отождествлялось с удобством сбора податей и эффективностью контроля над деятельностью органов крестьянского самоуправления. Порядок взимания денежных сборов с казенных поселян (государственные подати, земские повинности и мирские расходы) во многом определял размеры территории, ее социальный состав и структуру. Государство стремилось к организации крупной и однородной по сословному составу территориальной общности. Объединяя круговой порукой местных жителей в соответствии с родом их занятий, а следовательно, и сословной принадлежностью, государство обеспечивало себя надежным фискальным инструментом.

Во второй половине XVIII в. сословие государственных крестьян еще окончательно не оформилось, существовали различные категории сельского населения, которые являлись держателями казенных земель, но были обложены различными видами обязательной государственной службы и государева тягла. Кроме государственных крестьян на территории слободы проживали и занимались земледелием, но не являлись членами крестьянского общества мещане, купцы, служилые казаки. Самостоятельные общества составляли ямщики, экономические крестьяне и однодворцы, даже если их земли располагались чересполосно с крестьянскими.

В 60-е гг. XVIII в. в связи с окончательной отменой десятинной пашни и натурального оброка пашенные и оброчные крестьяне Сибирской губернии были переведены на денежный оброк. Коммутация ренты являлась очередным шагом по формированию сословия государственных крестьян. До 1764 г. самостоятельные общества составляли однодворцы, организация которых была аналогична крестьянской. В 1764 г. однодворцы, не имеющие актов, подтверждающих дворянское состояние, были введены в состав казенных крестьян. Особые общества, организационно не связанные с крестьянскими, составляли разночинцы. После перевода крестьян на денежный оброк разница между этими категориями оставалась только генетическая. Разночинцы — специфическая сибирская

категория, ее представители являлись потомками служилых людей XVII в., осевших на пашню. При образовании волостей они были включены в состав крестьянских обществ.

Сословная пестрота общин затрудняла выполнение мирских повинностей. Для крестьянина главным в самоуправлении было равное распределение общественных функций, а не доступность для всех членов данного общества участия в процессе управления. Кроме членов общества на территории слободы проживали и пользовались казенными угодьями, но не участвовали в выполнении земских и мирских служб посадские жители. Крестьяне просили у администрации либо выселить посадских людей в город, либо определить их в крестьянское сословие для равномерного распределения натуральных повинностей. Местные власти, отвечая на жалобы крестьян в «утеснении их по разным видам», пытались привести в соответствие род занятий и сословную принадлежность. Начиная с 40-х гг. XVIII в. регулярно принимались меры в этом направлении.

В 1782 г. генерал-губернатор Пермского и Тобольского наместничеств Е.П. Кашкин издал указ, согласно которому лица, записавшиеся в мещанское или купеческое сословие, должны были проживать в городах, на отведенных для них землях. Мероприятия, проведенные по этому указу (высылка мещан из уездов, а крестьян из городов), не принесли желаемых результатов. По данным, собранным в 1790 г., по уездам Тобольского наместничества проживало 6604 мещанина и цеховых, 63 купца. В каждой волости Тюменского уезда проживало в среднем 75 мещан, Тарского — 31, Туринского — 12, Ялуторовского — 6. Формально государство запрещало включать мещан в общество государственных крестьян с сохранением сословного статуса. По сенатскому указу 1808 г. купцам и мещанам, живущим в селениях, запрещалось отводить казенные земли. Более радикальный путь решения этой проблемы предложил М.М. Сперанский, проведя массовое зачисление мещан, занимающихся хлебопашеством и проживающих в сельской местности, в сословие государственных крестьян. Фактически посадские жители не только проживали на территории волости, занимались хлебопашеством на казенных землях, но и принимали активное участие в жизни крестьянского общества, нередко оказывались в числе выборных начальников. Доля грамотных среди мещан и купцов была, несомненно, выше, чем в крестьянской среде, поэтому мещан часто избирали на должность волостных

писарей. Мещане из ссыльных обучали крестьянских детей в приходских училищах.

Купцы и мещане, постоянно проживавшие в сельской местности, выходили из-под контроля городского общества, и поэтому крестьянское общество являлось единственным инструментом, с помощью которого государство могло контролировать выполнение ими государственных повинностей. В отношении посадских жителей государство проводило двойственную политику. С одной стороны, оно не признавало их членами крестьянского общества, с другой — исходя из интересов фиска, обязывало крестьянское общество контролировать исполнение государственных повинностей. По указу Сената 1808 г. при выходе в городское общество купцы и мещане должны были получать согласие крестьянского общества.

Манифестом 1764 г. бывших монастырских крестьян под именем экономических определили в сословие казенных крестьян. Для управления экономическими крестьянами до 1786 г., т. е. до издания «Учреждения о губерниях», существовала особая Коллегия экономии. Согласно инструкции, данной этому учреждению, управление селениями экономических крестьян находилось в ведении управителей и приказчиков, «назначенных из штаб- и обер-офицеров, искусных экономов». Дополнительно при назначенных чиновниках состояла выборная крестьянская администрация, аналогичная по штату выборной администрации государственных крестьян. Экономические крестьяне составляли отдельные «экономические общества», по территории совпадавшие с бывшими монастырскими вотчинами. Для государства принципиальной разницы между государственными и экономическими крестьянами не было, обе категории являлись держателями казенных земель и с 1768 г. выплачивали за это одинаковый оброк. Экономические общества сохраняли некоторые традиционные обязанности перед монастырями, в том числе такие, как ремонт монастырских мельниц, дорог, охрана монастырских рощ. Выделение экономических крестьян в особую категорию сохранялось в ведомостях до середины XIX в., хотя с 80-х гг. XVIII в. категории экономических и государственных крестьян не имели различий в характере податных повинностей, образе управления, роде занятий. Благодаря этому стало возможно слияние «экономических обществ» и обществ государственных крестьян в ходе реформы 1786 г.

Во второй половине XVIII в. на территории Сибири существовали отдельные общества ямщиков — ямы. Ямщики вместо плате-

жа податей исправляли особую повинность — почтовую гоньбу. Они не являлись членами крестьянского общества, даже если проживали на территории слободы или волости. Местная администрация стремилась не допускать чересполосного владения землей ямщиков и государственных крестьян. Ямщики так же, как и экономические крестьяне, были изъяты из ведения местной администрации и подчинялись особым ямским управителям до упразднения Ямской канцелярии в 1822 г. При создании волостей в 80-е гг. XVIII в. государство сохраняло ямские общества в местах компактного проживания ямщиков. В остальных случаях ямщики причислялись к крестьянским обществам. При чересполосном владении землями ямщики переводились в сословие казенных поселян и наравне с государственными крестьянами включались в круговую поруку и платили подати. По указу Кашкина даже причисленные к крестьянским обществам ямщики продолжали сохранять некоторую самостоятельность, избирая отдельно от крестьян своего выборного в волостной суд. В 1822 г. сибирская администрация, считая убыточным для казны и обременительным для самих ямщиков сохранение за ними особого статуса, причислила их в сословие государственных крестьян, с определением их в ближайшие волости. Существовавшие ямские волости были переведены в крестьянские общества. После этого осталась не вполне разрешенной участь городских ямщиков. По роду занятий и месту проживания они фактически являлись городскими жителями, но юридически по-прежнему считались сельскими поселянами. До 1824 г. ямские городские общества существовали в крупных сибирских городах: Тобольске, Туринске, Тюмени. При уравнивании в правах с поселянами они были приписаны к различным крестьянским обществам, с указанием выехать из города на место приписки для занятия земледелием. Бывшие тобольские и туринские ямщики подали прошение в тобольскую казенную палату о разрешении им «по домоводству их в городе дозволить жительствовать в нем», но не платить при этом положенных городским жителям повинностей. Для управления они просили учредить у них мирскую городовую волость. ГУЗС пошло на компромисс при решении проблемы туринских ямщиков, что стало прецедентом для других аналогичных случаев. Совет ГУЗС разрешил учреждение туринской городской крестьянской волости, «дабы не отнимать средств к занятиям, к которым они уже привыкли», но при условии, что все сохраняющие жительство в городе будут нести наравне с городскими жителями по-

винности. Общественное управление в городской волости предполагалось завести в сокращенном варианте, по типу сельского управления государственных крестьян. На каждую сотню жителей выбирался сотник для сбора податей и исполнения полицейских обязанностей.

Существующие до реформы 1786 г. территориальные общества различных категорий хлебопашцев образовывали низовые административно-территориальные единицы: слободы, погосты, ямы, станции, села. Несмотря на различные наименования административных центров, структурно они были схожи и представляли собой объединения территориально-соседских общин, локализованных в рамках селения или группы селений, с центром в слободе, погосте или селе. При этом селениями слободского присуда не всегда были ближайшие к слободе населенные пункты. Отделение пользователей казенными землями в обособленные общества, подчинение их различным ведомствам приводило к такой ситуации, когда слободская община была составлена из селений, разбросанных по всему уезду. Населенные пункты, стихийно возникавшие при переселении, были обычно небольшими по размеру (в основном двух- и трехдворными) и разносословными по составу. В 60-е гг. XVIII в. Томская администрация отмечала, что сибирские крестьяне привыкли жить малыми деревнями. Новые деревни возникали либо как выселки, либо как заимки, часто на расстоянии десятков верст от старых населенных мест и административных центров. Жители таких селений из-за малочисленности не составляли отдельных обществ, в то же время из-за отдаленности их нерационально было приписывать к соседним обществам. Поэтому администрация требовала, чтобы крестьяне селились большими деревнями, а не однодворками. Директор домоводства казенных палат Мыльников в 80-е гг. XVIII в. после осмотра в Тарском уезде русских поселений рекомендовал запретить переселенцам заводить мелкие селения и селиться вблизи татарских юрт.

Организация сельских обществ, в отличие от слободских, являлась прерогативой самих крестьян, которые исходили из материальных соображений и удобства решения судебных и окладных вопросов. Если расходы на содержание собственного старшины были обременительны для жителей одного селения, то общества предпочитали объединение с другими селениями в междеревенские объединения. В конце XVIII в. крестьяне продолжали оказывать влияние на формирование первичного уровня местного самоуправ-

ления (сельского общества) через самовольные, несанкционированные переселения. Стихийно возникавшие селения или группы селений до следующей ревизии существовали нелегально, жители продолжали числиться в волостях, откуда переселились. В то же время на месте фактически сложившейся общности начинало действовать традиционное мирское самоуправление: крестьяне проводили сходы, на которых решали важные вопросы, касающиеся совместного проживания. Возникновение таких неформальных, корпоративных организаций было характерно для селений сектантов, ссыльнопоселенцев и переселенцев одной веры или одной нации. Селения единоверцев располагались более компактно, а общность верований создавала более сильную, чем у других сибирских крестьян, общественную связь. Наиболее известный пример такого неформального общества — Бухтарминская колония каменщиков на Алтае. Существовали и другие примеры (и не только в сибирском регионе) подобных неформальных общественных организаций<sup>5</sup>. До 1792 г., когда общество получило статус инородческой волости, оно не имело особого управления, тем не менее крестьяне собирались для решения общих дел и для суда на сход. Исследование Бухтарминской колонии, проведенное Т.С. Мамсик, подтверждает особый по сравнению с формальными волостями характер этой общности<sup>6</sup>. Колонию каменщиков автор характеризует как «свободную сельскую территориальную общность», по сути схожую с поморским миром и принципиально отличавшуюся от общины податной, сословной, включенной в фискально-административную систему государства. По структуре местного самоуправления Бухтарминская община до придания ей статуса инородческой волости представляла собой общественную организацию и не являлась административной единицей, так как действовавшие на ее территории органы не были наделены правами государственной власти и не осуществляли общие государственные задачи.

К 80-м гг. XVIII в. на территории слободских общин, погостов, ямов было сосредоточено однородное в сословном отношении русское население. Процесс формирования слободского крестьянского общества происходил по инициативе государства, так как именно государство определяло, какие категории и населенные пункты включать в административную единицу. Использовался критерий образования общества, который можно определить как податной. В итоге деятельности государства на этом этапе территориальной

основой сословного управления и низовой административной единицей являлся фискально-податный союз — принудительная организация, связывающая своих членов круговой порукой для исправного отбывания лежащих на ней платежей и повинностей. К 1782 г. в ведомстве Казенной палаты по Тобольскому наместничеству выделялось 156 административных единиц, в том числе 36 станом, 35 слобод, 18 сел, 4 погоста, 11 бывших монастырских вотчин и заимок, 2 яма и др.

Заинтересованные в повышении эффективности низшего звена управления, местная и центральная администрация изыскивали всевозможные способы, но неизменными были два условия: сохранение контроля над деятельностью выборного крестьянского начальства и полное переложение затрат по его содержанию на самих крестьян. При этом чиновники не уставали упрекать крестьян в неспособности выбрать достойных кандидатов на волостные и сельские должности. Примеры неспособности крестьян избрать достойных людей в органы местного самоуправления, организовать контроль за их деятельностью, вопиющие случаи нарушения законов, разворовывание казенных и мирских денег, засилье сельских богатеев становились в глазах центральных и местных властей важным аргументом в пользу усиления административного вмешательства в крестьянское самоуправление. Местная администрация до 80-х гг. XVIII в. не регламентировала размеры территориальных обществ государственных крестьян, хотя подобная практика в Сибири уже существовала. В 60-е гг. администрация Колывано-Воскресенского горного округа проводила укрупнение крестьянских обществ с сокращением их общего количества. Сделано это было для повышения управляемости, сокращения делопроизводства и расходов на содержание выборной администрации. В итоге по данным III ревизии на Алтае в среднем на каждую общину приходилось 3600 душ мужского пола (далее — д. м. п.). В 60—80-е гг. существовали значительные колебания в размерах обществ государственных крестьян даже в пределах одного уезда — от 150 до 2 тыс. д. м. п. и более. На число населенных пунктов, количество жителей, компактность крестьянского общества в этот период продолжали оказывать влияние климатические условия и интенсивность процесса колонизации.

Консолидация различных категорий населения в рамках сословия государственных крестьян, изменения в податной системе позволили объединить основные категории землепашцев в

единое крестьянское общество и унифицировать структуру сельского управления путем введения единой на территории Западной Сибири низшей административно-территориальной единицы — волости. Деление селений казенных крестьян на волости было распространено с XIII в., и на раннем этапе волость уже имела двоякое толкование в различных регионах страны. Исследователь северно-русского варианта общины М.М. Богословский выделял две разновидности волости черносошных крестьян. Одна, распространенная в центральных районах Московского государства, представляла собой исключительно «внешний административно-географический округ, не имеющий внутренней общественной организации»<sup>7</sup>. Другая разновидность — волость-мир, волость-община, распространенная на Поморском Севере до XVII в. Это была мирская организация, переросшая границы однодеревенской общины. Слободские и волостные общины, существовавшие в Западной Сибири в конце XVIII в., можно считать чисто административными образованиями, так как и та и другая возникли по инициативе государства и были сформированы исходя из фискальных интересов государства.

В 1783 г. на основании «Учреждений о губерниях» Тобольская казенная палата составила списки слобод, входивших в уезды, исходя из формального количества жителей в уезде по 20—25 тыс. р. д. В зависимости от этого происходили значительные изменения в составе бывших слободских общин. Произошло перераспределение слободских общин по уездам, при этом не учитывались сложившиеся общества, и часто селения одной слободы разделялись на два уезда. Такая ситуация была характерна для конца XVIII — первой половины XIX в., пока окончательно не установились границы уездов. Вновь заселенные деревни и сложившиеся низовые административно-хозяйственные единицы по ревизии или при очередном изменении межuezдных границ могли оказаться в списках разных волостей, уездов и даже губерний, хотя администрация по возможности пыталась не раздроблять земельных владений. Пассивное сопротивление крестьян расформированию сложившихся административно-хозяйственных единиц было характерно в том случае, если это было связано с утратой угодий. Протест выражался в отказе признавать новые границы. Так, после упразднения Омской области в 1838 г. волости, состоявшие в ее ведении, по донесению хозяйственного отделения Тобольской казенной палаты, до середины 40-х гг. продолжали «оставаться в том же виде».

Даже значительное междуездное перераспределение территорий не позволило местной администрации ввести повсеместно волости с предложенным числом ревизских душ. В «Наставлениях на постановление волостных судов», составленных генерал-губернатором Кашкиным, не устанавливался единый количественный стандарт для волостей, отмечались максимальные и минимальные границы, которые по возможности требовалось соблюдать — от 400 до 800 д. м. п. Но и после реформы по-прежнему сохранялась значительная разница в размерах волости — как в границах одного уезда, так и (в большей степени) в различных уездах. В ходе реформы произошло незначительное разукрупнение территориальных общностей за счет расформирования крупнейших, численность которых превышала 2 тыс. р. д. Объединение в крестьянское общество закрепило изменения, произошедшие в сословном статусе сельского населения. Основанием для слияния крестьян различных категорий в единое общество послужило чересполосное владение землей. Административные нововведения подкреплялись хозяйственными мероприятиями. В 1789 г. Тобольское наместническое правление предписало всем волостным судам объединить земли ямщиков, государственных и экономических крестьян и выделить «идушим в крестьянство, в одно место, с учетом числа ревизских душ». Тем самым государство создавало одинаковые условия отправления государственных повинностей.

Прежде однородные по сословному составу административные единицы, образованные в 1786 г., объединяли на своей территории различные категории казенных поселян, в частности государственных и экономических крестьян, а также ямщиков. Вновь образованные волости призваны были учесть произошедшие изменения в размещении населения, закрепить население на местах. Волостные правления размещались, где это было возможно, в слободах, прежде бывших административными центрами, что позволяло сохранять значительный капитал крестьянских обществ на приобретении общественных домов.

Образованные в 1786 г. волости недолго просуществовали без изменений. Не успели еще в некоторых волостях провести вторые выборы в волостные суды, как местная администрация приступила к реорганизации волости согласно высочайше утвержденному докладу Экспедиции государственного хозяйства. Реформы местного управления Павла I впервые в XVIII в. обращались собственно к низовому звену местного управления. Губернские «Учреждения»

Екатерины II только констатировали существование крестьянского самоуправления, предшествующее же законодательство можно расценивать как опыт или апробацию различных моделей управления на отдельных регионах. Экспедиция государственного хозяйства предложила распространить волостное территориальное деление по образу удельного на все казенные селения. В докладе определялся максимальный размер волости — не более 3 тыс. ревизских душ (далее — р. д.), при этом главным условием образования территориальной общности являлось сохранение пятисотенных участков. При формировании волости рекомендовалось не разбивать существовавшие пятисотенные участки. Однодеревенские общества рассматривались как податные участки, которые делают самостоятельную раскладку для платежа казенных податей по тяглам. Определение числа душ и размеров волости на местах передавалось на усмотрение гражданских губернаторов и казенных палат, чтобы была учтена специфика регионов.

Сибирская администрация попыталась осуществить укрупнение волостей, следуя «букве закона», взяв за образец волости европейских губерний России с населением до 3 тыс. р. д. В конце 90-х гг. XVIII в. по распоряжению тюменского нижнего земского суда в Тюменском уезде из 21 волости было создано 9. На прежнем основании оставалась только самая крупная волость — Тугулымская (1082 р. д.). Остальные были объединены по три волости в одну. Новые волости, несмотря на такое укрупнение, в среднем насчитывали до 2 тыс. р. д. При этом территория волости значительно увеличивалась и в некоторых случаях превышала 200 верст по протяженности. Подобная реорганизация должна была, по мнению администрации, облегчить материальные затраты крестьян на содержание волостных правлений, поиск лиц, способных к управленческой деятельности (особенно писарей), сократить делопроизводство. Уже первые выборы в волостные правления в 1798 г. не оправдали надежд, место волостного писаря практически везде оставалось вакантным. Увеличение размеров волости, отдаление волостных правлений от сельских обществ затрудняло функционирование волостной администрации. Учитывая негативные последствия укрупнения волостей, Тобольское губернское правление в 1800 г. решает для «лучшей удобства» восстановить деление волостей по прежнему порядку в Тюменском округе. Попытки укрупнения волостей в Ишимском, Туринском, Ялуторовском уездах также не увенчались успехом и остались только в проектах. В.В. Рабцевич

считает, что одной из главных причин отказа администрации от укрупнения волостей стал протест крестьян, не желавших разрушать волостную организацию, которая сложилась не только как административная единица, но и как неформальное общество, «с устоявшейся структурой внутренних отношений, а также соседской организацией». Это утверждение, на наш взгляд, несколько сомнительно, если учесть, что волостные общества были созданы административным путем, причем менее десяти лет назад. Вполне уместно в данном случае будет привести аргументы А.С. Лаппо-Данилевского, доказывавшего, что основным фактором сложения общин было государственное воздействие. Он писал, что «общность экономических и духовных интересов была... слишком слаба, для того чтобы за пределами одного или немногих поселений образовать более сложные местные общественные союзы с известными границами и определенными отношениями их членов друг к другу»<sup>8</sup>.

В некоторых округах преобразования, проведенные в 1797 г., сохранились. Наиболее значительной была реорганизация в Курганском уезде. Первоначальный проект предполагал укрупнение размеров волости, как и в других округах. Из 12 волостей за счет уравнивания и объединения создавалось 11, с незначительным разбросом в численности населения — от 2581 до 2984 д. м. п., что практически соответствовало размерам волости в Европейской части России. При этом сибирская волость занимала территорию, сопоставимую с территорией российского уезда, это обстоятельство и обусловило отказ местной администрации от укрупнения по первоначальному проекту. Преобразования в Курганском уезде были проведены с учетом развития данной территории, а не по общероссийскому стандарту. Было образовано 25 волостей, без резких колебаний в размерах.

Последнее крупное преобразование волости было предложено генерал-губернатором П.М. Капцевичем в 20-е гг. XIX в. Инициатива Капцевича после трехлетней переписки, составления проектов не была воплощена в жизнь, но ее изучение позволяет выявить мотивы, двигавшие администрацией при изменении низовой территориальной единицы, механизм преобразований, различные подходы к проблеме эффективности волостного деления в Сибири. Капцевич предложил новую формулу для преобразования волостей: из четырех — две, целью которой было избавление крестьян от излишних поборов и сокращение крестьянской администрации. Пред-

ложенная генерал-губернатором формула должна была быть распространена на все округа губернии. В отличие от преобразований 1797 г., когда планировалось объединение нескольких волостей в одну, при составлении волостей в 1825 г. прежде существующие волости разбивались на участки от 1 до 10 селений, с тем чтобы «округлить по возможности приведение душ по волостям в пятисотки». При этом селения одной волости оказывались разделенными на разные участки, попадали в разные волости. Это нарушало сложившиеся поземельные отношения. Межевание по земельным дачам селений практически не проводилось. По сведениям казенных палат, границы волостей были определены еще не везде, поэтому часто 2—3 селения одной волости пользовались землями и угодьями без всякого разграничения. Разделение их в разные волости требовало размежевания, которое всегда было связано со злоупотреблениями чиновников, самовольным присвоением чужих участков и обременительными для крестьян тяжбами. Волости, сложившиеся в конце XVIII в., представляли собой и единый податный союз, объединенный круговой порукой. В случае если общество одного селения было не в состоянии выплачивать все подати, то недоимку раскладывали на все волостное общество. При новом разделении волостей казенные палаты считали, что волостные общества не возьмут на себя ответственность за недоимки вновь включенных селений.

Объединение волостей вызывало необходимость перенести административный центр «в средоточие всех селений», чтобы расстояние от населенных пунктов до волостного правления не превышало 35 верст. Сделать это на практике оказалось очень трудно. Волости, сложившиеся в конце XVIII в., «в сообразности положениям и удобствам», имели определенную инфраструктуру, изменение которой было нежелательно, а иногда и невозможно. Волостные центры обычно располагались не только в удобном и доступном селении, но и сосредоточивали на своей территории общественно значимые и государственные объекты, такие как общественные дома для волостных правлений, хлебные магазины, этапные помещения, почтовые станции и другие. Перенесение волостных правлений в другое место требовало значительных затрат от обществ на приобретение новых домов для волостных правлений. Кроме того, оставшиеся на прежнем месте заведения требовали дополнительных расходов на охрану и канцелярских служащих. Значительные расстояния до волостного правления ослож-

нили бы работу схода, так как поездка в волость могла потребовать существенных затрат на дорогу и надолго отрывать крестьян от собственного хозяйства.

Важным последствием объединения волостей Капшевич считал уменьшение расходов на содержание волостного правления. Но произведенные выборы в двух волостях Тюменского округа, составленных по личному усмотрению генерал-губернатора, полностью опровергли эти надежды. Земский исправник рапортовал тобольскому гражданскому губернатору об успешно прошедших выборах, о согласии крестьян на «убавку волостей» (хотя приговоры крестьян по неизвестной причине отсутствовали при рапорте), но из рапорта следовало, что не только значительного, но и вообще уменьшения расходов не произошло. При увеличении душ в волости увеличивалось и делопроизводство волостного правления, а следовательно, и расходы на его содержание. Писари за прежнее жалованье в 400 руб. служить не соглашались, так как для ведения дел в волостном правлении требовалось нанимать дополнительно двух-трех помощников. Совет ГУЗС 16 января 1828 г. утвердил заключение Тобольской казенной палаты, согласно которому объединение волостей не только не принесет никакой существенной пользы, но и будет отяготительно и разорительно для крестьян. Волости во всех округах были оставлены на прежнем положении, за исключением тех волостей, где преобразования проводились по личному указанию генерал-губернатора. В журнале тем не менее отмечалось, что данный подход к реорганизации волостного деления, т. е. за счет механического увеличения, в принципе возможен, но только при соответствующем топографическом описании волостей. Следует заметить, что мнение казенной палаты совпадало с мнением самих крестьян, для блага которых и намечалось это мероприятие. Хотя в рапорте тюменского земского исправника и сообщалось о согласии крестьян на «убавку волостей», это выглядит несколько сомнительно при повсеместном несогласии на изменение границ волостей. Крестьяне просили оставить их на «прежнем положении, без всякого соединения», не только исходя из материальных соображений, так как это было связано со значительными затратами, но и учитывая удобства организации местного территориального общества. Именно поэтому некоторые волости, не составляющие положенных 3 тыс. р. д., находили удобства и собственную пользу в разделении волости на две, о чем и ходатайствовали в казенные палаты.

После нереализованного проекта Капщевича иных кардинальных изменений в низовой административно-территориальной структуре не предполагалось. Наблюдается постепенное увеличение численности населения волости при сохранении общего числа волостей. Местная администрация в этот период не пыталась объединять волости для сокращения расходов на содержание крестьянской администрации и для удобства управления, но старалась и не допускать разделения волостей по ходатайствам крестьянских обществ. В волостях сохранялся значительный разброс по числу жителей (от 645 до 5 тыс. д. м. п.).

В 30-е гг. XIX в. государство сначала в виде эксперимента в отдельных губерниях, а затем повсеместно вводит новую ступень сельского управления — сельское мирское общество. Сельское мирское общество учреждалось в каждом крупном селении или в нескольких небольших, «не в дальнем расстоянии одно от другого, народонаселением до 800 душ». Указ 1833 г. был разработан Министерством финансов, и уже это объясняет характер новой единицы. Причины, побудившие государство отказаться от фактически существовавшей однодеревенской общности, были фискальные. Размеры волости (3—5 тыс. р. д. по европейским губерниям) не позволяли волостному начальству уследить за всеми неплатежами. Исполнение сельскими старостами податных функций увеличивало число материально ответственных лиц, создавало повод к притеснениям и незаконным поборам. Указ 1833 г. ответственность за исправления платежей возлагал не на отдельное общество, а на более крупное образование. Исполнительным органом сельского мирского общества был староста, в ведении которого находились исключительно податные функции.

В литературе, посвященной сибирской крестьянской общине, не сложилось единого мнения, что собой представляло сельское мирское общество. Н.А. Миненко пришла к выводу, что попытки «насаждения к востоку от Урала неких “гибридных” форм мирской организации (“сотни”, “сельские мирские общества”) оказывались безрезультатными»<sup>9</sup>. В.В. Рабцевич считает, что сельское мирское общество — это не что иное, как сельская община, которую государство признает в качестве административной единицы. Но размеры существовавших сельских мирских обществ в Западной Сибири не позволяют относить их к фактической однодеревенской общности. Кроме того, по данным ревизии МГИ, существовавшие сельские мирские общества не всегда имели комплекс общих зе-

мельных угодий, т. е. не являлись поземельной общиной. Наиболее верно, на наш взгляд, определение М.М. Громыко, согласно которому сельское мирское общество являлось формальной общностью<sup>10</sup>. Следует, однако, подчеркнуть преимущественно податной, а не административный характер этой единицы. По-прежнему сохранялось деление на тысячные участки для рекрутских повинностей, при этом некоторые волости и даже селения оказывались разделенными на два-три разных участка. Каждая волость делилась, кроме тысячных участков и пятисотенных, на участки, приписанные к хлебозапасным магазинам.

В конце XVIII — первой половине XIX в. общество государственных крестьян пополнилось не только за счет включения в свой состав ямщиков, экономических крестьян, однодворцев, но и за счет причисления неполноправных членов. Неполноправные члены крестьянского общества — местные маргиналы, которыми была чрезвычайно богата Сибирь, — оказывали существенное влияние не только на деятельность органов самоуправления, но в целом на культурный климат сибирского общества. Одним из важных источников формирования крестьянского общества были ссыльно-поселенцы. Они во многом определили специфику сибирского крестьянского общества, оказывая огромное влияние на экономическое положение хозяйства старожилов и их психологию. Слабые и несостоятельные в экономическом и общественном отношении поселенцы становились эксплуатируемой частью общества, на них не распространялись ни общинная демократия, ни мирское сострадание. Народник Н.М. Астырев, наблюдая за отношениями между старожилами и поселенцами, образно заметил, что поселенцы являлись «жирной почвой для развития эгоистических наклонностей, притупляли в местном населении и без того недоразвитые в нем альтруистические чувства»<sup>11</sup>. Исследователи сибирской крестьянской общины неоднократно подчеркивали влияние северорусских традиций на материальную и духовную культуру, формирование правосознания сибирских крестьян. Тем более необходимо обратить внимание на тот факт, что наряду с выходцами из Поморья важным источником формирования сибирского населения стали ссыльнопоселенцы. Ссылные, особенно из бывших крепостных, сосланных в зачет рекрутов или по мирскому приговору, вырванные насильно из привычной среды, являлись носителями принципиально иных взглядов на значение мирской организации. Поселенец не чувствовал привязанности к новым обычаям и мес-

там, куда он попал не по своей воле. Чувство оторванности усиливалось неполноправным положением, в которое попадал поселенец на месте приписки.

Начиная с 60-х гг. XVIII в., благодаря указам 1760 и 1765 гг., ссылка в Сибирь приобретает постоянный характер. Ссылные в зачет рекрутов и «за малые вины», бывшие колодники, а также выведенные из Польши старообрядцы определялись на поселение. В 60—80-е гг. сибирская администрация, понимая негативное влияние ссылных на нравственность старожилов-сибиряков, пыталась территориально разделить поселения государственных крестьян и ссылнопоселенцев, «дабы леностью ссылных не заражать местное население». Основная масса поселян размещалась в при трактовых районах, и наряду с ямщиками они должны были обеспечивать почтовую гоньбу. С начала XIX в. характер ссылки изменяется. Ссылка в зачет рекрутов прекращается, но в значительно большем количестве в Сибирь отправляют административно-ссылных, т. е. ссылных по общественным приговорам, по распоряжению начальства, по воле помещиков. До «Сибирского учреждения» 1822 г. поступавшие на поселение делились на 4 разряда: поселенцы с казенной ссудой, к заселению отдаленных и малолюдных мест, распределяемые по селениям старожилов на водворение, в заводские работники и не способные к поселению по старости и болезням. Причем с начала XIX в. в основном практикуется поселение ссылных в старожильческие деревни и приписка их к крестьянским обществам. Определяемые на водворение должны были наделяться землей в законной пропорции наравне со старожилами. Сперанский, ознакомившись с положением таких поселенцев, заметил, что, вступив в звание казенных крестьян, они пользуются в полной мере крестьянскими правами, часто выбираются в мирские старосты и исполняют разные волостные должности, участвуют в казенных подрядах и хлебных поставках. Возрастающий поток ссылных в Сибирь приводил к такой ситуации, когда в некоторых волостях число причисленных ссылных равнялось или даже превышало число старожилов. В донесениях Нижнекаинского волостного правления Томской губернии отмечалось, что к деревням этой волости приселены ссылные, число которых равняется числу старожилов, «а при том большая часть поселенцев, не имея привычки заниматься сельскими работами, обращаются в бродяжничество и делают кражи и другие вредные поступки»<sup>12</sup>. С подобными жалобами обращались и жители других волостей Томской и То-

больской губерний. Чиновники, ревизовавшие государственные имущества Западной Сибири в начале 40-х гг. XIX в., отмечали негативное воздействие этого явления на нравственность старожилов, особенно в Томском округе, где поселенцы по численности преобладали над крестьянами. Ревизоры отмечали укоренившуюся тенденцию в тех районах, где ссыльнопоселенцев становилось больше старожилов, они приобретали перевес во мнениях и увлекали крестьян «к разврату и пьянству», что являлось первым шагом к расстройству хозяйства. Ссыльнопоселенцы находились под юрисдикцией волостных правлений, которые получили широкие судебные полномочия. Волостные правления рассматривали не только маловажные проступки поселенцев, но разбирали дела о воровстве и кражах (без установленного предела суммы украденного). Наказание ограничивалось только розгами, что ставило поселенцев в исключительное положение даже в сравнении с лицами, не лишенными прав состояния. Волостные начальники, боясь ссыльных, «из видов сохранения собственности и личной безопасности» старались не преследовать поселенцев, преступивших закон. Поэтому дела по проступкам и преступлениям ссыльных в основном лежали в волостном правлении без всякого движения.

Ссыльнопоселенцы не являлись членами податного крестьянского общества, они не были включены в круговую поруку и платили подати под личную ответственность. Такое положение было явно неэффективным при сборе податей, поскольку существовала возможность для поселян уклоняться от выплат, а волостным правлениям — от ответственности за недоимки. Поэтому государство в отношении ссыльных пошло традиционным путем — создания особого податного общества. Более того, Томская экспедиция о ссыльных обратилась в Томское губернское правление с предложением разрешить поселенческим обществам избирать старост из своей среды в волостные правления для взыскания недоимок и домашних разбирательств, «чтоб при разборах поселенческих дел в волостных правлениях был человек, представляющий интересы поселенцев»<sup>13</sup>. Подобное решение было обусловлено интересами водворенных поселенцев. Поскольку все волостное начальство избиралось из старожилов, то при разборе поселенческих дел оно поддерживало старожилов. В 30-е гг. XIX в. поселенческое общество не только избирало из своей среды старосту, но и нанимало ему в помощь писаря, хотя это противоречило законодательству. Несмотря на то что ссыльнопоселенцев после водворения при-

числяли в сословие казенных поселян, они оставались неполноправными членами крестьянского общества. Волостное начальство зачастую не способствовало, а препятствовало обзаведению поселенцами собственным хозяйством и домами. Сибирский комитет при рассмотрении вопроса о порядке выбора волостных писарей отмечал, что причисление ссыльнопоселенцев к крестьянству не снимает с них «соделанных ими преступлений». Поселенцам не разрешалось участвовать в выборах, в деятельности схода, исполнять общественные должности. На практике участие поселенцев в деятельности крестьянской администрации имело повсеместное распространение. Сибирская администрация не раз констатировала, что ключевая должность сельского управления — писарь — часто исполняется людьми, лишенными чинов и дворянства, присланными в Сибирь на поселение.

Территориальное общество государственных крестьян пополнялось также за счет сосланных старообрядцев и сектантов. Добровольно переселившиеся старообрядцы пользовались шестилетней льготой, освобождаясь от всех податей и повинностей. После истечения ее они должны были выплачивать установленный Петром I и сохранявшийся до 1782 г. двойной податной оклад. Исходя из фискальных интересов, государство пыталось выделить и старообрядцев, записанных в двойной оклад, в особое общество, связанное круговой порукой. Хотя обычно старообрядцы находились в ведении крестьянской общинной администрации, иногда избирался особый «раскольничий». Старообрядцы, причисленные к крестьянскому обществу, составляли особое податное общество, круговая порука которого не распространялась на православных, но сбор денег и недоимок, ведение делопроизводства, так же как и в случае со ссыльнопоселенцами, лежали на крестьянской администрации. Государство не смогло организовать самостоятельное общество старообрядцев, так как оно отличалось «крайней нечеткостью и большой подвижностью границ раскола в крестьянской среде». Старообрядцы не считались равноправными членами крестьянского общества. Правительство, опасаясь распространения «вредного учения» и совращения православных, запрещало участие старообрядцев в выборных крестьянских органах. Это требование соответствовало законодательству XVIII в., в котором выборная крестьянская администрация должна была препятствовать распространению раскола среди крестьян. Неоднократно предписывалось «никого из раскольников не возводить на власти, ни токмо духов-

ные, но и гражданские». Сами крестьяне воспринимали эту несправедливость как привилегию. Жесткие правила, исключавшие старообрядцев из общественной жизни, были отменены только по закону 3 мая 1883 г. «О расширении прав раскольников в отношении выборной службы». Но при этом секретным предписанием местным властям рекомендовалось препятствовать старообрядцам пользоваться властью и влиянием для распространения лжеучений и не допускать их к выборным крестьянским должностям.

Картина гетерогенности сельского населения сибирского региона была бы незаконченной без характеристики ее важнейшего элемента — «инородцев». Интеграция этой категории населения в общегосударственную систему особенно интересна тем, что в рамках одного региона мы можем наблюдать ее протекание на различных стадиях, в зависимости от длительности и степени интенсивности контактов с русским населением. В рассматриваемый период важнейшие изменения в низовом административно-территориальном делении аборигенного населения были связаны с реализацией «Устава об инородцах» 1822 г.

Именно в связи с реформой Сперанского местной администрацией была предпринята попытка ликвидировать особое сословно-правовое положение и административное устройство «инородческого» населения посредством причисления его к сословию государственных крестьян и распространения на данную категорию лиц общих законов и учреждений для русских поселян. В данном случае государство исходило из тех же административно-фискальных соображений, что и при включении в крестьянское общество экономических крестьян, ямщиков, однодворцев. Кроме того, в качестве мотива для приписки аборигенов к русским волостям чиновники ссылались и на культурную миссию оседлого земледельческого населения.

Существовавшее многообразие традиционных социально-административных образований аборигенов предполагалось постепенно унифицировать, не абсолютизируя при этом патриархально-родовые институты, а, напротив, по мере возможности приближая их к общегосударственным формам социально-административного устройства сельского населения. На практике «мера возможности» не всегда выдерживалась сибирскими бюрократами, которые предпочитали единообразию во всех подведомственных сферах для удобства контроля. Аprobация этого положения была предпринята уже в 1824 г., когда куртумовские манси были причислены к

Жуковскому волостному правлению. В 1825 г. по проекту генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича предполагалось укрупнение русских волостей в Туринском, Тюменском и Тобольском округах за счет присоединения «инородческих» волостей. Объединение «инородцев» в самостоятельные волости (по русским стандартам) не всегда было возможно, так как их селения обычно были малочисленны и разбросаны по всему округу. Это лишало государство удобного способа взимания податей, увеличивая число фискально-ответственных лиц. До середины XIX в. попытки ускорить процессы унификации, принудительно «окультурить» «инородцев» были единичными и имели характер эксперимента. Как правило, при наличии просьб «инородцев» ясачная комиссия допускала сохранение собственного внутреннего управления. Объединение «инородцев» и русских крестьян в единую территориальную общность в это время еще не было обусловлено сдвигами в социально-экономическом и политическом развитии «инородцев» и поэтому имело формальный, искусственный характер. Недальновидность местных чиновников можно рассматривать как досадный казус на фоне довольно взвешенного, дифференцированного подхода, выработанного в «Уставе». Инородческие волости сохраняли свою обособленность, но при этом принципиально важно, что в административном устройстве аборигенов наметились тенденции, характерные и для сельского самоуправления русских крестьян, в том числе постепенная рационализация традиционных институтов самоуправления и оформление достаточно устойчивых административно-территориальных единиц. Унификации социальной организации различных этнотерриториальных групп коренного населения, как и у русских крестьян, предшествовало введение единой системы обложения.

К началу 30-х гг. XIX в. основные категории сельских хлебопашцев — экономические крестьяне, ямщики, однодворцы, водворенные поселенцы, казенные крестьяне — были объединены в сословие государственных крестьян, с единой системой управления и налогообложения. Вне сословия государственных крестьян оставались приписные крестьяне и старообрядцы, водворенные в Бухтарминском крае. Основная масса приписных была сосредоточена в четырех округах Томской губернии. Государственные крестьяне и «инородцы» Алтайского горного округа проживали не в отдельных селениях, а «рассеянно по селениям, приписанным к горным заводам». Государственные и приписные крестьяне чересполосно владе-

ли землями, но составляли самостоятельные податные общества и рекрутские участки, подчинялись разным ведомствам по хозяйственной и судебной части, что снижало эффективность управления, тормозило переселенческий процесс<sup>14</sup>. Сперанский в конце 20-х гг. представил проект, согласно которому приписные крестьяне подчинялись общему порядку губернского управления, но унификация управления была отклонена Сибирским комитетом.

После включения в состав крестьянского общества всех основных групп сельского земледельческого населения в качестве перспективной задачи уже со второй половины XIX в. стала осознаваться необходимость объединения в рамках местного низового общества (мелкой земской единицы, всесловной волости, волостного и сельского земства) не только крестьянского, но всего земледельческого населения<sup>15</sup>. В Сибири, где не проводилась ни реформа государственной деревни П.Д. Киселева, ни земская реформа, отсутствие хозяйственного и культурного влияния попечительных властей в лице государственных органов или помещиков не компенсировалось и работой земских учреждений. В этих условиях дальнейшая консолидация сельского населения с крайне малочисленными «культурными элементами» рассматривалась и общественностью, и властями как «возможность научиться солидарности», освоить более эффективные и рациональные приемы жизни и ведения хозяйства<sup>16</sup>.

## 5.2. ВНУТРЕННЕЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОТЕСТАРНЫХ ИНСТИТУТОВ

Начиная с XVII в. выборные из крестьянского общества выполняли ряд государственных служебных обязанностей, в том числе исполняли должности рассыльных, счетчиков денежной казны при уездных канцеляриях, сборщиков податей, пушкарей, целовальников, воротников и другие. В этой сфере крестьянские выборные играли роль дополнительного бесплатного аппарата правительственной администрации, заменяли низшее чиновничество. Кроме того, как отмечают исследователи сибирской общины, значение и сила мирской организации крестьян увеличивались, потому что она была незаменима в структуре местного управления как единственный в этот период противовес воеводской власти<sup>17</sup>. Право крестьянского мира подавать жалобы непосредственно верховной

власти должно было, по мнению центральных властей, сдерживать произвол и злоупотребления сибирской администрации. Мирские выборные фактически дублировали деятельность правительственных агентов. В инструкции сибирскому губернатору 1741 г. назначение крестьянской администрации определялось как дополнительный гарант выполнения государственных задач управления — «для наилучшей предосторожности».

Введенная в начале XVIII в. Петром I с некоторыми модификациями шведская модель управления не касалась собственно крестьянской администрации, но она свидетельствовала об изменении приоритетов в административной политике, об укреплении и развитии приказного бюрократического элемента в ущерб выборному. Как и в других сферах, петровские преобразования в области местного управления не были последовательными. Об этом свидетельствуют некоторые мероприятия, касавшиеся сельского управления. Прежде всего это попытка заменить назначаемого приказчика выборными из крестьянского общества бурмистрами. В Сибири эта попытка повсеместного распространения не получила. Конкретные изменения в областном управлении были связаны с введением новой административной единицы — дистрикта — и учреждением назначаемых камер-коллегией земских должностей: комиссара, надзирателей сборов, фискалов и др.<sup>18</sup> Земский комиссар, согласно инструкции 1719 г., занимал положение посредника между крестьянскими выборными учреждениями и воеводой. По инструкции обязанности земского комиссара распространялись на все сферы управления, включая хозяйственную, полицейскую и финансовую. Укрепляя русскую власть, представитель государства должен был заботиться о распространении земледелия и выполнении податных обязательств. В 60—70-е гг. XVIII в. в слободах и острогах Западной Сибири встречаются и приказчики, и комиссары, исполнявшие тождественные обязанности.

Указом 30 января 1699 г. городским и сельским обществам дозволялось из выборных людей составить земские избы для разбирательства «мирских расправных и челобитчиковых дел». Смысл этого мероприятия государство видело в освобождении крестьян от непосильных расходов на содержание правительственных агентов и от поборов и взяток со стороны воевод и приказных людей. Право самостоятельного управления расценивалось как привилегия, за которую крестьянам предписывалось выплачивать подать «вдвое против прежнего». Узкий круг инструкций регламентировал дея-

тельность крестьянского общества, наделяя органы самоуправления полномочиями, связанными с оказанием содействия органам государственной власти при сборе податей, поимке воров и разбойников, при организации учета населения и исполнении государственных законов, указов, распоряжений властей различных уровней. Законодательство XVIII в. фактически только констатировало существовавший порядок сельского управления. Так, например, в указе 1760 г. отмечалось, что для защиты от обид прошения по своим делам разрешается иметь по выбору из лучших людей, «так как и доньне у них в волостях старшин, выборных, соцких, десятских».

Крестьянские выборные должностные лица, в отличие от приказных служителей, не получали жалованье от мира, не имели льгот при выплате податей и исполнении повинностей. Уже это обуславливало отношение крестьян к общественной службе как к исправлению еще одной казенной повинности, а не как к почетной обязанности. Эта тенденция была характерна не только для крестьянских мирских служб, но и в целом для земских должностей в России. П.Н. Милюков объясняет такую трансформацию тем, что местное общество складывалось искусственно, по инициативе государства, не имея общих интересов, поэтому и выбор был формальный<sup>19</sup>. Крестьяне, избранные на общественные должности, требовали строгого соблюдения сроков исполнения службы. Даже при незначительных задержках с переизбранием выборные обращались с жалобами в воеводскую канцелярию, с требованиями возмещения ущерба, «облегчения против обычного, в платежах в казну», поскольку несение службы отрывало от собственного хозяйства, которое являлось единственным источником дохода для крестьянина. В целом можно отметить, что правительство до Екатерины II не ставило перед собой цели законодательно оформить права самоуправления и сословного суда сельского сословия. Единственная сфера правительственной регламентации — это взаимоотношения коронной администрации и крестьянской. Внутренние проблемы крестьянского общества, объем власти, порядок избрания, сфера компетенции крестьянских органов самоуправления в инструкциях общероссийских и сибирских не определялись. Деятельность мирских выборных регламентировалась не законодательными актами гражданского права, но нормами обычного права. Такое состояние правовой базы вполне соответствовало состоянию самих сословий, аморфных и слабо структурированных. В сущности, сословие еще не

являлось корпорацией публичного права. Именно «просвещенный абсолютизм» Екатерины II впервые выдвигает задачу создания правового государства с сословной структурой общества и оговоренными правами и обязанностями сословий<sup>20</sup>.

Проект «Жалованной грамоты свободным сельским обывателям», составленный Екатериной II<sup>21</sup>, а также конкретные мероприятия по устройству сельского управления государственных крестьян свидетельствуют о попытках правового оформления статуса этого сословия, выработки правовых гарантий сословного крестьянского самоуправления и суда. Важными для характеристики этого процесса являются мероприятия, проводившиеся Екатериной по устройству управления бывших монастырских крестьян, перевод их в разряд экономических, учреждение Коллегии экономии. В этом, с одной стороны, прослеживаются попечительные мотивы, объясняемые фискальными интересами, с другой — стремление государства унифицировать управление земледельцами различных категорий, усилить полицейские, регулируемые сверху начала в системе крестьянского самоуправления.

В 60—70-е гг. XVIII в. появляются инструкции, в которых более определенно обозначалось положение крестьянской администрации и ее отдельных членов в системе местного управления. Типичным примером такого рода документов является «Инструкция сотскому со товарищи» 1774 г. Сотские, пятидесятские и десятские, согласно «Инструкции», должны были занимать независимое положение в исполнительных органах крестьянского общества, не подчиняясь ни сходу, ни старосте и выборным. Пятидесятский и десятник находились в подчинении у сотского, а тот непосредственно подчинялся канцелярии, о чем косвенно свидетельствовала обязанность ежемесячно подавать рапорт в канцелярию. По характеру подчинения эти должностные лица являлись не исполнительными органами крестьянского общества, а низшими представителями полицейской власти на территории общества. Староста и выборные не имели права определять на работы сотского, находящегося при исполнении, отвлекать его от исполнения возложенных «Инструкцией» обязанностей.

В «Инструкции» можно выделить функции, обязательные для исполнения, и функции рекомендательные. В первом случае это задачи сотских и десятских как представителей высшей правительственной власти на территории крестьянского общества. Они должны следить за соблюдением общественного порядка, т. е. задер-

живать и доставлять в канцелярию «воров и разбойников... шпионов и ко всякому воровству подверженных», беспаспортных и беглых, и по прошествии каждого месяца рапортовать в канцелярию о благополучном состоянии волостей. За неподачу вовремя сведений сотскому следовало взыскание. Также обязательна была подача для утверждения в канцелярию рапортов о выборах на общественные должности. Сотские должны были информировать власти о самовольных отлучках членов крестьянского общества, о выданных паспортах на отлучки, о взыскании долговых денег и по всем другим вопросам, которые интересовали начальство. В обязанности сотского входило следить за соблюдением казенных интересов, предупреждая появление кормчества вином и солью. Соккрытие от канцелярии данного факта грозило сотникам наказанием наравне с самими преступниками. Сотскому и десятским поручалось заботиться о сохранении лесов, содержании дорог, мостов и перевозов.

Остальные задачи были не обязательны, за их неисполнение ответственность должностных лиц в инструкции не предусматривалась, поэтому и нормы эти в основном описываются отрицательными категориями. Это вопросы, касающиеся нравственного и религиозного поведения. Например, сотский должен не позволять делать часовни и носить образа по селам и деревням, «наблюдать за хождением в воскресенье и великие праздники и высокаторжественные дни на моление в церковь».

До губернских учреждений 1775 г. на территории слободского общества параллельно, с одинаковыми функциями (без иерархической подчиненности) действовали две структуры: казенное управление в лице приказчика и крестьянское самоуправление, представленное крестьянской выборной администрацией и мирским сходом — распорядительным органом общества. Государство определяло им практически одинаковую сферу компетенции: податные вопросы, охрана общественного порядка. Не только приказчики, но и крестьянская администрация наделялись государством определенными властными полномочиями для реализации задач местного управления на территории общества. Коренным отличием крестьянских учреждений от коронных, которое позволяет отнести первые именно к органам самоуправления, было то, что полномочия крестьянских учреждений не могли быть ограничены органами государственной власти. Ни воевода, ни приказчики не вправе были вмешиваться в вопросы, отнесенные к компетенции органов крестьянского самоуправления.

Указом Сената от 1763 г. право сословного крестьянского суда распространялось на Сибирь. Крестьянским выборным предоставлялось право разбирать тяжбы и принимать решения большинством голосов. В случае несогласия сторон или затруднения судей дело передавалось на решение мирского схода. Следующей инстанцией, куда подавалось дело, была коллегия из двух выборных крестьян и одного государственного чиновника. Таким образом, на всех трех ступенях суда предполагалось участие крестьян. На данном этапе эта форма судопроизводства являлась наиболее адекватной требованиям крестьянских обществ. В Сибири указ был реализован на практике не сразу, поскольку полномочия, предоставленные крестьянским обществам, находились в сфере компетенции государственных чиновников, а это приводило к столкновению интересов. Право самостоятельного судебного разбирательства подтверждалось в указе Экономическим правлением 1771 г., согласно которому экономический директор не должен вмешиваться «ни под каким видом в суд и расправу между поселянами».

Приказчику запрещалось вмешиваться в раскладку и сбор податей, распределение повинностей. Указом 1770 г. были отменены помощники казначеев, в результате чего крестьяне не только самостоятельно распределяли и собирали все денежные сборы, но и сами отвозили подати и оброк в казначейство.

Крестьянское общество обладало важным правом самообложения, т. е. могло самостоятельно, по приговору схода, производить мирские сборы на общественные нужды. В этот период приговоры не требовали утверждения коронных чиновников. Однако, опасаясь падения тяглоспособности поселян вследствие незаконных поборов старшин и выборных, государство начинает передавать полномочия схода чиновникам. В указе 1771 г. Экономическим правлением предписывалось наблюдать, не делаются ли с крестьян сборы, не утвержденные сходом.

Самостоятельность органов крестьянского самоуправления обеспечивалась также независимым положением должностных лиц крестьянской администрации, выбор которых зависел от воли общества. Воеводам запрещалось оказывать давление при избрании на должности, тем более назначать независимо от воли общества. Хотя при этом у воевод оставалось достаточно действенное средство контроля над составом мирской администрации — право утверждения приговоров и досрочного освобождения.

В 80-е гг. XVIII в. генерал-губернатор Пермского и Тобольского наместничеств Е.П. Кашкин на основании именного указа об изменении в управлении приписными к уральским заводам крестьянами, а также предположений об устройстве быта казенных крестьян, выработанных Екатериной II, провел административную реформу в Тобольском наместничестве (ПСЗ-I. № 15115). Кашкинский опыт устройства внутреннего сельского управления с использованием положений екатерининского проекта не был единичным. Кроме наиболее известного «Установления сельского порядка в казенных имениях Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных» 1787 г., он оказал влияние и на другие губернии, в том числе Вологодскую, Ярославскую.

Под руководством Кашкина были разработаны «Наставления», регламентирующие внутреннее управление, хозяйственное и экономическое устройство сельского населения казенного ведомства. «Наставления» являлись подробной инструкцией крестьянским выборным, которая не только фиксировала подчинение крестьянской администрации нижнему земскому суду, но и четко определяла круг обязанностей, порядок выборов и утверждения должностных лиц, приведения их к присяге, т. е. процедурные вопросы. В инструкции подчеркивался государственный характер деятельности волостного суда, так как именно через него публиковались «во всенародное известие» «узаконения, или обнародования, или повеления», полученные из нижнего земского суда. Кроме того, обязанности волостного суда на территории волости точно соответствовали задачам нижнего земского суда в уезде<sup>22</sup>.

Особое внимание в «Наставлениях» уделялось критерию выбора волостного начальства. Учитывая деление населения волости на разряды соответственно имеющемуся у них имуществу, предлагалось выбирать из первостатейных, «дом, землю, жену и детей имеющих, в наказаниях, по подозрениям, ябедах и иных пороках» не бывших. Передача административной власти защиточной части деревни отвечала интересам казны. Зажиточные крестьяне с помощью полученных полномочий должны были заботиться о тягло-способности всех членов данного общества не только вследствие служебных обязанностей, но и личной заинтересованности. На старосту перекладывалась ответственность за сбор подушных податей и исполнение натуральных повинностей. При недоимках именно староста подвергался штрафу, аресту и другим санкциям, пока общество не выплачивало недоимки. Но при этом, чтобы учи-

тывались интересы всех категорий населения при раскладках, поверенных или раскладчиков по указу 1783 г. предполагалось избирать не только из имущественных крестьян, но и «средних и скудных... о состоянии имеющемся у своих поселян сведущих».

В «Наставлениях» не нашла отражения тенденция расширения состава сельского общества, достаточно ясно прозвучавшая в «Сельском положении», но допускались некоторые отступления от принципа сословности при составлении волостной администрации. Учитывая низкий уровень грамотности сибирского крестьянства и возрастающее значение волостного делопроизводства, разрешалось нанимать в старосты отставных офицеров или «других чинов человека, знающего письмо».

Логическим продолжением екатерининских опытов в области внутреннего крестьянского управления можно считать преобразования волостного устройства, проводившиеся Экспедицией государственного хозяйства, опекунства, иностранных колонистов и сельского домоводства, сначала по удельному ведомству, а затем и у государственных крестьян. Консолидация сословия в 60—80-х гг. XVIII в. позволила организовать особое хозяйственное управление государственных крестьян. Вне ведения Экспедиции оставались на тот момент только приписные крестьяне, по-прежнему подчинявшиеся Кабинету Е.И.В. и ямщики. Создание (центрального) единого органа управления казенными крестьянами являлось первым опытом систематизированного воздействия правительства на государственное хозяйство<sup>23</sup>. Инструкцией, данной Экспедиции, предполагалось, что главнейшей обязанностью этого органа будет изыскание надежных и полезных средств для приведения различных частей государственного хозяйства в лучшее состояние. Деятельность Экспедиции развивалась в нескольких направлениях, в том числе: попечение в развитии земледелия, преимущественно путем распространения теоретических и практических сведений, развитие сети хлебозапасных магазинов и др. Одним из приоритетных направлений деятельности Экспедиции государственного хозяйства был поиск более эффективной организации общественного управления в казенных селениях. Согласно докладу Экспедиции (7 августа 1790 г.), повсеместно (включая удельное и казенное ведомство) вводилась единая низовая единица (волость) с единообразным штатом управления (волостной голова, писарь, староста). Работа исполнительного органа сельского управления строилась на принципе единоначалия и иерархического подчинения голове ос-

тальных членов правления. Волостной голова, «яко старший над волостью», наблюдал за исполнением остальными членами волостного правления своих обязанностей, сельские выборные состояли в его подчинении. Все денежные сборы находились в ведении волостного головы.

Изменялись взаимоотношения крестьянской администрации и общества. Если в предыдущих актах подчеркивалась ответственность выборных перед обществом, то в докладе положение выборных можно определить как начальственное. Им должно оказывать необходимое почтение, недопустимо ослушание, оскорбление, тем более рукоприкладство. Закон предусматривал меры по защите чести и достоинства выборных. Волостная администрация, несмотря на общественный характер службы, получала обязательное жалование от мира, размер которого устанавливало государство. Должностные лица освобождались лично от мирских нарядов и работ. Наделение крестьянской выборной администрации привилегиями усиливало ее отрыв от общества и независимость от распорядительного органа общества — схода. Но самостоятельно проконтролировать деятельность крестьянской администрации коронные органы были не в состоянии, поэтому контроль за распоряжением общественной казной оставался в ведении общества. При раскрытых недочетах общество могло требовать возмещения ущерба, а закон в таких случаях разрешал земскому исправнику оказывать «вспоможение» обществу, что также свидетельствовало об ослаблении общественного контроля.

В ходе ревизии Сперанского было выявлено, что многие виды злоупотреблений, не только крестьянской администрации, но и земских чиновников, такие как лихоимство при отправлении земских повинностей, устройстве дорог, завышенные волостные издержки, были так или иначе связаны с крестьянским обществом, точнее, со слабостью и неэффективностью его органов управления. Злоупотребления земских чиновников и низкая эффективность в целом уездного управления находились в прямой зависимости от устойчивости, способности представлять и отстаивать свои интересы волостного звена. В записке «Понятие и составные части губернских учреждений», сочиненной в начале 1830-х гг., Сперанский отмечал, что и губернское, и уездное управление тесно связаны с внутренним управлением волости, и без лучшего устройства волостного управления не могут нормально функционировать и остальные части системы<sup>24</sup>. Он же афористично заметил по этому

поводу, что «усовершенствовать высшие части управления и суда, оставляя низшие в бездействии или беспорядке, значит то же, что хотеть удержать реку, не заградив ее источников»<sup>25</sup>.

Сперанский понимал важность низших органов управления для построения всей административной системы, особенно в Сибири, где из-за малого количества городов невозможно было организовать постоянный контроль за деятельностью крестьянской администрации и она фактически пользовалась непредусмотренной законом самостоятельностью. В течение 12 лет в Сибири не было ревизии, которая для начала века являлась практически единственной формой контроля, большинство уездов редко или никогда не посещались начальством. Делопроизводство волостного правления носило формальный характер и не отражало реального состояния волости. Кроме отсутствия должного контроля со стороны коронных чиновников, важным недостатком волостного управления в Сибири, по мнению реформатора, было несоответствие правовой базы местным условиям. Закон 1797 г., по которому действовало волостное управление в Сибири, только в общем определял положение волостных органов в системе местного управления<sup>26</sup>.

Сущность реформы, необходимой для административной системы Сибири, заключалась, по мнению Сперанского, в усилении законности управления, чего предполагалось достичь составлением уставов для всех уровней управления. Но, несмотря на понимание необходимости реформирования, в том числе и низового управления, проблемам сельского управления в основных законодательных актах, разработанных Сперанским, в том числе в «Учреждении для управления Сибирских губерний», уделялось неслаженно мало внимания. Органы крестьянского самоуправления были представлены только одним уровнем — волостным. В селениях разрешалось избирать старшину и десятского для сбора податей и охраны общественного порядка. Но при этом сельские выборы не являлись представителями своего общества на волостном сходе, так как поверенных на волостной сход предполагалось избирать от сотенных участков. В «Сибирском учреждении» регламентировалась деятельность сельского схода, собираться на который предписывалось по одному человеку от каждого двора или «сколько приказано будет» по повестке волостного головы. Вопросы, которые по закону 1797 г. определялись как прерогативы сельского схода, такие как раскладка податей и повинностей земских и волостных, передавались в ведение волостного правления.

Волость была представлена исполнительным органом — волостным правлением, состав которого не изменился, но сократился срок службы с двух до одного года. В данном случае закон лишь зафиксировал сложившуюся практику, несение общественной службы в течение более продолжительного времени было обременительно для крестьян. Особо оговаривалось право общества нанимать волостных писарей из посторонних, по причине недостатка грамотных в обществе. Выборы членов волостного правления и наем писаря должны были проводиться миром, под которым в «Сибирском учреждении» понимался сход поверенных от сотенных участков<sup>27</sup>. Существование различных правил составления волостных сходо создавало неразбериху, в которой даже сами чиновники ориентировались с трудом.

Таким образом, в «Сибирском учреждении», во-первых, не нашли отражения нужды сельского однопоселенческого общества в организованном управлении; во-вторых, произошло дальнейшее расширение предметов ведения и полномочий волостного правления за счет распорядительных органов — волостного и сельского схода; в-третьих, пределы власти, полномочия и обязанности волостного правления не были четко определены; в-четвертых, специфика сибирской волости не была достаточно отражена.

Схематичность и краткость «Сибирского учреждения» в вопросах волостного управления дореволюционные исследователи и современники реформ объясняли по-разному. Безосновательна версия, согласно которой Сперанский не разработал подробного волостного устава, опасаясь «чрезмерного регламентирования, которое сомнет развитие норм крестьянского права». Этот довод, как справедливо отмечал С.М. Прутченко, в корне противоречит основной идее реформатора — усилить законность в административной системе края именно через создание правовой базы для деятельности органов управления. Убедительно звучит аргумент, приводимый многими исследователями сибирских реформ Сперанского, в том числе В.И. Вагиным, М.А. Корфом, С.М. Прутченко, объясняющий такое положение недостатком времени, стремлением устроить поскорее то, что казалось не терпящим отлагательства, т. е. управление главное, губернское и уездное<sup>28</sup>. Несомненно, следует учитывать и господствовавшие в это время французские политические теории, которые начала административного строя видели в центре<sup>29</sup>. В некоторой степени можно объяснить сложившееся положение и тем, что Сперанский пред-

полагал впоследствии издать полный Волостной устав. Такого рода инструкцию Сперанский поручил составить генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому. Важно отметить, что цель создания устава ограничивалась кодификацией существовавших к этому времени указов, предписаний и норм обычного права и не предполагала преобразования крестьянского самоуправления. В отчете Сперанский отмечал, что «образ сельского управления, введенный по некоторым частным предписаниям и обычаям, не требует перемен». Введенное на губернском и уездном уровнях разделение административной и судебной властей на уровне волости не признавалось необходимым, хотя предметы суда, полиции и хозяйства имели те же различия и их определение в ведомство исполнительного органа — волостного правления — при ослаблении контролирующего органа имело негативные последствия. Сперанский считал возможным и необходимым оставить их в ведении волостной администрации, так как «число их маловажно и обстоятельства не многосложны».

В итоге реформы Сперанского изменения правовой базы волостного управления не произошло, единый Волостной устав для сибирских губерний не был создан, существовавшие общероссийские законодательные нормы, регламентирующие деятельность органов крестьянского самоуправления, не были согласованы с «Сибирским учреждением» и часто противоречили друг другу. В сфере сельского управления, признавая необходимость сильного крестьянского самоуправления, Сперанский понимал, что оно зависит не только от правовой базы, но и от уровня развития самого общества, его культуры, развития общественных потребностей, а они, как верно заметил реформатор и ревизор Сперанский, были весьма ограничены.

В ходе ревизии государственных имуществ Западной Сибири в 1843 г. комиссия МГИ пришла к выводу, что недостатки сельского управления в сибирских губерниях обусловлены теми же причинами, что и в европейских губерниях, — слабым контролем со стороны коронных чиновников. Земские суды, обремененные следственными делами, практически не имели времени обращаться к проблемам сельского управления. В общем отчете комиссии отмечалось, что селения государственных крестьян по устройству хозяйства и порядка никто не посещает, в результате чего волостные правления действуют фактически самостоятельно. От недостатка надзора и попечительной власти крестьяне подвергались незакон-

ным поборам со стороны и волостного начальства, и самих чиновников, беспрепятственно распространялись разврат и пьянство, разрушающие сельское благосостояние. Комиссия, исходя из необходимости введения единообразной системы управления во всех частях государства и учитывая положительный опыт реформирования сельского управления в европейских губерниях, предложила ввести на территории Сибири палаты государственных имуществ и окружные управления, которым передавались бы все части управления государственными имуществами и крестьянами. Предполагалось также усовершенствование сельского управления на основании «Учреждения» 30 апреля 1838 г., введение Сельского и Полицейского уставов. Сибирские чиновники не поддержали проект комиссии, лишавший их власти над крестьянами, а следовательно, и дополнительного источника дохода. В свою очередь, генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков учреждение палат признавал полезным, но обширность региона, разнородность предметов управления требовали, по его мнению, подчинения палат «бесперывному и ближайшему наблюдению» именно местной администрации, а не МГИ. Подобные планы сводили реформу Киселева к простому увеличению штата губернских учреждений, причем с переложением на палаты не только управления государственными имуществами, но и сбора сведений в этой сфере, что значительно расширяло функции палат при уменьшении их самостоятельности. Киселев отверг это предложение и отказался от введения на территории Сибири местных органов МГИ. Не меняя существующей административной системы, он попытался постепенно провести некоторые преобразования волостного и сельского управления через открытие образцового волостного управления. Новая тактика проведения реформы, по мнению Киселева, должна была уничтожить повод к опасениям многочисленного сословия чиновников насчет перемен в их положении и тем самым преодолеть их сопротивление. Реорганизация управления государственных имуществ и крестьян передавалась непосредственно генерал-губернатору и особому отделению при Главном управлении на основании существующих в Сибири установлений, с учетом общих учреждений для великорусских губерний.

При Горчакове образцовое волостное управление было введено только в двух волостях. Взгляды самого генерал-губернатора и его подчиненных на характер необходимых преобразований в области крестьянского самоуправления принципиально расходились

с положениями киселевских «Учреждений», поэтому от наиболее важных нововведений, таких как сельское управление, волостные и сельские расправы, сибирская администрация отказалась. Отличие образцового управления состояло только в увеличении штата волостного правления. Крестьяне оставались равнодушными к преобразованию, так как оно не затрагивало практику крестьянского самоуправления<sup>30</sup>. В отчетах исправников и ревизоров отмечалось, что новый порядок не понят крестьянами, и они продолжают придерживаться традиционных форм мирского самоуправления, «собираются без всякой надобности в волостные правления, вмешиваются в распоряжения волостных начальников и как бы неохотно оставляют то самосудство, которое так им нравилось и которое теперь без всякого участия их лежит на обязанностях волостной расправы».

После отстранения Горчакова противостояние сибирской администрации и МГИ затухает, новый генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд занимал более лояльную позицию и даже ходатайствовал об открытии при Тобольской казенной палате особого отделения по части государственных имуществ, которое впоследствии предполагалось преобразовать в палату государственных имуществ. При Гасфорде более активно вводится образцовое волостное управление. Но и при сочувственном отношении генерал-губернатора Гасфорда и императора Киселев не смог провести через Сибирский комитет предложение об учреждении в Сибири особого управления государственных имуществ. Несмотря на то что взгляды реформатора на положение палат в структуре местного управления существенно изменились, в новом проекте они не составляли особого ведомства, а являлись частью губернского управления, на том же основании что и казенные палаты.

Реформа Киселева в Западной Сибири, преодолевая сопротивление бюрократии, растянулась почти на 30 лет, приняв «ползучий характер». Постепенное введение новой системы управления позволило избежать социальных потрясений, учесть сибирскую специфику, но в то же время снизило результативность преобразований. Идея дать сибирским крестьянам просвещенную и попечительную власть не увенчалась успехом и привела лишь к усилению полномочий существовавшей коронной администрации. Распространению реформы Киселева в Западной Сибири в полном объеме препятствовали, с одной стороны, местные чиновники, охранявшие собственные далеко не бескорыстные интересы, с другой — крес-

тяне, негативно воспринимавшие любые изменения в традиционном образе жизни.

Введение новых правил организации крестьянского самоуправления, основанных на «Положении» 19 февраля 1861 г., растянулось также почти на двадцать лет. Первыми новое устройство получили наиболее закрепощенные категории сельского населения: крепостные и горнозаводские крестьяне Сибири (1862 г.); в 1879 г. — государственные крестьяне Западной, а в 1882 г. — Восточной Сибири<sup>31</sup>. В области управления крестьянская реформа, по сути дела, свелась к изменению числа волостей и их границ, небольшим преобразованиям в организации общественного управления на волостном и сельском уровнях, а главное — к усилению надзора со стороны государства за крестьянским самоуправлением. Значение волостных сходов в пореформенное время неуклонно снижалось, центр тяжести в организации крестьянской администрации смещался в сторону волостного правления и выборного крестьянского начальства, все больше превращавшихся в низшее звено государственного бюрократического аппарата<sup>32</sup>.

Волостное управление в Сибири и во второй половине XIX в. сохраняло существенные особенности. Оно обладало более широкими правами, чем в Европейской России, особенно в отношении ссыльнопоселенцев. Отличалась от общероссийской и организация судопроизводства в сибирских волостях, поскольку здесь не существовало ни волостных, ни сельских расправ. Судебному разбирательству волостного правления подлежали дела о нанесении побоев, бесчестья, маловажные кражи и т. п. Но при этом не применялись ни Сельский судебный устав, ни «Уложение о наказаниях» 1845 г. Разбирательство по гражданским делам, как и в Европейской России, принадлежало общим судебным органам.

Управление в деревнях сосредоточивалось в руках старост, на которых были возложены обязанности, аналогичные исполняемым сельскими старшинами Европейской России. В связи с малочисленностью жителей на несколько сибирских деревень мог быть избран один староста. Восточносибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин специально разъяснял, что в Сибири существует только одна низшая административная единица — волость, а сельские общества не имеют какой-либо твердой организации. Функции мирского схода в основном ограничиваются выбором крестьянских должностных лиц, в руках которых и сосредоточена административная и судебная власть. Лишь в Алтайском горном округе, где еще в 1864 г. была

проведена крестьянская реформа, сельские выборные органы и сходы были законодательно оформлены. В случае невозможности образовать волость из-за большой разбросанности селений, в Забайкальской и Амурской областях создавались органы сельского общественного управления на основании «Положения о крестьянах Закавказского края». В остальных местностях Сибири организация крестьянского самоуправления оставалась прежней, одноступенчатой.

Особенно беспокоило администрацию то, что органы крестьянского самоуправления в Сибири, действуя на больших пространствах и находясь зачастую вдалеке от городов, где сосредоточивалась коронная администрация, не могли быть подвергнуты постоянному надзору со стороны начальства. Надзор этот в определенные времена года из-за разлива рек, ледостава и ледохода становился вовсе невозможным. Поэтому волостные правления в Сибири пользовались гораздо большей самостоятельностью, чем таковые же во внутренних губерниях страны. В большей степени это было заметно в вопросах организации суда и расправы. Окружные по крестьянским делам присутствия, состоявшие из окружного судьи, товарища прокурора, исправника и казначея, оказались не способны наладить постоянный контроль над органами крестьянского самоуправления. Ревизия Киренского округа Енисейской губернии в середине XIX в. показала, что земские заседатели годами не проверяли делопроизводство в волостных правлениях. Но даже тогда, когда земские заседатели брались за ревизию, это только вносило путаницу в крестьянское самоуправление.

Одной из самых острых проблем в организации крестьянского самоуправления оставалась проблема подбора волостных писарей. К концу столетия волостное делопроизводство выросло в несколько раз. По свидетельству иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина, волостные правления по объему делопроизводства представляли собой едва ли не департаменты со значительным составом писцов, «заведовавших отдельными частями»: судебную, переселенческую и т.д. Так, например, за первую половину 1891 г. в реестр исходящих бумаг в Шушенской волости было внесено 6500 документов, Ужурской — 6800, Назаровской — 7700, Абаканской — более 8000. В волостных правлениях велось 24 книги. Ежегодно отчетность представлялась по 83 формам. В каждой волости было по два, а нередко и более помощников писаря<sup>33</sup>.

Усложнение волостного делопроизводства, увеличение числа помощников писаря фактически приводило к созданию при волостном правлении своей канцелярии, содержание которой производилось за счет дополнительных («темных» или «специальных») сборов с тех же крестьян. Смотри сквозь пальцы на царившие в крестьянском управлении порядки с оплатой писарских должностей и незаконным содержанием нижнего звена чиновников, власти фактически санкционировали произвол в сборе мирских податей. В некоторых местах писарский доход превышал жалованье губернатора. Справедливости ради следует отметить, что из этих средств писарь был обязан покрывать постоянно растущие расходы на волостное делопроизводство, да и платить вышестоящему коронному начальству. Сосредоточение полицейских, судебных, податных функций в руках исправников и заседателей создало из них своего рода «господ», а волостные писари стали их «управляющими», собирающими дань с крестьянского населения. При усложнявшемся делопроизводстве и дальнейшей бюрократизации деятельности волостного правления его власть существенно возросла. Грамотный, бывалый человек, нередко из ссыльных чиновников, знающий премудрости бюрократического делопроизводства, писарь постепенно выдвигался на первые роли, подминая под себя выборное крестьянское начальство. При слабой заинтересованности крестьян в избрании на выборные должности, низкой компетентности старшин и старост, частой их смене писарь выглядел фигурой наиболее дееспособной и стабильной. Именно писарь по делам службы чаще всего общался с представителями коронной администрации, в его руках сосредоточивались мирские суммы (в том числе и от так называемых «темных поборов»), через него шел подкуп чиновников, при его посредничестве последние поддерживали связь с крестьянским миром. Волостной писарь, таким образом, являлся тем звеном, которое соединяло государственный бюрократический аппарат и органы крестьянского самоуправления. Рассуждая о положении волостного писаря в крестьянском управлении, И.М. Страховский замечал: «Писарь служит теперь двум господам, и нельзя совершенно отдавать его во власть одного, устрояя другого, — иначе он совсем не будет служить этому другому»<sup>34</sup>. Несмотря на подотчетность сходу, волостной писарь утверждался окружным и губернским начальством, пользовался связями и покровительством окружных, а иногда и губернских чиновников. Если к этому добавить, что общественный контроль за его действи-

ями был малоэффективен, то следует признать, что волостной писарь становился реально главной фигурой в волостном управлении.

Органы крестьянского самоуправления постепенно превращались «в низшие казенные присутственные места», со сложным делопроизводством и штатом наемных лиц, содержащихся за счет крестьянских обществ. Волостное и сельское самоуправление восполняло недостаток правительственных агентов. Крестьянское выборное начальство собирало налоги, следило за общественным порядком, проводило дознание по уголовным делам и т.п. Крестьянские общества взяли на себя даже функции тюремного ведомства, создав волостные тюрьмы, называемые в просторечии «чижовками» или «каталажками». Активно шел процесс сращивания крестьянского самоуправления и коронного управления путем инкорпорации выборного крестьянского начальства в государственную бюрократическую систему. Волостное выборное начальство постепенно теряло доверие и уважение крестьян. Подкуп, коллективные попойки стали атрибутом многих крестьянских сходок, разбирательств в волостном правлении, волостных выборов. Выборное крестьянское начальство отрывалось от избравших его крестьян, оно уже не воспринималось как свое, подотчетное населению, а волостное правление становилось «так же страшно для крестьян, как и всякое другое присутственное место». Заинтересованная в улучшении низшего звена управления местная и центральная администрация изыскивала всевозможные способы, но неизменными были два условия: не потерять способность контролировать и направлять деятельность выборного крестьянского начальства, а также стремление переложить затраты на его содержание на самих крестьян. При этом чиновники не уставали упрекать крестьян в неспособности выбрать достойных кандидатов на волостные и сельские должности. Примеры неспособности крестьян избрать достойных людей в органы местного самоуправления, организовать контроль за их деятельностью, вопиющие случаи нарушения законов, разворовывание казенных и мирских денег, засилье сельских богатеев становились в глазах центральных и местных властей важным аргументом в пользу усиления административно-вмешательства в крестьянское самоуправление.

Подводя итоги, отметим следующие моменты. Процесс оформления низовой административно-территориальной единицы в Сибири проходил по инициативе государства, которое определяло основные параметры территориального общества, в том числе его

сословный состав, размеры и структуру. Основные направления деятельности местной администрации по реализации правительственной политики в этой сфере заключались в устройстве однородных по сословному составу территориальных общностей и поиске оптимальных размеров низовой административной единицы. Структуру и размеры территориальной общности государство определяло исходя преимущественно из административно-фискальных интересов. Существенную корректировку в этот процесс вносила специфика региона, в том числе слабая заселенность. Взаимная разобщенность, происходившая вследствие различий бытовых, религиозных, национальных, усиливалась искусственным (механическим) соединением отдельных сельских обществ в волость, а также неустойчивостью и постоянной мобильностью административных границ.

Территориальная основа органов крестьянского самоуправления — сельская поземельная община — не в полной мере соответствовала задачам интеграции и унификации имперского пространства. Локализм как важнейшее качество крестьянского социума, територизация, жесткая дифференциация на «своих» и «чужих» не только не способствовали, но препятствовали установлению горизонтальных связей. Крестьянский мир ограничивался рамками небольшого однородного коллектива, для которого была характерна связь личного типа, в значительной степени усиливающаяся за счет родственных и клановых отношений. Другой характерной особенностью крестьянского мира как типичной ячейки традиционного общества являлась привязанность людей к месту обитания и хозяйственной деятельности. Закономерным результатом такого варианта развития административной структуры сибирского региона было последовательное и относительно быстрое конструирование вертикальной иерархии власти (определение административных центров, институциональная организация власти, относительно развитая коммуникация органов власти и самоуправления, правовая регламентация, бюрократическое делопроизводство) и медленное оформление границ на всех уровнях (от общегосударственного до волостного), размытая пространственная структура.

Оптимизация фискально-податных функций и повышение эффективности контроля за деятельностью органов крестьянского самоуправления со стороны коронных учреждений предопределили отказ государства от использования в качестве территориальной основы сельского управления стихийно возникавших

однодеревенских общин и патриархально-родовых объединений аборигенов. Консолидация сословия государственных крестьян, а также изменения в податной системе позволили объединить в ходе реформы Е.П. Кашкина основные категории землепашцев в единое крестьянское общество и унифицировать структуру сельского управления путем введения единой на территории Сибири низшей административно-территориальной единицы, ставшей одновременно территориальной основой крестьянского самоуправления, — волости. Распространение единой управленческой модели на уже освоенное и еще осваиваемое пространство региона зависело от степени адаптации переселенцев данной территории. Развитие инфраструктуры региона усиливало эффективность механизмов воздействия государства на традиционные институты общества. Основными каналами воздействия государства на традиционное общество были коронное чиновничество, хозяйственная практика, инкорпорированные органы самоуправления, школы и прочие институты социальной сферы. Проникновению государства в сибирский крестьянский мир, разрушению его сословной замкнутости способствовало во второй половине XIX — начале XX в., помимо роста числа чиновников (крестьянских начальников, уездной полиции, переселенческих чиновников), появление так называемых «специалистов» (агрономов, землемеров, ветеринаров, фельдшеров, учителей и проч.), активно использовавших не только традиционные крестьянские институты, но и новые формы хозяйственной и социокультурной мобилизации крестьян, главным образом кооперативы.

Принципы организации административного пространства региона, особенно его низовой структуры, зависели от специфики местных политических, экономических и этнических обстоятельств, порождая поливариантное устройство. Но в целом ведущей тенденцией можно считать гомогенизацию имперского пространства. Инкорпорированные в административную систему традиционные институты самоуправления фактически сохраняют лишь форму, наполняясь новым содержанием. Расширяясь, имперское пространство не консервирует традиционное общество и его институты, а трансформирует их, разрывая локализм и замкнутость «малого» общества, заменяя горизонтальные связи (личного типа) на вертикальные, построенные по принципу иерархической пирамиды. Общество подчиняется глобальному качеству государства — его имперскости.

<sup>1</sup> Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1897. С. 350, 389; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1904. Ч. 3. С. 9.

<sup>2</sup> Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань, 1896. Т. 1. Вып. III. С. 44.

<sup>3</sup> Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1.

<sup>4</sup> Проект императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 20.

<sup>5</sup> Мамсик Т.С. Ссылные религиозные протестанты в Сибири в первой четверти XIX в. (правительственная политика) // Политические ссылки в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 177—197; Миненко Н.А. Ссылные крестьяне — «поляки» на Алтае в XVIII — первой половине XIX в. // Там же. С. 198—214; Пономарев С. Земледельческое братство как общинно-правовой институт сектантов // Северный вестник. 1886. № 9-10; Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. 1886. Кн. 1. С. 38.

<sup>6</sup> Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989. С. 174.

<sup>7</sup> Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1912. Т. 2. С. 25.

<sup>8</sup> Лапто-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 78.

<sup>9</sup> Миненко Н.А. Русская крестьянская община: XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. С. 49.

<sup>10</sup> Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. — 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 47.

<sup>11</sup> Астырев Н.М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 117.

<sup>12</sup> РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

<sup>13</sup> Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 209. Л. 3.

<sup>14</sup> Прутченко С.М. Сибирские окраины. Приложение III. С. 163.

<sup>15</sup> Альтшуллер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 349—352.

<sup>16</sup> Богдановский А.Е. Сибирская община и ее роль в политико-экономическом отношении. Б.м., б. г.

<sup>17</sup> Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 68.

<sup>18</sup> Смирнов А. Историческое обозрение управления государственных крестьян // Журнал Министерства государственных имуществ. 1862. Т. 81. С. 216.

<sup>19</sup> Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 3. С. 329.

<sup>20</sup> [Анисимов Е.В.] Империя: Возникновение и рост. Поворот к Европе // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 168.

<sup>21</sup> Проект императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей / Сообщ. В.И. Вешняковым // Сборник Русского исторического общества. 1877. Т. 20. С. 447—498.

<sup>22</sup> *Акишин М.О.* Наставление для установления порядка в сельской жизни (источники и состав памятника) // Новосибирский архивный вестник: Информационно-методический бюллетень Комитета государственной архивной службы администрации Новосибирской области. 2003. № 12.

<sup>23</sup> *Вешняков В.И.* Экспедиция государственного хозяйства (1797—1803). СПб., 1902. С. 28.

<sup>24</sup> ОР РНБ. Ф. 637. № 762. Л. 30.

<sup>25</sup> Цит. по: *Прутченко С.М.* Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. 1. С. 203.

<sup>26</sup> Там же. Приложение I. С. 23—24.

<sup>27</sup> ПСЗ-1. Т. 38. № 29125.

<sup>28</sup> *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. С. 467—478; *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 207.

<sup>29</sup> *Гессен В.М.* Главные моменты юридического развития России в XIX в. // Право. 1901. № 6. С. 283—286; *Прутченко С.М.* Указ. соч. С. 199.

<sup>30</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3530. Л. 23.

<sup>31</sup> О подготовке и реализации крестьянской реформы в Сибири см.: *Тончий А.Т.* Крестьянская реформа на государственных землях Западной Сибири. Томск, 1976; *Он же.* Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979.

<sup>32</sup> Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 125—127.

<sup>33</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3091. Л. 4; *Соболев М.Н.* К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 96.

<sup>34</sup> *Страховский И.М.* О волостных писарях // Право. 1902. № 50. С. 2533.

# ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В ОТНОШЕНИИ СИБИРСКИХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

Соотношение аборигенного и пришлого населения.  
Проблема «вымирания инородцев». Сибирский  
вариант инкорпорации аборигенов в империю:  
соотношение методов. Сибирские «инородцы» и  
правительственная политика

## 6.1. Соотношение аборигенного и пришлого населения. Проблема «вымирания инородцев»

**К**о времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в Европейской части России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, на характер международных и межэтнических отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков общностей, численностью около двухсот тысяч человек. На пространстве большем, чем вся Европа, обита-

ло малочисленное население, весьма неоднородное в языковом отношении. Наиболее многочисленными были народы, говорившие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. На северо-востоке Сибири, по среднему течению Лены и рекам Алдану и Вилюю, компактно проживали представители самого крупного тюркоязычного этноса — якуты.

Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор. Это были предки современных тувинцев и тофаларов, которые в ранних китайских источниках известны под именем «лесных народов».

Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы, известные под названием енисейских кыргызов. Именно из них впоследствии сформировалась хакасская народность — сагайцы, бильтыры, качинцы, кизильцы. Тюркоязычным было и население лесостепных и таежных районов Западной Сибири — предки современных сибирских татар. Монголоязычным было население, обитавшее по берегам Байкала и долинам рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузина. Это были племена, составившие этническую основу бурят, — эхириты, булагаты, хори-туматы. Ко времени прихода русских буряты были одним из самых больших по численности народов Сибири. К остяцкой языковой группе принадлежали тунгусы, проживавшие в таежных лесах Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря. На склонах Уральских гор, в Нижнем и Среднем Приобье жили ханты и манси, представляющие угро-финскую языковую группу сибирских народов. Иногда их называют обскими уграми или остяками.

В дорусский период аборигены экономически освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренного населения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были татары, в Восточной Сибири — буряты и якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири был резко изменен событиями конца XVI — начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет большое значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех компонентах этого про-

цесса: политическом, экономическом и социокультурном. Характеризуя начальный этап инкорпорации, некоторые современные исследователи считают необходимым отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассматривать как продолжение процесса «собираия» земель и закономерное укрепление границ национального государства<sup>1</sup>.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, которые мало или ничем не отличались от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и (в соответствии с конституцией) не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих и пастбищных угодий. В России, по мере ее продвижения с запада на восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству — уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, а также при наличии потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и для решения стратегической задачи — закрепления Сибири за Российским государством — московские, а впоследствии петербургские Романовы изначально отводили немаловажную роль аборигенному фактору. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Это продвижение русских не было исключительным явлением. Оно совпало со временем основания первых европейских колоний в Северной Америке. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена<sup>2</sup>.

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири и колоний западноевропейских стран — Канады, Австралии, Алжира и др. — наметилась еще в XIX в. В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали резко возрос интерес иностранцев к Сибири, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К. Оланьона, американца Р. Глейнера и др., в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады<sup>3</sup>. Оланьон полагал, что Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции или Канада и Австралия для Англии. По словам Оланьона, могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям на севере Азии. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы Крайнего Севера, где и вымирали<sup>4</sup>. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX — начала XX в. характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России, например на Дону. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи областничество полу-

чило наибольшее развитие и значение. «Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов вследствие присоединения их к России. Наиболее остро этот тезис был поставлен Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, И.И. Серебренниковым, П.М. Головачевым<sup>5</sup>.

По мнению Ядринцева, в правительственном подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы, стремление к бездоимочному сбору ясака. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношениях с «инородцами» руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией. Серебренников, вслед за Ядринцевым, также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности. Примерно такой же подход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перекрывается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов. Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н.Н. Козьмина, который считал принципиально неверным видеть процессы вымирания в любом факте сокращения численности аборигенов. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX и начала XX в., наоборот, свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В то же время Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков метисацию и обрушение аборигенов, что проходило при прямом участии государства<sup>6</sup>.

В действительности на протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось более чем в два раза, с 183 тыс. д. м. п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого,

главным образом русского, населения, численность которого за этот же период возросла с 412 тыс. д. м. п. до 2,3 млн, т. е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30% в 1795 г. до 15% в 1897 г.

Наиболее быстрыми темпами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось со 127 тыс. д. м. п. до 309 тыс., т. е. в 2,4 раза. За этот же период количество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской — в 1,6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение у аборигенов земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало численное соотношение мужчин и женщин, которое у коренного и русского населения в принципе не различалось. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9%; в Енисейской — 95%; Иркутской — 94,6%; в Забайкальской области — 90,3%. Более высокие темпы прироста коренного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывавшие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа одноименной губернии из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе — 26, в Верхоленском — 30. Иными словами, детская смертность была исключительно высокой.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу исторических особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности. В Тобольской губернии основная масса хантов и манси (около 73%) проживала в северных Березовском, Сургутском и частично в Тобольском округах. Значительную часть коренного населения губернии составляли татары, проживавшие в одноименном округе.

В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения был в Бийском округе — 13%. В остальных округах он колебался от 1% (Барнаульский) до 5—6% (Кузнецкий) от общей

численности народонаселения. В Енисейской губернии по количеству аборигенов — ненцев, эвенков — выделялся Туруханский край — 71% жителей. Следует также отметить Минусинский и Ачинский округа, где аборигенное население составляло соответственно 16 и 8% общей численности народонаселения округа. В Иркутской губернии наиболее высоким удельным весом аборигенного населения — 20% — выделялся одноименный округ. В Забайкальской области коренное население составляло примерно третью часть всех жителей. Большая часть аборигенов — бурят — селилась в Селенгинском (61%), Баргузинском (51%) и Читинском (44%) округах. Кроме бурят значительную часть населения области составляли эвенки. В 1897 г. их насчитывалось 16,6 тыс. душ обоего пола. В Якутской области коренное население (якуты и эвенки) составляло абсолютное большинство жителей — от 76 до 98% во всех округах, кроме Олекминского.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35% численности всего коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты — 226,7 тыс. (27,55%), далее — алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) — 108,7 тыс. (13,21%), эвенки — 64,5 тыс. (7,84%), сибирские татары — 53 тыс. (6,44%), ханты и манси — 27,7 тыс., ненцы — 9,4 тыс. и др. Некоторые малые народности, например тофолары, проживавшие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали по численности 400 человек. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов — в 7,9 раза; алтае-саянских народов — в 6,5 раза; татар — в 3,1 раза; хантов и манси — в 1,5 раза. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать как вымирание. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей, сменой этнической и конфессиональной идентичности. По материалам Первой

всероссийский переписи населения 1897 г., количество «иностранцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская — 3,4%; Томская — 22%; Енисейская — 10,6%; Иркутская — 12,2%; Забайкальская — 13,3%; Якутская — 0,1%<sup>7</sup>. На это же указывают многочисленные свидетельства православных миссионеров.

## 6.2. СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ИНКОРПОРАЦИИ АБОРИГЕНОВ В ИМПЕРИЮ: СООТНОШЕНИЕ МЕТОДОВ

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий с XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным методам пришли политико-административные и экономические. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно приняли сторону иноверцев и обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано. Аналогичный подход правительства к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на

примере действий отряда Е.П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров, вместо того чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальничков всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д.И. Зиновьевым (новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов)<sup>8</sup>.

В XVII в. Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди», а правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие. Интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия и животноводства. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия и стойлового содержания скота у народов Сибири. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и социокультурную их инкорпорацию в состав империи, а в конечном итоге — превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски. Проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались, и их решение было при-

звано обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу в колонизации Сибири видели современники, отставившие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это отличиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия занимали бурятские роды, проживавшие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Под влиянием христианства буряты вместе с зерном стали разбрасывать по пашне скорлупу крашенных яиц с сакральным смыслом — оплодотворения земли, чтобы хорошо вырос хлеб. Уборку урожая начинали в конце августа — первой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жатвы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди — овин или гумно. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев — это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у русских крестьян, которые оставляли в поле несжатый клочок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсечно-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клина: один находился под паром, другой — под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия<sup>9</sup>.

Наибольших успехов в земледелии добивались «инородцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями русских крестьян. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже

в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у этих «инородцев» отлично родится рожь, пшеница, ячмень, овес. Не случайно на сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в Северной Якутии в Олекминском округе в 1890 г. местные жители якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «инородческих» хозяйств различных губерний продажа хлеба доходила до 70% всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокуренные заводы, в различные казенные места.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка «инородцев» приобретала современные по тогдашним понятиям орудия сельскохозяйственного производства: сенокосилки и конные грабли, железные плуги, бороны, конные и даже паровые молотилки, веялки; строили водяные мельницы. К «инородцам» навевывались представители крупных европейских фирм, производящих сельскохозяйственное оборудование: «Мак-Кормик» и «Осборн».

Развитие земледелия и сенокосения у народов Сибири имело большое значение в переходе их к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки. В связи с этим у них стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны. Большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенное значение у «инородцев», как и у русских крестьян, получил отхожий промысел, вызванный необходимостью дополнительных заработков для содержания семьи и уплаты налогов. В хозяйстве народов Сибири значение отхожего промысла было неодинаковым и колебалось от 20% у забайкальских бурят до 7—9% у татар, хакасов, якутов.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «инородцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия.

Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «инородцам» ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных, налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, где жестко определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» (ослушников)<sup>10</sup>. Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались об этом положении как о благодетельной мере, искренне полагая, что именно Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям традиционно предписывалось обратить на этот вопрос особое внимание. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского, где народы Сибири были разделены на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с уставом оседлые аборигены уравнивались с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской. Экономические выгоды правительства при причислении кочевников к разряду оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было привести не только к росту оседлости, образованию земельных излишков, но и к переводу их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги в аграрной политике империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал «инородческий вопрос». Его место в аграрном законодательстве

определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у «инородцев» с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов и крестьян на одинаковом основании, наделив их наделом в 15 десятин. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX — начала XX в. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата о признании верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные «инородцы» по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В дополнение к аграрным законам 1896—1901 гг., в 1905—1917 гг. было принято еще около 20 актов о земельном устройстве коренного населения. Особое внимание при этом уделялось убеждению аборигенов в законности землеустройства и переводу их в категорию оседлых, обоснованию минимальных норм земельных наделов<sup>11</sup>.

Сначала к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этого являлись широкие протесты коренного населения и сложности в определении фонда пустопорожных земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905—1907 гг. протест народов Сибири значительно активизировался. Потенциальная опасность одновременно выступления русского и «инородческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г. в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий в империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов.

Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные «иностранческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы велись исключительно на «иностранческих» землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А.В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий по «обращению земельных излишков иностранцев» в переселенческий фонд.

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55% земель коренного населения, в Тобольской — менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945 115 дес., или 47% дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области — 2 061 000 дес., или 30%; у хакасов Енисейской губернии — 670 000 (33%); у аборигенов Томской губернии — 59 000 дес. (34%); в Горном Алтае — 121 622 дес. (25%); в Тобольской губернии — 27 407 дес. (2%), а всего по Сибири 3 884 188 дес. (29%)<sup>12</sup>. Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда. Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизируемых районах страны — Башкирии, Степном крае, Туркестане и др. — позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна сословная неполноправность «иностранцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного еще в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и определения новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с русским населением.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенов, приводили к проникно-

вению русской культуры во все сферы жизни аборигенов. Во многих местах возникали «иностранческие» поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой смешанный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX в. — зажиточные «иностранцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от домов русских крестьян. Там ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме того, обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю — готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились и русские надворные постройки: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани, вначале «черные», а потом и «белые».

Традиционная одежда кочевника из кожи уступила место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. У татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевое платье, покрой которого заимствовали у русских.

Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской Россией и Сибирью. Наметившееся стихийное «обрусение» иностранцев, поддержанное и направляемое усилиями имперской администрации и православными миссионерами, было экономически и социокультурно обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

### 6.3. СИБИРСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Со времени прихода русских в Сибирь уплата туземцами ясака рассматривалась правительством как выражение даннических отношений аборигенов к русскому царю. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, по мере их адаптации к об-

щерусским хозяйственным, культурно-бытовым, религиозным и иным традициям, на инородцев стали распространяться и другие податные обязанности. Тем не менее на протяжении XVIII и почти всего XIX в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли, а проживание их на исконных землях рассматривалось властями как важнейшее условие уплаты ясака. Правительственные указы жестко требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, не нарушать традиционных форм землепользования коренных народов.

Ясак — это натуральный налог, который до середины XIX в. народы Сибири платили преимущественно пушниной. Поначалу сбор подати с «ясачных иноземцев» никак не регламентировался и сборщики на практике «брали, что принесут». Это приводило к массовым злоупотреблениям, хищническому истреблению пушных богатств края, накоплению недоимок. В 1763 г. Екатерина II направила в Сибирь первую ясачную комиссию, которая впервые провела перепись «ясачных иноземцев», обложила их новой податью. Наряду с этим комиссия внесла принципиальное новшество в систему сбора ясака, разрешив туземцам платить ясачную подать пушниной или эквивалентно деньгами. Тогда же Екатерина указала и на различие финансовых интересов казны и императорского Кабинета в Сибири. До 1763 г. пушнина поступала в Сибирский приказ, а оттуда лучшие сорта пушнины пересылались в Кабинет. Однако в связи с упразднением Сибирского приказа собираемая в качестве ясака пушнина стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ императрицы «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему». Так юридически было оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак.

В 30-х гг. XIX в. в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири. Оно включало в себя более 60 пунктов и определяло цели, задачи, состав и порядок действий. Главной задачей являлось обложение новой ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири. В 1835 г. Николай I именовым указом утвердил новый размер ясачной подати, которая в совокупном денежном и натуральном выражении составляла около 450 тыс. руб. против 122 тыс. по окладу 1763 г. Удельный вес вновь положенного ясака в доходах «инородцев» по округам Западной

Сибири колебался от 10 до 20%, в Восточной Сибири — от 11 до 52%, составляя соответственно в среднем 15 и 38%. При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным, накапливались недоимки, которые вскоре приобрели хронический характер. Особенно беспокоило Кабинет сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины. Это неоднократно порождало рецидивы попыток полностью запретить свободную торговлю с аборигенами, окончившиеся тем не менее полным провалом. Одно из основных противоречий ясачной политики — стремление к максимальному сбору ясака пушшиной и дальнейшая денежная коммутация ясака — заставило сановный Петербург предпринять новые усилия для «приведения ясачного сбора в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета».

Формирование ясачной политики в пореформенный период находилось в неразрывной связи с аграрными и финансовыми мероприятиями казны и Кабинета, выступавшими как совладельцы сибирских земель. Эта особенность ярко проявилась в ясачной политике, которая свидетельствовала о существовании у коронного ведомства своих финансовых интересов, не всегда совпадавших с общегосударственными. На основе закона 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и земельною податью» по мере проведения землеустройства и перечисления кочевых аборигенов в разряд оседлых «инородцев» ясак «выкупался» государственным казначейством у Кабинета. Ежегодный размер таких «выкупов» составлял свыше 125 тыс. руб. Но поскольку размер вновь вводимой оброчной подати был выше ясачного оклада, то возникающие в таком случае излишки становились доходами государственного казначейства. Введение системы выкупа ясака было выгодно Кабинету, так как освобождало его от выколачивания недоимок. О несопадении финансовых интересов казны и Кабинета свидетельствует и практика взаиморасчетов, которые проводились между ними по «ясачному делу» с 1827 по 1917 г. в связи с перечислением части кочевых и бродячих «инородцев» в разряд оседлых. Указ 19 января 1898 г. не означал отмену ясака как такового. Бродячие «инородцы», а также кочевые, перечисленные в оседлые, но не получившие землеустройства, продолжали платить ясак до 1917 г. Общий размер ясачной ренты Кабинета с народов Сибири определялся положением 3 марта 1835 г. и составлял 222 258 руб. серебром. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли чет-

вертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2%. Ясачная рента сохраняла определенное самостоятельное значение. Для ясачного налога конца XIX в. характерным является процесс его дальнейшей коммутации, что заставило Кабинет в 1910 г. окончательно перевести ясак на денежную основу.

В Сибири земля была в совместной собственности казны и Кабинета. Последний взимал в свою пользу ясак, казна взимала разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Крестьяне и «инородцы» выступали как арендаторы кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. Из российских налогов ясак собирался с самой большой территории. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию и способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизовавшихся окраин империи, например кибиточной податью, взыскиваемой с народов Степного края и Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин империи Романовых наряду с национальным гнетом подвергалось архаичной эксплуатации<sup>13</sup>.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была составной частью имперской политики в Сибири. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной важности распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как необходимый элемент политики «обрусения». В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одним отличием колонизационной политики России от колониальных империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается упрочение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение миссионеров сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом

числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики «обрусения» нерусских народов окраин империи, сословному приравниванию их к основному крестьянскому населению империи. Официальные материалы и воспоминания современников свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных «инородцев». Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

В этом смысле важным этапом стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 1890-х гг. в его рядах состояло уже около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1 300 000 руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество финансировало все православные миссии империи, почти 50% денежных ресурсов шло на содержание сибирских миссий. В начале XX в. на территории Сибири постоянно действовало 8 православных миссий. Немногочисленными были северные Березовская и Туруханская миссии. Но такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот, активизируют свою деятельность, растут их численность, упрочивается материальное положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования брат-

ство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н.И. Ильминским опубликовали десятки религиозных сочинений. Этим же целям служила деятельность миссионеров из лиц местных народностей, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужение на «инородческих» языках. С целью активизации проповеди православия в Сибири получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станов — опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. К началу XX в. число миссионерских станов и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской епархии, что явилось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к буддизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и церковные иерархи. Характерно, что на съездах рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, введения у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов.

В пореформенный период Русская православная церковь при поддержке монархии проводила наступательную, а подчас и агрессивную политику в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещеных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы Первой русской революции, что объективно являлось выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования. Тем не менее политика христианизации местных народов как важнейшее средство их обрусения по-прежнему оставалась в центре внимания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Якутской областей было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, при-

мерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же буддизм. На основе сопоставления церковной политики империи в Сибири и многонациональных районах Поволжья, Приуралья и др. мы приходим к выводу о схожести основных направлений и методов этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика в религиозных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, стремясь найти решения, оптимальные с точки зрения имперских интересов.

Одним из ярких проявлений имперской политики в отношении народов Сибири в конце XIX — начале XX в. стал вопрос о привлечении сибирских «инородцев» к отбыванию воинской повинности. В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» народы Сибири освобождались от военной службы. Однако в конце XIX в. целесообразность этого оказалась под сомнением. Сторонники привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности исходили из тезиса о том, что льгота подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении вещей русские крестьяне, отбывающие воинскую повинность, никакого преимущества перед аборигенами не ощущают, а у «инородцев» складывалось неверное представление о мощи великой России. Следовало положить конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс в отношении них «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках».

Провозгласив курс на полное слияние народов Сибири с русским крестьянским населением, правительство в вопросе о воинской повинности проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривластного порядка. Об этом прямо заявил начальник Генерального штаба русской армии А.Е. Генгрос. По его мнению, исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость расформировывать туземные войска, как только на данной окраине росло национальное самосознание. Не случайно именно в это время в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения во внутренние губернии империи забайкальских бурят, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники «желтой расы».

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к воинской службе возникли в связи с введением Устава о воинской повинно-

сти 11 января 1874 г. Однако военный министр Д.А. Милютин выступил против проектируемых мер, считая их преждевременными. Тем не менее Милютин признавал принципиальную важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири. Идея привлечения аборигенов к воинской службе, по мнению министра, имела и политический аспект — как объединяющее и цивилизующее начало. Таким образом, в основе возникшего замысла лежали не военные, а чисто политические мотивы.

В 1896 г. для рассмотрения этого вопроса была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева. В ее состав вошли высокопоставленные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов. Совпадение начала работы этой комиссии с принятием аграрных, административных и податных законов не случайно.

Итогом работы комиссии Обручева стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний. Аборигенов Восточной Сибири предлагалось привлекать к военной службе лишь на основании специально разработанных узаконений. В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Обручева Николаю II, присовокупив к этому и личное мнение. Он заявил императору, что сам принцип дифференциации «инородцев» при отбывании воинской повинности считает глубоко ошибочным. По мнению министра, к отбыванию повинности следовало привлечь всех оседлых и кочевых аборигенов Сибири и Забайкалья, а конкретную разработку этого вопроса поручить Министерству внутренних дел, поскольку это ведомство наиболее близко знакомо с положением дел в Сибири. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905—1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П.А. Столыпин потребовал предоставить Куколь-Яснопольскому «все средства и возможности» для выполнения важного поручения. Наряду с этим при изучении данного вопроса премьер советовал

действовать осторожно и вообще соблюдать строгую тайну. Он опасался, что новые проекты могут вызвать массовые выступления народов Сибири, и без того недовольных проводимыми преобразованиями.

Обоснованность опасений министра подтверждается и «вопросами для беседы», составленными Куколь-Яснопольским. Это было своего рода социологическое обследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение «инородцев» к перспективе привлечения их к отбыванию воинской службы, а заодно и политическую лояльность империи. Не случайно из 20 вопросов 7 было посвящено чисто военным сюжетам, остальные имели общеполитический характер. Автора программы обследования особенно беспокоило возможное сопротивление аборигенов проектируемым мерам. К числу важнейших был отнесен вопрос о потенциальном поведении «инородческого» войска в период внутренних кризисов и потрясений.

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по строго расписанному сценарию. В каждой губернии или области были проведены конфиденциальные совещания. Круг участников этих совещаний был стереотипным: губернаторы и другие высокопоставленные чиновники. В целом сибирская администрация высказалась за привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности. В качестве главного аргумента необходимости этой меры послужило требование полного «приравнивания» сибирских «инородцев» к русским крестьянам и ликвидации их сословной обособленности.

В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Совет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Степного края, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

1 августа 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Вслед за этим последовало решение правительства, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц в возрасте от 19 до 31 года. В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске были организованы специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопилось около 10 тыс. человек. Однако эти места были совершенно не подготовлены к приему такого

количества призывников. Там не было ни оборудованных казарм, ни кухонь и даже элементарных продуктов, не хватало обуви и одежды. Многие аборигены на сборных пунктах владели полуголодное существование. Однако на фронт аборигены так и не попали. Правительство признало невозможным перевести эту массу людей в район действующей армии. Император перенес мобилизацию на более поздний срок, а сами «инородцы» были распущены по домам.

Мобилизация коренного населения на тыловые работы началась летом 1916 г. Однако в Якутской области по ходатайству товарищества «Лензолото» мобилизация якутов была отменена — их труд требовался самим золотодобытчикам. В остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу они направлялись на работу в районы Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление Томской железной дороги. К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы аборигенов расширилась. Особенно много «инородцев» было направлено в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Тяжесть работы мобилизованных аборигенов, антисанитарные условия проживания, плохое, непривычное питание приводили к массовым заболеваниям. Поэтому сотни людей бросали работу и бежали в родные места. Вместо сближения и даже унификации сословий мобилизация аборигенов на тыловые работы порождала у них неприятие политических устоев империи.

---

<sup>1</sup> Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтов. Иркутск, 2002. С. 90—95.

<sup>2</sup> Дамешек Л.М. Интеграция Сибири в Россию как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 19—20 июня 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 8.

<sup>3</sup> Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the TransSiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London, 1897. P. 25; Оланыон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903; Глейнер А. Сибирь, Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев, 1906. С. 9, 10.

<sup>4</sup> Оланьон К. Указ. соч. С. 5, 76, 77, 250.

<sup>5</sup> Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.). Красноярск, 1973. С. 242.

<sup>6</sup> Подробнее см.: Дамешек Л.М. Взгляды ссыльных разночинцев 70-90-х годов на «инородческий вопрос» в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 25—35. *Он же*. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. Иркутск, 1990. С. 14—18.

<sup>7</sup> Цифровые показатели рассчитаны по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 256; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав, язык и роды инородцев. СПб., 1912. С. 3; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86.

<sup>8</sup> Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII в. — 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток: Конец XVIII в. — 1867 г. Владивосток, 2001. С. 287.

<sup>9</sup> Подробнее см.: Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Улан-Удэ, 2001. С. 90.

<sup>10</sup> Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

<sup>11</sup> Дамешек Л.М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1984. С. 34—48.

<sup>12</sup> Данные об итогах землеустройства народов Сибири рассчитаны по материалам: РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231—233; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120—121; Отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях и области Забайкальской. За 1908 г. СПб., 1909. С. 45; РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 3.

<sup>13</sup> Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1983.

# СИБИРСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНА

СИБИРСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ  
ИМПЕРИИ XVIII в. «УСТАВ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ»  
1822 г. ЗАКОН О КРЕСТЬЯНСКИХ И ИНОРОДЧЕСКИХ  
НАЧАЛЬНИКАХ 1898 г. ВОЛОСТНАЯ РЕФОРМА У  
«ИНОРОДЦЕВ» СИБИРИ

## 7.1. СИБИРСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ИМПЕРИИ XVIII в. (КОНЕЦ XVII — СЕРЕДИНА XVIII в.)

**И**мперский механизм законодательства стал складываться со времени реформ Петра Великого. В сквозную систему преобразований возникавшей империи вполне вписывалась губернская реформа, призванная в первую очередь способствовать усилению местной власти. Узаконения 30-х гг. XVIII в. дали территориям России, в том числе и Сибири, единообразное устройство, что соответствовало государственной концепции Петра. Господство полицейского государства стало всеобщим, и невозможно представить какую-либо категорию населения империи, жизнь которой не подверглась бы регламентации. Не являлась исключением и Сибирь.

Первые попытки проникновения русских в Сибирь были вызваны откровенно меркантильными соображениями. Тем же правительством руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края — основную задачу здесь московские цари видели в уплате ясака натурой. Финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Первые правительственные указы требовали не допус-

коть столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Однако интересы Российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными прежде всего с потребностями укрепления позиций на Востоке. Сибирь оказалась на перекрестке столкновений стратегических интересов России и государств Центральной и Восточной Азии. В решении задачи закрепления Сибири за Российским государством московские, а затем и петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль, чем в колонизационном движении из европейских стран — Англии, Франции, Голландии, Испании. У русского сибиряка не возникало состояния психологически-национального одиночества и дискомфорта. В Сибири русская и аборигенная цивилизации существовали и развивались не параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на Атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился, а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах в XVIII—XIX вв. На протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи каждый из этих народов привнес в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривнутриполитическим интересам Российского государства. Более того, он мог вызывать нежелательные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с

соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Важно отметить еще одно обстоятельство. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создававшаяся правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах государственно-правовой механизм. Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы.

Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С.Л. Владислови́ча-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г. Обе инструкции ограничивали вмешательство русской администрации во внутривидовые дела народов Сибири, предоставляли значительную самостоятельность родовым властям. В то же время в этих документах прослеживается стремление правительства в своих действиях опереться на родоплеменную знать, а деятельность традиционных институтов самоуправления «иноверцев» подчинить интересам государства<sup>1</sup>. Впоследствии по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных связей эти тенденции в административной политике империи в Сибири сохраняются. Подобная практика свидетельствует о понимании русскими властями в тот период невозможности полного подчинения народов Сибири действию общероссийского административного законодательства, о стремлении учесть некоторые региональные особенности.

Эта тенденция нашла свое яркое выражение в ряде частных административных распоряжений, изданных сибирской губернской администрацией в начале XIX в. В этой связи наибольший интерес представляет «Положение о выборах иноверческих начальников и правах их» (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина. По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать старшинские должности по выбору. При

этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в должности избранного кандидата оставалось за губернской администрацией. В новом «Положении» Трескин стремился при проведении выборов создать режим «наибольшего благоприятствования» наследственным кандидатам. Эти люди, по мнению губернатора, больше уважаемы «иноверцами», а их слово имеет «лучший вес», нежели простолюдина. Избрание в родоначальники рядового улусника допускалось лишь в крайнем случае. Однако в любом варианте губернская администрация оставляла за собой право отстранения от должности избранного лица за нерадение и «худое» с точки зрения власти «управление родом»<sup>2</sup>.

В истории России первые десятилетия XIX в. характеризуются попыткой перестроить организацию государственной власти, систему высшего и центрального управления империи. Реформаторская деятельность Александра I коснулась и Сибири. Во времена И.Б. Пестеля и Трескина самовластие и злоупотребления царских чиновников в Сибири достигли чудовищных размеров. По словам биографа Пестеля П. Майкова, его управление Сибирью напоминало «управление проконсулов в римских провинциях и надолго оставило печать вредного влияния на страну». Любые поиски законности предавались анафеме и объявлялись «ябедой». «Трескин и закон были синонимы, более: был только Трескин, а законы были далеко, далеко!» — вспоминает современник. От «главных начальников края» в лихоимстве и грабеже подведомственного населения не отставали и другие представители бюрократической системы рангом ниже: нижеудинский исправник Лоскутов, заседатель Третьяков — «главный сотрудник жены Трескина по части взяток», правитель дел губернской канцелярии Белявский. Хищнические нравы царского чиновничества нашли отражение в метких эпитетах, которыми награждало их население бурятских улусов. Так, губернатора Трескина называли «бобром», земских заседателей — «волками» («чоно»), заседателя Третьякова именовали «медведем» («хара-гурсон»). Приношение для убоготворения начальства примерно в тысячу рублей ассигнациями выражали фразой «ныггэ букули тога» («одно целое число»), а в сто рублей — «еха сарса» («большая бумага») и т.п.; саму взятку называли «иделгэ» («кормление»). Поборы натурой и деньгами как с отдельных юрт, так и с целых обществ стали обыденным явлением.

## 7.2. «Устав об управлении инородцев» 1822 г.

Во время правлений Пестеля и Трескина злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли огромных размеров, что и явилось одной из весомых причин ревизии М.М. Сперанского в 1819 г. Следствие выяснило причастность почти всех родоначальников «иноверческих» ведомств ко всевозможным злоупотреблениям. Всего же к следствию в той или иной форме было привлечено 256 родоначальников.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» — один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. Устав свидетельствует об известной гибкости курса правительства, о понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность выявить правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. Устав 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX в., регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с Уставом 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской.

«Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил.

Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался

возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение земель «иностранцев» всех разрядов, как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы Устава стремились построить на основе учета некоторых этнических особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделялись на три ступени: низшая — родовое управление, средняя — иностранная управа, высшая — степная дума. Должностные лица в состав «иностранческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась Уставом. Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

Устав сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», — говорилось в Уставе. Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника. Сохраняя, таким образом, патриархальные отношения, Устав в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на традиционную верхушку «иностранческого» общества. Предоставляя «почетным иностранцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «иностранцы», пользовавшиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом Устав ослаблял патриархальные отношения, но не уничтожал их.

Устав предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становилось невозможным. Поэтому в Уставе 1822 г. делалась попытка, не изменяя патриархальной основы «инородческого» общества, учесть модернизационные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев», Сперанский попытался перестроить налоговое обложение аборигенов. Делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В Уставе отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую».

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор Устава оговаривал, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, Устав сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губерниям повинностях», — гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности — на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава Устава была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения иностранцев под предлогом обращения в христианскую веру», — говорилось в Уставе. Некрещеные «иностранцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем Устав подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими иностранцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но Устав не наделял никакими привилегиями крестившихся «иностранцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с иностранцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности. Таковы основные положения «Устава об управлении иностранцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

В итоге отметим, что разработанный Сперанским «Устав об управлении иностранцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники различного ранга. Тем не менее этот закон вплоть до конца XIX в. закрепил принципы адми-

нистративной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий введения Устава 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось Сперанским. В итоге были созданы «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири».

До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. приняли нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существовавшее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам Устава казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации и перевод Устава Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет. Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «инородцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела, споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники Второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав каз-

ны и Кабинета на инородческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта Свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах (императорский Кабинет, императорская канцелярия, Государственный совет) обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезной, а вредной». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века со времени принятия Устава поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и в быту народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал назначенный в 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Он предложил управление «иностранцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

### 7.3. Закон о крестьянских и инородческих начальниках 1898 г. Волостная реформа у «иностранцев» Сибири

В первые пореформенные десятилетия управление коренным населением Сибири основывалось на принципах «Устава об управлении иностранцев» 1822 г. Дальнейшее развитие программы прави-

тельства по вопросам организации управления народами Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом и со стремлением к пересмотру основных положений Устава 1822 г. в частности. Предполагалось, что ревизия Устава должна преследовать интеграционные цели. Начиная с 40-х и особенно с 50-х гг. XIX в. в высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного подчинения «иностранцев» имперскому законодательству. После поражения в Крымской войне, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено высискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации в правительственных кругах вновь возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и возведении их в более высокий податной оклад государственных крестьян.

Иркутский губернатор К.Н. Шелашников в 1873 г. обратил внимание правительства на необходимость подчинения бурят действию «общих законов». По его мнению, существование специальных положений для управления бурятами стало «не только бесполезным, но даже вредным». В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнивая права и обязанности их с крестьянами». Преемник Фредерикса Д.Г. Анучин в отчете по управлению краем в 1880—1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены».

Эти предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления бурятами Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. В результате реформы степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию чиновников, более гибкие административные единицы — иностранные управы, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей — главных родоначальников, замещающиеся преимущественно по наследству.

Анализ сведений о должностных лицах самоуправления аборигенов показывает, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Имущие

ственное положение выборных должностных лиц органов самоуправления аборигенов не может быть проиллюстрировано из-за отсутствия точных массовых данных. Однако бесспорно, что многие из них были людьми состоятельными, что соответствовало рекомендации царских законов отдавать предпочтение при выборах лицам «крепкого достатка». Также рекомендовалось способствовать выбору принявших православие. В Балаганском округе Иркутской губернии из 218 должностных лиц бурятского самоуправления лишь 13 человек, т.е. 6%, принадлежали к язычникам. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурятского самоуправления исповедовали православие. В то же время в Верхоленском округе 58,74% должностных лиц исповедовали шаманизм, 8,4% — ламаизм, остальные — православие.

Основные направления будущих административных преобразований в крае были сформулированы иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в 1887 г. Конечную цель своего проекта автор выразил коротко и ясно как «обрусение иностранцев». Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора». Именно предложения А.П. Игнатьева и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках». Несколько позже начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и иностранческих начальников».

Закон о крестьянских и иностранческих начальниках явился началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Согласно новому закону органы управления «иностранцев», основанные на принципах Устава 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. В основе «Временного положения» лежали идеи закона о земских начальниках от 12 июня 1889 г. Однако по сравнению с земскими начальниками права крестьянских начальников в отношении подведомственного населения были значительно расширены.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и «иностранческого» самоуправления. Важной обязанностью новых чиновников стал контроль над «нравственным состоянием» сельских жителей. Особенно возрастала роль крестьянских на-

чальников в судебных делах коренного населения. Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато опасными последствиями. Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. На практике новые чиновники становились полными хозяевами в «иностранческой» волости.

Содержание нового закона и практика его проведения в жизнь отчетливо отразили резкое усиление имперских тенденций в административной политике правительства в Сибири. С этим было вполне солидарно и местное сибирское чиновничество, настаивавшее на введении возможно большего числа крестьянских начальников. Лишь возражения министра финансов С.Ю. Витте положили конец подобным требованиям. В итоге по закону 8 июня 1898 г. в Тобольской губернии вводилось 36 должностей новых чиновников, в Томской — 29, в Енисейской и Иркутской — 21. В апреле 1901 г. этот закон был распространен на Забайкальскую область. На Якутскую область и северные районы проживания «бродячих иностранцев» действие закона не распространялось. Управление коренными жителями этих территорий вплоть до 1917 г. основывалось на принципах Устава 1822 г.

Одной из наиболее важных сторон деятельности губернской администрации Сибири по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатур на должности крестьянских и иностранческих начальников. Поиск кандидатов на должность был связан с известными трудностями. В Сибири прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Не много насчитывалось и чиновников, имевших высшее или специальное среднее образование. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы. Не случайно местная администрация резко выступала против требования обязательного образовательного ценза, считала предусмотренное законом среднее образование «лишним требованием». Даже спустя 10 лет после начала реформы в Иркутской губернии оставались вакантными 5% мест крестьянских начальников, в Забайкальской области — 11%.

Стремление правительства при подборе вновь вводимых должностей чиновников следовать сословному принципу и назначать крестьянских и иностранческих начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35% чиновников были из разночинцев. В то же время в 10 губерниях Европейской России (Витебской, Владимир-

ской, Вологодской и др.) в 1903 г. 93% земских начальников были из дворян. В Сибири, в отличие от Европейской России, на должности крестьянских (земских) начальников попадали подчас случайные люди с весьма пестрыми биографиями, отнюдь не дворянского происхождения. Еще в меньшей степени правительственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В Иркутской губернии в начале XX в. 65% крестьянских начальников были из разночинцев, только четвертая часть чиновников имела высшее образование, зато православными были почти все — 97%. Примерно 50% крестьянских начальников имели чины с 14-го по 8-й класс. Для большинства из них доходы от личного труда были единственным источником существования. В Енисейской губернии выходцами из сословия разночинцев были 68% крестьянских начальников, в Забайкальской области — 96%.

С целью улучшения качественного состава новых чиновников по образцу земских начальников Европейской России в 1912 г. был введен специальный экзамен на право занятия должности крестьянского начальника. Программа экзамена была разработана собственноручно сибирскими чиновниками. Особое внимание в ней уделялось вопросам усиления административного контроля чиновников за деятельностью органов самоуправления «иностранцев», а также расширению круга их полицейских обязанностей.

Тяжелой повинностью для сельского коренного населения явилось содержание нового аппарата управления. Жалованье одного чиновника без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм составляло 1700 руб. в год. Но настоящим бичом для сельского населения стали многочисленные злоупотребления властью и хищения крестьянских начальников, которые по этим «показателям» далеко превзошли своих предшественников.

Крестьянские начальники активно влияли на ход землеустройства аборигенов. Анализ позиций этих чиновников в ходе рассмотрения конфликтных ситуаций при землеустройстве позволяет заключить, что крестьянские начальники руководствовались не интересами аборигенов, а интересами переселенческой политики империи, отстаивали в большинстве случаев требования продолжения землеустройства и земельных отрезков у «иностранцев».

Многие крестьянские начальники являлись яркими ревнителями православия. Не только на словах, но и на деле они активно способствовали насаждению среди аборигенов христианства, не гнушаясь при этом никакими методами — от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия.

В целом закон 1898 г. по-своему отразил изменения в характере социально-экономического развития, связанные прежде всего с разложением патриархально-феодальных отношений. Реформа 1898 г. способствовала замене старых единиц управления, основанных на родовом принципе, территориальными административными единицами. В то же время административные преобразования были направлены на усиление имперской полицейской опеки над аборигенами, на их скорейшее «слияние» с русским населением.

Тенденция к усилению полицейской опеки над органами управления аборигенов укрепляется по мере роста общественного движения в стране и в Сибири. Наряду с иными мероприятиями этому служило введение паспортной системы у коренного населения, имевшее, несомненно, значение как средство контроля за передвижением коренных жителей.

Решение по этому вопросу было принято в июне 1897 г. Оно предусматривало для предварительной разработки законопроекта создание специальной комиссии из представителей Министерства внутренних дел и Министерства земледелия и государственных имуществ. В работе комиссии наиболее активную роль играл будущий министр внутренних дел В.К. Плеве, настоявший на том, чтобы подчинить всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Необходимость введения паспортов у коренного населения обосновывалась требованием упразднения порозрядной системы, усилением опеки и надзора за органами самоуправления коренных народов. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорта. У оседлых местом постоянного проживания считались общество или волость, к которой они приписаны, у кочевников — район перекочевков. Все «инородцы» обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми или иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось соглашением общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов. Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации.

Введение паспортной системы находилось в полном соответствии с общим правительственным курсом в отношении народов

Сибири в этот период, основным содержанием которого явилась ликвидация сословной обособленности «иностранцев», приравнивание их к русским крестьянам. В экономическом плане новая мера была связана со значительным ростом наемного труда. Этот процесс охватил существенную часть коренного населения сибирских губерний, для которого работа по найму становилась основным источником существования.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации не только системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. С точки зрения правительства эти преобразования были взаимосвязанными. Осуществление поставленных задач полного слияния народов Сибири с русским крестьянским населением постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения порозрядной системы и причисления аборигенов к разряду оседлых. Согласно Уставу 1822 г. такое причисление могло осуществляться только во время переписи и с согласия самих аборигенов. Поэтому власти постоянно сталкивались с противоположностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Введение института крестьянских начальников означало полное подчинение органов самоуправления аборигенов этим чиновникам, но не упраздняло деления аборигенов на разряды. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал порозрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства, требующее немедленного устранения. Практическим результатом этого решения стала разработка проектов волостной административной реформы, осуществленная в Министерстве внутренних дел накануне Первой русской революции. Реализация принятых решений началась после 1907 г. Обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905—1907 гг., правительство стремилось усилить бюрократический аппарат управления аборигенами, не допустить революционного рецидива в «иностранческой среде». Его надежды на ликвидацию порозрядной системы и введение волостного и сельского правления у коренного населения связывались прежде всего с административными мерами.

С осени 1908 г. министерские чиновники разного уровня стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. Особую активность в этом деле проявил П.А. Столыпин. Циркуляры за его подписью требо-

вали незамедлительно переводить кочевых «иностранцев» в разряд оседлых.

Получив прямое указание Столыпина, губернская администрация перешла к решительным действиям по его осуществлению. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было переведено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, что составляло примерно 33% всего коренного населения.

Одновременно с причислением в оседлые правительство проводило у аборигенов волостную реформу. Старое административное деление на рода, ведомства и т.п., основанное на родовых принципах Устава 1822 г., стало тормозом хозяйственной деятельности населения. Замена родового принципа территориальным подрывала остатки патриархально-родового строя. Эта замена отвечала изменяющимся условиям хозяйственной жизни народов Сибири, развитию денежных отношений. Формально необходимость этой реформы администрация обосновывала лозунгами борьбы с пережитками традиционных институтов в «иностранческой» среде, стремясь к уравниванию податного обложения различных имущественных слоев коренного населения.

Вместо родовых управлений и иностранных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Отпрыски родовой аристократии, нередко выступавшей против различных мероприятий правительства, отстранялись от исполнения служебных обязанностей. Вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались зажиточные «иностранцы». Теперь нижней территориальной единицей у аборигенов, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединявшее односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следующей, более крупной административной единицей являлась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Во главе волости стоял сельский староста, а во главе сельского общества — волостной старшина. Эти должности замещались путем выборов на сходах, с учетом рекомендаций крестьянских начальников. Последним предоставлялось право утверждения в должности избранного лица. По сути дела, крестьянские начальники являлись полными, а зачастую бесконтрольными хозяевами в сельских обществах и волостях, оказывая решающее влияние на выборы должностных лиц.

Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую реформу управления откровенно насильственными методами, вне всякой связи с землеустройством.

Таким образом, в имперской административной практике в Сибири применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «иностранцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания.

---

<sup>1</sup> Эти документы опубликованы в книгах: *Сычевский*. Историческая записка о Китайской границе. М., 1875. С. 32—36; *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1.

<sup>2</sup> ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45.

# ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ И РОЛЬ РЕГИОНА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ.  
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СИБИРИ

## 8.1. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

**К**рупная промышленность Сибири XVIII в. обслуживала, как правило, казенные нужды (Монетный двор, географические экспедиции, Нерчинскую каторгу, кабинетские заводы, воинские команды, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества. На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли — винокурение и солепромышленность. Крестьянское и мещанское население обеспечивало себя всем необходимым посредством домашнего, ремесленного и мелкотоварного кустарного производства. Все это обуславливало неустойчивость сибирских мануфактур, их полную зависимость от казны и произвола местных властей.

Наиболее известна и показательна в этом плане история Алтайских горных заводов Акинфия Демидова. Они были основаны Демидовыми в 1726 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд «гулящих» и других наемных людей. В 1738 г. работники были закреплены за предприятиями навечно. В 1747 г. императрица Елизавета Петровна, воспользовавшись фискальными долгами Демидовых, повелела округ со всем имуществом и людьми взять в собственность короны.

Подобным же образом было ликвидировано в XVIII в. крупнейшее в Сибири частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. В 1779 г. «Сенат велел рудники Сибирякова отобрать, а прочее имение взять в секвестр», на основании инструкции командира Нерчинских рудников В.И. Суворова о запрещении строить частные заводы вблизи казенных. В 1811 г. предприятия Сибиряковых были объявлены выморочными и поступили в казну. Государство в течение XVIII в. монополизировало солепромышленность и винокурение.

Как государственная, так и частная мануфактурная промышленность Сибири практически не использовала наемный труд. Купечество в условиях дефицита трудовых ресурсов охотно пользовалось внеэкономическими способами рекрутирования рабочей силы, в том числе каторжан и ссыльнопоселенцев. В XVIII в. в Сибири на 32 заводах вместе с обслуживавшими их рудниками было занято около 7 тыс. работников. Из них по вольному найму работали немногие на винокуренных, солеваренных заводах и текстильных фабриках. Крестьяне же и мещане, работавшие на промышленные заведения, нередко были из недоимщиков, а не вольнонаемными. Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. По данным Комиссии о коммерции, в городах Сибири в 1760-е гг. насчитывалось 3512 человек наемных работников, до 4 тыс. рабочих было занято на строительстве казенных судов. Только на наемном труде основывались рыбопромысловые заведения. В низовьях Оби к началу XIX в. сложилась система многолетних договоров об аренде песков у коренных жителей для промыслового лова с сотнями наемных людей. Известны также товарные промыслы графа И.И. Шувалова на Байкале. В целом на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору в 60—70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных

работников. В зимнее же время индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом.

В начале XIX в. Кабинет полностью монополизировал горно-рудное производство. Появились в крае и обычные для Европейской России помещичьи винокуренные заводы — Панаевых и Базилевских. Главной особенностью сибирской промышленности было использование труда ссыльных. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для ссыльных ремесленные (работные) дома. В Иркутской пересыльной тюрьме, на Омской войсковой фабрике арестантов приспособили к сукноделию. Тельминская фабрика на рубеже XVIII и XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована в крупный промышленный комплекс казны, обслуживавшийся трудом ссыльных рабочих и приписных крестьян. Тельминская фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Сибири.

Ссыльные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. Так, Иркутское губернское правление в 1801 г. сообщало Сенату, что «все казенные работы в его ведомстве, как, например, устройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм и проч., производятся ссыльными, число коих, однако, далеко не достаточно». В 1820-е гг. власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей. Однако этот опыт оказался неудачным. В начале 30-х гг. XIX в. с открытием золотых россыпей появился новый источник доходов для казны и царской фамилии, а также для дворянства — золотопромышленность, которая на землях Кабинета опиралась исключительно на труд мастеровых и каторжников. Существовало множество проектов разработки частных промыслов руками крепостных крестьян и каторжников.

Распространение сферы принудительного труда на новые отрасли промышленности не означало, однако, его перспективности. Принудительный труд был малоэффективен, его производительность по сравнению с вольнонаемной была в 2—3 раза ниже. Кроме того, он требовал больших расходов на стражу, строительство острогов и казарм. Сначала от услуг каторжников отказалось

судостроение, затем были распущены военнорабочие команды, сократилось употребление каторжного труда и в солеварении. В конце 20-х — начале 30-х гг. XIX в. буквально рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение. До реформы 1861 г. дожили три казенных винокуренных завода — Успенский, Екатерининский в Тобольской губернии и Александровский — в Иркутской.

При внешнем благополучии нарастали кризисные явления и в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. — 17 тыс. мастеровых и 96,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. — 20 890 мастеровых и 134 029 приписных крестьян<sup>1</sup>. М.М. Сперанский констатировал в своем «Отчете об обозрении Сибири»: «Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обрабатывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно бы было истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излишние и ни к чему другому не способные руки»<sup>2</sup>. Кабинетское хозяйство оставалось выгодным делом для императора, пока обменный курс составлял 1 рубль серебром к 4-м ассигнационным. Кабинет беззастенчиво забирался в государственный карман, модернизируя заводы, управляя и охраняя свои владения за счет государственных средств, используя государственных специалистов и полицию. При всем этом серебряноцинковое производство на Алтае переживало застой, а в Нерчинском округе — упадок. Наиболее прибыльной частью кабинетских владений с 30-х гг. XIX в. стали золотые прииски, давшие на Алтае в 1830—1860 гг. 961,5 пуда, а в Забайкалье — 1183 пуда золота. Золотой допинг отсрочил падение горного хозяйства Кабинета на долгие годы.

Частные мануфактуры в Сибири первой половины XIX в., пользовавшиеся принудительным трудом, также переживали упадок. Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, выросла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных заведений с числом рабочих до 1400, то в 1851 г. — 255 с 1750 работниками и 1200 тыс. руб. суммы производства, а в 1860 г. — 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн руб. суммы производства. В бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах мануфактуры заняли ведущие позиции. Рискованно утверждать, что капиталистическая ма-

нуфактура в Сибири в конце 1850-х гг. стала основной формой производства в обрабатывающей промышленности региона. Ведь некоторые отрасли остались в руках предпринимателей, применявших принудительный труд, — винокурение, сукноделие, солеварение, а их производство составляло до 2 млн руб. в год без акциза. Мелкое товарное и домашнее производства, размеры которых невозможно установить с точностью, судя по отдельным примерам, превосходили во много раз мануфактурное по объему выпуска продукции. Крестьяне только Тюменской округи выделывали в три раза больше сукна и в десятки раз больше холста, чем мануфактуры Сибири. В мукомольной промышленности крупные мельницы считались единицами, а мелкие крестьянские — тысячами. Ремесленное производство по числу работников еще значительно превышало ценовую промышленность. Так, в Тюмени в 1860 г. насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1690 — в ремесленных, в Томске соответственно — 359 и 921 на 1850 г., в Тобольске — 140 и 503 на 1850 г. «Фабричная промышленность в детстве, и способы ее до того первобытны, что она с одинаковою выгодой производится и в крестьянской избе, и в городском помещении», — заключил анализ промышленности Сибири Ю.А. Гагемейстер. Нельзя отрицать, что в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и рос капиталистический уклад, но в дореформенное время он так и не стал господствующим.

В золотодобыче капиталистическое предпринимательство сразу заняло ведущую позицию. В 1812 г. было разрешено русским поданным разрабатывать серебряные и золотые руды на Урале, а затем и в Западной Сибири. Первым обнаружил золото в Тюменском округе на реке Ивановой в июне 1824 г. екатеринбургский мещанин Еким Швецов, которому в разработке было отказано за неимением у него гильдейского свидетельства. В 1826 г. получили право поиска золота в Тобольской губернии купцы Е. Рязанов, Баландин, Черепанов, Верходанов. Получил такое же право 9 февраля 1827 г. верхотурский купец Андрей Яковлевич Попов, с именем которого и связано открытие промышленного золота в Сибири. В 1828 г. вели поиск золота уже 9 предпринимателей, было сделано 180 заявок. Но первые по-настоящему удачные заявки на 11 приисков по притокам реки Кии — Кундату, Берикуюлю, Закроме, Сухому Берикуюлю были сделаны 11 августа 1828 г. компаньоном и племянником А.Я. Попова Ф.И. Поповым. Их затраты на разведку составили

гигантскую по тем временам сумму — 330 тыс. руб. Открытие золота в Сибири было, таким образом, не игрой случая, а результатом упорного труда сотен людей, больших затрат капитала и энергии.

Поисковые партии, снаряженные частными лицами, казной, Кабинетом, в 30-е гг. XIX в. нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 40-е гг. начались поиски его в бассейне Лены, а в 50-е гг. — на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пудов в 1831—1835 гг. до 1296 пудов в 1846—1860 гг. В 1856—1860 гг. она несколько снизилась — до 1048 пудов в год, но и тогда составила  $\frac{4}{5}$  общероссийской добычи. В 40-е гг. XIX в. Сибирь стала крупнейшим в мире поставщиком золота, она давала 39% мировой добычи этого металла. В 30-е гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, а в 40—50-е гг. — Енисейская тайга.

Золотопромышленность дореформенной Сибири была сферой предпринимательства дворян и гильдейского купечества. На их долю падало 91,3% добытого в Сибири в 1829—1860 гг. золота (21 462 пуда на 284 млн руб.). По объему производства частная золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров, вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн руб.

Примитивность техники золотодобычи требовала массы рабочих рук, поэтому армия рабочих в отрасли увеличивалась исключительно быстро. Золотые прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. Если в 1830 г. в Томской губернии на частных приисках находилось 800 работников, то в 1834 г. — около 6 тыс., а в 1837 г. вместе с Енисейской губернией — 10 тыс. В 1845 г. на частных приисках Сибири было 30 тыс. рабочих, в 1850 г. — 27,7 тыс., в 1860 г. — 28,3 тыс.

Кроме золотых приисков крупной сферой капиталистического предпринимательства в первой половине XIX в. оставалась рыбодобыча, особенно на Байкале, низовьях Оби, в Нарыме, на Барабинских озерах.

Капиталистический характер все более приобретал транспорт. Речные перевозки стремительно росли. В 1820 г. насчитывалось 428 судов разного типа, в 1850 г. — 1009, а в 1861 г. — 2891, число работников возросло соответственно с 10 — 11 тыс. до 22,5 тыс. и до 32,7 тыс. Казенные перевозки хлеба, вина, соли, свинца осуществлялись по подрядам контрагентами из крестьян, мещан, купечества. Здесь сколачивались крупные капиталы. Часть судовладель-

цев специализировалась на транзитных перевозках чая и мануфактуры между Томском и Тюменью. В 1801 г. в Томске числилось 10 торговых фирм, занимавшихся такими перевозками на 15 судах. Конкуренция между ними заставила Томскую городскую думу регулировать порядок контрактации судов и цену фрахта. В 1810—1850-х гг. перевозками занимались крупные предприниматели — Серебренниковы, Д.И. Тецков, М.М. Карпов, П.Ф. Закревский и др. Обозначилась устойчивость сферы предпринимательства и преемственность в ведении дел.

Объектом частного предпринимательства в 1820—1830-е гг. стали гужевые перевозки, доставка почты. С этого времени начали формироваться капиталы «доставщиков» Шешуковых, Пушниковых, Кухтериных, Ботошковых.

Можно с уверенностью сказать, что с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с этого времени в золотопромышленности, а еще ранее в речном транспорте, рыболовности, извозе стало главным. Крепостническое предпринимательство еще сохраняло прочные позиции в горно-металлургическом производстве, солеварении, винокурении, сукноделии вплоть до реформы 1861 г. Эти же отрасли были в руках дворян и казны и в Европейской России. В ряде отраслей обрабатывающей промышленности капиталистические мануфактуры конкурировали не с крепостническими предприятиями, а с мелкими товаропроизводителями. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений, в Сибири эта конкуренция была слабой, все формы товарного производства имели перспективы для развития.

## 8.2. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ И РОЛЬ РЕГИОНА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, на посессионных и помещичьих фабриках, в казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилось. Однако темпы и масштабы экономических преобра-

зований в Сибири все более зависели от прочности связи ее с другими промышленными районами страны. Транспорт играл в освоении Сибири, вследствие ее громадной протяженности, исключительно важную роль. От быстроты доставки и пропускной способности транспорта зависели темпы аграрной и промышленной колонизации, технического перевооружения промышленности, скорость и формы товарообмена, условия и объем капиталовложений.

До начала строительства железных дорог в Сибири основным транспортом был гужевой. Главные центры Сибири связывали 37 трактов. Московский тракт шел через крупнейшие города Сибири: Тюмень — Омск — Томск — Красноярск — Иркутск — Читу. Зимой и летом по нему тянулись тысячи возов. При этом грузооборот быстро нарастал. Если в 1840 г. Томская таможня зарегистрировала около 21 тыс. возов (18,7 тыс. т), то в 1866 г. — 35,6 тыс. возов (28,5 тыс. т), а в конце 80-х гг. — 70 тыс. возов (56 тыс. т). Основные перевозки были организованы капиталистически, их захватили крупные транспортные фирмы Хаминова, Каменских, Кочешевых (1860-е гг.), позднее — Кухтериных, Королевых, Корнилова, Пушкинова, Малых, Т-во «Надежда». Извоз привлекал до 100 тыс. человек в год. Крестьяне притрактowych сел говорили, что «кормятся бичиком».

Вместе с тем гужевой транспорт уже не мог удовлетворить нужды экономики края в оптовых и транзитных перевозках. Их механизация в Сибири началась с водного транспорта, который летом, даже при мускульном труде сотен бурлаков (лямочных рабочих), значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесными трактами. В 1839 г. при поддержке министра финансов Е.Ф. Канкрин десятилетнюю привилегию на устройство пароходного сообщения в Сибири получил ростовский (затем красноярский) 1-й гильдии купец Н.Ф. Мясников. Западносибирскую часть привилегии он продал отставному чиновнику, крупнейшему сибирско-уральскому предпринимателю А.Ф. Поклевскому-Козелл. В 1844 г. совершил первый рейс между Тюменью и Томском пароход «Основа», затем появились два парохода «Император Николай I» и «Наследник цесаревич» на Байкале. В 1860 г. по рекам Западной Сибири плавали уже 10 пароходов, в 1880 г. — 37, в 1894 г. — 105 пароходов и 200 барж. В 1856 г. появился пароход на Лене, в 1863 г. — на Селенге и Енисее. В 1896 г. на всех реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью в 10 575 л.с. и 827 грузовых судов общей

грузоподъемностью в 50 тыс. т. Объем перевозок только по Западной Сибири с 16 тыс. т в 60-е гг. быстро вырос до 40 тыс. т в 70-е гг. и до 320 тыс. т в 1892 г. Водный транспорт стал первой отраслью экономики края, где произошел технический переворот.

Если в центре России, как и в классическом английском варианте, промышленный переворот последовательно охватывал легкую промышленность, затем тяжелую индустрию, транспорт, связь, сельское хозяйство, то на окраинах Российской империи промышленный переворот начинался с транспорта, в сибирском варианте — с водного транспорта, а затем — с железной дороги, которые и создавали условия для промышленной революции в других отраслях. Если в России в целом промышленная революция победила к 90-м гг. XIX в., то в Сибири она делала лишь первые шаги. Фабричные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в главных отраслях обрабатывающей промышленности — винокурении, мукомольной, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях.

В горнодобывающих отраслях заметным явлением внедрение машин стало с 80-х гг., когда появились первые гидромониторы, «золотоизвлекательные» фабрики на паровой тяге, нашли широкое применение паровые машины на вспомогательных операциях, стали испытываться первые драги. Однако энерговооруженность труда в сибирской промышленности осталась низкой. В 1895 г. в горной промышленности края насчитывалось 154 механических двигателя в 2579 л.с., из которых только 75 в 1,6 тыс. л.с. были паровыми и турбинными. В обрабатывающей промышленности на всех предприятиях было 97 паровых машин<sup>3</sup>.

Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26% всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2% общего числа), а в 1895 г. — 800 мануфактур (6,7% предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих, или 56,7% их общего числа. Однако численно в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7% общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2%) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5%) занимали 18,9 тыс. (28,8%) рабочих<sup>4</sup>. Кроме того, в начале 90-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян,

то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений.

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерна для отсталых в промышленном отношении областей. Обрабатывающие производства долгое время уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции. Сложные производства — спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее — были представлены единичными заведениями из-за недостатка оборудования, нехватки сырья, квалифицированных кадров, узости рынка сбыта. Неустойчивые вследствие узости рынков сбыта и сырья, постоянного дефицита оборотных средств предприятия строились как комплексные для более рационального использования сырья и маневрирования капиталами.

Из добывающих отраслей по-прежнему наибольшее значение имела добыча и выплавка драгоценных металлов. Сибирь давала почти все серебро и более половины золота империи. Золотопродовольствие развивалась хотя и медленно, но в целом поступательно. В 1861 г. добыча золота составила 18,7 т, в 1870 г. — 25,9 т, в 1880 г. — 27 т, в 1890 г. — 21,9 т. Падение кабинетской золотопродовольственности с лихвой компенсировалось частным предпринимательством, открытием новых месторождений золота. Вместе с разработкой наиболее богатых месторождений, основной район золотодобычи перемещался на восток. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с 70-х гг. — в Якутской области, куда до 1898 г. входили и Ленские промыслы. Золотодобывающая отрасль на протяжении 60—90-х гг. XIX в. сохраняла сезонный характер, техническую отсталость, опору на мускульный труд, что привело ее к концу XIX в. к серьезному кризису.

Основа дореформенной промышленности — цветная металлургия в Алтайском и Нерчинском горных округах Кабинета с отменной обязательности труда оказалась не способной перестроиться на капиталистический лад и находилась во второй половине XIX в. в состоянии глубокого кризиса. С 1861 по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца — с 0,8 до 0,2 тыс. т, меди — с 0,48 до 0,25 тыс. т. Владелец основных разведанных полиметаллических месторождений в Сибири, Кабинет предпочитал не вкладывать в разработку рудников средства, а получать гарантированную ренту со своих земель. В конце 80-х — начале 90-х гг. закрылись

многие рудники на Алтае и в Забайкалье. Технически отсталое производство стало совершенно убыточным в связи с понижением цен на серебро в мире и переходом России на золотой стандарт.

В черной металлургии Сибири также шел процесс укрепления частного предпринимательства. Кабинетские заводы — Гурьевский на Алтае и Петровский в Забайкалье — сокращали производство, в то время как частные — Абаканский и Николаевский — его наращивали. В итоге выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1861 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г.

Из других отраслей горного дела в Сибири серьезное значение имела соледобыча, увеличившая производство в пореформенное время почти в пять раз, а также добыча строительных материалов и графита.

Размещение промышленности в Сибири было неравномерным, зависело от расположения источников сырья и месторождений полезных ископаемых. Основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, а большая часть предприятий обрабатывающей промышленности — в сельскохозяйственной Западной Сибири.

Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали весьма трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны, наряду с товарно-денежной сохранялась меновая торговля. Ведущую роль в распределении товаров играли временные (периодические) формы обмена — ярмарки, торжки, базары. Через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки шла большая часть товаров из Сибири в Европу, и наоборот, на них купцы-оптовики закупали промышленные товары для Сибири, сбывали взамен пушнину, рыбу, чай, разное сырье. Затем товары развозились по Сибири и распродавались на мелких ярмарках, базарах и в лавках. Число ярмарок в Сибири во второй половине XIX в. значительно возросло. В 1860-е гг. в крае было 184 ярмарки, в 1892 г. — 668 с оборотом в 93 млн руб. В основном они находились в самой населенной Тобольской губернии, где в 1862 г. действовало 165 ярмарок с 5,4 млн руб. оборота, а в 1890 г. — 567 с 10,3 млн руб. оборота. С удалением на восток и север все большее значение приобретала торговля купцов-оптовиков, которые монополизировали товарообмен в обширных районах края. Как правило, кроме торговли такие монополисты имели промышленные заведения, транспортные средства, занимались ростовщичеством, были крупными домовладельцами.

Новый этап в индустриальном развитии Сибири начался с сооружения в 80—90-е гг. XIX в. железных дорог. На средства казны в 1883—1885 гг. была построена Екатеринбург-Тюменская железная дорога, соединившая Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским, что сразу сказалось на темпах перевооружения промышленности в городах Западной Сибири, на увеличении объема перевозок через Урал. Строительство же Транссибирской магистрали стало крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в процессе индустриализации мировой экономики. За 14 лет (1891—1904 гг.) было построено 8180 верст основного пути. Только на участке Челябинск — Иннокентьевская действовали 16 мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов, т.е. 444 предприятия. Подвижной состав включал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов. В 1904 г. Сибирская и Забайкальская железные дороги нанимали постоянно и временно 88 450 человек<sup>5</sup>.

Транссибирская магистраль, связав основные центры Сибири с российским и мировым рынком, стала той нитью, ухватившись за которую сибирская экономика начала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. Сравнительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила вооружение промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Крупные предприятия строились уже как фабричные, старые мануфактуры меняли технику и кадры. Современники отмечали: «Промышленная жизнь развивается и перескакивает от домашнего производства к высшим (технически) формам капиталистического, рабочий контингент растет». К 1908 г. фабрики преобладали в капиталистическом (фабрично-заводском) производстве: 252 фабрики (55,5% общего числа предприятий) давали на 57,7 млн руб. продукции (90%), занимали 14 376 рабочих (78,2%). Есть основания полагать, что фабричные заведения к этому времени давали больше половины суммы производства всех предприятий обрабатывающей промышленности Сибири<sup>6</sup>.

Противоречивым было влияние железной дороги на горнозаводское производство. Металлургические заводы, выполняя заказы железной дороги, первоначально увеличили производительность до максимальной в своей истории, но затем зачали, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Лучший из сибирских металлургических заводов — Николаевский стал жертвой краха промышленной империи Мамонтова, в состав которой он был включен.

Горнодобывающая промышленность Сибири продолжала сокращать производство. Добыча золота снизилась с 21,9 т в 1895 г. до 14,9 т в 1905 г. Также падала выплавка серебра, свинца, меди. Кабинет свертывал свое металлургическое дело дальше, отдавая в аренду последние действующие предприятия. Росла лишь каменноугольная промышленность, получившая постоянный и быстро растущий рынок сбыта в виде железной дороги, пароходства, действующих паром предприятий. Каменный уголь стал входить в обычай и у городских жителей для отопления.

Если основной причиной краха цветной металлургии Сибири на рубеже XIX—XX вв. стало полное банкротство кабинетского предпринимательства, то главной бедой золотого промысла явилась запоздавшая его перестройка после выработки наиболее богатых россыпей. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных жил, механизацию добычи золота из бедных россыпей требовались значительные капиталовложения. Выход золотодобычи из кризиса происходил разными путями. Механизованная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил стала основной в Томской горной области — Мариинской, Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В Иркутской горной области подъем золотодобычи был связан с затратой миллионов рублей на разработку россыпей шахтным способом. Кредит от Государственного банка помог в этот период выстоять и будущему гиганту — Ленскому золотопромышленному товариществу. Здесь также шло интенсивное внедрение техники на части операций — на откачке воды, вентиляции, транспортировке пород, обогащении песков. Были построены железная дорога, гидроэлектростанции<sup>7</sup>.

Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа. Сравнительно богатые и легкодоступные россыпи наряду с практически неиссякаемым источником рабочей силы в лице корейских и китайских сезонников сделали кустарные золотничные работы здесь наиболее эффективными для предпринимателей. Такого рода рационализация обошлась дешевле внедрения механизмов. Механизация горной промышленности Сибири завершилась только в 1930-е гг.

Железная дорога не составила конкуренции водному транспорту, которым осуществлялись в основном меридианные перевозки. Водные и железнодорожные пути росли синхронно. Количество самоходных и буксируемых судов с 1896 по 1908 г. в Сибири уве-

личилось с 514 до 777. Кроме того, действовало ежегодно до 1000 сплавных судов. Пароходство способствовало развитию товарной рыбодобычи в низовьях Оби, Енисея, Лены и на Байкале. Крупнейшим центром товарной рыбопромышленности стали Барабинские озера, чему способствовали населенность места и близость железной дороги. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составила около 2 млн пудов при 10,4 тыс. работников, по сравнению с 0,6 млн пудов при 3 тыс. рабочих в первой половине XIX в. Возросшая потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки в районе железных дорог, городов, промышленных предприятий, пароходных пристаней. Лесные работы занимали тысячи сезонных рабочих. С проведением железной дороги начался строительный бум. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуществлялось в основном подрядным способом наемными артелями. Небольшие стройки, ремонтные работы брали на себя строители-ремесленники или самостоятельные артели без подрядчика. Появились и постоянные строительные фирмы, которые не имели еще специализации и занимались любыми строительными заказами.

С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для периода промышленной революции тенденция концентрации экономической активности в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными узлами стали к 1907—1908 гг. Томск (2,9 тыс. рабочих), Омск (3,8 тыс.), Красноярск (3,3 тыс.), Тюмень (3,2 тыс.), Иркутск (1,2 тыс.), Чита (2 тыс.). Они являлись и торговыми центрами, центрами связи и профессиональной подготовки специалистов для промышленности и транспорта. Надежная и постоянная связь с российским рынком привела к изменениям в структуре торговли. Упала роль сезонных торгов — ярмарок и купцов-оптовиков. Стационарная — магазинная и лавочная — торговля к 1902 г. более чем в 10 раз превысила обороты ярмарок.

Таким образом, в Сибири на рубеже XIX—XX вв. обнаруживаются все признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей отрасли. Однако решающий шаг в механизации промышленности и транспорта региона был сделан в последние годы XIX — первые годы XX в., что позволяет считать этот исторический момент концом мануфактурной эпохи в Сибири.

Роль Сибири в экономике России в начале XX в. не изменилась по сравнению с предыдущими столетиями. Она осталась главным образом поставщиком сырья. Если в XVII в. главной целью государства и капитала в Сибири была пушнина, в XVIII — XIX вв. — драгоценные металлы, то в конце XIX — начале XX в. — продукция сельского хозяйства. Усилилась аграрная колонизация региона. Преобладающее значение имело сельское хозяйство, которое в 1913 г. дало две трети стоимости продукции края, а промышленность — только четверть.

Сельское хозяйство Сибири специализировалось на зерновом земледелии и мясомолочном скотоводстве. В структуре посевов увеличивались товарные хлеба — пшеница и овес, росла доля дойных коров в составе поголовья крупного рогатого скота (в связи с бурным ростом маслоделия). За начало XX в. площадь посевов зерновых культур выросла с 4 до 7 млн десятин, половину посевов занимала пшеница, валовые сборы зерна увеличились с 200 до 350 млн пудов. До 30% собранного зерна поступало на рынок, обеспечивая сырьем промышленность края. Часть зерна шла на российский рынок, на Урал, в Восточную Сибирь, за границу через порты Балтийского и Белого морей. Тарифная политика правительства сдерживала сибирский экспорт, так как повышенные тарифы на перевозку хлеба, начиная со станции Челябинск (в 1896—1911 гг.), снижали конкурентоспособность сибирского хлеба на рынке Европейской России и в портах Черного моря. Динамика ввоза—вывоза хлеба свидетельствует о резких колебаниях в движении хлебных грузов в Сибирь и из Сибири в зависимости от урожайности хлебов. Экспорт масла, не сдерживаемый запретительными тарифами, вырос с конца XIX в. к началу Первой мировой войны с нуля до 68 млн руб. (4,5 млн пудов). Сибирь давала 9/10 российского экспортного масла. Сельское хозяйство Сибири было товарным, но называть его капиталистическим нельзя. Лишь единицы хозяйств стали предпринимательскими, фермерскими. Сибирь стала крупнейшим импортером иностранных сельскохозяйственных машин, так как отечественная промышленность предлагала только самые простые машины — плуги и бороны.

В начале XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, стали уступать ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности. В 1900 г. горные производства выпустили еще 65% стоимости всей продукции цензовой промышленности Сибири и

Дальнего Востока. Причем в Западной Сибири уже преобладала обрабатывающая промышленность. В 1915 г. обрабатывающие отрасли дали 60% суммы производства в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1910—1913 гг. стоимость продукции пищевкусовых отраслей составила 81% суммы производства обрабатывающей промышленности, или 55% суммы производства всей промышленности Сибири (в пределах нынешнего Сибирского округа). Аграрные, а не ископаемые ресурсы стали основным сырьем для промышленности края.

В межреволюционное десятилетие железнодорожная сеть увеличилась за счет дорог, протянувшихся на юг Сибири, в хлебные и горные районы. В 1906 г. длина стальных путей равнялась 4837, в 1913 г. — 5556, а в 1917 г. — 7150 верстам. Были построены Алтайская, Кулундинская, Тюмень-Омская, Кольчугинская, строилась Ачинско-Минусинская железные дороги. Водный транспорт значительно уступал железнодорожному по грузообороту, но играл важную роль во внутреннем обращении, связывая северные и южные районы края между собой и с железной дорогой. Водный транспорт рос стремительно. В 1908 г. на водных путях курсировали около 800 судов, из них 235 пароходов, в 1914 г. — около 1200 судов, в том числе 316 пароходов и теплоходов. На пересечении водных и железных путей выросли крупнейшие города Сибири — Омск, Курган, Тюмень, Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита. Местные же перевозки оставались уделом гужевого транспорта, для чего служило около 110 тыс. верст грунтовых дорог.

Важной частью сибирского хозяйства являлось строительство. Строились железные, грунтовые, шоссейные дороги, крупные промышленные предприятия, обустроивались переселенческие участки, втрое вырос жилищный фонд городов. Все это требовало большого количества леса — главного строительного материала Сибири. Лесозаготовки из крестьянского промысла становились предметом предпринимательства казны, Кабинета и частных лиц. Из добывающих промыслов усилилась роль рыболовства, которое приобрело товарный характер. Капиталистическим стало рыболовство в районе Байкала, Чановских озер, низовьев Оби и Енисея. Уменьшилось значение пушного промысла, вследствие истребления наиболее ценных видов зверя — соболя, бобра, калана, горностая, выдры, куницы, лисы и песца. Главным конкурентом сибирских охотников на мировом рынке стали зверофермы.

Быстрыми темпами росла торговая сеть. В 1912 г. в Сибири насчитывалось 62 тыс. торговых заведений с оборотом около 500 млн

руб. в год. Именно в торговой сфере формировались крупнейшие капиталы Сибири. Упала роль транзитной торговли, выросла роль внутренней.

Уровень развития региона в целом можно представить, определив его долю в различных отраслях экономики и в рынке рабочей силы. В 1917 г. Сибирь при 7% всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлебов, около 2% стоимости промышленного производства, в том числе 13% стоимости продукции горного дела. На долю Сибири приходилось 8,3% длины железных дорог, 6,5% количества пароходов, 5,5% числа торговых заведений, 4% наемных рабочих России. О структуре экономики края можно судить по характеру занятости наемных работников. На Сибирь с десятиmillionным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3% населения. В городах Сибири жило 11,9% населения. Сибирь имела сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и торговлю.

Несмотря на низкий технический уровень промышленности и сельского хозяйства, Сибирь имела высокую степень концентрации капитала и производства, что делало экономику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса. Транссибирская магистраль была государственной, пароходство — в руках крупных частных компаний. Перевозки по рекам Западной Сибири монополизировало «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» (Товарпар), по Енисею — «Акционерное общество пароходства по реке Енисею», на Байкале — «Товарищество Байкальского пароходства и торговли», на Лене — «Восточно-сибирское общество пароходства, торговли и промышленности», на Амуре — синдикат пароходоладельцев. В сельском хозяйстве Сибири выросли две монополии. Союз сибирских маслодельческих артелей объединил 1410 кооперативных маслозаводов, 1167 лавок, 26 контор, в том числе в Лондоне, Москве и Владивостоке. Союз на равных конкурировал с иностранными закупочно-сбытовыми фирмами. Половину товарооборота Сибири контролировал союз потребительских кооперативов Сибири — Закупсбыт. В золотопромышленности всего три компании: Ленское золотопромышленное товарищество (Лензолото), Российское золотопромышленное общество (Золоторосс), Федоровское общество и Кабинет имели к 1916 г. 27% приисков, 46% рабочих, 80% добычи. В угольной отрасли 7 компа-

ний давали 2/3 сибирской угледобычи. Синдикат Черемховских углепромышленников, Л.А. Михельсон, акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей, казенные Анжерские копи Сибирской железной дороги делили сбыт угля в Сибири и успешно конкурировали с «Продуглем». Предприятия цветной металлургии входили в общероссийский синдикат «Медь». Руды Алтая поделили «Русско-Азиатская» и «Русская горнопромышленная» корпорации с участием английских и американских капиталов.

Сибирские предприятия были тесно связаны с общероссийскими монополистическими объединениями под патронажем Международного, Русско-Азиатского, Сибирского торгового и Золото-промышленного банков. Шло акционирование и проникновение банков в доходные отрасли обрабатывающей промышленности. Среди сибирских предпринимателей были распространены картельные договоры (стачки), они входили в отраслевые союзы предпринимателей (съезды винокуренных заводчиков, спичечный синдикат). Акционирование и образование предпринимательских союзов бурно шло в годы Первой мировой войны. Из крупнейших синдикатов можно назвать «Товарищество Алтайский мукомол», «Акционерное общество семипалатинских мукомольных мельниц», «Западносибирское торгово-промышленное мясоконсервное общество», «Сибирскую мясную компанию».

С появлением железной дороги и надежной связи изменился характер сбыта продукции европейских фирм в Сибири, ушли в прошлое ярмарки и купцы-оптовики, посредничавшие между сибирским потребителем и производителями фабричной продукции России. Российские фирмы и банки стали открывать свои отделения в Сибири. Из сибирских мануфактуристов-оптовиков уцелели немногие, превратившись в общероссийских дельцов (Второвы, Стахеевы). Появились специализированные товарные биржи. В 1915 г. в Сибири действовали 15 биржевых комитетов, Совет съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. В годы войны сибирские предприниматели вошли во Всероссийский союз городов, создали 32 военно-промышленных комитета. Эти организации защищали не только экономические, но и политические интересы сибирской буржуазии.

В начале XX в. Сибирь стала объектом интереса иностранного капитала, который проникал в наиболее прибыльные отрасли — горное и лесное дело, в сбыт сельхозпродукции и транспорт. В горной промышленности общества создавались в основном со спеку-

лятивной целью, до реальных инвестиций дело доходило редко. Из 17 горных акционерных обществ, открывших действия в Сибири, к 1917 г. действовало одно в Рудном Алтае — «Русская горнопромышленная корпорация». Более серьезным (свыше четверти объема) было участие иностранного капитала в сбыте сибирского масла. Сбыт сельхозмашин в Сибири монополизировала американская «Международная компания жатвенных машин». Масштабное предприятие с капиталом 8 млн руб. развернуло в Сибири лишь «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» И. Лида, которое внедрилось в пароходство, лесное дело на Енисее, в торговлю и горное дело.

### 8.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ

Экономическая политика Российской империи в Сибири защищала финансовые интересы Кабинета Е.И.В., казны, дворян и российских фабрикантов. Именно по этой причине она благоволила сибирским «инородцам» в их столкновениях с русскими крестьянами, ведь «инородец» нес ясак Кабинету, а крестьянская подать шла в государственную казну. В судебных тяжбах за рыболовные и охотничьи угодья, земли, как правило, выигрывали «инородцы». Законодательно запрещался въезд в «инородческие» стойбища торговцам до уплаты ясака. Однако в XIX в., по мере уменьшения доли ясака в общих доходах Кабинета, охранительная политика стала анахронизмом и сменилась политикой окрестьянивания «инородцев», особенно на землях Кабинета, где часть податей платилась императору как собственнику земли. По этой же причине чиновники старались выдворить с сибирских земель кочевников, но, как только они высказывали желание осесть на землю, преследование их прекращалось.

В интересах Кабинета, как правило, решались и споры о принадлежности угодий. Особыми правилами регулировалось пользование лесами. Императорскими указами от 1779, 1785, 1822, 1828 гг. запрещалось строительство «огнедействующих заводов» в Алтайском горном округе для сбережения лесов. Это запрещение вошло в Горный (1857 г.) и Лесной (1876 г.) уставы, обрекая на прозябание частную промышленность богатейшей части Сибири.

Земельная, миграционная политика правительства была нацелена на сохранение рабочей силы для российских помещиков.

Не раз были предприняты неудачные попытки насаждения в Сибири помещичьих хозяйств. Однако и после реформы 1861 г. Сибирь практически не знала других форм собственности на землю, кроме государственной и кабинетской. Лицам непривилегированных сословий сибирская земля в собственность не продавалась. Законопроект о введении крестьянской частной собственности в Сибири так и не был принят. С целью увеличения доходности казны, ограничения прав крестьян на пользование землей и лесами проводилось в Сибири лесоустройство, учет рыболовных угодий. Все угодья, которые не числились за крестьянскими или «инородческими» обществами, со второй половины XIX в. стали считаться казенно-оброчными статьями и сдаваться в аренду. В начале XIX в. лесной доход казны в Сибири составил около 3 тыс. руб., в 1873 г. — 34 тыс. руб., в 1913 г. — 2,6 млн руб.<sup>8</sup> Правила лесопользования в Сибири соблюдались слабо, а законы об охоте на диких зверей на Сибирь не распространялись. В 1764 г. императрица Екатерина II наказала тобольскому губернатору Д.И. Чичерину «позволить в Западной Сибири ловить и стрелять зверей во всякое время года». На него ссылались власти в течение XIX в. при попытках местных властей регулировать охоту в Сибири, опасаясь нарушить права ясачных «инородцев». Правительственные запрительные акты появлялись лишь тогда, когда становилось очевидным исчезновение вида какого-либо ценного зверя. В 1851 г. была запрещена охота на речных бобров, в 1898 г. — на маралов в Алтайском округе. Серьезный резонанс имел принятый по ходатайству Ирбитского ярмарочного комитета закон о запрете охоты на соболей и торговли шкурками на три года — с 1 февраля 1913 г. по 1916 г. Он касался жизненных интересов населения многих районов Восточной Сибири и целой отрасли пушной промышленности и торговли.

Большие последствия для развития сибирской экономики имели государственные правила добычи полезных ископаемых. До начала XIX в. существовала монополия государства на добычу драгоценных металлов. 28 мая 1812 г. вышел указ «О предоставлении прав всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну податей». Первоначально права на разработку руд драгоценных металлов были именными. Привилегии давались государевым указом дворянам и именитым купцам. По «Положению о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири» 1838 г. права на занятия золо-

тым промыслом получили дворяне, купцы 1-й и 2-й гильдий. В 1862—1863 гг. была разрешена добыча золота на землях Кабинета. «Устав о золотопромышленности» 1870 г. разрешал добычу золота лицам всех сословий. С 1891 г. Государственному банку было разрешено кредитование крупных золотопромышленных компаний. Золото подлежало обязательной сдаче в казну. Расчет производился Монетным двором в Санкт-Петербурге, с 1861 г. — также в Барнауле и Екатеринбурге. Дорогая доставка золота, длительность операций осложняли дело. Только с отменой в 1901 г. обязательной сдачи в казну золото стало обычным товаром, были сняты все словесные ограничения на его добычу.

Государство облагало сибирских золотопромышленников значительно большим налогом, нежели уральских дворян-заводчиков. Горная подать составляла для Урала 10% стоимости валовой добычи, для приисков Сибири она была установлена в 1828 г. в размере 15%, а с 1840 г. — в 20—24%, в Забайкалье — 30%. В 1849 г. прииски в зависимости от размера добычи платили подать от 5 до 35%, с 1854 г. — от 5 до 20%, с 1858 г. — от 5 до 15%. Доход казны составлял 2—3 млн руб. ежегодно, Кабинета — до 600 тыс. руб. В 1881 г. горная подать была снижена до 10%, но к ней добавилась плата по 10 руб. за каждую десятину золотоносной площади. В 1902 г. на казенных землях горная подать была заменена промысловым налогом, который был в два раза ниже прежней подати, но платился перед началом промыслового года. В целом государство через налоги отбирало до трети чистой прибыли у предпринимателей Сибири, у промышленников Урала — в два раза меньше. Близорукая дискриминационная политика Министерства финансов в отношении сибирских золотопромышленников вела к расхищению золота, сотни пудов золота уходили беспошлинно в Китай, а в период Первой мировой войны там активно действовали германские конторы по покупке контрабандного золота<sup>9</sup>.

Развитие промыслов тормозилось и дороговизной техники. Российского горного оборудования было мало, и оно было ниже качеством, нежели американское, английское, германское, новозеландское. Иностранные же машины облагались высокими пошлинами от 30 до 50% стоимости. Пошлины были отменены на 10 лет в 1898 г., что позволило увеличить число драг в России с 8 до 46. Далее число драг не менялось до 1917 г.

Тормозилось развитие горных промыслов также отсутствием дешевого кредита, инженерных и технических кадров, инфраструк-

туры, геологических исследований, о чем государство, получая миллионные доходы, не заботилось. Горные специалисты считали, что «вся история законодательства о золотопромышленности есть целый ряд стеснительных мер и ограничений в исключительных интересах казны и отдельных привилегированных сословий»<sup>10</sup>.

Нужды сибирского населения всегда ставились на последнее место, если они не соответствовали интересам государства или российских предпринимателей. Показательна в этом отношении судьба беспошлинной торговли в устьях сибирских рек. После ряда безуспешных попыток англичане добрались по Ссеверному морскому пути до Енисея, совершили в 1896—1897 гг. успешную торговую операцию в Енисейске и Красноярске, обменяв мануфактуру на хлеб, соль, шерсть, кожи, масло. Беспощинная торговля после этого была отменена по требованию московских фабрикантов. «И все дело погисло, все операции были ликвидированы, а Сибирь по-прежнему осталась данницей московских толстосумов. И это называется государственной политикой!» — возмущался по этому поводу в 1912 г. томский публицист А. В. Адрианов. Одной из главных целей деятельности сибирских депутатов в Государственной думе было добиться режима порто-франко для устьев Оби и Енисея, снижения тарифов на железной дороге, чтобы создать условия для выгодной торговли хлебом, лесом, рыбой, т. е. дешевым и громоздким сибирским товаром. Правительство неохотно шло на уступки, отменив челябинский «тарифный перелом» в 1911 г. и разрешив деятельность компании И. Лиды на Енисее.

В целом в отношениях государства с сибирскими предпринимателями можно выделить три периода.

Первый охватил XVII — первую четверть XVIII в., когда на территории Сибири был слаб контроль государства и освоение края шло преимущественно на основе частной инициативы промышленников, купцов, служилых и гулящих людей.

Второй этап занял отрезок времени со второй четверти XVIII по первую половину XIX в. Это время укрепления государственной власти в Сибири, в том числе и в экономике. Частное предпринимательство было вытеснено из промышленности казной, Кабинетом, дворянами. Кабинет сосредоточил в своих руках горное дело, казна и дворяне — винокурение, сукноделие и солепромышленность.

Вторая половина XIX — начало XX в. характеризуются взаимодействием государства и частного предпринимательства. Казенное

и кабинетское предпринимательство было сокращено до минимума. Государство брало на себя наиболее капиталоемкие проекты, например строительство железных дорог, каналов, занимало экономические ниши, не обеспеченные частным капиталом, — лесопромышленность, строительство. Однако в этом взаимодействии местным капиталистам отводились второстепенные роли, лидирующие позиции захватывали, как правило, предприниматели из Европейской России.

#### 8.4. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СИБИРИ

Участие Сибири во внешнеэкономических связях России было более чем скромным. Традиционной была торговля по южной границе Сибири. Однако роль края сводилась к поставке мехов в обмен на изделия ремесленных центров Средней Азии, Монголии и Китая. Доставка товаров верблюжьими караванами была долгой, трудной и временами даже опасной. Такой способ перемещения кладей был крайне неэффективен. При такой торговле доход приносил только товар дорогой и небольшой по весу, поэтому сибирский мех обменивался на ткани, украшения, посуду, реже — на оружие. Заметную роль на начальных этапах русского освоения Сибири играли бухарские торговцы, которые образовали даже особый слой городского сибирского населения — «юрточные бухарцы». Первоначально центром обмена был Тобольск, затем (с 1674 г.) — Тара, еще позднее — Ямышевская крепость, Семипалатинск и Усть-Каменогорск.

С падением Джунгарии в середине XVIII в. главным внешним партнером Западной Сибири стали казахи. Во-первых, они были посредниками в торговле с Китаем в Чугучаке и Кульдже. Русские купцы торговали с китайцами от имени казахских султанов. Прямого торгового не было из-за запрета китайских властей вплоть до 1851 г. Во-вторых, сама степь являлась крупным потребителем российских товаров. Изменился и характер товаров. Основными российскими товарами стали выделанные кожи, ткани (сукна, полотна). В обмен шли китайский чай, шелк, даба, фарфор. Степь предлагала животное сырье — сырые кожи, сало, волос, соль в обмен на мануфактуру и хлеб. Товарооборот через таможи Сибири достигал в 1840 г. 2,5 млн руб.

С начала XVIII в. начался оживленный обмен товарами через Яхту-Маймачен и Цурухайтуй. Первоначально велась казенная

караванная торговля мехами в обмен на китайские товары, а с 1762 г. была разрешена частная торговля всеми товарами. Кяхта стала на полтора века главным пунктом в торговле с Китаем. С конца XVIII в. основным товаром с китайской стороны стал чай, а с российской — меха, выделанные кожи, сукно. Торговля с китайцами через Кяхту имела меновой характер. Денежный товарооборот был запрещен. В денежной же оценке оборот торговли через Кяхту составил в конце XVIII в. не менее 5 млн руб., а в 1852 г. — 9 млн руб. С 1855 г. было разрешено оплачивать от одной трети до половины стоимости товара золотом. Обороты торговли сразу удвоились, хотя торговый баланс для России продолжал оставаться дефицитным. Вместе с тем о сколько-нибудь серьезной роли сухопутной русско-китайской торговли до строительства железных дорог говорить не приходится<sup>11</sup>. Кяхтинская торговля в российско-китайских отношениях имела больше политическое, нежели экономическое значение, будучи «атавизмом восточно-деспотического мышления», игнорирующего законы рынка<sup>12</sup>. После первой «опиумной войны» и Нанкинского договора 1842 г., открывшего китайские порты для европейских держав, Кяхта ощущает серьезное давление морских перевозок. Не спасал ситуацию и беспошлинный приграничный торг в Амурском крае. Россия оказалась не готова перейти к морской торговле, а сухопутный кяхтинский торг без правительственной поддержки оказался обречен на обеспечение в основном внутреннего сибирского рынка, совершенно утратив во второй половине XIX в. международное транзитное значение. Режим порто-франко на Дальнем Востоке, как и обсуждение вопроса о беспошлинной торговле Сибири с Европой через устья сибирских рек, стал предметом ожесточенной правительственной и общественной полемики в конце XIX — начале XX в.

С середины XIX в. характер торговли с южными соседями вновь изменился. С присоединением к империи Казахской степи увеличился товарообмен со среднеазиатскими государствами. Возрос оборот торговли с Западным Китаем и Монголией после разрешения в 1861 г. китайскими властями беспошлинной пограничной торговли. Главным пунктом обмена с Монголией в Западной Сибири стал Кош-Агач в Чуйской долине. Контрабандная торговля там велась еще с конца XVIII в., а к середине XIX в. она составила уже солидное дело с оборотом до 400 тыс. руб. в год. В 1902 г. Бьючная тропа, громко именуемая Чуйским трактом, стала колесной дорогой. С монгольской стороны главными товарами стали скот и

мех сурка, а с российской — ткани и прочие промышленные изделия. В начале XX в. русские купцы предпочитали на золото и серебро покупать китайские и английские товары, менять их на скот и мех сурка, поскольку товары российской фабрикации проигрывали в цене и качестве аналогичным английским и китайским товарам.

Монгольские и казахские степи в начале XX в. начали давать сырье для российской промышленности и были рынком сбыта для фабрикатов. Емкость сибирского рынка мяса была невелика вследствие молочного направления скотоводства. Сама Сибирь участвовала в товарообороте мяса как посредник, продавая российские изделия в обмен на продукцию скотоводства казахских и монгольских кочевников, переправляя их в Европейскую Россию. Нужно отметить, однако, все возрастающую долю переработки продукции животноводства на месте. Основными центрами стали Омск, Семипалатинск, Петропавловск, Курган. Оборот торговли с Казахской степью достигал 75 млн руб.

Скромнее был масштаб пограничной торговли с Западным Китаем через пограничные пункты Семипалатинской и Семиреченской областей, который к Первой мировой войне достиг 14 млн руб. В Семипалатинской области торговля шла через Котон-Карагай, Алкабек и Зайсанскую таможню (до 1,5 млн руб.). В Семиреченской области товары шли через Бахтинскую, Джаркентскую, Пржевальскую таможни. Лес, хлеб, фабрикаты, серебро обменивались на скот и продукты скотоводства. Можно сделать вывод, что Казахская степь, Синьцзян и Монголия составляли единый рынок сырья и сбыта для российской промышленности через посредничество сибирских купцов. В начале XX в. стало заметно обратное влияние центральноазиатского региона на сибирский рынок. В крупнейших городах Сибири в 1914 г. насчитывалось 111 магазинов с «азиатскими» товарами: фруктами, тканями, коврами, войлоком и др.

В Восточной Сибири также изменились условия торговли. Кяхта утратила монополию на чайный товар. Чай стал поступать в Россию морским путем через Одессу, а со строительством Сибирской железной дороги — через Владивосток и КВЖД. Таможню в 1861 г. из Кяхты перевели в Иркутск. Кяхта во второй половине XIX в. сохраняла еще значение в торговле дешевыми сортами плиточного и зеленого чая. Оборот достигал 30 млн руб. и более. В начале XX в. обороты сократились в шесть раз. Кяхта пала как столица русско-китайской торговли. Главным пунктом обмена с

Монголией стали Урга, Кобдо и Улясутай. Со второй половины XIX в. развилась пограничная торговля с Монголией через Цурухайтуй, Абагатуй, Цаган-Олуй. Чрезвычайно скромные масштабы имела торговля в Урянхайском крае. Начатая в 1870-е гг. для снабжения скотом золотых приисков Восточной Сибири, торговля сибирских предпринимателей привела к комплексному освоению региона. Купцы строили фактории для скупки меха, скота, заводили пашни, мельницы, золотые промыслы, вели торговлю. Наиболее крупным и известным из урянхайских дельцов был минусинский 2-й гильдии купец Г.П. Сафьянов. Он продолжил начатую отцом скототорговлю, строил предприятия и скотопрогонные тракты. Он настойчиво внушал представителям царской администрации мысль о необходимости присоединения Тувы к России. С открытием для колонизации ханьцев Маньчжурии они стали очень скоро основным ее населением. В начале XX в. они прочно утвердились в золотопромышленности, пограничной и розничной торговле. С одной стороны, контрабанда ханшином, скупка китайцами золота, морских продуктов серьезно осложняли ситуацию на Дальнем Востоке. Но, с другой стороны, маньчжурская пшеница решила проблемы снабжения хлебом растущего населения дальневосточных областей, китайцы создали рынок дешевой рабочей силы, дали каменный уголь для железных дорог.

Торговля Сибири с южными соседями прошла три этапа: 1) караванная торговля по линии границы с XVI по начало XVIII в. (обмен пушнины на ткани, украшения, посуду и другие ремесленные изделия), 2) обмен золота, серебра, промышленных изделий России на чай, ткани, посуду Китая во второй половине XVIII — XIX в., 3) обмен промышленной продукции и хлеба на продукцию животноводства в Западной Сибири, Казахской степи, Урянхайском крае и Монголии и обмен промышленных товаров на хлеб и чай на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.).

Таким образом, роль Сибири в процессе международного обмена менялась. На первом этапе она являлась главным образом рынком сбыта ремесленных изделий и тканей Цинской империи и среднеазиатских ханств. На втором и третьем этапах Сибирь уже выполняла роль посредника между промышленными центрами России и азиатскими странами. В начале же XX в. обозначилось превращение Сибири и Дальнего Востока в основных индустриальных партнеров Монголии, Западного и Северного Китая, сокращение посреднической торговли сибирских купцов. Южная торгов-

ля питала транзитными товарами сибирские сухопутные тракты, водные и железнодорожные пути. Значение торговли с Китаем, Монголией, Центральной Азией проявилось и в том, что она сформировала наиболее грамотную и влиятельную часть сибирской буржуазии. Капиталы, полученные от внешнеторговой деятельности, способствовали затем индустриализации Сибири и России.

---

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 188—189; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. С. 30—34.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 175.

<sup>3</sup> *Андрющенко Б.К.* Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1861—1895 гг.) // Рабочие Сибири в конце XIX — начале XX в. Томск, 1980. С. 39.

<sup>4</sup> История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 50.

<sup>5</sup> *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974. С. 37.

<sup>6</sup> *Скубневский В.А.* Обрабатывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 46.

<sup>7</sup> *Хроленок С.Ф.* Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1970. Т. 1. С. 89—90.

<sup>8</sup> *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 232—260.

<sup>9</sup> *Хроленок С.Ф.* Золотопрмышленность Сибири (1832—1917): Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 21—22, 42—46, 88—89, 175—176.

<sup>10</sup> Там же. С. 97.

<sup>11</sup> *Романова Г.Н.* Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы торговли с Россией. М., 2000. С. 163.

<sup>12</sup> *Петров А.М.* Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии // Зарубежный Восток: вопросы торговли с Россией. М., 2000. С. 21.

# СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ССЫЛКИ И КАТОРГИ В СИБИРИ.  
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-  
ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА

### 9.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ССЫЛКИ И КАТОРГИ В СИБИРИ

**И**стория ссылки и каторги в Сибири начинается едва ли не с ее присоединения к России. Еще в 1586 г. в Тобольске был учрежден Разбойный приказ, занимавшийся ссылкой в новый край беглых крестьян, участников народных волнений и уголовных преступников. Окончательно ссылка в Сибирь была узаконена Соборным уложением 1649 г., по которому основными местами ссылки определялись отдаленные и малозаселенные районы Восточной Сибири. Сюда направлялись как «государственные преступники», состав которых постоянно расширялся за счет участников антиправительственных заговоров, изменников и шпионов, военнопленных, старообрядцев, так и уголовники — «воры», «тати», «душегубы» и другие «неблагонадежные элементы». Вообще, круг деяний, за которые следовала ссылка, был необычайно широк и постоянно пополнялся: незаконное изготовление и продажа вина и табака, фальшивомонетничество, неповиновение властям и помещикам, разбой и мошенничество, воровство, прошение милостыни и т.д. Отмена в 1753 г. смертной казни и определение таких мер наказания, как «политическая смерть» и лишение сословных прав, привели к повышению роли ссылки в Сибирь. Термином «ссылка» определялся род наказания, который включал в себя два основных вида: ссылку в каторжные работы и ссылку на поселение. Вплоть до первой трети XIX в. подавляющее большинство ссыльных составляли крестьяне и солдаты, ссылаемые как по судебным приговорам, так и в административном порядке по представлению помещиков. Положение этой категории ссыльных фак-

тически ничем не отличалось от уголовных ссыльных, так как в судебной практике того времени любой социальный протест приравнивался к разбою.

Трехвековая история сибирской ссылки породила множество различных оценок и трактовок ее роли для России и Сибири. Даже среди специалистов встречаются различные, подчас противоположные мнения о влиянии ее на экономическое, общественное и культурное развитие восточных окраин империи. Одни исследователи склонны преувеличивать роль ссылки в колонизации Сибири, особенно Восточной, считая всех жителей потомками бывших преступников, другие вообще отрицали колонизационное значение ссылки. Некоторые западные историки усматривали в сибирской ссылке некий психологический феномен российской действительности, считая ее чуть ли не национальной чертой россиян, или, говоря о роли пограничного фактора («фронтара»), писали о складывании в Сибири особого социума из бродяг, преступников и тому подобных элементов. Для них сибирская ссылка выступала как своеобразный символ «загадочной» и «непонятной» русской нации<sup>1</sup>. Сибирская действительность порождала множество мифов, толкований, способствовала формированию различного восприятия ссылки в самой Сибири, в России и за рубежом. Образ мрачного, дикого края, полного безысходной грусти и холода, заселенного отверженными, преступниками, проникал не только в обыденное сознание россиян, но и в литературные и исторические сочинения. Представление о Сибири только как о месте содержания преступников, о крае полного беззакония было очень живучим. Один из помещиков даже назвал «Сибирью» пустынное место в Тверской губернии, куда он отправлял провинившихся крепостных, как бы напоминая им о еще более страшном наказании<sup>2</sup>.

Так же смотрела на сибиряков российская власть, стремясь особыми мерами поддерживать там порядок и покой. Даже отдельные представители местной сибирской власти, прикрывая свою бездельность и беспомощность, утверждали, что здесь бороться с воровством и разбоем невозможно: «Что же теперь делать, на то и Сибирь! Надо же вора где-нибудь жить!» Впрочем, за редким исключением, российская власть рассматривала сибирские земли лишь как место размещения неугодных элементов и как кладовую полезных ископаемых. Министр иностранных дел России второй четверти XIX в. граф Нессельроде цинично заявлял: «Сибирь была для России глубоким мешком, в который опускались наши соци-

альные грехи и подонки в виде ссыльных и каторжан и тому подобное». Центру были глубоко безразличны подлинные нужды и перспективы развития Сибири, и он отмахивался от решения проблем, тяготивших население края. Говоря о карательной направленности сибирской ссылки, нельзя забывать, что и другие страны также использовали принудительную изоляцию для противоправных и неблагонадежных элементов. Английские власти высылали своих политических противников в Западную Африку и Австралию, французское правительство использовало в качестве места каторги и ссылки не менее отдаленное место — остров Новая Каледония.

Следует отметить, что государство использовало ссылку не только как карательную меру с целью обеспечения внутренней безопасности, но и как средство заселения отдаленных сибирских территорий, направляя тысячи ссыльных на строительство и эксплуатацию путей сообщения, разработку природных богатств края. Штрафная колонизация была одним из постоянных источников роста российского населения в Сибири и формирования местного крестьянства. Уже в XVII в. оформилось несколько видов ссылки. Массовой была ссылка провинившихся казаков, стрельцов, военнопленных в службу для пополнения служилого населения Сибири. Крестьян, посадских, гулящих людей ссылали, как правило, на поселение в посад или в пашню. Само правительство в 1698 г. констатировало, что «такими многими ссыльными людьми сибирские города и слободы и деревни везде полнятся». В XVIII в. ссылка на поселения становится ведущей. Указами 1760-х гг. помещики получили право ссылать своих крепостных за «непристойные и предерзновенные поступки». Однако разрешалось ссылать только здоровых мужчин не старше 45 лет, пригодных к хлебопашеству, а семейных — с семьями.

Еще одним видом ссылки была ссылка в заключение, когда преступников не только ссылали в Сибирь, но и заточали в острог или монастырь. Ссылка в заключение применялась в основном к опальным представителям власти, изменникам, противникам официальной церкви и религиозным вольнодумцам. Всех их предписывалось держать в темницах скованными, за крепким караулом, «чтоб к ним никто не приходил и злого ученья у них не принимал». Одним из первых прошел через нее протопоп Аввакум. В первой половине XVIII в. в Сибири оказались участники дворцовых переворотов А.Д. Меншиков, А. Девиер, А.Г. Долгорукий, Б.К. Миних, Ф.И. Соймонов и др.

В начале XVIII в. появился новый вид ссылки — ссылка на каторгу, т.е. на принудительные работы. Каторжан в основном направляли на горные заводы и рудники, где использовали как даровую рабочую силу. Со второй половины XVIII в. основным местом каторги стали горнозаводские предприятия Нерчинского горного округа, принадлежавшие Кабинету. Кроме закоренелых уголовников в каторжные работы стали направлять «секретных арестантов» за разного рода политические преступления. Указом от 13 сентября 1797 г. предписывалось «произносителей дерзких слов против императорского величества, равно возмутителей народа и пристанодержателей (т. е. укрывателей. — *В.Ш.*) отсылать в Нерчинск на работу». В округе находилось до 3—4 тыс. каторжан, среди которых на особом положении содержались «секретные арестанты», о которых составлялись для иркутского губернатора именные ведомости.

Сроки ссылки в рассматриваемый период никак не оговаривались. Фактически она была пожизненной. Только каторга, как особо тяжелый вид ссылки, с течением времени получает ограничение по времени. С 1822 г. ее максимальный срок определяется в 20 лет. Но и отбывшие ее не получали свободу, а переводились на пожизненное поселение в то место, которое определяли местные власти. Не имея средств к существованию, без какой бы то ни было поддержки властей очень немногие из них могли встать на ноги и влиться в состав старожильского крестьянского населения Сибири. Большинство же было вынуждено наниматься в работники к хозяевам-старожилам, уходить на различные промыслы и отхожие заработки, а с середины XIX в. — на золотые прииски. Следует иметь в виду также, что ссылка автоматически означала лишение всех сословных прав, а часто и имущества и переход в особую бесправную группу сибирского населения — ссыльных. Превращение в изгоя, отверженного усугубляло и без того тяжелое физическое и моральное состояние ссыльного. В то же время следует учитывать, что ссыльные в Сибири со временем могли быть приписаны к сословию государственных крестьян или, если знали ремесло, в городское мещанское или цеховое общество, т. е. становились обладателями тех же прав, что и сибиряки, за исключением возможности вернуться в Россию. Эта ситуация бывала порой парадоксальной: крепостной крестьянин, отправленный своим помещиком в ссылку, в Сибири становился свободным человеком.

Определить численность людей, сосланных на протяжении XVIII — первой четверти XIX в., сложно, так как общей статисти-

ки ссыльных не велось. Партии ссыльных препровождались без всякого порядка. Начальство не знало, кто, за что и куда направляется. В этапные списки без разбора вносили поселенцев и каторжан, мужчин и женщин, взрослых и детей. Вносили на глаз, без проверки. Нередко ни в чем не повинные люди, случайно попавшие в списки ссыльных и лишенные возможности исправить ошибку, так как ссыльным воспрещалось подавать жалобы, годами безвинно пребывали в неволе. Среди ссыльных было много больных и увечных. Управление ссылкой в самой Сибири было децентрализовано и не выходило за пределы административных функций местных губернаторов и начальников сибирских заводов и рудников. До 1822 г. практически не было специальных местных учреждений управления ссыльными. Они полностью зависели от произвола местных властей. Полное бесправие родителей распространялось и на детей, рожденных в Сибири. Россия не имела четкого правового определения ссылки и каторги. Одновременно действовали десятки указов и манифестов о ссылке, нередко противоречащих друг другу. Между тем количество ссыльных в Сибири постоянно возрастало. Во второй половине XVIII в., по различным подсчетам, в Сибирь было отправлено до 60 тыс. человек<sup>3</sup>. Часть из них была направлена на заводы Нерчинского горного округа, многих расселили в окрестностях Усть-Каменогорской и Бийской крепостей, основную же массу водворили вдоль Сибирского тракта. В это же время на Алтай и в Забайкалье переселили до 10 тыс. старообрядцев, выведенных с территории Восточной Польши. На Алтае они получили название «поляки», а в Забайкалье — «семейские».

В XIX в. поток ссыльнопоселенцев значительно увеличился. Только в 1800—1825 гг. в Сибирь поступило более 80 тыс. ссыльнопоселенцев. Местные власти просто не справлялись с таким потоком. Те небольшие суммы, которые отпускались на устройство ссыльных в новых местах, просто разворовывались чиновниками. Так, плачевно закончилась попытка правительства ускорить заселение Восточной Сибири в конце XVIII в. По указу 1799 г. предусматривалось поселить на юге Прибайкалья и в Забайкалье до 10 тыс. человек из отставных солдат, ссыльнопоселенцев и помещичьих крестьян, сосланных в зачет рекрутов. Но уже в 1806 г. правительство признало свою неспособность разместить всех ссыльных, которые бродили «толпами по Сибирской дороге, питаясь подаянием обывателей». Бесконтрольность в отправке ссыльных в Сибирь, неумение и нежелание местных властей принимать в их отношении

радикальные меры приводили к тому, что значительное количество ссыльных не могло быть устроено на новых местах. Так, за десятилетие с 1795 по 1805 г. из числа направленных в Кудинское комиссарство 2,7 тыс. ссыльнопоселенцев только 2,5% смогло «основательно водвориться», еще 4,4% не потеряли надежду к водворению, а остальная масса оказалась неустроенной. Всего же только в Иркутском уезде насчитывалось более 5 тыс. неводворенных поселенцев<sup>4</sup>. Появился даже специальный термин для неустроенных ссыльнопоселенцев — «вольнопропитанные». У поселенцев не было средств для успешного хозяйствования. Подавляющее большинство среди ссыльных составляли мужчины, среди которых было много престарелых, больных и увечных. В результате, как констатировалось в одном из официальных отчетов, «новопоселенцы без женщин и семейного быта разными случаями... исчезают, дома пустеют»<sup>5</sup>. Бродяжничество стало поистине бичом Сибири.

Тяжелое положение каторжан и отсутствие порядка в их препровождении и устройстве приводили к массовым побегам. Вместе с неустроенными поселенцами они промышляли любой работой, просили милостыню, а то и сбивались в разбойничьи шайки и грабили на большой дороге. Побег с заводов в конце XVIII в. приняли массовый характер. Только на Тельминской казенной мануфактуре в начале XIX в. в бегах числилось 1034 рабочих. Всего же, по разным данным, до половины ссыльных находились в бегах.

Состояние сибирской ссылки, слабый надзор за препровождением и размещением ссыльных, многочисленные злоупотребления не могли не волновать правительство. М.М. Сперанский, проводя общую ревизию Сибирского края, обратил на состояние ссылки и каторги особое внимание. Объехав основные места поселения, осмотрев тюрьмы и горное производство Нерчинской каторги, он принял решение о систематизации законодательства и подготовке новых нормативных актов, регулирующих положение ссыльных и самой ссылки. Их подготовка была поручена Г.С. Батенькову. В процессе подготовки он изучил сотни правовых актов, распоряжений и указаний, практику деятельности местных администраций. Большое место при подготовке реформы он уделил исследованию системы ссылки, поскольку «ссылка и поселение большей частью смешиваются между собой». Рассматривая значение ссылки в колонизационной политике самодержавия, Батеньков писал: «По значению своему ссылка есть двоякая: 1) в каторжную работу, 2) на поселение», а также разделял ее в зависимости от применяющего

органа на судебную («за преступления») и административную («по распоряжению правительства»)⁶. Уже в период подготовки реформы ссылки указ Александра I от 17 августа 1820 г. закрепил это деление. Критически относился он к практике ссылки в Сибирь помещичьих крестьян и внес в будущий проект предложение о запрещении помещикам ссылать своих крепостных без суда и следствия. В ходе изучения материалов Батеньков подготовил десятки записок и проектов. Наиболее значительные из них — «Записка о заселении Сибири», «О каторжных», «О постановлениях правительства по предмету ссылки» и др. — были представлены Сперанскому и стали основой для подготовки уставов о ссылке и этапах. Проекты новых сибирских преобразований были завершены в начале 1821 г. и поступили во вновь образованный Сибирский комитет, правителем дел которого был утвержден Батеньков. На заседаниях комитета были заслушаны подготовленная им «Записка о замеченных беспорядках по предмету отправления, препровождения и распределения ссыльных» и проекты уставов о ссыльных и этапах. Комитет был вынужден признать злоупотребления и неустроенность ссылки, а также одобрил проекты уставов. В июле 1822 г. они были утверждены Александром I.

Уставы 1822 г. явились первыми кодексами сибирской ссылки. Они не только объединили все существующие акты по вопросам ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентируя деятельность губернской администрации по данному предмету. Устав определял, что ссылка в Сибирь могла быть двойкой: в каторжные работы и на поселение. Причем оба вида определялись только решением судебных инстанций. Таким образом, отменялась административная ссылка. Впервые создавались специальные органы управления ссылкой — Приказ о ссыльных в Тобольске и экспедиции о ссыльных в губернских городах. Нормы устава регулировали порядок отправления, устанавливали необходимые для этого документацию и определяли правовое положение ссыльных на каторге и поселении. Была ликвидирована величайшая несправедливость в отношении детей осужденных. Сперанский считал этот шаг едва ли не главной своей заслугой. Дети каторжников и ссыльных получили право вступать в свободные сельские и городские сословия, тогда как до этого они зачислялись «в состояние отцов», т. е. ссыльных и каторжан с момента рождения.

«Устав об этапах» предусматривал создание по всему маршруту движения ссыльных особых этапов — пунктов отдыха, регламентировал порядок отправления и движения ссыльных партий, состав и функции этапной стражи, обязывал местные власти обеспечивать ссыльных «нормальными» условиями жизни на каторге и поселении, вводил строгий учет ссыльных. Вдоль Сибирского тракта была устроена 61 этапная тюрьма, где ссыльных обеспечивали питанием и одеждой. Партии должны были состоять из 60 человек летом и 100 зимой и охраняться этапными командами корпуса внутренней стражи.

Реформа сибирской ссылки явилась составной частью широкого плана государственных преобразований в Сибири. Была создана система административных мер, которая вводила строгий порядок в хаос временных положений о ссылке. Но изменить правовую сущность ссылки как меры уголовной репрессии, направленной в основном против угнетаемых слоев населения России, эти документы не смогли. Уже первые годы применения уставов 1822 г. о ссылке показали, что надежды Сперанского и Батенькова на решение всех сложных вопросов ссылки и каторги чисто административными средствами оказались тщетны. Продолжались злоупотребления местных властей. Отпускаемые на строительство этапов и устройство ссыльных на местах средства расхищались. Многие нормы уставов оказались преждевременными или просто ненужными для правительства, а ряд вопросов не был определен и потребовал дополнительных постановлений. Органы управления ссылкой не справлялись со своими обязанностями. Административная ссылка продолжала существовать и законодательно была быстро восстановлена.

В XIX в. ссылка принимает массовый характер. По официальным данным, за XIX в. в Сибирь поступило более 800 тыс. ссыльных (включая членов семей, добровольно последовавших за сосланными). Остро встал в первой половине XIX в. вопрос о ссылке, ясно обозначивший несоответствие государственного взгляда на ее назначение с нуждами самой Сибири. Широкое применение ссылки как наказания во многом объяснялось желанием самодержавия найти дешевый способ избавиться центральные губернии от преступных элементов. В XVIII — начале XIX в. правительство частично за счет ссылки пыталось решить и колонизационные задачи, обеспечить Сибирь собственными продовольственными ресурсами, превратить край в доходную финансовую статью. Хотя

организация ссылки потребовала значительных затрат, ссыльные с большим трудом включались в хозяйственную жизнь края. На одно устройство «казенных поселений» было ассигновано в конце 1820-х — начале 1830-х гг. около полумиллиона руб.<sup>7</sup> Неудачными оказались попытки организовать труд ссыльных в Сибири. Большинство из них так и не стали надежными налогоплательщиками. Только по Западной Сибири в 1836 г. за ссыльными числилось недоимок на 1 830 000 руб.<sup>8</sup>

Наращение потока ссыльных порождало серьезные трудности в их размещении и управлении. С 1807 по 1851 г. в Сибирь было сослано 282 963 человека<sup>9</sup>. Цель реформы 1822 г. заключалась не в том, чтобы ограничить ссылку, а в том, чтобы упорядочить систему этапирования, распределения и обеспечения ссыльных работой<sup>10</sup>. Если первую задачу Сперанский сумел в значительной мере осуществить, то решение двух последних ему явно не удалось. Реформа ссылки, несмотря на всю ее привлекательность в теории, на деле оказалась трудно осуществимой. Непрактичность некоторых положений «Устава о ссыльных» породила критические оценки современников<sup>11</sup>.

Несмотря на то что ссыльный элемент составлял заметную часть сибирских жителей, влияние «штрафной» колонизации на естественное воспроизводство населения в регионе оказалось несоразмерно меньшим<sup>12</sup>. Однако удельный вес ссыльнопоселенцев среди русского населения постоянно увеличивался — с 4,12% в 1795 г. до 11,39% в 1850 г. Особенно много их было в 1850 г. в Томской губернии — 45 564 человека, что составляло 13,5%<sup>13</sup>. По Сибири удельный вес ссыльных был разным, возрастая с запада на восток. Если в Ялуторовском округе в 1840 г. их было 4%, в Каинском — 31,9%, то в Мариинском уже 38%. Более заметной оказалась роль ссылки в формировании рабочего класса Сибири. Увеличение золотодобычи несколько снизило остроту проблемы трудоустройства, обеспечения ссыльных заработками, но не сняло вопроса о надзоре за ними.

Малоэффективной оказалась ссылка и как средство борьбы с религиозным расколом и сектантством. Гонимые за веру в Сибирь оказывались хорошим колонизационным элементом, что приводило к известным противоречиям между задачами хозяйственного освоения региона и борьбы с идеологическими противниками господствующей православной церкви<sup>14</sup>.

Ссылка, по мнению сибирских генерал-губернаторов и жандармского генерала Н.Я. Фалькенберга, теряла и свое устрашающее

воздействии. Крепостные крестьяне, солдаты рассматривали ссылку в Сибирь как желанную свободу. Существовала опасность, что ссыльные из помещичьих крестьян увлекут своих сородичей описанием привольной жизни в Сибири. Поэтому возникали проекты ужесточения режима ссылки, устройства в Сибири особых казенных поселений для ссыльных, поселенческих рабочих рот. Генерал-губернатор Западной Сибири настаивал на приписке ссыльных к фабрикам и заводам, размещении их в казармах под строгим надзором, на ограничении пособий и льгот, чтобы «сделать Сибирь чувствительною для простолюдинов»<sup>15</sup>. Восточносибирский генерал-губернатор В.Я. Руперт единственным средством приостановить распространение влияния «главного зла» в этом крае — ссылки — считал передачу казенных поселений из гражданского в военное ведомство. Ссыльные должны были оказаться на положении «пахотных солдат», их нравственное исправление предлагалось производить при помощи строгой дисциплины, употребляя по воле начальников «без малейшей проволоочки» шпицрутены, отсылая провинившихся в исправительные роты<sup>16</sup>. Для того чтобы сохранить устрашающее значение ссылки, Н.Я. Фалькенберг предлагал для крестьян, сосланных по воле помещиков, ссылку в Сибирь заменять заключением в крепость и арестантские роты<sup>17</sup>.

На неуправляемость ссылки указывали столичные ревизоры и главы местной администрации, они высказывались за ограничение ссылки, за замену ее другими видами наказания, предлагали продолжить опыты по устройству казенных поселений для ссыльных. Во второй половине 1830-х — начале 1840-х гг. сначала в Сибирском комитете, а затем в Государственном совете обсуждалась возможность отменить ссылку в Сибирь. Но решение этого вопроса уперлось в отсутствие средств для создания альтернативных вариантов наказания и изоляции преступников. Министерство финансов решительно высказалось против применения принудительно-го труда осужденных на заводах и фабриках. Поэтому департамент законов Государственного совета в 1838 г. вынужден был признать, что замена ссылки другими мерами представляется «неудобнее и вреднее»<sup>18</sup>.

Все предпринимавшиеся в первой половине XIX в. попытки построить казенные поселения для ссыльных оказались неудачными. Если в конце XVIII в. правительство рассчитывало колонизовать ссыльными отдаленные районы Сибири, то в 1827 г. енисейский губернатор А.П. Степанов предлагал ограничиться более

скромными задачами. «Новые поселения в Енисейской губернии не составляют тех колоний, которые предназначаются для размножения хлебопашества и увеличения народонаселения, но имеют единственной целью, — разяснял он восточносибирскому генерал-губернатору А.С. Лавинскому, — собрание рассыпавшихся по всей губернии ссыльных в жительства для них только учрежденные, дабы чрез то иметь удобнейший надзор за людьми, нарушающими общее спокойствие»<sup>19</sup>. Несмотря на значительность потраченных средств и строгость в надзоре за ссыльными, из размещенных в этих поселениях 1150 мужчин и 98 женщин уже к июню 1829 г. числился в бегах 361 человек. Недостаток продовольствия в поселениях привел к тому, что ссыльные занялись воровством, а то и грабежом окрестных сибирских деревень. Курьезное замечание о Тюкалинске, одном из «самых вороватых» городов Сибири, оставил М. Петров. Он писал, что полиция на жалобы пострадавших вынуждена была отвечать: «Что же теперь делать, на то и Сибирь! Надо же вора где-нибудь жить!»<sup>20</sup> Неутешительный итог енисейскому эксперименту подвел в 1840 г. генерал-губернатор В.Я. Руперт, который «с удивлением» обнаружил, что описываемое в отчетах енисейских губернаторов благополучное положение казенных поселян в действительности «несравненно хуже и мало обещает в будущем»<sup>21</sup>.

Самодержавие так и не смогло установить баланс между колонизационным и карательным назначением ссылки. С середины XIX в. последнее стало превалировать. Ссылка продолжала казаться наказанием строгим и выгодным для государства, эффективным средством избавить европейские губернии от социально нежелательных элементов<sup>22</sup>. Не найдя разумных и действенных способов к интеграции ссыльных в состав сибирского общества, не сумев создать удовлетворительной системы управления и надзора за ними, самодержавие продолжало выталкивать за Урал порочный элемент населения центральных губерний. Насколько сложным и опасным представлялось сибирским властям положение ссыльных, свидетельствуют их постоянные жалобы на неустройство ссылки в различных отчетах и проектах. Жандармский капитан Мишо писал в 1835 г., что только «суровая зима Сибири одна управляет бродящими ссыльными»<sup>23</sup>. Генерал-губернатор С.Б. Броневский признавался в том, что казна обречена содержать в Восточной Сибири большое число ссыльных как людей «беспольных», что не может не отражаться на благосостоянии сибирских крестьян. Возможно-

сти для употребления принудительного труда в Сибири были крайне ограничены. Броневский предлагал уменьшить число выселяемых в Сибирь, предусмотреть выдачу ссуд для хозяйственного обустройства ссыльных, более равномерно распределять по всей сибирской территории (не исключая и Алтайского округа, принадлежавшего Кабинету) это «неизбежное для Сибири несчастье»<sup>24</sup>.

Если на первых порах ссылка хоть как-то выполняла свою роль в деле колонизации Сибири, то с середины XIX в. она стала совершенно неэффективна. Непроизводительные затраты на ее организацию и неэффективное использование людских ресурсов подрывали ее роль как колонизационного фактора. С развитием путей сообщения и укреплением хозяйственных связей Сибири с метрополией разрушаются сложившиеся стереотипы. Ссылка, как и сама Сибирь, теряет свое устрашающее воздействие. Как следствие, значительный рост вольного переселения, особенно после постройки Транссибирской железнодорожной магистрали. Лишенные средств к существованию, сломленные духовно, а часто и физически, не имеющие никаких прав ссыльные представляли собой объект самой жесточайшей эксплуатации со стороны зажиточных крестьян-старожилов, купцов и владельцев золотых приисков. Лишь немногие имели возможность устроиться в местах поселения. Показателем оседлости является наличие своего дома и хозяйства. В Восточной Сибири по данным 1880—1890-х гг. среди крестьян-старожилов насчитывалось около 5% бездомных. Среди ссыльных таковых было более 50%. Часть ссыльных отправлялась на заработки в города и на различные промыслы. Но значительное число ссыльных значились «безвестно отсутствующими». В бегах постоянно находилось от 30 до 40% ссыльных. Томский губернатор устроил как-то облаву на бродяг и беглых, и за одно утро в окрестностях города было задержано до 800 человек. Согласно официальным источникам, эти беглые и составляли армию бродяг, «которые зимой переполняют сибирские тюрьмы, а летом выпрашивают милостыню у населения, воруют скот и все, что плохо лежит, сжигают на сотни верст тайгу, не останавливаются и перед убийством, за то и сами подвергаются жестокому самосуду коренного (старожильческого) населения»<sup>25</sup>.

Ценность ссыльных с демографической точки зрения также была весьма невысокой. Абсолютное преобладание мужского населения приводило к тому, что до 70% ссыльных не участвовали в воспроизводстве населения и фактически были обречены на выми-

вание. Крестьяне-старожилы неохотно выдавали своих дочерей за ссыльных. Пытаясь стимулировать подобные браки, правительство даже выдавало по 150 руб. за прием ссыльного в свой дом на правах родственника, но и эта мера помогала плохо. Возрастной состав ссылаемых, более половины которых было представлено людьми старше 40 лет, также не способствовал образованию семей. По словам Сперанского, большинство ссыльных, находясь «в работниках и ведя вообще холостую жизнь, редко оставляет по себе потомство».

Ссылка потеряла и свой карательный характер как мера наказания. Лишь немногие имели возможность стать полноправными членами местного общества. Исправительное значение сибирской ссылки вообще преувеличено в литературе. Так, декабрист В.И. Штейнгейль считал, что ссылка в Сибирь является одним из действенных наказаний для дворянства, так как в Сибири они становятся полноправными сибиряками, их принимают в обществе, а сочувствие и добросердечность сибиряков дает им возможность проявить свои лучшие качества<sup>26</sup>. Действительно, сибирское население с пониманием относилось к ссыльным, оказывало им сильную помощь. Когда колодники проходили мимо какой-нибудь деревни, ее жители выходили к дороге и передавали им продукты, одежду, деньги. Нередко были случаи помощи сибиряков беглым каторжникам и их укрывательство. «Сибирь принимала всех без разбора, — писал декабрист Н.В. Басаргин, — когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов»<sup>27</sup>. Другой современник, А.П. Степанов, замечал о сибирских крестьянах: «Главные добродетели их — гостеприимство и сострадание, они и ссыльных называют не иначе как несчастными, и готовы помогать бедным, бесприютным»<sup>28</sup>. Известный немецкий ученый Альфред Брем, посетивший Сибирь в 1870 г. и помимо всего прочего познакомившийся с жизнью заключенных и поселенцев, отмечал, что в Сибири принята система измененного взгляда местного общества на ссыльных, которая заключается в отсутствии оскорбительных попреков преступниками и пренебрежения к ссыльному, система эта отличается желанием администрации вызвать в преступнике хотя бы остатки человеческого чувств и добродетели, что служит лучшей мерою к исправлению преступника. Тогда как у него на родине полное пренебрежение к впадшему в вину не дает никаких средств к исправлению. «Жаль, — восклицал Брем, — что у нас нет такой Сибири»<sup>29</sup>.

Однако большинство так и не могло найти свое место в сибирском обществе и не видело в этом крае своей второй родины. Сами власти признавали, что «ссылка не имеет ни одного из элементов уголовного наказания: ни исправления, ни возмездия за преступление». Ссылная среда была постоянным источником новых преступлений. В конце XIX в. среди всего сибирского населения ссылные составляли чуть более 5%, а среди обитателей сибирских тюрем их доля превышала 70%.

Велико было значение ссылки в формировании морально-этических норм и культурного облика сибиряка. С одной стороны, расширение уголовной среды способствовало росту преступности и снижению нравственных устоев в сибирском обществе. Сибиряки были традиционно гостеприимны, добры, доверчивы. Еще в XIX в. во многих селениях не запирали двери на замок, вещи оставляли прямо во дворе. Сельские общества осуждали воровство, пьянство и другие пороки. Однако рост числа ссылных, бродяг и беглых, а также причисление ссылнопоселенцев в казенные селения нарушало сложившиеся традиции и порядки. Особенно пагубным было это влияние на молодежь. Абсолютное преобладание в составе ссылных мужского населения приводило к нарушению сословной замкнутости семейно-брачных отношений, содействовало ассимиляционным процессам, увеличивало число бобылей, пьяниц, бродяг.

С другой стороны, среди ссылных, особенно политических, было много людей образованных, оставивших значительный след в культурном развитии края. Трудно переоценить их вклад в научное изучение Сибири, роль в ознакомлении образованных кругов России и Европы с историей и современным состоянием восточных окраин страны. Уже одно общение с такими ссылными содействовало расширению кругозора сибиряка, формированию его общественных и культурных запросов и вкусов. Ссылные исследователи Сибирского края начиная от Аввакума, Крижанича, Страленберга, Фика, Радищева, декабристов не только раскрывали новые грани Земли сибирской, но и закладывали традиции сибирского краеведения, пробуждая местный патриотизм и любовь к родному краю. О влиянии политических ссылных на социокультурную жизнь сибиряка и их роли в формировании общественных и политических взглядов у сибирской интеллигенции написано очень много. Именно под влиянием политической ссылки происходит пробуждение сибирского регионализма, что накладывалось

на традиционно недоверчивое отношение сибиряков к России и всему «расейскому». Привыкшие надеяться только на себя, сибиряки отзывались о России с пренебрежением, а само слово «расейский» было даже несколько обидным, особенно применительно к крестьянам-переселенцам, значительно уступавшим сибирякам в деловых навыках и общем культурном развитии.

Заметную роль в развитии городского общества и культуры Сибири сыграли ссыльные из привилегированных сословий. Хотя многие из них лишались дворянского звания и чинов, местное начальство относилось к ним с большей снисходительностью. Во-первых, сибирские чиновники знали, что нередко высочайшая опала довольно быстро сменялась милостью и прощенные могли доставить немалые неприятности слишком строгим своим надзирателям. Во-вторых, им было известно, что у некоторых из ссыльных оставались в России влиятельные родственники и друзья, принимавшие участие в судьбе «несчастных», и с этим тоже нельзя было не считаться. И наконец, при огромном дефиците в этом отдаленном крае умных, образованных, культурных людей местное начальство не могло не постараться использовать их невольное появление здесь для решения неотложных задач и нужд Сибири. Так, сосланный за контрабанду на Ревельской таможне М.М. Геденштром в 1809—1810 гг. участвовал в исследовании побережья Ледовитого океана, а позднее занимал должность верхнеудинского исправника. Заметный след в культурной жизни края оставил сосланный в Иркутск по ложному обвинению П.А. Словцов. В 1815 г. он был назначен директором иркутских училищ и, по словам первого сибирского романиста Т.П. Калашникова, «можно сказать по справедливости, что Иркутская губерния в отношении образования много обязана просвещенным и неусыпным трудам Словцова»<sup>30</sup>. Ссыльный П.П. Сумароков принимал деятельное участие в издании в Тобольске первого сибирского журнала «Иртыш». Два других ссыльных — гвардейский офицер А.П. Шубин и князь В.Н. Горчаков — устроили в Иркутске в 1805 г. публичный театр<sup>31</sup>. Огромную роль в культурном просвещении Сибири в XIX в. сыграли политические ссыльные.

С середины XIX в. передовая общественность Сибири выступает с требованиями отменить ссылку и каторгу в Сибирь. Наиболее ярко этот протест проявился в прокламациях и публицистике идеологов областнического движения Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Уже с 1840-х гг. власть принимает меры к возможному ог-

раничению или ликвидации общеуголовной ссылки. Начало было положено резолюцией Николая I на рапорте томского гражданского губернатора: «Рассмотреть, нет ли возможности вовсе прекратить ссылку в Сибирь, оставя сие для одних каторжных». Вскоре началась подготовка законопроекта, но в ходе обсуждения его в Государственном совете большинство министров высказалось против отмены ссылки, ограничившись указанием на необходимость упорядочить «ссылочную систему».

Центральные и местные власти столкнулись с большими трудностями в организации каторжных работ, которые с развитием вольнонаемного труда стали невыгодными. Приказ о ссыльных не справлялся даже со своей основной функцией — учетом ссыльных. В конце 1870-х гг. МВД и местная сибирская администрация не располагали достоверными сведениями о местах сосредоточения ссыльных и их численности<sup>32</sup>. С момента доставки ссыльнопоселенца к месту водворения заботы о нем государственной власти фактически заканчивались. Как отмечалось в отчете по Восточной Сибири за 1885 г., ни экспедиции о ссыльных, ни местная полиция, ни волостное начальство не способны эффективно заниматься ссыльными, и надзор за ними «является совершенно фиктивным». Местные управленческие инстанции оказались буквально заваленными массой бумаг о ссыльных. Ссылка в Сибирь, по заключению восточносибирского генерал-губернатора, являлась на деле лишь «высылкой»<sup>33</sup>. При массовом наплыве политических ссыльных Приказ о ссыльных оказывался фактически отстраненным от их размещения. На Нерчинских заводах с 1865 по 1874 г. действовало комендантское управление, в ведении которого находились политические ссыльные<sup>34</sup>. В 1864 г. были введены две должности участковых инспекторов по пересылке арестантов до Ачинска, а в 1867 г. была введена еще одна должность — главного инспектора, которому были подчинены конвойные команды. В 1870 г. был назначен дополнительно инспектор по пересылке арестантов в Восточной Сибири. 4 марта 1869 г. ссыльнокаторжные Нерчинских и Петровского заводов были переданы из горного в гражданское ведомство, что привело к созданию особого управления Нерчинской каторгой, непосредственно подчиненного забайкальскому военному губернатору. Еще раньше, в 1864 г., ему была подчинена Карийская каторга<sup>35</sup>. С 1870-х гг. каторга сосредоточивается в Забайкалье и на Сахалине. Но и с передачей в 1884 г. Забайкальской области в Приамурское генерал-губернаторство

связи с Иркутском в управлении каторгой не прерывались. Горное и жандармское управления в Забайкалье продолжали находиться в ведении иркутского начальства.

В ходе обсуждения в 1850-х гг. различных предложений об упорядочении сибирской ссылки во II Сибирском комитете было отмечено отсутствие единства в ее управлении, которое оказалось разделено между двумя генерал-губернаторами. В действительности же в Петербурге число учреждений, от которых зависело управление ссылкой, было гораздо большим. Кроме МВД ссылкой занимались Министерство юстиции, III отделение собственной Е.И.В. канцелярии, Сенат, Комитет министров, Сибирский комитет и Государственный совет. Все это приводило к запутанной и бесплодной переписке между заинтересованными лицами и ведомствами. МВД пыталось переложить управление ссылками на Министерство государственных имуществ, но у того не было сети своих учреждений в Сибири. Не смогло существенно изменить ситуацию образование в 1879 г. при МВД Главного тюремного управления (ГТУ). Кроме того, существовало известное несоответствие взглядов на ссылку у центральных и местных сибирских властей. Поэтому, считал участник разработки проекта тюремной реформы в середине 1870-х гг. И.Я. Фойницкий, необходимо дать больше самостоятельности сибирскому начальству, так как «центр склонен, обращая внимание на карательную сторону ссылки, забывать другую, не менее важную ее сторону, социально-экономическую, которая с полною рельефностью выступает только перед глазами местного начальства»<sup>36</sup>.

С изменением маршрута движения ссылных Приказ о ссылных в 1870 г. был переведен из Тобольска в Тюмень. В 1876 г. по предложению ГУЗС на Тюменский приказ были непосредственно возложены функции распределения ссылных по Тобольской губернии, хотя Тобольская экспедиция о ссылных продолжала существовать до 1895 г. Со строительством железной дороги Приказ оказался, по сути, не у дел, распределение ссылных велось «заглазно», по так называемым статейным спискам, сами же ссылные в Тюмени не останавливались. В 1895 г. ГТУ было передано из МВД в Министерство юстиции для соединения судебной и тюремной частей в одном ведении. Но какого-либо существенного изменения в карательной политике не произошло.

Новый этап в разработке реформы ссылки связан с командировкой в 1898 г. в Сибирь и на Сахалин начальника ГТУ А.П. Са-

ломона и учреждением в следующем году Особого совещания о ссылке. На этот раз сибирские интересы попытались учесть в большей мере. А.Н. Куломзин прямо заявил, что ссылный элемент «является существенным препятствием для развития в нем [Сибирском крае] благоустройства и правильной общественной жизни». За ограничение ссылки ясно высказался министр юстиции Н.В. Муравьев, обративший внимание на несовместимость проводимых в конце XIX в. преобразований с сохранением ссылки. Со строительством железной дороги Сибирь утратила свою отдаленность, а с ростом переселенческого движения потеряла свое устрашающее значение. Защищало ссылку в основном только МВД. Товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский увидел в отмене права ссылать по приговорам крестьянских обществ покушение на народные устои. Уничтожение административной ссылки, заключал он, повлекло бы «зло еще худшее». Но на этот раз вопрос о ссылке все-таки удалось сдвинуть с мертвой точки. Законом 12 июня 1900 г. отменялась судебная общеуголовная ссылка и существенно ограничивалась ссылка административная. Ссылные этих категорий составляли 85% всей массы ежегодно ссылаемых в Сибирь. 23 февраля 1904 г. приказ был упразднен, а его функции перешли непосредственно к ГТУ.

## 9.2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА

Начиная с XVII в. в Сибирь регулярно выслались лица, которых по современной терминологии можно отнести к «государственным» или «политическим» преступникам. Однако все эти люди — сосланные за упущения по службе, наказанные за участие в дворцовых заговорах и интригах и участники крестьянских волнений — отнюдь не стремились радикально изменить существующий строй. Их не устраивали лишь отдельные его черты, конкретные представители власти, собственное положение в обществе. По существу, до польских конфедератов и А.Н. Радищева Сибирь не знала политической ссылки.

Приговоренный к смертной казни, замененной лишением дворянства, чинов, ордена и ссылкой в Сибирь в Илимский острог на

10 лет, А.Н. Радищев в январе 1792 г. добрался до места водворения. Местные власти, конечно, не знали, в чем именно состояло преступление Радищева, так как «Путешествие из Петербурга в Москву» до Сибири не дошло. Они не понимали всей опасности идейных воззрений таких одиночек и потому относились к ним хотя и настороженно, но достаточно снисходительно, учитывая их связи и знакомства в России. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы сложилось отношение враждебности к политическим ссыльным со стороны сибирской администрации.

В Илимске А.Н. Радищев пользовался определенной свободой и много времени отдавал литературным занятиям и естественным наукам. При доме у него была устроена плавильная печь и химическая лаборатория, где проводились некоторые опыты. Уже через две недели после прибытия в Илимск он начинает работу над философским трактатом «О человеке, его смертности и бессмертии». В нем он обобщил свои обширные познания в области истории и философии, физиологии и анатомии, химии и физики. Позднее им были написаны «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и «Письмо о китайском торге», в которых рассматривались вопросы заселения и освоения Сибири, развития отечественной и сибирской промышленности, торговли с Китаем, улучшения сухопутных и водных путей сообщения, положения сибирского крестьянства.

Радищев был первым сознательным борцом с крепостнической системой, но он был одиночкой, и это сказалось на его психологическом состоянии во время ссылки. Для окружающих он был «несчастливым», «чужаком», его занятия, мечты и надежды вызывали у них недоумение или снисходительную усмешку.

Новую страницу в истории сибирской политической ссылки открыли декабристы. Они стали первыми «государственными преступниками», сосланными в Сибирь в массовом порядке. Всего по декабристским процессам сюда было сослано 124 человека, подавляющее большинство из которых оказались связаны с Иркутской губернией.

Стремясь как можно более полно обеспечить условия «политической смерти» своих побежденных противников, правительство выделило надзор за ними из общего «Положения» о ссыльных. 31 августа 1826 г. был создан Особый комитет для решения вопросов о ссылке декабристов. В него вошли Сперанский, начальник Главного штаба Дибич, шеф жандармов Бенкендорф, генерал-губернатор

Восточной Сибири Лавинский и назначенный комендантом при Нерчинских рудниках генерал Лепарский. Двум последним отводилась роль непосредственных организаторов сибирской политической ссылки. Кроме решений Особого комитета в основу законодательства о ссылке декабристов в Сибирь — по вопросам организации карательных учреждений, их финансирования, определения функций и т.п. — легли и собственноручные инструкции, приказы и рескрипты императора. С мая 1828 г. управление ссылкой декабристов перешло к III отделению, которое координировало и контролировало действия всех причастных к этому министерств и ведомств.

В сентябре 1826 г. было создано специальное Нерчинское комендантское управление, утвержден его штатный состав и воинская команда в составе 185 военнослужащих, а также определено правовое положение декабристов в период ссылки на каторгу, режим их работ и т.д. Нерчинская комендатура как чрезвычайный орган надзора за «государственными преступниками» просуществовала до 1839 г., она была ликвидирована Николаем I с завершением срока каторжных работ последних декабристов. Одновременно с Нерчинской комендатурой надзор за декабристами осуществлял и генерал-губернатор Восточной Сибири. Кроме общего контроля над каторжанами в его ведении находились и декабристы, приговоренные к поселению и водворению во вверенном ему крае.

Первые 8 декабристов (С.Г. Волконский, С.П. Трубецкой, Е.П. Оболенский, В.А. Давыдов, А.З. Муравьев, А.И. Якубович, А.И. Борисов и П.И. Борисов) прибыли в Иркутск 27 и 29 августа 1826 г. Их тепло встретили местные жители. Ни генерал-губернатора, ни иркутского губернатора не было на месте. В их отсутствие председатель губернского правления Горлов, не получивший предписания о месте содержания осужденных, не решился отправить их на Нерчинские заводы, и 30 августа они были направлены на ближайшие к Иркутску заводы. Но уже вскоре иркутские власти исправили ошибку и отправили декабристов в распоряжение администрации Нерчинского горного округа. 25 октября 1826 г. декабристы прибыли на Благодатский рудник. Усвоивший иркутский урок начальник Нерчинских заводов Бурнашев, соблюдая полученные предписания, подверг их строжайшему заключению. Тяжелые работы, издевательства и придирки привели к единственному доступному протесту — декабристы объявили голодовку, первую в истории русской политической ссылки. Этот протест показал, что они

готовы защищать свои честь и достоинство всеми доступными в их положении средствами. К тому же за несколько дней до этого инцидента приехали жены Волконского и Трубецкого. Конечно, они были женами государственных преступников и подписали документы, существенно ограничивающие их права. Но право переписки с родными они не потеряли, а среди их родственников были люди, с которыми не могли не считаться сибирские чиновники. Самим своим присутствием эти женщины несколько ограничивали проявления произвола, и не только по отношению к мужьям и их товарищам, но и к другим заключенным.

В 1827 г. декабристов постепенно собрали в Читинском остроге. Однако Чита не была для декабристов постоянным местом каторжных работ. Еще 17 июля 1826 г. императором было принято решение о постройке особого тюремного помещения для «государственных преступников» на Петровском заводе. Условия содержания и в Чите, и на Петровском заводе были далеко не удовлетворительными. Недостаток средств, отпускаемых на содержание узников, восполнялся за счет собственного огорода и ремесленных мастерских, где изготовлялись предметы домашнего обихода, шилась одежда и пр. Надо сказать, что среди декабристов оказались настоящие мастера в самых разнообразных специальностях. Некоторым из декабристов владение ремеслом сослужило хорошую службу на поселении. Большую роль играла также созданная декабристами Большая артель, благодаря которой «никто... не нуждался ни в чем и не был ни от кого зависим». Все декабристы, получавшие помощь от родных, вносили определенную сумму в общую кассу, распоряжение которой, согласно принятой смете, было поручено хозяину, казначею и закупщику, которые избирались ежегодно. Кроме того, была Малая артель, из кассы которой отъезжающие на поселение получали от 600 до 800 руб. на обустройство на новом месте. Эта артель существовала и позже для оказания поддержки малоимущим и их семьям в случае смерти декабриста.

Работы, выполнявшиеся декабристами в Чите и на Петровском заводе, были значительно легче, чем в Благодатске. Они занимались благоустройством прилегающей территории, топографическими съемками, мололи на ручных жерновах муку для себя и заводских магазинов, трудились на огороде. Нормы не устанавливались, и поэтому некоторые вместо работы занимались чтением, изучали языки. Музыкальным и литературным вечерам, устраиваемым в казематах, могли позавидовать в столичных салонах. Здесь звуча-

ла духовная и светская музыка в исполнении Ф.Ф. Вадковского, А.П. Юшневского, П.Н. Свистунова, М.Н. Волконской и др., читали свои произведения и переводы А.И. Одоевский, П.П. Бобринцев-Пушкин, Н.А. Бестужев, П.А. Муханов, В.И. Штейнгейль.

В стихийно возникшей в стенах каземата «каторжной академии» устраивались лекции, диспуты по самым различным отраслям знаний. Как отмечал позднее А.П. Беляев, ссылка стала для них «чудесной умственной школой как в нравственном, умственном, так и в религиозном и философском отношении»<sup>37</sup>.

Новые возможности открылись для декабристов после окончания сроков каторги и определения к местам поселения. Всех выходящих на поселение декабристов привозили в Иркутск, и оттуда они отправлялись в назначенные места. Многие были определены на жительство в Западную Сибирь, в Енисейскую губернию, но значительная часть должна была осесть в различных регионах Иркутской губернии. Особым комитетом 1826 г. были выработаны «Правила относительно преступников, сосланных в Сибирь по приговору Верховного уголовного суда» и ряд специальных инструкций о порядке надзора за ними и их перепиской. Места поселения определялись в Петербурге и могли быть изменены только с разрешения императора по представлениям шефа жандармов на основании ходатайств самих декабристов, их родственников или местных властей. Дальние и длительные отлучки должны были санкционироваться III отделением. За весь период поселения было дано всего несколько таких разрешений для выезда на лечение к Туркинским минеральным водам. Благодаря этому поселенные в Западной Сибири И.И. Пуцин и И.Д. Якушкин сумели повидаться с товарищами, жившими в Иркутской губернии.

За поведением поселенцев устанавливался гласный надзор местной полиции. Вся их переписка проходила через канцелярии местных гражданских губернаторов и III отделения. В письмах разрешалось лишь «извещать о здоровье и делах семейных», за чем строго следили. Если же авторы «дозволяли входить в рассуждения о предметах? до них не касающихся», мог последовать выговор, а то и временный запрет на переписку.

Как ни стремились власти ограничить деятельность декабристов только сферой хозяйственных забот, большинство из них находили время и возможность уделять внимание и другим занятиям. Многие из них, несмотря на запрещение, занимались обучением детей, оказывали населению медицинские услуги. Значительным

был вклад декабристов в дело изучения Сибири. В течение долгих лет они вели наблюдения за природными явлениями, режимом рек, собирали гербарии местных растений, записывали сведения о полезных ископаемых и т.д. В своих письмах и статьях они обсуждали проблемы развития Сибири, неизменно указывая на ее большие потенциальные возможности. Немало записей с описанием игр, обрядов, традиций бурятского народа содержится в дневнике В.К. Кюхельбекера, этим же вопросам, а также хозяйственной жизни бурят посвящены работы Н.А. Бестужева «Гусиное озеро» и «Бурятское хозяйство». Ряд статей краеведческого характера написал в сибирской ссылке В.И. Штейнгейль.

Многие из декабристов не только сохранили верность идеалам своей молодости, но и в новых условиях пытались продолжить борьбу с существующими порядками, находя для этого новые формы и методы. Наиболее последовательным и непримиримым борцом был М.С. Лунин. На поселении он занялся созданием истории движения декабристов, написав «Взгляд на русское тайное общество» и «Разбор донесения следственной комиссии», в которых убедительно доказывал закономерность появления декабристского движения и насущную необходимость для страны намеченных им преобразований. За свою деятельность в Сибири Лунин был арестован и отправлен в Акатуйский рудник, где 3 декабря 1845 г. при загадочных обстоятельствах скончался.

Довольно активное участие принимали декабристы в борьбе против злоупотреблений местных властей. Они выступали ходатаями и защитниками интересов крестьян, разъясняли им их права, разоблачали неправомерность действий чиновников. Само присутствие в селах людей образованных, умеющих постоять за себя и окружающих? нередко сдерживало произвол местных чиновников.

Во второй четверти XIX в. в Сибири оказываются тысячи участников Польского восстания 1830 г. На каторге и поселении они продолжают активно сопротивляться самодержавию. Известны попытки освобождения бывших повстанцев под Омском, в Красноярске, на Усольском солеваренном заводе и в других местах. В 1849—1850-х гг. в Сибирь были сосланы члены кружка петрашевцев. Всего к каторжным работам был приговорен 21 человек. Сам М. Петрашевский и его близкие соратники Н. Спешнев, Ф. Львов отбывали срок на Нерчинских заводах. Ф. Достоевский четыре года пробыл в Омском остроге, а затем был направлен рядовым в Семипалатинск. Пробывли петрашевцы в Сибири сравнительно недолго.

От каторги их освободила амнистия 1856 г., после чего они до начала 1860-х гг. находились на поселении. Их, как и декабристов, отличала активная жизненная позиция, стремление найти применение своим знаниям и социалистическим убеждениям. Петрашевцы приняли самое активное участие в создании периодической печати в Сибири, занимались исследованием края.

Пребывание в Сибири ссыльных декабристов, петрашевцев и участников Польского восстания усугубляло и без того тревожную обстановку. Скопление большого числа фактически безнадзорных и неустроенных ссыльных создавало взрывоопасную ситуацию в регионе, чреватую, как писал в 1833 г. восточносибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский, беспорядками и «гибельными последствиями». Крупные возмущения ссыльных были отмечены во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг.<sup>38</sup> В официальных донесениях вспоминали о Стеньке Разине и Емельяне Пугачеве, ходили слухи, что вел. кн. Константин Павлович жив и находится в Иркутске. При недостатке воинских сил, предупреждал из Томска почт-инспектор М.М. Геденштром, «пламень мятежа вихрем пронесется до Нерчинска». 14 декабря 1834 г. он писал шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу: «Сохрани нас Боже от вторичного заговора, подобного Омскому и более успешному, — не то Сибирь погибнет и надолго для России. Умные и злобствующие поляки, 80 т[ысяч] развратных, большею частию бесприютных поселщиков — Кольванские, Нерчинские и буйные Уральские заводские крестьяне, до 29 т[ысяч] каторжных — не могут ли составить опасную толпу...»<sup>39</sup> Польский ссыльный Р. Пиотровский, сумевший бежать из Сибири в 1846 г. за границу, развивал идею о возможности поднять восстание в Сибири, где, как он заметил, русская военная сила слаба и для успеха стоит только привлечь на свою сторону ссыльных<sup>40</sup>.

Политическая ссылка второй половины XIX в. являлась своеобразным барометром революционного движения в стране, отражая его размах, остроту и организованность на разных этапах развития. Она становится массовой, охватывая практически все слои российского общества. Более заметным и действенным было ее воздействие на образованную часть сибирского общества, что выразилось в оформлении областнического движения, а позднее в появлении народнических и марксистских кружков.

Начало 1860-х гг. ознаменовалось ростом национально-освободительного и революционного движения в Российской империи,

что, в свою очередь, сопровождалось значительным увеличением числа политических ссыльных в Сибири. Сибирская политическая ссылка все больше приобретала массовый характер, что потребовало от самодержавия принятия мер по реорганизации карательных органов. После Польского восстания 1863 г. в Сибирь было сослано 23 056 человек, из которых 10 779 были размещены в Западной Сибири (4861 — в Тобольской губернии и 5918 — в Томской)<sup>41</sup>. Столкнувшись с массовой политической ссылкой поляков, западносибирская администрация проявила явную беспомощность не только в организации ссылки, но и в борьбе с попытками ссыльных самоорганизоваться и начать подготовку к восстанию. Еще в 1861 г., предвидя новое восстание в Польше, Н.Н. Муравьев-Амурский советовал своему преемнику М.С. Корсакову «оградить Восточную Сибирь от этого нового нашествия иноплеменных». Польские ссыльные (особенно представители польской аристократии и ксендзы), пользуясь сочувствием местного сибирского населения, как всякие «несчастные», предупреждал Муравьев-Амурский, получают возможность «медленно, но верно внушать вражду к России». Это волновало его самого еще в 1850 г., когда он предлагал в виде помилования перевести всех ссыльных поляков во внутренние губернии страны. Эта опасность, подчеркивал Муравьев-Амурский, усиливается самим состоянием сибирского общества: «Довольно уже и того, что толкуют привилегированные сословия в Сибири, т. е. купцы, почетные граждане и чиновники; но этих народ еще не так слушает: он знает, что они толкуют для своей пользы, желая над ним владычествовать; но в несчастных (так называют в народе ссыльных) они этого чувства не видят и подозревать не могут»<sup>42</sup>. Муравьева-Амурского пугало то, что среди местного населения растут симпатии к Польше, ее стремлению к независимости. И позднее в правительственных кругах продолжали считать, что идеи сепаратизма развиваются в Сибири «под влиянием ссыльных, преимущественно поляков»<sup>43</sup>.

Активное участие ссыльных поляков в общественном движении Сибири, связи с народническими организациями на местах и в России привели к попытке подготовить всесибирское восстание с целью установления республики под названием «Свободославия». Всеобщее выступление ссыльных поляков не удалось осуществить. Лишь небольшая группа ссыльных смогла частично реализовать задуманное и поднять восстание на Кругобайкальском тракте летом 1866 г. Оно было подавлено. Военно-полевой суд приговорил

его участников к повторным срокам каторжных работ, а руководителей — Густава Шарамовича, Нарциза Целинского, Якуба Рейнера и Владислава Котовского — к смертной казни, совершенной в Иркутске 15 ноября 1866 г. за Якутской заставой.

В эти же годы в Сибири оказались крупнейшие деятели первой народнической волны — Н.Г. Чернышевский, М.И. Михайлов, Н.А. Серно-Соловьевич, Н. Обручев. Вместе с ними в Сибирь стала поступать нелегальная литература, антиправительственные прокламации. Для удобства наблюдения за политическими ссыльными их расселяли колониями. Такие колонии политических существовали почти во всех городах Сибири, что способствовало более тесным связям не только между самими ссыльными, но и между ними и сибиряками.

За волной ссыльных революционеров 1860-х гг. сразу же пошла волна «семидесятников», деятелей первых народнических кружков, групп, обществ, близких по составу и методу революционной работы «шестидесятникам»-пропагандистам. Прокладывали им дорогу в Сибирь члены народнического кружка А.В. Долгушина, сибиряка, уроженца г. Тары. Все долгушинцы содержались в иркутской тюрьме, прошли Нерчинскую каторгу и поселенческую жизнь в Киренском округе. Из 190 заключенных по процессу 193-х в сибирскую каторгу и ссылку определено было 28 человек. Среди них П.И. Войнаральский, Ф.В. Волховский, С.Ф. Ковалик, И.Н. Мышкин, Н.А. Чарушин, Д.М. Рогачев. К ним присоединились почти одновременно судившиеся по процессу 50-ти, тоже за «хождение в народ» и революционную пропаганду, П.А. Алексеев, С.И. Бардина, В.И. Александрова, Е.Д. и Н.Д. Субботины, И.С. Джабадари, В.Н. Фигнер и др.

Начало 1880-х гг. открыло десятилетнюю полосу ссылки поколений народовольцев, пришедших на смену старым пропагандистам и бунтарям. Политическими процессами 80-х гг. (их было более 120, крупных и мелких, включая сибирские дела за повторные «преступления») было охвачено около 20 тыс. человек, сослано на каторгу и поселение более 500 человек. С административно сосланными это число возрастает до 4 тыс. Ссыльные народники создавали нелегальные кружки в сибирских городах, оказывали поддержку своим товарищам, находившимся на каторге, организовывали побег. Такие отделения народнического Красного Креста успешно действовали в Томске, Иркутске и ряде других городов. Так, члены кружка К.Г. Неустроева, возникшего в 1881 г. в Иркутске,

организовали побег с мест поселения Е. Брешко-Брешковской, Е. Ковальской, С. Богомолец. В 1882 г. кружок был раскрыт полицией, а Неустроев в ноябре следующего года был казнен. Ссылные народники использовали и легальные возможности для борьбы. Одни активно участвовали в сибирской периодической печати, занимались исследованиями края, участвовали в научных экспедициях. Другие участвовали в общественной жизни, в политических акциях сибирской интеллигенции и особенно молодежи, выступая учителями и советчиками, а иногда и партнерами.

В 1890-х гг. в Сибири появляются марксисты. Одним из первых был В.С. Голубев, активный член социал-демократического кружка М.И. Бруснева. В 1895—1897 гг. в Сибирь была выслана значительная часть организаторов и членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», московского, киевского, екатеринославского, одесского и других «Союзов борьбы», а также участников I съезда РСДРП в Минске. Среди них были такие известные в будущем революционеры, как В.И. Ульянов, Л.Б. Красин, Н.Е. Федосеев, А.А. Ванеев, Г.М. Кржижановский, П.Н. Лепешинский. Они активно включились в общественно-политическое движение Сибири, пропагандируя марксистские взгляды и создавая первые социал-демократические кружки и группы. Так, Л.Б. Красин опубликовал несколько полемических статей в иркутской газете «Восточное обозрение», в которых подверг критике народнические представления о будущем Сибири. По словам Ф.Я. Кона, «своей яркой статьей Красин взбудоражил мысли всей революционной ссылки»<sup>44</sup>. В конце 1890-х — начале 1900-х гг. в крупнейших городах Сибири и на узловых железнодорожных станциях были организованы марксистские кружки. Большое значение для развертывания марксистской пропаганды в Сибири имело пребывание в ссылке в с. Шушенском В.И. Ульянова-Ленина. Летом 1901 г. был образован Сибирский социал-демократический союз, установивший связь с ленинской «Искрой». С этого времени организации перешли к открытой политической агитации.

В начале XX в. в Сибири были организованы местные отделения других революционных партий России. Активное участие в революционной пропаганде и движении принимали ссылные социал-демократы, эсеры, анархисты, бундовцы. Власти старались расселить ссылных по наиболее отдаленным территориям Восточной Сибири. Наибольшее число административных ссылных направлялось на север Енисейской и Иркутской губерний, в Якутию,

северо-восточные районы Забайкальской области. Несмотря на надзор властей и отдаленность мест расселения, число побегов ссыльных росло. Если в 1904 г. был совершен 1261 побег, то уже в следующем году их число возросло до 1951. Так, в 1902 г., скрывшись из села Усть-Кут, несколько дней в Иркутске провел Л.Д. Бронштейн, получивший тут свое новое имя — Троцкий. Дерзкие побег с мест водворения совершали в разное время эсер Е.С. Созонов, большевики Ф.Э. Держинский, И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, М.В. Фрунзе и многие другие. Побег осуществлялись даже из мест каторги и тюрем. Несколько раз поднимали восстания заключенные Александровского каторжного централа. В апреле 1908 г. из централа был совершен массовый побег, вошедший в историю политической каторги как один из ярких примеров героической борьбы революционеров.

В годы Первой русской революции сибирская колония политических ссыльных была в авангарде революционной борьбы. В разных городах Сибири они принимали участие в организации демонстраций и вооруженных выступлений. И.В. Бабушкин, В.К. Курнатовский, А.А. Костюшко-Валюжанин и многие другие, освобожденные революцией, остались в Сибири и включились в борьбу. Бабушкин, захваченный с транспортом оружия на станции Слюдянка в январе 1906 г., был расстрелян карателями. Многие из ссыльных были повторно осуждены и приговорены к различным срокам каторги и ссылки. Поражение революции привело к значительному росту сибирской ссылки. Тюрьмы России и Сибири были переполнены заключенными. За 1907—1909 гг. было осуждено по политическим делам более 26 тыс. человек, среди которых заметную часть составляли рабочие, солдаты и матросы. Только в каторжных тюрьмах Сибири на 1 января 1908 г. находилось почти 8 тыс. политических. Всего же в Сибирь было выслано почти 75 тыс. участников революционных событий в России. Среди членов политических партий преобладали социал-демократы, на втором месте стояли эсеры, затем шли члены других партий<sup>45</sup>. В 1907 г. специальным постановлением Главного тюремного управления политические заключенные были приравнены к уголовным преступникам. Более жестким стал режим содержания заключенных. Но и в этих нечеловеческих условиях политические ссыльные находили возможность вести революционную пропаганду среди сибирского населения, участвовали в работе местных партийных организаций, организовывали побег.

После Февральской революции многие ссыльные из ближних и дальних мест Восточной Сибири стекались в Иркутск и в ожидании возможностей отъезда в Европейскую Россию активно включились в революционные события. Большое влияние на иркутян оказали яркие выступления Е.М. Ярославского и Г.К. Орджоникидзе, восторженный прием был оказан М.А. Спиридоновой. К лету 1917 г. большинство ссыльных выехало из Сибири. Оставшиеся же (В.В. Рябиков, Я.Б. Шумяцкий, Я.Д. Янсон, Н.А. Гаврилов и др.) стали организаторами советской власти в Иркутске, участниками Гражданской войны.

Сложившаяся в Сибири к началу XX в. карательная система тюрем и лагерей была унаследована большевиками, которые еще в годы Гражданской войны развернули красный террор против своих непримиримых противников и подвергли репрессиям целые социальные группы (дворянство, купечество, духовенство, зажиточное крестьянство). В наиболее отдаленных и суровых сибирских районах (Нарымский и Туруханский край, север Иркутской области, Якутия, Колыма) была создана система лагерей, входившая в ГУЛАГ.

---

<sup>1</sup> Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX — начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX — начала XX в. Новосибирск, 1987. С. 76.

<sup>2</sup> Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 15.

<sup>3</sup> Зуев А.С. Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998. С. 272.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5035. Л. 4 об.

<sup>5</sup> История Сибири с древнейших времен и до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 360.

<sup>6</sup> Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983. С. 24.

<sup>7</sup> Дижур С. Русская ссылка. Ее история и ожидаемая реформа // Русское богатство. 1904. № 4. С. 49.

<sup>8</sup> Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 28.

<sup>9</sup> Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 224.

<sup>10</sup> Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX в. // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982.

- <sup>11</sup> См., например: *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 441, 468.
- <sup>12</sup> *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973. С. 378—379.
- <sup>13</sup> *Кабузан В.М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока. С. 25.
- <sup>14</sup> *Мамсык Т.С.* Ссылные религиозные протестанты в Сибири в первой четверти XIX в. // Политические ссылные в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983; *Она же.* Расселение крестьян-раскольников в Западной Сибири по материалам официальной статистики первой половины XIX в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987.
- <sup>15</sup> РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 188. Л. 13.
- <sup>16</sup> ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 12. 1837 г. Д. 218. Л. 4—5.
- <sup>17</sup> Там же. Оп. 18. 1843 г. Д. 44. Л. 35.
- <sup>18</sup> Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 38.
- <sup>19</sup> Сибирь. 1882. 14 февр.
- <sup>20</sup> *Петров М.* Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская. М., 1908. С. 88.
- <sup>21</sup> Сибирь. 1882. 7 марта.
- <sup>22</sup> *Кузнецов А.С.* Царизм и политика «штрафной колонизации» Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. (Историографический и методологический аспекты) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1984. С. 89. См. также: *Кодан С.В.* Ссылка и колонизация Сибири в 1820—1850-х гг. (Политико-правовой аспект) // Там же.
- <sup>23</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3238. Л. 266.
- <sup>24</sup> РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 9.
- <sup>25</sup> *Марголис А.Д.* Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 136.
- <sup>26</sup> *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 78.
- <sup>27</sup> *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 118.
- <sup>28</sup> *Степанов А.П.* Енисейская губерния. Красноярск, 1997. С. 174—175.
- <sup>29</sup> *Софронов В.* Бременские путешественники // Родина. 2000. № 5. С. 123.
- <sup>30</sup> Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 370.
- <sup>31</sup> *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 231.
- <sup>32</sup> Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления. 1879—1889 гг. СПб., 1889. С. 19.
- <sup>33</sup> РГИА. Ф. 1586. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.
- <sup>34</sup> *Клер Л.С., Шостакович Б.С.* Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864 — 1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Иркутск, 1987. Вып. 10. С. 101—121.
- <sup>35</sup> *Клер Л.С.* Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX в. — 1917 г.) // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 142—143, 145.

- <sup>36</sup> *Фойницкий И.Я.* Управление ссылки. Б.м., [1880]. С. 91.
- <sup>37</sup> *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 170.
- <sup>38</sup> *Нагаев А.С.* «Омское дело» 1832—1833 гг. Красноярск, 1991. С. 28.
- <sup>39</sup> ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 30.
- <sup>40</sup> *Пиотровский Р.* Записки. Россия и Сибирь. Б.м., 1863. С. 125.
- <sup>41</sup> *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. 40.
- <sup>42</sup> *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. 1. С. 630—631.
- <sup>43</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882 г. Д. 47. Л. 259.
- <sup>44</sup> *Дворянов В.Н.* В сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. — 1917 г.). Минск, 1971. С. 161.
- <sup>45</sup> История Сибири. Т. 3. С. 327, 350.

# ОБЛАСТНИЧЕСТВО: РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Дело «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ». В ПОИСКАХ  
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА.  
Административно-хозяйственная автономия Сибири:  
НА ПУТЯХ К РЕАЛИЗАЦИИ ОБЛАСТНИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

## 10.1. Дело «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ»

**П**ервыми вопрос о децентрализации управления России поставили декабристы. П.И. Пестелю принадлежит первое определение термина «федерализм» применительно к отечественной практике. «Федеративными же называются те государства, — отмечал он, — в которых области, их составляющие, хотя и признают общую над собой верховную власть и обязываются совокупно действовать во всех сношениях внешних, но при всем том право свое сохраняют законы делать и постановления издавать для собственного своего внутреннего гражданского и политического образования и устраивать свое правление по частному своему усмотрению»<sup>1</sup>. Как видим, национальный аспект в дефиниции отсутствует. Конкретный вариант федеративного устройства на основе изложенных выше принципов содержится в конституционном проекте декабриста Н.М. Муравьева, предложившего разделить Россию на 13 держав, в том числе Обийскую и Ленскую в Сибири, во главе с Палатами выборных и Державными думами.

Новый этап разработки российской модели федерализма (регионализма) связан с именами Н.И. Костомарова и А.П. Шапова. Основу исторической концепции первого составляла идея о наличии у всех народов, населяющих Российское государство, «федеративных начал», которые должны способствовать образованию фе-

дерации. При этом идею федерации Костомаров выводил из национальных различий отдельных народов. С другой стороны, изучая историю Северо-Западной Руси (Псков, Новгород, Тверь), местные вечевые порядки и традиции, он выдвигает принцип «народоправства» как основной элемент общественного самоуправления, который предшествовал самодержавию и противопоставлен ему. Осенью 1859 г. Костомаров стал читать курс лекций по русской истории в Петербургском университете. Лекции историка вызвали большой интерес у студенчества и общества, породили оживленную полемику в печати. Студенты-сибиряки, обучавшиеся в то время в столице, охотно посещали эти лекции. На молодых выходцев из Сибири лекции произвели большое впечатление, о чем неоднократно писали впоследствии Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, характеризовавшие Костомарова как «истинного друга областного возрождения» и федералиста<sup>2</sup>.

В отличие от Костомарова, для Шапова источником теоретических построений была собственно Сибирь, из истории колонизации которой он черпал примеры народного устройства, самобытности развития и инициативы. Земско-областная теория, сформулированная Шаповым, стала крупным событием в истории развития отечественной исторической мысли. Рядом с идеей о народе как решающем факторе исторического процесса Шапов поставил другую мысль — о роли областей как составных частей Российского государства в прошлом, настоящем и будущем этого государства, о необходимости изучения истории окраин<sup>3</sup>. Сущность федерализма для Шапова составлял не национальный аспект, а местные (областные) особенности великорусского народа, сложившиеся в процессе колонизации новых территорий под воздействием природно-климатических, экономических и этнографических условий. Таким образом, Костомаров и Шапов в 50—60-е гг. XIX в. сформулировали два противоположных подхода к проблеме федеративного устройства России — по национальному и территориальному (региональному) принципам. Обе эти теории получили достаточно широкое распространение среди студенческой молодежи Петербурга.

Значительным было воздействие на будущих сибирских областников народнических идей, которые господствовали в то время в русском освободительном движении (А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского), и анархо-федералистских представлений М.А. Бакунина. В частности, Герцен вслед за декабристами отметил у сибирс-

кого крестьянина специфические черты характера, воспитываемые суровой борьбой с природой и отсутствием крепостничества. Данные обстоятельства сделали сибирского крестьянина более воинственным, находчивым, готовым на отпор, а «даль церквей» оставляла ум сибиряка более свободным, чем у крестьянина Европейской России<sup>4</sup>. Вместе с тем Герцен рассматривал Сибирь не как колонию, а как огромную область Русского государства. Он считал, что после свержения самодержавия Россия должна представлять федерацию или даже конфедерацию областей во главе с Земским собором. Так, в июне 1863 г. он заявил: «Мы признаем за отдельными провинциями полное право на всякую автономию, на полное расторжение»<sup>5</sup>. Последовательно идею областной автономии проводили в прокламации «Молодая Россия» П.Г. Заичневский (апрель 1862 г.), авторы листовок «Великорусс» (сентябрь 1862 г. и январь 1863 г.). В последней провозглашалось: «Да здравствует союзная конституция Руси, Украины и Сибири»<sup>6</sup>.

Для большинства будущих сибирских областников студенческие годы, проведенные в Петербурге, стали временем знакомства с общественно-политической жизнью России. Впоследствии Потанин так определил для себя и своих единомышленников значение пребывания в столице: «Три года, проведенные мной и Ядринцевым в столице, были, может быть, самые важные в нашей жизни, это были годы нашего политического воспитания. В эти годы определилась наша политическая индивидуальность, дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности»<sup>7</sup>.

Первые практические шаги по организационному оформлению единомышленников относятся к 1852 г., когда в Казани образовалось землячество студентов-сибиряков (А.П. Шапов, Г.З. Елисеев, А.Н. Балакшин, И.Я. Орлов, С.С. Шашков, И.А. Худяков, С.Я. Капустин и др.). Однако гораздо большее значение в формировании общественно-политических взглядов областников сыграло землячество сибирских студентов в Петербурге. Примерно в 1858 г. по инициативе Н.С. Щукина возникает небольшое объединение сибирских студентов, которое раз в неделю собиралось у него на квартире. В землячество вошел Сидоров, выходец из городских казаков г. Кузнецка Томской губернии, учившийся вместе с Щукиным в Педагогическом институте, а затем перешедший в университет. К ним присоединились М.И. Песков, Буланов, В.И. Перфильев, И.В. Федоров-Омулевский. Члены объединения решили

посвятить себя служению Сибири. Шукин считал необходимым издавать в Иркутске литературно-публицистический журнал и открыть в регионе университет. Именно Шукин приобщил к землячеству Потанина, ввел его в круг петербургских общественных деятелей и уговорил написать в «Колокол» разоблачительную статью о сибирских порядках, которая при его посредничестве там была опубликована.

Кружок распался в конце 1859 г. из-за отъезда Шукина в Иркутск и в результате личного конфликта Потанина и Сидорова из-за лидерства. Вновь сибирское землячество оформилось к концу 1860 г., когда Ядринцеву и Потанину удалось объединить около 20 человек (Н.И. Наумов, Ф.Н. Усов, братья Лосевы, Налетов, А. Красиков, Н.М. и Е.М. Павлиновы, А.К. Шешуков и др.). Собрания землячества посещали И.В. Федоров-Омулевский, В.И. Перфильев, И. Пирожков, П.П. Джогин, В.И. Березовский, И.А. Куклин, Ч.Ч. Валиханов, С.С. Шашков, И.А. Худяков, Н.Н. Пестерев и С.С. Попов.

Первоначально сходки сибиряков не имели четкой направленности, но постепенно стал вырисовываться круг вопросов, который привлекал общее внимание: зависимое положение Сибири, направление преобразований и будущее региона. Основой формирования кружка стала оценка положения Сибири как колонии. Участники движения пытались ответить на вопрос о причинах серьезного отставания в развитии экономики Сибири по сравнению с бывшими колониями европейских государств в Северной Америке и Австралии, освоение которых началось примерно в одно и то же время. Поначалу областники приходили к выводу о том, что виноваты в этом штрафная колонизация края (ссылка уголовных элементов) и произвол чиновников.

Уже в первой половине 1860-х гг. участники движения в своих публикациях, переписке, публичных выступлениях формировали подходы к прошлому, настоящему и будущему региона. Заселение Сибири и развитие ее производительных сил, по их мнению, было связано исключительно с деятельностью народных масс, наиболее предприимчивых и вольнолюбивых элементов. «Сибирь завоевана и населена народом; она открыта Ермаком и занята казаками. Все главные предприятия в ее колонизации исполнены частными лицами без правительственного участия», — утверждал в 1860 г. Потанин<sup>8</sup>. Колонизация Сибири, по мнению Ядринцева, была исключительно результатом народного творчества, которое использовало

самодержавное государство. «Покажите мне другой народ в истории мира, — восклицал он, — который бы в полтора столетия прошел бы пространство больше пространства всей Европы и утвердился на нем? Нет, вы мне не покажете такого народа»<sup>9</sup>.

Ядринцев и Потанин уже тогда подошли к пониманию различия колонизации (прежде всего как земледельческого освоения новых земель) и колониальной политики. Процесс колонизации Ядринцев трактовал как стремление народных масс освободиться от крепостнических порядков и развиваться свободно. «Община Ермака указала дорогу переселенцам. Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра. Народ бежал, чтобы избавиться от притеснений воевод, от официальной приписки к городам, от тяжелой подати и бюрократизма. Раскольники шли сохранить свою веру в скитах, промышленники — добыть мехов, торговцы — свободно торговать с сибирскими инородцами. Эти побуждения, руководившие народом, показывают самобытное народное стремление и чисто народный взгляд на Сибирь как на страну, где должны развиваться самобытно и свободно народно-славянские силы», — писал он в 1865 г.

Вольно-народная колонизация в сочетании с природными богатствами Сибири должна составить, по мнению идеологов движения, прочную основу быстрого развития производительных сил не только региона, но и всей России. Русский народ заложил здесь новые основания для продолжения своей жизни, прозорливо отмечал Потанин, и «если представить в будущем Сибирь так же населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее»<sup>10</sup>. Однако эти возможности (вольно-народная колонизация и природно-сырьевые богатства) не привели к развитию производительных сил региона, повышению уровня благосостояния местного населения. Более того, замечал Ядринцев, «через двести с лишним лет мы видим в стране малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленностью. Мы видим бедные городки, разоренные возмутительными насилиями и грабежами наездных воевод и злоупотребляющих властью губернаторов». Основная причина всех зол и бед, по мнению областников, крылась «в особенных общественных условиях Сибири как штрафной и экономической колонии».

Таким образом, областники 1860-х гг. рассматривали Сибирь как колонизируемую окраину России. Главными действующими силами этого процесса они считали вольнолюбивые и предприимчивые элементы русского народа. Однако результатами народного творчества воспользовалось государство, превратившее регион в свою экономическую колонию и затормозившее развитие экономики и культуры. Исходя из имеющейся информации и общих представлений о дальнейшем развитии Сибири, сторонники движения сформулировали свою экономическую платформу. Эзоповым языком изложил ее в публичных лекциях С.С. Шашков: «Для успешного заселения и обработки земли, для рационального устройства и всестороннего развития Сибирской колонии необходимо отбросить старые принципы и покориться новому духу жизни, который уже проносится над землей, сметая вековую удушливую пыль невежества, сваливая старых идолов и вливая новую жизнь в одряхлевшие от сна народы»<sup>11</sup>.

Потанин предложил прежде всего установить «равенство шансов для приобретения богатств», а для этого «учредить покровительство сибирской торговле и заводской промышленности», «улучшить быт рабочих на золотых приисках, на горных заводах и на рыболовных оброчных статьях на низовьях Оби и Иртыша», отказаться от насаждения частного землевладения<sup>12</sup>. Вместе с Шашковым он выступил за стимулирование свободного переселения в Сибирь.

Серьезное внимание обратили областники на деятельность сибирской администрации, оценивая ее в общем контексте колониального положения региона. «История сибирской администрации, — писал Шашков, — это длинная повесть о страданиях края. Сибирь не знала крепостного права, но она знала административное бесправие»<sup>13</sup>. В лекциях 1864—1865 гг. Шашков развил этот тезис. По его мнению, все служилое сословие от первых воевод до современных ему губернаторов, исполняя свои обязанности, руководствовалось только стремлением обогатиться, грабя край и его обитателей. Примерно в том же духе оценивал деятельность местных чиновников Ядринцев. В совокупности же областники осторожно сформулировали положение об улучшении сибирской администрации. Причем все это толковалось весьма широко: от пожеланий М.В. Загоскина, «чтобы по временам бывали у нас хорошие чиновники», до требования введения в структуры управления «местного элемента» у Ядринцева.

Вслед за декабристами особое внимание сибирские областники уделили так называемому «инородческому вопросу», т. е. положению и перспективам развития коренных народов региона. Они констатировали их бедственное положение, обусловленное ничем не ограниченным произволом и грабежом со стороны торговцев, чиновников и собственной родоплеменной знати, названной Шашковым «язвой своего народа». Кроме того, Ядринцев отверг вывод ряда ученых о неизбежности полного вымирания аборигенов Сибири вследствие низкого уровня их культурного развития. В какой-то степени обобщенное мнение сторонников движения по «инородческому вопросу» высказал в 1864 г. Шапов: «Все они ждут от нас помощи к развитию и лучшему проявлению сил на пользу общенародную. Не крестиками миссионеров, не табаком и водкою русских торгашей мы должны располагать, привлекать их к себе и своей расе, не хитростью и обманом, а русским хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим обращением с ними...»

Следующим пунктом программы движения стал вопрос о подготовке в Сибири интеллигенции в собственном университете. Университет был центральным, но не единственным пунктом областной программы развития просвещения и культуры. Она предусматривала создание школ, библиотек, книжных магазинов и типографий. Большое значение придавали они развитию местной литературы и периодической печати, организации собственного литературно-критического журнала. Областники 1860-х гг. выступали с ярко выраженных просветительских позиций, направленных на повышение образовательного и культурного уровня населения региона. «Да здравствует Сибирь, просвещенная светом науки и знания от гор Уральских до берегов Великого Океана!» — восклицал Шашков, завершая свои публичные лекции в Томске в феврале 1865 г.

Одно время сторонники движения считали, что разрешить эти проблемы можно путем отделения Сибири от России и создания в крае сибирской государственности по типу США. Позднее они высказывались уже более умеренно и добивались предоставления региону автономии. Однако развить эти идеи дальше областникам не удалось. Над их головами сгущались тучи. Деятельность молодых патриотов Сибири не на шутку тревожила местную администрацию. В марте 1865 г. был отдан приказ об аресте Шашкова, и

7 мая в Красноярске на его квартире был произведен обыск. В конце 1864 г. агент-провокатор С.С. Попов в Иркутске донес генерал-губернатору М.С. Корсакову о «дознанной им конспиративной переписке сибирских “сепаратистов”, бывших студентов С.-Петербургского университета Григория Потанина в Томске, Николая Ядринцева в Омске, Серафима Шашкова в Красноярске и Николая Наумова, собирающегося из Петербурга в Тобольск»<sup>14</sup>.

Помимо этого доноса, 21 мая 1865 г. у воспитанника Омского кадетского корпуса А. Самсонова дежурный офицер отобрал прокламацию «Патриотам Сибири». «Младший брат Ф.Н. Усова, кадет Гавриил Усов, — вспоминал Потанин, — отыскивая в письменном столе своего брата почтовую бумагу, нашел исписанный листок, это и была прокламация. Он прочел ее, заинтересовался и, не сказав ничего брату, унес в корпус, чтобы показать товарищам. Она начала ходить по рукам и попала в руки одного кадета, фамилию которого я забыл [А. Самсонов. — *Авт.*], с недисциплинированным характером, что называется по-киргизски дженды; на русскую простонародную терминологию можно было бы перевести это слово — “дурной”. Захватив прокламацию, этот “дурной” юноша стал пользоваться ею, чтобы выманывать у Гани Усова папиросы, которые он приносил в корпус из квартиры брата. Он обещал Гане отдать прокламацию, когда тот даст ему папиросы, но всякий раз обманывал его; получит папиросу и убежит с ней. Наконец они условились отдать; один — папиросу, а другой прокламацию из рук в руки; пошли в укромный уголок, произвели обмен и начали курить. Дежурный офицер, обходя камеры, заметил табачный запах, пошел навстречу ему и накрыл преступников. Офицер начал шарить в карманах кадета, надеясь найти в них табак или папиросу, но вместо запрещенного табака нашел возмутительное воззвание»<sup>15</sup>. Кадетам было по 16 лет, и их страсть к курению имела роковые последствия для сторонников движения.

По факту обнаружения прокламации и. о. генерал-губернатора назначил следственную комиссию во главе с членом Главного управления Западной Сибири, статским советником Ю.П. Пелино. В нее вошли жандармский подполковник В.П. Рыкачев, коллежский асессор О. Ларионов, штабс-капитан Фредерикс. По горячим следам был произведен обыск на квартире брата малолетнего кадета есаула Ф.Н. Усова, «нашли два литографических станка, о заведении которых говорилось в воззвании», «отобраны выписки из “Полярной звезды” за 1858 г. и 10 писем к Усову от Г.Н. Пота-

нина и А.Д. Шайтанова»<sup>16</sup>. В последних внимание жандармов привлекло не только пожелание Потанина нагнетать казачий патриотизм, но и «неодобрительные отзывы об особах царствующего дома», что затем было поставлено подследственным в вину отдельным пунктом. Допрошенный Ф.Н. Усов показал, что прокламация досталась ему от Ядринцева и о ней знали прапорщик Ф. Зимин, Шайтанов, Шашков и Щукин<sup>17</sup>. Таким образом, следствию стало известно о сибирском земляческом кружке.

23 мая были арестованы кадеты Г. Усов, А. Самсонов, Н. Кирьянов. Комиссия в рапорте на имя генерала Панова от 27 мая испросила разрешение на аресты в Томске Ядринцева, Потанина и Е.Я. Колосова, прапорщика Зимина в Ярославле, Щукина в Иркутске и Шашкова в Красноярске. Потанин, хорошо знавший многих омских чиновников и офицеров, вспоминал: «...[Панов] не нашел достаточного повода к аресту меня, Ядринцева и Колосова, на чем крепко настаивал Рыкачев. Но последний чуть ли не клялся, что в нашей компании найдет автора воззвания. Панов уступил»<sup>18</sup>.

Телеграфно были разосланы зашифрованные предписания. Поскольку в это время Потанин, Ядринцев, Колосов находились на заимке купца А.П. Пичугина, арестовали и произвели обыск у них 27 или 28 мая. Тут и произошли первые проколы в организации дознания. Как отмечалось в постановлении следственной комиссии от 1 июня: «Эти лица [Потанин, Ядринцев, Колосов. — *Авт.*], после сделанного у них обыска, не были арестованы, а только отданы под присмотр полиции и обязаны подписками не выезжать из города. Все эти обстоятельства благоприятствовали для политических преступников Потанина, Ядринцева, Колосова, которые могли легко сговориться, как отвечать на вопросы, которые им будут предложены»<sup>19</sup>. К тому же к 28 мая не были просмотрены все бумаги, изъятые у Потанина. Часть их в количестве 53 листов изымается и прошнуровывается, а остальные возвращаются владельцу. «Но, получив сего числа предложение Вашего Превосходительства за № 207 о том, дабы все бумаги без исключения были представлены в Омск, — сообщал томский губернатор, — послан был мною адъютант штабс-капитан Афанасьев отобрать вновь полученные Потаниным его бумаги, но, по сознанию Потанина, некоторые из них были уже им уничтожены»<sup>20</sup>.

Неожиданный результат дал обыск на квартире Щукина 29 мая в Иркутске. Помимо запрещенной литературы была изъята вторая рукописная прокламация «Сибирским патриотам». На допросе он

показал, что листовку ему принес воспитанник местного военного училища А.Е. Золотин изнакомился с ее содержанием купеческий сын П.А. Тарасенко<sup>21</sup>. 1 июня комиссия запросила разрешение на их арест, но только 17-го соответствующее предписание было послано в Иркутск.

Промежуточный итог расследования подвел в рапорте от 31 мая 1865 г. в III отделение томский жандармский офицер: «Но в числе писем корреспонденции его [Потанина] с разными лицами много доказывает; во-первых, отношения его с лицами, подвергнутыми ссылке как изобличенные злыми агитаторами, а именно с Бакуниным, Шаповым, Чернышевским и проч.; и, во-вторых, способность его сочувствовать разным красным идеям лицам...»<sup>22</sup> По итогам обыска в Москве у Шайтанова жандармский полковник Воейков сообщал, что изъятые у него материалы «заключают в себе выражения социализма, революционное направление и нигилизм, а сам хорунжий Шайтанов личность весьма замечательная, на все делаемые вопросы к разъяснению найденной у него переписки отвечал уклончиво или отзывался совершенным незнанием»<sup>23</sup>.

Тем временем туго закрученная спираль полицейского сыска продолжала стремительно раскручиваться. В разные уголки Сибири из Омска шли шифрованные телеграммы: произвести «внезапный и безотлагательный просмотр бумаг» у такого-то, и «если найдут что-нибудь подозрительное, то арестовать и выслать в Омск. В противном случае иметь за ними негласный надзор». Для подобного предписания достаточно было упоминания той или иной фамилии в изъятый переписке или во время допроса.

Следственной комиссии не удалось (или она не захотела) связать концы разрозненных показаний Щукина и оговоренных им (А.Е. Золотин, Н.В. Ушаров, С.С. Комаров, П.А. Тарасенко), а также Шашкова. В результате так и не были выявлены обстоятельства появления воззвания в Иркутске и его автор (авторы). Остальные привлеченные по делу сознавались лишь в том, что читали или переписывали прокламации. Само по себе это было в новинку для российского революционного движения, поскольку, по авторитетному свидетельству Б.П. Козьмина, в рассматриваемое время «большинство арестованных по политическим делам спешило рассказать своим следователям все, что им было известно по делу, а иногда и больше того»<sup>24</sup>.

В обстановке, когда не удалось установить авторов прокламаций, против арестованных выдвигается обвинение в сепаратизме и

подготовке отделения Сибири от России посредством вооруженного восстания. В принципе в протоколах допросов содержались признания по этому поводу. 19 июля Шашков показал: «Идея самостоятельности Сибири возникла во мне в бытность мою в Казани под влиянием господствующих в литературе толков о децентрализации и областном самоуправлении»<sup>25</sup>. На очной ставке А.Е. Золотина и Н.В. Ушарова 16 августа первый уличал второго, «что он спорил с г. Щукиным об отделении Сибири от России, г. Ушаров был пьян, и он говорил, что Сибирь можно отделить сейчас и явиться... в Забайкальский край и сделать там бунт, посредством прочтения какого-нибудь указа, а Щукин говорил, что народ надо прежде всего учить, а потом приниматься за дело»<sup>26</sup>. В обобщенном виде концепция «заговора с целью отделения» излагается в «откровенном признании» Потанина на допросе 7—8 июля. Он рассказал, что его деятельность заключалась «в воспитании в сибирском юношестве местного патриотизма посредством идеи о будущей судьбе Сибири как независимой республики и в разработке этой же идеи в литературе и науке». На предложение назвать лиц, которым известно это, Потанин сообщил: «Лучшие поборники этой идеи — я, Ядринцев и Шайтанов. Известна эта идея многим, вероятно. Мною же она сделана известною Шайтанову, Усовым, Нестерову, Подкорытову и вообще всем молодым офицерам в Омске, которые были при мне. В Томске — Колосову, редактору Кузнецову, в Петербурге — студенту Лукину. Кроме того, это известно — Павлиновым и Щукину. Последние расположены ли к этой идее, не знаю. Д. Кузнецов также не соглашался с правильностью этой идеи. Колосов тоже оспаривал»<sup>27</sup>.

Показания Потанина, несмотря на его желание взять на себя всю ответственность за случившееся, позволили комиссии утверждать, что во главе с Потаниным существовала заговорщицкая организация, возникшая еще в Петербурге. Поэтому в информации шефа корпуса жандармов Александру II от 10 октября 1865 г. о ходе следствия уже прямо утверждалось: «Потанин сознался, что если не он положил начало сибирскому сепаратизму, то значительно развил его и в прокламации “Патриотам Сибири” мало такого, что бы не было обязано ему своим происхождением». Ядринцев же, «по собственному признанию, действовал во имя сепаратизма Сибири и с этой целью проводил свои идеи в частных письмах и сочинениях»<sup>28</sup>.

Расследование подходило к концу. Комиссия сортировала подследственных на виновных и невиновных, давала разъяснения и

отписки по поводу отдельных лиц. 27 ноября 1865 г. она закончила работу, итоги которой излагались в «Краткой записке к следственному делу, произведенному в 1865 г. Комиссией, учрежденной в г. Омске по политическим преступлениям». Потанин, Ядринцев, Шашков и Шукин обвинялись в «злонамеренных действиях... направленных к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от Империи». Всем остальным, в зависимости от добытых улик, инкриминировалось знакомство и сочувствие этим замыслам, переписывание прокламаций, хранение запрещенных сочинений, неодобрительные отзывы об особах царствующего дома, уклонение от дачи сведений и заpiresательство. Обвинения выдвигались в отношении 19 человек<sup>29</sup>.

Собранные материалы повез в Петербург В.П. Рыкачев. По завершении разбирательства всех их из тюремного замка (острога) перевели в Омскую крепость, где освободилось много зданий из-за передислокации значительной части гарнизона на юг. Местом их содержания становится гауптвахта. «Камеры запирались только в начале нашего сидения в крепости, потом они были отворены в течение всего дня и запирались только на ночь. Заключенные выходили даже на платформу и тут разгуливали. Это была единственная либеральная гауптвахта в России... Случалось, что мои товарищи украдкой уходили в город, заходили в гости или в пивную. Все это делалось осторожно, так, чтобы не влетело караульному офицеру. Товарищи мои пользовались льготами сдержанно, я не помню, чтобы кто-нибудь при дневном свете вышел за перила платформы; но после заката уходили в город иногда больше половины заключенных»<sup>30</sup>.

Дело областников вызвало значительный резонанс в регионе. Отбывавший тогда ссылку в г. Кузнецке Томской губернии В.В. Берви-Флеровский зафиксировал большой интерес общественности к разбирательству в Омске: «После арестов все ознакомились с идеей об автономии Сибири. Сибирский патриотизм оживился, сделался модным». Любое проявление вольномыслия рассматривалось теперь как результат деятельности «партии сепаратистов». Воздействием областников, в частности, пытались объяснить появление в Томске 14 декабря 1865 г. выдержек из прокламации «К молодому поколению». Позднее органы политического сыска искали, правда безуспешно, связи сторонников движения с участниками восстания польских ссыльных на Байкале в 1866 г. и членами революционной организации Н.А. Ишутина — И.А. Худякова.

Два с половиной года пришлось ждать Потанину и его друзьям приговора. Дело их рассматривалось в административном порядке в Петербурге заочно, поскольку судебная реформа не затронула Сибирь. На приговор существенное влияние оказало усиление революционного движения в стране. «Адский выстрел государственного преступника 4 апреля [1866 г., Д.В. Каракозов. — *Авт.*] изменил взгляд правительства на наше дело», — констатировал позднее Шукин. 20 февраля 1868 г. Сенат вынес приговор, откорректированный и утвержденный Государственным советом и императором.

Потанин был приговорен к 5 годам каторжных работ с последующей ссылкой в отдаленные местности Российской империи. Шайтанов, Шукин, Ядринцев лишались прав состояния и подлежали высылке в отдаленные уезды Архангельской губернии; еще четверо (Ф.Н. и Г.Н. Усовы, Н.В. Ушаров и А.Е. Золотин) без лишения прав состояния высылались под административный надзор туда же. Остальные, включая А.П. Нестерова, П.А. Тарасенко, С.С. Комарова, Д.Л. Кузнецова, А.А. Тахтарова, освобождались за отсутствием прямых улик.

Перед отправлением на каторгу в крепость Свеаборг (Финляндия) ранним утром 16 мая 1868 г. на левом берегу реки Оми при входе на базарную площадь Омска над Потаниным был произведен обряд гражданской казни, а вечером, закованного в ножные кандалы, его отправили к месту отбывания наказания. Остальные пошли пешком по этапу, добравшись в сентябре до Нижнего Новгорода.

## 10.2. В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Анализ публицистических статей, научных трудов и эпистолярного наследия идеологов сибирского областничества Ядринцева и Потанина свидетельствует не только об усвоении ими демократических идей российских «шестидесятников» народнического толка, но и о значительном влиянии на формирование и эволюцию их взглядов истории западноевропейских колоний, политических и экономических теорий того времени. Именно последние стали для будущих областников толчком к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи. Через всю жизнь

Ядринцев пронес свое увлечение Северо-Американскими Штатами, уверенность, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее. Потанин прямо заявлял на следствии в Омске, что мысль об отделении Сибири проистекала из аналогии с историей Северной Америки и испанских колоний в Америке. Позднее он вспоминал о впечатлении, которое на него произвела статья ориенталиста И.Н. Березина о колониях, источником которой послужила книга немецкого экономиста Вильгельма Рошера<sup>31</sup>. Из этой статьи Потанин «узнал, что колонии бывают торговые и земледельческие и что история последних обыкновенно оканчивается отделением от метрополии»<sup>32</sup>. Статья Г.Г. Пейзына, о которой Потанин также упоминает в своих мемуарах, трактовала Сибирь еще и в качестве «штрафной колонии»<sup>33</sup>. Пейзын писал о протесте колоний против ссылки уголовников и упоминал о блестящем памфлете Франклина против ссылки. В одном из писем 1862 г. Потанин восклицал: «Теперь нам нужны Джефферсоны, Франклины...»<sup>34</sup>

В письме к своему соратнику Шайтанову в апреле 1863 г. Потанин развернул целую программу идейного воспитания областника: «Переворот умов (в Сибири) и пополнение пустоты в (сибирских) головах — вот роль, нам предстоящая. А потому рядом с изучением материализма изучайте социальные доктрины и занимайтесь чтением исторических и публицистических сочинений, изучайте законы революции и реакции и политических переворотов, клонящихся как к объединению народностей, так и к сепаратизму, и главное при этом чтении — приравнение ко всему прочитанному судеб нашей родины — Сибири. Тогда чтение Ваше будет плодотворно и создаст из вас красного сепаратиста»<sup>35</sup>. Этим объясняется пристальный интерес родоначальников областничества Ядринцева и Потанина к западным социальным и экономическим теориям. Список западных авторов, чьи имена обильно рассыпаны по их сочинениям и письмам, весьма внушительен. Это П.-Ж. Прудон, Луи Блан, А. Сен-Симон, Г.-Ч. Кэри, К. Маркс, В. Рошер и П. Леруа-Болье. В сочинениях Д. Дрепера о колонизации в Америке они ищут подкрепление своим мыслям о влиянии климата на развитие Сибири, ее населения.

Интерес к западным идеям диктовался прежде всего необходимостью дать научное обоснование так называемым «сибирским вопросам». В перечне тем, интересовавших областников, выделялась колониальная проблема. Потанин писал 21 мая 1872 г. Ядринцеву: «Вопрос о колониальной политике для меня самый первый,

и в нем я совершенный профан и брожу всегда не при свете европейской науки, а при свете масляной лампы, которая чадит в моем собственном мозгу»<sup>36</sup>. В 80-е годы XIX в. областники активно пропагандировали достижения западной колониальной науки на страницах своего печатного органа — газеты «Восточное обозрение». В своей книге «Сибирь как колония» Ядринцев приводит солидный список статей по колониальному вопросу, помещенных в «Восточном обозрении». В 1884 г. в двух номерах «Восточного обозрения» под псевдонимом «Колонист» Ядринцев поместил статью «Переписка между колонией и метрополией», в которой, опираясь на теорию Рошера, отмечал целый ряд характерных черт, роднивших Сибирь с земледельческими колониями европейских государств<sup>37</sup>. В Сибири, как и в Америке или Австралии, подчеркивал он, нет аристократии и жестко разделенных сословий, все чувствуют себя равноправными. Правда, признавал Ядринцев, как и янки, сибиряк грубоват, недостаточно образован, но зато в нем развито чувство собственного достоинства. Погоня за наживой, свойственная всем колониям, приводит к господству материальных интересов, к тому, что «все ценят копейку и больше ничего». Царство капитала порождает массу злоупотреблений, бессердечность, безнравственность. Но в колониях человек обретает свободу, здесь общество предоставляет всем равные возможности в поисках счастья. Решившийся покинуть свою родину колонист представляет собой человека недюжинного, полного энергии и дарований. Сибирь, подобно Америке, пробудила в русском человеке дух предприимчивости. Ядринцев упоминает и о сибирских старообрядцах, проводя аналогию с английскими пуританами, заселявшими Вирджинию. Сибирский крестьянин все больше и больше перестает походить на своего российского собрата. Он менее заражен суевериями и предрассудками, более восприимчив к нововведениям и даже стремится перенять городскую моду в одежде и быту. И это, не забывает напомнить Ядринцев, черта всех колоний. Даже «понижение русской расы» вследствие смешения с сибирскими аборигенами ему представляется похожим на процесс метисизации в Латинской Америке. Для доказательства основного тезиса в ход идут примеры об уголовной ссылке, случаях рабства, хищнической разработке золота и т.п. Кроме этнографических и социально-экономических черт Ядринцев обращает внимание и на методы колониальной политики самодержавия по отношению к Сибири. Ссылаясь на классическое определение экономической зависимости колонии от

метрополии А. Смита, он как бы подытоживает: «На этих отношениях зиждется главная суть внутренней колониальной жизни, и при посредстве их устанавливаются чувства, расположение и неразрывность связей, которые отражаются в последующей исторической жизни». Проведение аналогии между Сибирью и колониями западноевропейских государств явно необходимо идеологу сибирского областничества, чтобы еще раз напомнить правительству о необходимости удовлетворять сибирские нужды и намекнуть об опасности колониального сепаратизма в случае забвения интересов своих колонистов.

Однако, осуждая колониальную политику по существу, областники не могли игнорировать ее положительное воздействие. Когда Г.Е. Благодетлов предложил Шашкову, товарищу Ядринцева по ссылке, «обругать рыжих варваров» (английских колонизаторов), то последний неожиданно вступился за них: «За что ругать? За то, что их колонизаторские таланты создали Америку и Австралию? За то, что Новой Голландии, мысу Д. Надежды и Канаде дана конституция, за то, что в Индии они строят университет и избородили ее железными дорогами?»<sup>38</sup> Находясь под общим впечатлением идей материального прогресса, они признавали, что без вмешательства метрополии развитие колоний продвигалось бы крайне медленно. По их мнению, дело не в колониальной политике вообще, а в ее правильной организации и направленности. Не случайно Ядринцев в одном из писем к Потанину отмечал: «Обличая Англию, мы должны помнить, что ее политика была все-таки прогрессивнее многих государств, как, например, Испании».

В 1872 г. Ядринцев пишет «Очерки английской колонизации», опубликованные затем в журнале «Дело». В том же году Потанин печатает в петербургской газете «Неделя» статью «Где наш рынок сырья?», содержащую развернутый анализ истории российской внешней политики по отношению к Сибири. Сделанный им вывод весьма неутешителен: «Несмотря на то, что отношение России к ее колониям переходило фазы, аналогичные с теми, чрез которые прошла история колониальной политики и на Западе, есть, однако же, основания более верить, что эти аналогии явились без определенного плана, которого бы держалось правительство, что они были неизбежным результатом хода самих обстоятельств»<sup>39</sup>. И впоследствии областники упрекали правительство в том, что оно не смогло выработать какой-то четко осознанной колониальной системы и не умело пользоваться Сибирью. Этим объясняется и

сложное отношение областников к намечавшемуся строительству Сибирской железной дороги. Это грозило окончательным закреплением Сибири в качестве рынка сырья. С другой стороны, по их мнению, дорога несомненно ускорит колонизацию края, будет содействовать ввозу знаний, изобретений и капитала. Рассуждения Ядринцева о колониальной политике вполне опровергают взгляд на областников только как на сепаратистов и антиколониалистов. Возражая против такого огрубления их позиций, Ядринцев разъяснял: «Представьте невежественную территорию обособленной, она более проиграет, чем выиграет за неимением сношений. Связь колоний с метрополией имеет поэтому свой смысл, и чем колония неразвитее, тем потребность в этой связи должна быть сильнее. Невежественная страна умрет с голоду, погрузится в застой, она станет Монголией, Китаем. Но, помилуйте, ведь барыши слишком громадны за это обучение, за принесение “части знаний”, эти барыши стоят и плоти, и крови. Что делать, плата за ученье велика, как запрос бесцеремонного учителя, но лучше платить дорого, чем остаться совсем без ученья и образования»<sup>40</sup>.

В этом же духе Ядринцев предлагал трактовать и вопрос о положении коренных народов колоний. Он призывал не ограничиваться только обличением действий колонизаторов. «Вопрос об ограничении инородческих земель, сужения их пастбищ и мест охоты, — писал в 1872 г. Ядринцев Потанину, — есть неизбежный вопрос колонизации и цивилизации. Что делать, ежели инородцы с этим не могут примириться. А колонизация без этого невысказана»<sup>41</sup>. Очевидно, что этот вывод напрашивался из изучения обширной литературы о положении тасманийцев, американских индейцев и других народов. Ядринцев признает, что существуют «естественные» причины вымирания коренных народов, к которым он прямо относит негативные последствия цивилизации. Он связывал с колонизацией как неизбежные последствия и болезни, которые смертельны для «инородцев», и упадок традиционного хозяйства, и даже голод, «психические потрясения и гнетущие аффекты». Такого рода очевидные противоречия в своих воззрениях Ядринцев объяснял тем, что в колониальном вопросе он строит «антитезы по Гегелевско-Пьер-Жаковскому методу».

Сложно разрешался в теоретических построениях областников и экономический аспект колониального вопроса. В единство Сибири областники закладывали не столько этнографический, сколько экономический принцип. Будущее Сибири они нераз-

рывно связывали с ее промышленным развитием. Ядринцев с явным удовольствием сообщал Потанину, что в лице Мальтуса он «отыскал нового друга Сибири», так как тот доказывает, что Сибирь страдает от избытка сырья<sup>42</sup>. Только развитие собственной промышленности повысит ценность труда и позволит Сибири сбросить «мануфактурное иго» Москвы. Поэтому областники были готовы мириться с капитализмом во имя промышленного подъема Сибири. «Итак, мануфактуры и мануфактуры, — зывал Ядринцев, — хоть бы при капиталистическом хозяйстве, вот средство поднять страну». Не стоит замыкаться только на изображении «темных сторон фабричного труда» и забывать о его культурном значении — под его воздействием складываются и новое мирозерцание, и более цивилизованные общественные отношения.

В Сибири не нужно бояться буржуазии, важно привлечь ее к выполнению регионально значимых задач. «Ее роль, — добавлял Ядринцев, — будет собрать народ, устроить учреждение мануфактуры, а лучшая организация впоследствии зародится уже в этом учреждении, как новая потребность»<sup>43</sup>. Пока же важно соединить организационные и финансовые возможности буржуазии с народными потребностями. Задача областнически настроенной интеллигенции на этот период: содействовать и указывать буржуазии на ее культурную миссию — образование промышленности. Демократическая интеллигенция вместе с народом в Сибири не допустит образования денежной аристократии. Ведь сибирское общество, демократическое по своей сути, объяснял Ядринцев, походит на Северо-Американские Штаты. Только тогда, когда промышленность будет создана, следует взяться за ограничение буржуазии и «начать эмансипацию городского рабочего».

Ядринцев считал, что важным инструментом становления экономической самостоятельности Сибири должна стать тарифная политика. Критикуя протекционизм, приносящий пользу только метрополии, областники осторожно относятся и к принципу свободной торговли. Сибирь, не имеющая своей промышленности, полагал Ядринцев, нуждается в большем, чем просто протекционизм, ей необходим «промышленный патронаж». Он требовал от правительства государственной опеки во имя экономического освоения Сибири. Эта политика должна быть направлена, во-первых, на ускоренную колонизацию края, во-вторых, на развитие технического образования и, в-третьих, на «содействие основанию завод-

ской промышленности нравственным влиянием, путем технических съездов и обществ, литературы и т.п.».

Наряду с историей колоний и колониальной политики областники обращаются к изучению вопроса о положении провинции в Европе, прежде всего во Франции, Англии и Швейцарии. Ядринцев посвящает этому специальную статью «Судьбы провинции и провинциальный вопрос во Франции», в которой приходит к весьма знаменательному выводу: «Какой ужасный пример представила Франция с ее централизованной провинцией». Именно централизация привела Францию к поражению во Франко-прусской войне и к революции. Даже меры децентрализации, проводившиеся во Франции, как замечал Ядринцев, все из того же Парижа, подразумевают лишь «усиление власти префектов, т.е. увеличение административной опеки над провинцией». Провинциальная реформа, заключает он, «должна родиться из нечто живого в народе и в самой провинции»<sup>44</sup>. Следуя по стопам Прудона, Ядринцев становится одним из наиболее заметных русских защитников децентрализации. Приверженность к централизму, будь то самодержавному или «якобинскому», претила областникам. В этом был один из серьезных пунктов их разногласий со многими российскими революционерами-демократами, такими как Г.Е. Благосветлов или Н.В. Шелгунов. В трудах областников провинциальная тема поднимается до высоты идейного осмысления.

Западный опыт, прежде всего Америки, отвращал областников от абсолютизации многих теоретических положений. Они считали, что любая страна, как естественный организм, должна пройти определенные стадии развития. Поэтому сибирские вопросы представлялись им не только чисто территориальными, вызванными природными и прочими условиями, они приобретали общеисторический характер. Чрезмерная децентрализация должна умеряться централизаторскими мерами (к этому уже пришли в США, полагал Ядринцев), так же как развитие промышленности выдвигает на первый план социальные проблемы. Но Сибирь еще не выросла до этого, не успела воспользоваться ни плодами децентрализации, ни выгодами промышленности. В этой связи Ядринцев остроумно заметил, что всякое блюдо за столом подается в определенной последовательности. Европейцы и американцы уже отобедали и пьют кофе, и поэтому предлагать им снова селедку было бы неразумно. «Мне кажется, — замечает он в письме к Потанину, — что наш промышленный вопрос — тоже селедка. Не развивайте своих ма-

нуфактур, не ешьте селедки, от нее стошнит. — Да, хорошо вам, милостивый государь, это говорить, когда вы уже покушали, а я еще не отобедал, да и не закусывал»<sup>45</sup>.

Ядринцев определял цель своих теоретических поисков в колониальном вопросе следующим образом: «Из всех отрицательных сторон европейской колонизации я составил положительный идеал колонии и начал отыскивать ее»<sup>46</sup>. Его явно не устраивают некоторые тенденции в английской колониальной политике. Он решительно возражает против продажи земли большими участками, что приведет к обезземеливанию массы колонистов и неизбежно потребует создания если не рабов, то батраков. Да и принцип свободы торговли, провозглашенный Англией, полагал Ядринцев, «в руках буржуазов то же, что железная дорога и машины для эксплуатации рабочего»<sup>47</sup>.

Новую колониальную политику Англии он называет политикой тонченной эксплуатации. Дав колониям самоуправление, метрополия отстаивает экономическую зависимость. Другой важный вывод, к которому приходит Ядринцев в результате изучения эволюции британской колониальной системы, это то, что существует непосредственная связь между капиталистическим характером промышленности метрополии и отношением ее к колониям. Только социальная реформа в самой Англии, по его мнению, способна привести к окончательному устранению экономической эксплуатации колоний. Экономическое неравноправие есть последняя стадия эксплуатации колоний, за ней неизбежно должна последовать общая перемена в международных отношениях на началах равенства и свободы. Вот тогда, заключает Ядринцев, «колониальная политика является одною из благороднейших форм взаимной дружбы, помощи и обмена услуг у равных родственных наций между равными»<sup>48</sup>. В этой радужной перспективе, рисовавшейся областниками, можно увидеть явное влияние Луи Блана<sup>49</sup>.

Социальное значение этим теоретическим построениям придавало изучение разного типа общин в России и на Западе. По мнению Потанина, прямые аналогии между Сибирью и Северо-Американскими Штатами не всегда корректны. Они отличаются не только в отношении связи с метрополией, но и самим духом. Залог будущего развития Сибири он видел в общинном, артельном начале. Для него было чрезвычайно важно указать на ту разницу, которая существовала между сибирской и американской колонизацией. Если в Северной Америке, доказывает Потанин, земля

была объявлена собственностью «папы или государства», то Сибирь народ заселял «на доисторический манер». Поэтому в Сибири и должна была необходимо сложиться община — ведь земля осталась «свободною, незакрепощенною ни за собственниками, ни за государством»<sup>50</sup>.

Потанин писал, что в Центральной России община искорежена крепостничеством, ее разрушает все усиливающийся индивидуализм. «Известно, что колонии, — подводит под свои рассуждения Потанин теоретическую основу, — всегда развивают те начала, которые зародились в метрополии, но не могли найти достаточно широкого применения. Закон этот подтверждается на тех же Северо-Американских Штатах... Ежели Американские Штаты явились осуществлением лучших принципов, выработанных наукою XVIII века, то Сибирь как новейшая колония может усвоить лучшие передовые результаты науки XIX века»<sup>51</sup>. Для областников община представлялась клеткой, которая «решает судьбу народов». По словам Ядринцева, «областной вопрос не потерял своего значения, он приобрел еще большее, точно так же, как и общинный, вопросы общин и кантонов, как семя государственной жизни»<sup>52</sup>. Эта фраза напрямую перекликается с выводом Алексиса де Токвиля о том, что община — «это основа основ управления обществом». Именно в ней, полагает Токвиль, американский гражданин приобретает к управлению, привыкает к установившемуся порядку, получает ясное представление о природе своих обязанностей и объеме своих прав<sup>53</sup>. У англичан и американцев, по мнению областников, «сельская община дышит жизнью и научена selfgovernment'ом к коалиции и ассоциации». Именно из общины органически вырос и сам принцип федерализма. При помощи общины, считал Ядринцев, можно решить целый комплекс проблем — от колониальных до социальных. Нужно поэтому не только сохранять общину от разрушающего индивидуализма, но важно придать ей новое направление в развитии. Она должна при благоприятных обстоятельствах предоставить возможность более удобного перехода к новым формам цивилизации. Образец такой гигантской общины, включающей в себя целую область, он видел в Уральском казачьем войске<sup>54</sup>.

Разрушительные тенденции затронули сибирскую общину в меньшей степени, чем российскую. Община должна сделать шаг от общинного земледелия к общинному хозяйству. Именно Сибирь, полагал Потанин, должна совершить этот переход, в этом ее мировое значение<sup>55</sup>. «Не понимаю, — писал он, — почему мы должны

проходить тот же путь с Европой? Почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании?.. Я так думаю, что этот кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец»<sup>56</sup>. В этом же можно усмотреть влияние Прудона с его идеями синтеза общности и собственности, идеализацией мелкой собственности и организацией свободных ассоциаций. «В ассоциативном движении, как в море ключи, находят свой конец все социальные вопросы: и рабочий, и женский, и педагогический, и колониальный». При этом Потанин называет еще одного западного пророка: «Сен-Симон — это Прометей будущего».

От общинной организации жизни областники шли к выяснению социальной и хозяйственной роли кооперации. Следует отметить, что теории кооперации были весьма популярны в то время благодаря Н.Г. Чернышевскому и западноевропейским социалистам, особенно Луи Блану. Областники стремились применить кооперативные формы организации труда к делу колонизации окраин, поэтому они так настойчиво собирали и изучали опыт кооперации в английских колониях в Канаде и Новой Зеландии.

Отношение к общине у областников никогда не было самодовлеющим (это в большей степени относится к Ядринцеву, чем к Потанину, который был явно сильнее увлечен народническими доктринами). Общинный вопрос они всегда соединяли с областничеством. Для них этот синтез был своего рода теоретическим фундаментом. В связи с этими задачами коренным образом должна была измениться и роль интеллигенции. Она должна перестать быть космополитичной и больше интересоваться народной жизнью. Ядринцев упрекает радикальную интеллигенцию в беспочвенности, так как жизнь не может быть преобразована по одному плану и разом, «для этого нужна долгая подготовка и восприятие идей в массах». Поэтому Сибири нужны университет, земства, свободная печать и другие общественные институты.

Областники попытались свести социальный и колониальный вопросы и проблему децентрализации в одну общую теоретическую систему. Ядринцев ставил себе в заслугу то, что ему удалось «вывести на свежую воду колониальный вопрос», который он соединил с внутренним развитием метрополии и связал с социальными проблемами. Этим объясняется обращение Ядринцева к идеям децентрализации Алексиса де Токвиля, федералистским идеям П.-Ж. Прудона, экономическим трудам А. Смита, Г.-Ч. Кэри, К. Маркса, Д. Милля и др.

Напряженный теоретический поиск у областников окрашен особым чувством сибирского патриотизма. Образно характеризуя период западного ученичества русской интеллигенции, Ядринцев вспоминает сказку о мальчике Карыме, у которого было много учителей и которого учили разным наукам, но он все же не знал, что делать. Но появился еще один учитель, научивший его немногому — любви. И только тогда его знания получили практическое приложение. Поэтому Ядринцев выступал против забвения патриотизма, который на Западе отодвинут стремлением к «эмансипации труда». Его раздражало повальное увлечение русской молодежи этой «религией передовой Европы». С явным неудовольствием он отмечал, что молодежь излишне космополитична и «безусловно слушает каждое слово учителей Запада». Патриотическая и национальная идея областникам казалась для Сибири более актуальной, чем «борьба с капиталом», потому что она, по их мнению, содержала часть идеала человеческого развития — автономию. Отсюда совершенно понятно восторженное отношение Потанина к национальным чувствам швейцарцев: «Такой колоссальный патриотизм у такого маленького общества»<sup>57</sup>.

Для идеологов областничества было важно отыскать формулу соединения сибирского патриотизма с общечеловеческим стремлением к свободе и справедливости. Но в этой теоретической конструкции все же именно патриотизм был той почвой, на которую только и можно было перенести социальные идеалы. Вот почему областники одинаково противостояли унифицирующей централизации как царской бюрократии, так и «космополитов-идеалистов» из революционного и либеральных лагерей. От марксистского централизма, по мнению областников, веяло таким же «революционным бюрократизмом», как и от концепции «единой и неделимой» России в духе П.Б. Струве. В полемике с марксистами, стоявшими на принципах пролетарского интернационализма и заявлявшими об общности интересов всех рабочих России, Потанин заявлял: «Рассматривая отношение колонии к метрополии, нельзя не признать существования особых сибирских интересов. Предположим, что в метрополии класс заводладельцев уничтожен, хозяевами заводов и фабрик стали артели рабочих; что же, с этим падением заводладельцев исчезнут те претензии на Москву, которые теперь предъявляются Сибирью?»<sup>58</sup>.

Ядринцев сетовал, что постоянно натывается на «косяк космополито-социального вопроса, выработавшего свой шаблончик».

К. Маркс утверждал (и «говорят, хорошо», признавал Ядринцев), что эмиграция из метрополии вредит ей с точки зрения экономического развития, но это явно противоречило установке областников на расширение колонизации. Потанин предлагал вступить в полемику с Марксом, доказывая, что «удерживать от колонизации, мало того, просто не поощрять колонизацию, значит создавать в одной части земного шара эксплуататорский центр». Напротив, предлагает он, «не только русский центральный капитал должен сделать ссуду нашему Востоку, но даже и Англия, если только она хочет быть гуманною нацией XIX века».

Таким образом, областническая идея представляла собой ориентированный на Сибирь сложный сплав российских социальных проектов с западными доктринами, из которых шел целенаправленный отбор того, что могло бы соответствовать стремлениям сибирских областников создать свое учение о путях регионального развития Сибири. Питаясь чувствами нарождающегося сибирского патриотизма, областники творчески восприняли современные им федералистские и колониалистские теории, заложив основы регионализма не только как влиятельного общественного течения, но и как особого научного направления. Политический аспект регионализма проявился прежде всего в осознании политического или социально-экономического неравноправия, а в потенции — и в стремлении к автономии или даже к государственной обособленности. Для выявления направленности региональной динамики в известной мере может оказаться продуктивным определение фаз национального движения, предложенное Мирославом Хрохом<sup>59</sup>. От стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма — через политическую актуализацию и теоретическое конструирование местными интеллектуалами (политиками, общественными деятелями, учеными) региональной идентичности — к выдвиганию идей административно-хозяйственной автономии и даже государственного сепаратизма.

Осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичной власти, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и всеобщего недовольства, что способствовало росту сибирского автономизма, формированию в общественном сознании устойчивой формулы: «Россия и Сибирь». Однако, несмотря на многочисленные факты и свидетельства о сепаратистских настроениях, несмотря на прави-

тельственные страхи и настойчивые поиски борцов за сибирскую независимость (или автономию), это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Россией Сибири. Массовое переселенческое движение начала XX в., хотя и породило некоторую социальную напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формировавшейся сибирской идентичности и регионального патриотизма. В Сибири и на Дальнем Востоке все еще не доставало интеллектуалов, способных пропагандировать в массах идеи сибирской автономии, было мало высших и средних учебных заведений, местных культурных центров, а также региональных демократических институтов (в Сибири не было даже земских органов), вокруг которых мог сфокусироваться сибирский патриотизм, перерастая во влиятельную политическую силу, которая, как в Австралии или Канаде, возглавила бы движение за независимое государство-нацию.

В отличие от «украинского вопроса», «сибирский вопрос» так и не перешел в фазу политического сепаратизма и остался в рамках требований расширения местного самоуправления и хозяйственной самостоятельности. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формирующейся сибирской идентичности и регионального патриотизма. Сибирский областнический проект (а именно в нем активнее всего использовался колониальный дискурс) был отодвинут на второй план общероссийскими политическими и социально-экономическими программами.

### 10.3. АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АВТОНОМИЯ СИБИРИ:

#### НА ПУТЯХ К РЕАЛИЗАЦИИ ОБЛАСТНИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

По возвращении из ссылки в 1870—1890-е гг. сибирские областники продолжили разработку своей программы. Развивая положения, сформулированные ранее, они рассматривали Сибирь как колонию, четко различая при этом процесс колонизации (заселение и освоение) региона и колониальную политику царского правительства. Главное проявление колониального статуса региона в рассматриваемое время сторонники движения видели прежде все-

го в штрафной колонизации (ссылке) и в административном произволе приезжих чиновников. Все это привело к нейтрализации положительных факторов в колонизационном процессе (отсутствие крепостного права, земельный простор, веротерпимость, свобода передвижений) и обусловило отставание в развитии экономики региона в сравнении с колониями европейских государств (США, Канада, Австралия). Главным следствием трехсотлетнего процесса освоения региона русскими и взаимодействия их с аборигенами, по мнению областников, явилось формирование нового этнографического (областного) типа русского (славянского) населения. Первым вывод о формировании сибирской народности как одной из ветвей славянства сделал Щапов<sup>60</sup>. Вслед за Ядринцевым он уже категорично заявил, что в результате смешения с инородцами и воздействия природно-климатических условий «на Востоке слагается новый этнографический тип». При этом сибиряк «считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чужого ему человека и сомневается в его русской национальности»<sup>61</sup>.

Для пропаганды областнических идей создаются собственные общесибирские периодические издания — газеты «Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение». Главным теоретиком движения в это время был Н.М. Ядринцев (1842—1894). К началу XX в. лидером и единоличным идеологом областничества становится Г.Н. Потанин (1835—1920). Вокруг него формируется круг единомышленников — А.В. Андрианов, Д.М. и П.М. Головачевы, В.И. Анучин, П.В. Вологодский, Вл.М. Крутовский, Н.Н. Козьмин и др., для большинства из них была характерна неопределенность политических взглядов. В новых условиях они продолжили разработку областнической теории, уделив немалое внимание проблемам экономики региона.

Сибирь в последней четверти XIX в., по мнению сторонников движения, в отличие от Европейской России, еще не вступила на путь рыночных (капиталистических) отношений и стояла перед выбором возможного варианта экономического развития. Выбор областники сделали не в пользу капитализма. Будущее региона они связывали с крестьянской поземельной общиной. Сибирь, по их мнению, была раем для мужиков. Развивая данное положение, сторонники направления продолжали смотреть на капитализм как на явление, искусственно насаждаемое правительством<sup>62</sup>. Предпочтение отдавалось кустарному производству и кооперации.

Надежды на реализацию своей программы социально-экономического развития Сибири лидеры областничества связывали с предоставлением населению «полных гражданских прав». Под этим понималось введение земства, нового гласного суда, распространение образования, гарантий личности и «лучшего общественного существования»<sup>63</sup>. Среди этого комплекса требований главным было земство, которое в тесном союзе с администрацией должно было реализовать намеченную программу переустройства сибирского общества.

В конце XIX — начале XX в. у сторонников областнического движения окончательно складывается взгляд на Сибирь как колонию в экономическом и политическом смыслах. Если Ядринцев отмечал специфику Сибири по отношению к Европейской России в географическом отношении, то Головачев, Андрианов и Потанин обосновывали тезис о существовании здесь особого этнографического типа русских, сформировавшегося под воздействием природно-климатических условий. На этой основе регион выделялся в особую область России, автономия которой «есть необходимое, логическое следствие конституционного строя». При этом под автономией понималось право местных выборных органов осуществлять не только административные, но и законодательные функции. Суммируя эти взгляды, А. Сибиряков писал в 1906 г.: «Хотя Сибирь совершенно не подходит под категорию таких окраин, как Польша или даже Малороссия, где существуют особые виды славянской народности, и никто из русских жителей, а равно и самих сибиряков не будет причислять самих сибиряков к какой-нибудь национальности, отличной от русской, но, тем не менее, особые условия Сибири в географическом, этнографическом и даже социальном отношениях настолько уже в настоящее время оспециализировались, что, прибавив к ним внешние отношения Сибири к ее непосредственным соседям, каковы Китай и Япония, т.е. положение, какое занимают они по отношению к Сибири в данный момент, возбуждение вопроса об автономии Сибири теперь более чем кстати».

Со временем к этим критериям добавился экономический фактор. «Обширная империя не может не расчленяться на отдельные области, — констатировал в 1907 г. Потанин, — хотя бы связь между ними и продолжала оставаться, это расчленение должно устанавливаться не на этнографических особенностях... Для контроля расходов местных финансов должен быть создан местный зако-

нодательный корпус, областная дума. Тогда предприниматели не будут уезжать за тысячу верст от своих областей и жить вдали от них для проведения в центральных канцеляриях своих хозяйственных проектов, держатели денежных фондов будут оставаться в области, вблизи от учреждений, заведующих областным хозяйством, собираемое с областной территории богатство будет скапливаться в области».

28—29 августа 1905 г. в Томске прошел нелегальный съезд Сибирского областного союза. Главной его целью стало объединение основных политических группировок на областнических лозунгах. В принятом документе «Основные положения Сибирского областного союза» подчеркивалось: «Составляя нераздельную часть России, участвуя наравне с другими частями России в общей системе государственного управления на началах народного представительства, Сибирь, как по своим историко-географическим, этнографическим и общественно-экономическим условиям, так и по чисто местным торгово-промышленным и сельскохозяйственным интересам, представляет обособленную область. Исходя из положения, что каждая область должна иметь право на самоуправление, мы заявляем, что Сибирь, в силу указанных условий и интересов, нуждается в организации областного самоуправления в форме сибирской областной думы, самостоятельно решающей все местные нужды и вопросы хозяйственные, социально-экономические, просветительные». В ведение думы предлагалось передать: «а) местное бюджетное право; б) народное образование; в) общественную безопасность; г) местные пути сообщения и тариф; д) народное здравие; е) распоряжение и владение всеми землями области, составляющими часть государственного фонда с лесами, водами и недрами; ж) определение порядка землепользования в связи с переселенческим вопросом; з) инородческий вопрос».

Эти идеи разделяли местные организации основных политических партий и беспартийные общественные формирования типа Иркутского торгово-промышленного союза. Движение стало претендовать на роль надпартийного образования, выражающего интересы всего населения Сибири. Расхождения между сторонниками сибирского федерализма в рассматриваемое время шли по линии представлений о регионе как едином целом или системе самоуправляющихся территорий. Так, иркутские областники, объединившись с либералами из местного «Союза союзов», создали специальную комиссию по подготовке проекта положения о введении земства в

Сибири. По ее поручению проект дорабатывал редактор газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов. В отличие от томского проекта, он предусматривал организацию для каждой из частей региона (Восточной и Западной) отдельных областных дум. Более того, иркутские областники допускали в обозримом будущем создание на «необъятных пространствах Сибири и Туркестана нескольких десятков автономных областей». В результате председатель Совета министров С.Ю. Витте в 1906 г. констатировал: «Автономия окраин уже не составляет конечного идеала федералистов; заговорили о провинциальной автономии, то есть о преобразовании России в союз свободных самоопределяющихся федераций (подобно Америке)»<sup>64</sup>.

В 1906 г. борьба за областную думу осуществлялась в рамках кампании выборов в Государственную думу, которая, по мысли областников, должна была дать Сибири долгожданное земство. Однако уже после роспуска II Государственной думы сибирские депутаты стали требовать установления Сибирской областной думы с законодательными функциями, так как центральная дума в Петербурге «не имеет ни времени, ни возможности заняться сибирскими нуждами». В период Первой российской революции определились взаимоотношения областников с различными политическими группировками. С эсерами сложилось взаимопонимание, с кадетами — временный союз, по отношению к правым областники испытывали стойкое неприятие. Последовательными противниками областнического движения выступали социал-демократические организации. Вместе с тем самостоятельное влиятельное политическое движение областникам создать так и не удалось, несмотря на популярность идей сибирской автономии.

После революции 1905—1907 гг. основные усилия областники сосредоточили на борьбе за введение в регионе земских учреждений. Однако после отклонения Государственным советом 5 мая 1912 г. законодательного предложения Государственной думы о земском самоуправлении в Сибири они прекратили организованную деятельность вплоть до 1917 г. В этот период усилия сторонников движения сосредоточивались на работе в отделах «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» и местных отделений Русского географического общества. В годы Первой мировой войны для пропаганды своих идей сторонники движения активно использовали местные отделы Всероссийского союза городов. Областичество объединяло сравнительно небольшие группы интеллигенции в Томске, Красноярске, Иркутске.

По отношению к экономике региона в межреволюционный период областники продолжали эклектично сочетать либеральное требование ускорить капиталистическое развитие с народническими утверждениями о возможности какого-то «своеобразного» альтернативного варианта эволюции к «новой системе хозяйства». При этом все их построения базировались на фундаментальном положении о колониальной зависимости Сибири от метрополии в экономическом плане. Они утверждали, что с развитием капитализма антагонизм между колонией и метрополией будет обостряться. «В настоящее время сибирское мыслящее общество стремится взять под свою защиту новые, органически жизненные интересы Сибири, — писал в 1911 г. Г.И. Жерновков, — охрану естественных богатств Сибири от расхищения метрополией, охрану сибирской торговли и промышленности от эксплуатации привилегированных российских землевладельцев и фабрикантов и проч. и проч.»<sup>65</sup>. В начале XX в. в союзе с эсерами областники пытались приспособить общину к современным условиям — путем участия в кооперации. С последней они связывали и дальнейшее развитие самоуправления. В основе их взгляда была либерально-народническая теория о крепком, трудолюбивом старожильческом крестьянстве, которое способно проложить путь к некапиталистической эволюции сибирской деревни. Поддержку же сибирской промышленности областники связывали с привлечением иностранного капитала и вывозом за границу сибирского сырья. Благоприятные возможности для этого открывались, по их мнению, введением порто-франко в устьях Оби и Енисея и развитием судоходства по Северному морскому пути. При этом они сдержанно относились к переселению крестьян из Европейской России и строительству железнодорожных магистралей, видя в последних «сырьевую дорогу», по которой центр будет выкачивать сибирские природные ресурсы, что будет способствовать дальнейшему колониальному закреплению региона.

Менялось отношение сторонников областного движения к введению самоуправления у сибирских аборигенов. «Если у данной народности окрепло ее национальное самосознание, — подчеркивал И.И. Серебренников, — если у нее появилось сознание общности своих интересов и есть культурные силы, способные организовать заведование местными нуждами и пользами инородцев, то нет необходимости препятствовать самоопределению этой народности»<sup>66</sup>. В ведение инородческих автономных объединений

могли бы быть переданы образование на родном языке, местное самоуправление, т.е. все то, что обычно составляет компетенцию земских учреждений. Коренным народам они могли обещать культурно-национальную автономию и представительство в Сибирской областной думе.

Вслед за падением самодержавия в 1917 г. возник ряд организаций областников-автономистов в Томске, Красноярске, Иркутске, Омске, Петрограде, Новониколаевске и других городах. Они вынашивали мысль об объединении под областническими лозунгами всех непролетарских групп в Сибири. Основная задача этих объединений, как отмечал видный участник движения Серебренников, заключалась в разработке вопроса о будущем автономном устройстве Сибири. Областники надеялись, что Временное правительство «в тот же день, когда оно даст демократическую конституцию России, даст Сибири Сибирскую областную думу». Однако осуществить данный замысел областникам не удалось. Сил для создания самостоятельного регионального объединения у них было явно недостаточно.

6—17 октября 1917 г. областникам и их сторонникам удалось провести в Томске Сибирский областной съезд, где главным образом обсуждались вопросы будущего автономного устройства Сибири. Однако на съезде так и не удалось достичь взаимопонимания между автономистами и федералистами.

Октябрьскую революцию и власть большевиков областники не приняли и создали в декабре 1917 г. Чрезвычайный областной сибирский съезд, а в январе следующего года был образован Временный сибирский областной совет. Созыва Сибирской областной думы в Томске большевики не допустили. Среди депутатов преобладали эсеры. Часть избежавших ареста депутатов смогли нелегально сформировать Временное правительство автономной Сибири. Но это правительство оказалось нежизнеспособным, и сразу же после своего создания его члены бежали на Дальний Восток. После свержения в Сибири летом 1918 г. власти большевиков областники поддержали Временное Сибирское правительство, которое декларировало, что не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от России и будет прилагать все усилия к воссозданию Российской государственности. В этот период возобновила свою деятельность и Сибирская областная дума. Установление колчаковской диктатуры усугубило существовавшие и ранее разногласия в лагере областников, что привело к окончательному краху областнического движения<sup>67</sup>.

Свою деятельность сторонники движения продолжили в эмиграции<sup>68</sup>. Но теперь проблему автономизации Сибири они разрабатывали с учетом опыта советского строительства. Характерно, что во всех теоретических разработках категорически отрицались сепаратистские идеи.

В целом областнические представления второй половины XIX — начала XX в. органически вписывались в западноевропейскую теорию развития цивилизации. Побывавший в Сибири в 1913 г. выдающийся норвежский ученый-путешественник и общественный деятель Ф. Нансен вполне естественным считал существование здесь «значительной партии, мечтающей о гомруле; эта партия находит, что для такой обширной страны, как Россия, недостаточно центрального правительства и одной общей Думы, которой приходится ведать все дела, и большие и малые, и которая поэтому не может достаточно вникать в местные интересы отдельных областей. Для Сибири нужна, по мнению этой партии, особая Дума и особые органы местного самоуправления, обслуживающие исключительно одну Сибирь»<sup>69</sup>.

Есть два способа управлять такими громадными территориями, как Россия. Первый — когда большую роль играет местное самоуправление, избранное населением и отчасти контролируемое центром. Второй путь — централизаторский, когда сверху донизу — жесткая административная вертикаль, решающая все вопросы и подменяющая местное самоуправление. Запад пошел первым путем. В России довольно долго (до конца XVII в.) города, окраины, в том числе Сибирь, норовили выбирать воевод, сами управлять своими делами. Однако к началу XVIII в. центр сокрушил старинные вольности и воцарилась сверхцентрализация, усиливающаяся на каждом витке развития государства. Но рынок и демократия не могут эффективно развиваться в этих условиях. Поэтому децентрализация, регионализация управления — объективная закономерность процесса реформирования российского общества. В этом смысле история сибирского областничества не просто представляет интерес, но несомненно значима и практически.

---

<sup>1</sup> Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. 7. С. 126.

<sup>2</sup> Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 158; Ядринцев Н.М. Воспоминания о Томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 283.

- <sup>3</sup> *Маджаров А.С.* Афанасий Шапов. Иркутск, 1992.
- <sup>4</sup> *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. Пг., 1919. Т. 12. С. 275.
- <sup>5</sup> Там же. Пг., 1920. Т. 16. С. 387.
- <sup>6</sup> Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 2. С. 76.
- <sup>7</sup> *Потанин Г.Н.* Воспоминания. С. 160.
- <sup>8</sup> *Потанин Г.Н.* Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 196.
- <sup>9</sup> *Ядринцев Н.М.* Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. 5 марта.
- <sup>10</sup> *Потанин Г.Н.* Заметки о Западной Сибири. С. 202.
- <sup>11</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 18756. Л. 26.
- <sup>12</sup> Известия Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1925. Т. 4. Вып. 1. С. 95, 96, 101.
- <sup>13</sup> *Шашков С.С.* Очерки Сибири в историческом и экономическом отношении // Библиотека для чтения. 1862. № 10. С. 54—55.
- <sup>14</sup> Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 748.
- <sup>15</sup> *Потанин Г.Н.* Воспоминания. С. 203.
- <sup>16</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1865. Д. 196. Л. 13—16; Оп. 1868. Д. 154. Л. 18.
- <sup>17</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18485. Л. 34; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1865. Д. 196. Л. 31—32.
- <sup>18</sup> *Потанин Г.Н.* Воспоминания. С. 204. Позднее эту версию без ссылки на первоисточник воспроизвел И.И. Попов. См.: *Попов И.И.* Потанин и областничество // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 295.
- <sup>19</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18489. Л. 42.
- <sup>20</sup> *Шиловский М.В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50—60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989. С. 133—134.
- <sup>21</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18489. Л. 63.
- <sup>22</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1865. Д. 196. Л. 68.
- <sup>23</sup> Там же. Л. 7.
- <sup>24</sup> *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929. С. 110.
- <sup>25</sup> Государственный архив Новосибирской области. Ф. 5. Оп. 2. Д. 13. Л. 137.
- <sup>26</sup> Там же. Л. 381.
- <sup>27</sup> *Круссер Г.В.* Сибирские областники. Новосибирск, 1930. С. 104, 107.
- <sup>28</sup> *Шиловский М.В.* Указ. соч. С. 140.
- <sup>29</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1868. Д. 154. Л. 19.
- <sup>30</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18489. Л. 27—42.
- <sup>31</sup> *Березин И.И.* Метрополия и колония // Отечественные записки. 1858. № 3—5.
- <sup>32</sup> *Потанин Т.Н.* Воспоминания. С. 80.
- <sup>33</sup> *Пейзын Г.Г.* Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. 1859. № 9.
- <sup>34</sup> Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 58.
- <sup>35</sup> Там же. С. 65—66.
- <sup>36</sup> Там же. С. 92.

- <sup>37</sup> Восточное обозрение. 1884. 13 сент. и 4 окт.
- <sup>38</sup> Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 24—25.
- <sup>39</sup> Неделя. 1872. № 39—40.
- <sup>40</sup> Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. С. 52.
- <sup>41</sup> Там же. С. 85.
- <sup>42</sup> Эту же мысль Н.М. Ядринцев повторил на страницах газеты «Неделя» (Неделя. 1873. 4 февр.).
- <sup>43</sup> Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. С. 113.
- <sup>44</sup> *Ядринцев Н.М.* Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919. С. 153—154.
- <sup>45</sup> Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. С. 200.
- <sup>46</sup> Там же. С. 87.
- <sup>47</sup> Там же. С. 37.
- <sup>48</sup> Там же. С. 38.
- <sup>49</sup> Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. С. 99—100.
- <sup>50</sup> Там же. С. 97.
- <sup>51</sup> ГАОО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 18753. Л. 8—9.
- <sup>52</sup> Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. С. 76.
- <sup>53</sup> *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 71, 79.
- <sup>54</sup> Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 120.
- <sup>55</sup> Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. С. 120.
- <sup>56</sup> Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. С. 120.
- <sup>57</sup> Там же. Т. 2. С. 79.
- <sup>58</sup> *Потанин Г.Н.* Воспоминания. С. 211.
- <sup>59</sup> *Хрох М.* Ориентация в типологии // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 15.
- <sup>60</sup> *Щапов А.П.* Сочинения. СПб., 1906. Т. 2. С. 367.
- <sup>61</sup> *Щапов А.П.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. Сиб. отдела РГО. Иркутск, 1873. Т. 3. № 5. С. 250, 253, 261.
- <sup>62</sup> *Головачев П.* Сибирь (природа, люди, жизнь). М., 1902. С. 144; *Адрианов А.В.* Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 30; *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 268.
- <sup>63</sup> *Потанин Г.Н.* Будущее сибирской областной тенденции // Сибирская жизнь. 1907. 6 июля.
- <sup>64</sup> *Витте С.Ю.* Перепутье (Записка Николаю II) // Новое время. 1994. № 32. С. 44.
- <sup>65</sup> *Жерновков Г.* Наши письма // Обская жизнь. Новониколаевск, 1911. 2 дек.
- <sup>66</sup> *Серебренников И.И.* Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917. С. 12.
- <sup>67</sup> Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003.
- <sup>68</sup> *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003.
- <sup>69</sup> *Нансен Ф.* В страну будущего 1913 г. Магадан, 1969. С. 203.

## Приложение 1

# СИБИРСКИЕ НАМЕСТНИКИ, ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ И ГУБЕРНАТОРЫ\*

### СИБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Сибирская губерния учреждена указом 18 декабря 1708 г., губернским городом был назначен Тобольск (ПСЗ-1. № 2218). В 1764 г. из ее состава выделена Иркутская губерния, оставшаяся часть получила название Тобольской губернии.

### СИБИРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Гагарин Матвей Петрович, кн. 1708 — 11.01.1719

Черкасский Алексей Михайлович, кн. 25.01.1719— 15.01.1724

Долгорукий (Долгоруков) Михаил Владимирович, кн., д.т.с. 15.03.1724 — апр. 1730

Плещеев Алексей Львович, т.с. 28.09.1730—30.01.1736

Бутурлин Петр Иванович, бригадир 8.03.1736—1740

Шипов Иван Афанасьевич, ген.-м. 17.09.1740—21.11.1742

\* Губернии Российской империи. История и руководители. 1708—1917. М., 2003; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. М., 2001; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1; Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000; *Бердников Л.П.* Вся красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления (1822—1916). Факты, события, люди. Красноярск, 1995; *Константинова Т.А.* Губернаторы Забайкалья 1851—1917 гг. Чита, 2001; Власть в Сибири XVI — начала XX в. Новосибирск, 2002.





Сухарев Алексей Михайлович, ген.-пор. нояб. 1742—1752  
Мятлев Василий Алексеевич, ген.-л. 29.03.1753—20.01.1757  
Соймонов Федор Иванович, т.с. 1757—1763  
Чичерин Денис Иванович ген.-м. (ген.-пор.) 10.04.1763—7.05.1780  
Осипов Григорий Михайлович, ген.-м. 7.05.1780 — сент. 1784

## СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

### СИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Селифонтов Иван Осипович, д.т.с. 23.05.1803 — июнь 1806  
Пестель Иван Борисович, т.с. июнь 1806—22.03.1819  
Сперанский Михаил Михайлович, т.с. 22.03.1819—1822

## ЗАПАДНОСИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

Генерал-губернаторство Западной Сибири учреждено 22 июля 1822 г. (ПСЗ-I. № 29125); упразднено 18 мая 1882 г. (ПСЗ-III. № 886).

### ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Капцевич Петр Михайлович, ген.от инф. 22.07.1822—25.07.1827  
Вельяминов Иван Алексеевич, ген.от инф. 25.07.1827—28.09.1834  
Сулима Николай Семенович, ген.-л. 28.09.1834—28.01.1836  
Горчаков 2-й Петр Дмитриевич, князь, ген.от инф. 28.01.1836—13.12.1850  
Гасфорд Густав Христианович, ген.от инф. 19.12.1850—13.01.1861  
Дюгамель Александр Осипович (Иосифович), ген.от инф. 13.01.1861—28.10.1866  
Хрушов Александр Петрович, ген.-л. 28.10.1866—1.01.1875  
Кознаков Николай Геннадьевич, ген.-ад., ген.-л. 1.01.1875—19.02.1881  
Мещеринов Григорий Васильевич ген.-ад., ген.-л. 19.02.1881—25.05.1882

## ВОСТОЧНОСИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

Учреждено 22 июля 1822 г., преобразовано 21 июня 1887 г. в Иркутское генерал-губернаторство.

### ВОСТОЧНОСИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Лавинский Александр Степанович, д.т.с. 22.07.1822—6.12.1833

Сулима Николай Семенович, ген.-л. 6.12.1833—28.09.1834

Броневский Семен Богданович, ген.-л., и.д. (утв. 6.12.1835)  
28.09.1834—29.07.1837

Руперт Вильгельм Яковлевич, ген.-л. 30.07.1837—29.06.1847

Муравьев-Амурский Николай Николаевич, гр., ген.-ад. ген. от инф., и.д. (утв. 6.12.1849) 5.09.1847—19.02.1861

Корсаков Михаил Семенович, ген.-л., и.д. (утв. 19.04.1864)  
19.02.1861—21.01.1871

Синельников Николай Петрович, ген. от кав. 21.01.1871—14.12.1873

Фредерикс Платон Александрович, бар. ген.-ад. ген.-л. 14.12.1873—  
10.08.1879

Анучин Дмитрий Гаврилович, ген.-л. 7.12.1879—1.01.1885

Игнатьев Алексей Павлович, гр. ген.-м. и.д. (утв. 25.12.1886)  
4.01.1885—1.09.1887

### ИРКУТСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

2.06.1887 учреждено Иркутское генерал-губернаторство;  
12.06.1899 присвоено наименование — иркутский военный генерал-губернатор.

Игнатьев Алексей Павлович, гр. ген.-л. 2.09.1887—13.05.1889

Горемыкин Александр Дмитриевич, ген. от инф. 26.05.1889—  
9.04.1900

Пантелеев Александр Ильич, ген.-л. 20.04.1900—24.05.1903

Кутайсов Павел Ипполитович, ген. от инф. 24.05.1903—1.01.1906

Селиванов Андрей Николаевич, ген.-л. 29.04.1906—24.07.1910

Князев Леонид Михайлович, т.с., егермейстер 24.07.1910—13.02.1916

Белецкий Степан Петрович 13.02.1916—15.03.1916

Пильц Александр Иванович, д.т.с. 15.03.1916—4.03.1917

## ТОБОЛЬСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО

Тобольское наместничество учреждено указом 19 января 1782 г. (ПСЗ-I. № 15327).

### ПРАВИТЕЛИ ТОБОЛЬСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

Желтухин Федор Федорович, с.с. сент. 1784—8.04.1785  
Протопопов Сергей Иванович, с.с., и.д. апр. 1785—15.01.1787  
Алябьев Александр Васильевич, с.с. (д.с.с.) 15.01.1787—1796

## ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

12 декабря 1796 г. Тобольское наместничество переименовано в губернию (ПСЗ -I. № 17634).

### ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Толстой Александр Григорьевич, д.с.с. 1796—28.07.1797  
Кошелев Дмитрий Родионович, д.с.с. сент. 1797—20.03.1802  
Гермес Богдан Андреевич, д.с.с. 1802—1806  
Корнилов Алексей Михайлович, д.с.с. 1806 — дек. 1807  
Шишков Михаил Антонович, д.с.с. 1808—2.04.1810  
Брин фон Франц Абрамович, д.с.с. 26.07.1810— 28.07.1821  
Осипов Александр Степанович, д.с.с. авг. 1821—12.12.1823  
Тургенев Александр Михайлович, с.с. 12.12.1823 — март 1825  
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич, д.с.с. март 1825—  
30.07.1828  
Нагибин Василий Афанасьевич, с.с. (и.д.) 30.07.1828—12.03.1831  
Сомов Петр Дмитриевич, с.с. 12.03.1831—5.05.1832  
с 5.05.1832 по 5.05.1835 — вакансия  
Муравьев Александр Николаевич, с.с. (и.д.) 30.10.1832—21.12.1833  
Копылов Василий Иванович, с.с. 5.05.1835—23.06.1835  
Ковалев Иван Гаврилович, д.с.с. 23.06.1835—25.06.1836  
Повало-Швуйковский Христофор Христофорович, с.с. (и.д.)  
25.06.1836—17.02.1839  
Талызин Иван Дмитриевич, д.с.с. 17.02.1839—18.06.1840  
Ладьженский Михаил Васильевич, д.с.с. 18.06.1840—3.05.1844  
Энгельке Кирилл Кириллович (Карл Федорович), д.с.с. 4.04.1845—  
4.03.1852

Прокофьев Тихон Федорович, д.с.с. 4.03.1852—16.03.1854  
Арцимович Виктор Антонович, камер-юнк., д.с.с. 16.03.1854—  
27.07.1858  
Виноградский Александр Васильевич, д.с.с. 20.03.1859—23.11.1862  
Деспот-Зенович Александр Иванович, д.с.с. 23.11.1862—28.07.1867  
Чебыкин Порфирий Васильевич, ген.-м. 28.07.1867—10.07.1868  
Соллогуб Андрей (Адриан) Степанович, ген.-м. 10.07.1868—  
24.08.1874  
Пелино Юрий Петрович, д.с.с. (т.с.) 29.11.1874—1.01.1878  
Лысогорский Владимир Андреевич, д.с.с. (т.с.) 7.06.1878—17.02.1886  
Тройницкий Владимир Александрович, д.с.с. 6.03.1886—10.12.1892  
Богданович Николай Модестович, с.с. (и.д.) 10.12.1892—8.03.1896  
Князев Леонтий (Леонид) Михайлович, д.с.с. 12.04.1896—29.01.1901  
Лаппа-Старженецкий Андрей (Александр) Павлович, д.с.с.  
29.01.1901—29.12.1905  
Гондатти Николай Львович, д.с.с. камергер 13.01.1906—19.09.1908  
Гагман фон Дмитрий Федорович, с.с. 19.09.1908—8.02.1912  
Станкевич Андрей Афанасьевич, д.с.с. 8.02.1912—13.11.1915  
Ордовский-Танаевский Николай Александрович, д.с.с. 13.11.1915—  
14.03.1917

## ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ

26.02.1804 из Тобольской губернии выделена Томская губерния  
(ПСЗ-I. № 21183).

### ТОМСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Хвостов Василий Семенович, д.с.с. 6.08.1803—1809  
Брин (фон) Франц Абрамович, д.с.с. 1809—26.07.1810  
Марченко Василий Романович, с.с. 1810—1812  
Илличевский Дамиан Васильевич, д.с.с. 1812—1819  
Соколовский Игнатий Иванович, с.с. 1819—1822  
Фролов Петр Кузьмич, ген.-м. 22.07.1822—29.04.1830  
Ковалевский Евграф Петрович, ген.-м. 8.05.1830—1835  
Шленев Николай Алексеевич, ген.-м. 29.11.1835—4.11.1837  
Бегер Франц Францевич, ген.-м. 8.04.1838—27.12.1840  
Татаринов Степан Петрович, ген.-м. 27.12.1840—20.01.1847  
Аносов Павел Петрович, ген.-м. 28.02.1847—13.05.1851  
Бекман Валериян Александрович, ген.-м. 8.06.1851—1.11.1857

Озерский Александр Дмитриевич, ген.-м. 1.11.1857—5.01.1864  
Лерхе Герман Густавович, д.с.с. и.д. (утв.27.11.1864) 17.01.1864—  
18.02.1868  
Родзянко Николай Васильевич, д.с.с. 31.03.1868—12.10.1871  
Супруненко Андрей Петрович, д.с.с. 12.11.1871—19.09.1879  
Мерцалов Василий Иванович, с.с. (д.с.с.) 7.03.1880—7.04.1883  
Красовский Иван Иванович, камергер, д.с.с. 7.04.1883—28.06.1885  
Анисьин Алексей Федорович, д.с.с. 8.08.1885—5.02.1887  
Лакс Антон Иванович, ген.-м. 5.04.1887—1.04.1888  
Булюбаш Александр Петрович, д.с.с. 5.05.1888—22.01.1889  
Тобизен Герман Августович, гофм., т.с. 8.03.1890—24.03.1895  
Ломачевский Асинкрит Асинкритович, ген.-м. 20.04.1895—30.01.1900  
Вяземский Сергей Александрович, кн., д.с.с. 3.02.1900—23.07.1903  
Старынкевич Константин Сократович, ген.-м. 23.07.1903—23.12.1904  
Азанчевский-Азанчиев Всеволод Николаевич, камергер, с.с.  
23.12.1904—6.10.1905  
Нольке фон Карл Станиславович, бар., полк. (ген.-м.) 6.10.1905—  
14.09.1908  
Гондатти Николай Львович, камергер, д.с.с. 1908—29.01.1911  
Гран Петр Карлович, с.с. 28.02.1911—1914  
Дудинский Владимир Николаевич, д.с.с. 1914—1917

## ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Учреждена 19 октября 1764 г. (ПСЗ. № 12269), в 1783 г. преобразована в Иркутское наместничество в составе четырех областей (Иркутской, Нерчинской, Охотской и Якутской). Указом 12 декабря 1796 г. стала вновь губернией (ПСЗ-I. № 17634).

### ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Якоби Иван Варфоломеевич, ген.-пор. 1783—1787  
Пиль Иван Алферьевич, ген.-пор. 1787—1793

### ИРКУТСКИЕ ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Трейден Христофор Андреевич, ген.-л. 1797—1798  
Лещано Борис Борисович, ген. от инф. 1799—1800  
Лебедев Николай Петрович, ген.-л. 1800—1803

## ИРКУТСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Фраендорф Карл Львович, ген.-м. 1765—1767  
Бриль Адам Иванович, ген.-пор. 1767—1776  
Немцов Федор Глебович, бригадир 1776—1779  
Кличка Франц Николаевич, ген.-м. 1779—1783

## ПРАВИТЕЛИ НАМЕСТНИЧЕСТВА

Ламб Иван Варфоломеевич, ген.-м. 1783—1786  
Арсеньев Михаил Михайлович, ген.-м. 1786—1791  
Нагель Илларион Тимофеевич, ген.-м. 1791—13.12.1797

## ИРКУТСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Аршеневский Петр Яковлевич, т.с. 5.09.1798—25.09.1798  
Толстой Алексей Иванович, д.с.с. 25.09.1798—1800  
Репьев Иван Николаевич, д.с.с. 1801—1804  
Картвелин Николай Петрович, ген.-м. 1804—1805  
Корнилов Алексей Михайлович, д.с.с. 1805—1806  
Трескин Николай Иванович, д.с.с. 1806—1819  
Зеркалеев Иван Семенович, (и.д.) д.с.с. 1819—1821  
Цейдлер Иван Богданович, д.с.с. 25.06.1821—29.06.1835  
Евсевьев Алексей Николаевич, д.с.с. 29.06.1835—11.03.1838  
Левшин Алексей Ираклиевич, д.с.с. 11.03.1838—26.01.1839  
Пятницкий Андрей Васильевич, д.с.с. 26.01.1839—10.05.1848  
Зарин Владимир Николаевич, д.с.с. 10.05.1848—29.06.1851  
Венцель фон Карл Карлович, ген.-л. 3.07.1851—14.12.1859  
Извольский Петр Александрович, д.с.с. (и.д.) 18.12.1859—  
23.03.1862  
Щербатский Николай Федорович, ген.-м. 23.03.1862—13.01.1864  
Шелашников Константин Николаевич, ген.-м. 23.01.1864—20.04.1880  
Педашенко Иван Константинович, ген.-л. 20.04.1880—17.05.1882  
Носович Сергей Иванович, ген.-м. 17.05.1882—9.02.1886  
Коленко Владимир Захарович, с.с. (д.с.с.) 6.03.1886—12.05.1889  
Светлицкий Константин Николаевич, ген.-м. 12.05.1889—24.01.1897  
Моллериус Иван Петрович, д.с.с. 1.02.1897—18.02.1905  
Кайгородов Михаил Николаевич, ген.-м., май 1905—01.02.1906  
Моллериус Иван Петрович, д.с.с. 21.01.1906—18.02.1908

Гран Петр Карлович, д.с.с. 12.05.1908—1911  
Бантыш Федор Александрович, д.с.с. 28.02.1911—1913  
Юган Александр Николаевич, д.с.с. 1913—4.03.1917

## ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Учреждена 22 июля 1822 г. с центром в Красноярске (ПСЗ-I. № 28892).

### ЕНИСЕЙСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Степанов Александр Петрович, д.с.с. 1823—26.04.1831  
Рославец (Рословцев) Виктор Яковлевич, с.с. 26.04.1831—21.06.1831  
Ковалев Иван Гаврилович, д.с.с. 2.07.1831—23.06.1835  
Копылов Василий Иванович, с.с. (д.с.с.) 23.06.1835—20.06.1845  
Падалка Василий Кириллович, с.с. (т.с.) 10.04.1845—14.07.1861  
Замятнин Павел Николаевич, ген.-м. 6.12.1861—29.02.1868  
Чарторижский Лев Иванович, ген.-м. 29.02.1868—24.05.1868  
Лохвицкий Аполлон Давыдович, д.с.с. (т.с.) 14.08.1868—8.05.1882  
Педашенко Иван Константинович, ген.-л. 17.05.1882—1.01.1890  
Теляковский Леонид Константинович, д.с.с. (т.с.) 1.01.1890—24.01.1897  
Светлицкий Константин Николаевич, ген.-м. 24.01.1897—9.01.1898  
Плец Михаил Александрович, д.с.с. 9.01.1898—28.05.1902  
Айгустов Николай Александрович, ген.-м. 28.05.1903—8.11.1905  
Давыдов Виктор Федорович, (и.д.) с.с. 8.11.1905—5.08.1906  
Гирс Александр Николаевич, с.с. 5.08.1906—30.06.1909  
Бологовский Яков Дмитриев, (и.д.) д.с.с. 30.06.1909—1913  
Крафт Иван Иванович, д.с.с. 1913—1914  
Кашкарев Борис Дмитриевич, с.с. 1914  
Хозиков Иван Владимирович, с.с., камергер 1915  
Гололобов Яков Георгиевич, (и.д.) д.с.с. 1915—1917

## ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Образована 11 июля 1851 г. (ПСЗ-II. № 25394).

### ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Запольский Павел Иванович, ген.-м. 28.10.1851—9.08.1855  
Корсаков Михаил Семенович, ген.-м. 14.12.1855—16.05.1860

- Жуковский Евгений Михайлович, ген.-м. (и.д.) (утв. 26.02.1861)  
ген.-л. 16.05.1860—11.09.1863
- Дитмар Николай Петрович, ген.-л. и.д. (утв. 26.10.1864) 2.02.1864—  
19.04.1874
- Педашенко Иван Константинович, ген.-м. (ген.л.) 29.05.1874—  
18.04.1880
- Ильяшевич Лука Иванович, ген.-м. 18.04.1880—15.03.1884
- Барабаш Яков Федорович, ген.-м. 24.06.1884—6.02.1888
- Хорошхин Михаил Павлович, ген.-м. 22.02.1888—16.05.1893
- Мациевский Евгений Осипович, ген.-м. (ген.-л.) 27.05.1893—  
7.04.1901
- Надаров Иван Павлович, ген.-л. 9.05.1901—5.07.1904
- Холшевников Иван Васильевич, ген.-л. 5.07.1904—23.02.1906
- Сычевский Аркадий Валерианович, ген.-м. 23.02.1906—22.08.1906
- Эбелов Михаил Исаевич, ген.-м. 25.10.1906—01.1910
- Косов Василий Иванович, ген.-л. 23.01.1910—23.03.1912
- Кияшко Андрей Иванович 23.03.1913—1917
- Мустафин Владимир Андреевич, ген.-м. 1917

ЭтНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО  
Востока в XVIII — начале XX в.<sup>1</sup>

Годы	1709	1796 —1797	1858	1897	1911
Русские и прочие пришлые	229 227	575 800	22 888 036	4 889 633	8 393 469
Инородцы	200 000	363 362	648 000	870 536	972 866
Всего	429 227	939 162	2 936 036	5 760 169	9 366 335

Годы	Русские	Татары	Якуты и долганы	Монголы и буряты	Финны	Евреи	Самоеды	Палеоазиаты	Тунгусы	Киргизы (казахи)
1897	4 651 313	210 570	226 739	289 112	69 107	33 704	12 502	32 093	76 504	32 876
1911	7 995 620	245 586	246 405	332 656	81 545	53 971	14 986	37 982	75 204	37 982

## ВЕРОИСПОВЕДНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА<sup>2</sup>

	Православные и единоверцы		Старообрядцы и уклонившиеся от православия		Католики		Лютеране		Прочие христиан- ских исповеданий		Иудеи		Магометане		Буддисты, ламансты, конфуциане		Прочие нехристиан- ских исповеданий		Всего	
	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911
Губерния / годы	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911	1797	1911
Тобольская	1 275 562	1 779 457	72 600	90 000	7341	12 335	6119	12 729	89	--	2463	2700	64 880	73 000	3	--	4538	5000	1 433 595	1 975 239
Томская	1 743 704	3 399 343	99 055	140 000	8973	39 000	1945	21 000	225	100	7899	16 055	40 201	33 798	43	450	25 887	24 000	1 927 932	3 673 746
Енисейская	534 665	900 096	12 077	17 960	6342	16 343	3871	15 951	104	972	6167	8455	5027	5896	28	215	1974	521	570 255	966 409
Иркутская	429 104	643 500	1991	4000	4224	6300	824	1000	199	200	7478	10 000	7599	8000	11 609	25 000	52 042	52 000	515 070	750 000
Якутская	263 876	274 000	1062	805	451	100	212	52	18	--	714	616	1909	1164	3	250	946	200	269 191	277 187
Забайкальская	443 044	597 728	36 623	54 734	1869	6950	666	2607	82	--	7973	14 770	3182	3475	174 227	184 284	4406	4342	672 072	868 790
Амурская	91 621	207 566	14 308	40 445	423	1999	205	494	522	618	392	258	665	1265	8417	33 618	3753	--	120 306	286 263
Приморская	140 836	396 171	1711	6259	3689	6577	1057	3789	75	745	1591	981	1281	1532	52 782	101 305	20 835	6481	223 635	523 840
Камчатская <sup>3</sup>		19 428		--		--		--		--		--			12			16 572		36 012
Сахалин	19 534	5500	215	93	1839	369	492	54	125	--	116	21	1843	273	444	839	3505	1700	28 113	8849
Всего	4 941 724	8 222 807	239 642	354 296	35 151	89 973	15 391	57 676	1439	2635	34 793	53 856	126 587	128 403	247 556	345 873	117 886	110 816	5 760 169	9 366 335

Численность и сословный состав мужского населения  
Сибири по материалам ревизий, чел.<sup>4</sup>

Ревизии	Все население России	Все население Сибири	Государственные крестьяне Сибири <sup>7</sup>	Крепостные крестьяне Сибири, включая экономических <sup>6</sup>	Городские сословия Сибири <sup>7</sup>	Состоящие на льготе <sup>8</sup>	Неподатные сословия Сибири <sup>7</sup>
1-я ревизия (1719 г.)	7 788 927	241 084	241 084	11 872	17 725	--	49 445
2-я ревизия (1744 г.)	9 095 534	306 243	306 243	12 703	74 647	--	24 583
3-я ревизия (1762 г.)	11 617 692	392 742	392 742	16 378	24 261	--	12 431
4-я ревизия (1782 г.)	14 205 112	552 120	552 120	20 363	27 241	--	43 916
5-я ревизия (1795 г.)	18 617 650	594 618	594 618	21 467	30 324	--	42 975
6-я ревизия (1811 г.)	20 863 146	682 597	682 597	2765	31 200	--	51 029
7-я ревизия (1815 г.)	21 538 207	871 352	871 352	2497	29 836	6262	112 628
8-я ревизия (1833 г.)	25 957 670	1 045 961	1 045 961	2187	36 950	22 453	264 883
9-я ревизия (1850 г.)	28 555 360	1 437 680	1 437 680	1661	41 839	41 836	359 586
10-я ревизия (1857 г.)	29 608 058	1 335 661	1 335 661	1694	41 605	62 777	137 189

НАСЕЛЕНИЕ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ  
ЦЕНТРОВ СИБИРИ, ЧЕЛ.<sup>10</sup>

Город / год	1897	1910
<b>Омск</b>	37 376	127 865
<b>Томск</b>	52 225	107 711
<b>Владивосток</b>	28 933	90 582
<b>Иркутск</b>	51 533	75 697
<b>Красноярск</b>	25 126	68 254
<b>Чита</b>	11 522	68 211
<b>Новониколаевск</b>	--	52 695
<b>Благовещенск</b>	32 834	52 000
<b>Барнаул</b>	29 331	46 041
<b>Хабаровск</b>	--	41 049
<b>Тюмень</b>	29 220	32 673
<b>Тобольск</b>	20 433	21 056
<b>Якутск</b>	6532	7963

---

<sup>1</sup> Турчанинов Н.В. Население Азиатской России. Статистический очерк // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 81—85.

<sup>2</sup> Лобимов П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 241—242.

<sup>3</sup> Камчатская область образована в 1909 г.

<sup>4</sup> Кабузан В.М. Изменение и размещение населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. Приложение 2; Зверев В.А., Кузнецова Ф.С. История Сибири: Хрестоматия по истории Сибири. Часть 1: XVII — начало XX в. Новосибирск, 2003. С. 212.

<sup>5</sup> В состав государственных крестьян с 1-й по 7-ю ревизию включены приписные и иноверцы Сибири. С 8-й ревизии аборигенное население (сибирские инородцы) показано в составе неподатного населения.

<sup>6</sup> В составе крепостных крестьян с 1-й по 5-ю ревизию включены церковные и монастырские (с 1762 г. — экономические) крестьяне. С 6-й ревизии они включены в состав государственных крестьян.

<sup>7</sup> В составе городских сословий по 1-й и 2-й ревизиям учитывались посадские и разночинцы, проживающие в городах. С 3-й ревизии в составе городских сословий — мещане и купцы.

<sup>8</sup> Пострадавшие от стихийных бедствий и переселенцы.

<sup>9</sup> Потомственные и личные дворяне, духовенство, иностранцы, ямщики (до 1824 г.), казаки, регулярная армия, отставные служители.

<sup>10</sup> Таблица составлена по данным: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 348—351; Города России в 1910 г. СПб., 1914. С. 1020, 1021, 1090.

## СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1—2.
- Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. М.; Новосибирск, 2003.
- Алтушуллер М.И.* Земство в Сибири. Томск, 1916.
- Барсуков А.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. 1—2.
- Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX в. Новосибирск, 1991.
- Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1—2.
- Волчек В.А.* Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006.
- Востротин С.В.* Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908.
- Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1—2.
- Гочаров Ю.М., Старцев А.В.* История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999.
- Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Перцева Т.А., Ремнев А.В.* М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003.
- Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1983.
- Дамешек Л.М.* Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1983.
- Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002.
- Зверев В.А., Зувев А.С., Кузнецова Ф.С.* Ч. 2. Сибирь в составе Российской империи. Новосибирск, 1999.
- Зувев А.С.* Русские и абorigены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002.
- Зувев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1994.
- История Сибири. Л., 1968. Т. 2—3.
- Кабузан В.М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII—начале XX в. (1795—1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3.
- Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения: XIX — начало XX в. Томск, 2004.
- Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Кауфман А.А.* Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886—1892 гг. СПб., 1897.
- Кеннан Д.* Сибирь и ссылка. СПб., 1906.
- Ковалышкина Е.П.* «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.
- Кодан С.В.* Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия в первой половине XIX в. Учебное пособие. Иркутск, 1980.

- Кодан С.В.* Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983.
- Конов А.Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII—начало XX в.). М., 1995.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
- Кубалов Б.Г. А.И.* Герцен и общественность Сибири (1855—1862). Иркутск, 1958.
- Ламин В.А.* Золотой след Сибири. Новосибирск, 2002.
- Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987.
- Марголис А.Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России. М., 1995.
- Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2002.
- Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. Новосибирск, 1998.
- Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII—первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.
- Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.
- Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.
- Очерки истории белорусов в Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск, 2001.
- Прутченко С.М.* Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1—2.
- Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
- Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.
- Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: Общее и особенное. Новосибирск, 2001.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX —начала XX в. Омск, 1997.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX—начала XX в. Омск, 2004.
- Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983.
- Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976.
- Саломон А.П.* Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного состояния. СПб., 1900.
- Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. М., 1978.
- Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930.
- Сверкунова Н.В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.

*Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII—XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.

*Соловьева Е. И.* Промыслы сибирских крестьян в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

*Суходолов А.П.* Сибирь в начале XX в.: территория и границы, города, транспортные магистрали, сельское хозяйство. Иркутск, 1996.

*Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979.

*Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832—1917): Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.

*Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период (1861—1905 гг.). Томск, 1986.

*Шиловский М.В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х—60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989.

*Шеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993.

*Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000.

*Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Тюмень, 2000.

*Coquin F.-X.* La Sibirie. Peuplement et immigration paysanne au XIX-e siecle. Paris, 1969.

The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. L.: Routledge, 1991.

*Marks S.G.* Road to Power. The Trans-Siberian and the Colonization of Asian Russia 1850—1917. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1991.

*Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. Seattle: University of Washington Press, 1956.

*Treadgold D.W.* The Great Siberian Migration. Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, 1957.

*Wood A.* Siberia: Problems and Prospects for Regional Development. L., 1987.

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблажей Н. Н.* 335  
Аввакум 273, 284  
*Агеев А. Д.* 224  
Адрианов А. В. 265, 335  
*Акишин М. О.* 105, 200  
Александр I, император 83, 277  
Александр II, император 118, 312  
Александр III, император 127, 237  
*Александров В. А.* 199  
Александрова В. И. 296  
Алексеев П. А. 296  
*Альциуллер М. И.* 199  
*Андреев Ч. Г.* 225  
*Андреанов А. В.* 327, 328  
*Андриевич В. К.* 73  
*Андрющенко Б. К.* 269  
*Анисимов Е. В.* 199  
Анненков Н. Н. 104, 107, 108, 151  
*Анучин В. И.* 327  
Анучин Д. Г. 22, 124, 193, 236  
Аракчеев А. А. 81, 84, 87  
*Аргудьева Ю. В.* 74  
*Арефьев Н.* 153  
Арсеньев К. И. 17, 31, 37  
*Артемов А. Р.* 225  
Арцимович В. А. 104, 121, 122  
Астырев Н. М. 173, 199  
Афанасьев, штабс—капитан 310
- Бабушкин И. В. 298  
Базилевские, предприниматели 246  
*Базили Н. А.* 145, 153  
Бакунин М. А. 32, 38, 303, 311  
Балакшин А. Н. 304  
Баландин, купец 248  
Балашев А. Д. 83  
Бантыш-Каменский Д. Н. 99, 103  
Бардина С. И. 296  
*Барсуков И. П.* 38, 74, 301  
Басаргин Н. В. 283, 300  
Батеньков Г. С. 85, 105, 276—278  
Бегер Ф. Ф. 99  
Безродный В. К. 103
- Белявский, иркутский чиновник 229  
Беляев А. П. 292, 301  
Бенкендорф А. X. 289, 294  
Берви-Флеровский В. В. 313  
Березин И. И. 334, 315  
Березовский В. И. 305  
Бестужев Н. А. 292, 293  
*Бибо И.* 8, 10  
Благовещенский В. 73  
Благосветлов Г. Е. 317, 320  
Блан Л. 315, 321, 323  
Блудов Д. Н. 235  
Бобришев-Пушкин П. П. 292  
Богдановский А. Е. 199  
Богомолец С. 297  
*Богословский М. М.* 166, 199  
Борисов А. И. 290  
Борисов П. И. 290  
*Бородавкин А. П.* 152  
Ботошковы 250  
Брем А. 283  
Брешко-Брешковская Е. К. 297  
*Бродель Ф.* 14, 26, 35, 36, 73  
Броневский С. Б. 97, 281, 282  
Бронштейн (Троцкий) Л. Д. 298  
Буланов, студент Петербургского университета 304  
Булгарин Ф. В. 32  
Булыгин А. Г. 147  
Булычев И. 243  
Бунге Н. X. 48, 66, 74, 134, 135  
Бурнашев, начальник Нерчинских заводов 290  
Буссе Ф. Ф. 47  
Буташевич-Петрашевский М. В. 25, 293  
Бутков В. П. 108, 110, 126, 133  
Бутовский П. М. 145, 146  
Бэр К. М. 31
- Вагин В. И.* 189, 200  
Вадковский Ф. Ф. 292  
Валиханов Ч. Ч. 305

- Валуев П. А. 134  
 Ванеев А. А. 297  
 Васильев В. П. 17  
 Васильев, советник ГУВС 98  
 Васильчиков Б. А. 27, 37  
 Величко А. П. 100  
 Вельяминов Н. А. 39  
 Венцель К. К. 123  
 Венюков М. И. 115  
 Верховский К. 153  
 Верходанов, купец 248  
 Вешняков В. И. 200  
*Вибе П. П.* 73  
 Вигель Ф. Ф. 17  
 Виноградский А. В. 117  
 Витте С. Ю. 67, 134, 138, 238, 330, 335  
 Владислович-Рагузинский С. Л. 228  
 Воейков А. В. 311  
 Войнаральский П. И. 296  
 Волконская М. Н. 292  
 Волконский С. Г. 290, 291  
 Вологодский П. В. 153, 327  
 Волошинов Н. А. 34, 39  
 Волховский Ф. В. 296  
*Волчек В. А.* 151  
*Воронцова Л. Н.* 153  
 Второвы 261
- Гаврилов Н. А. 299  
 Гагарин М. П. 78  
*Гагемейстер Ю. А.* 14, 36, 248  
*Газенвинкель К. Б.* 43, 73  
 Галкин-Враский М. Н. 74  
 Гарин-Михайловский Н. Г. 27, 37  
 Гасфорд Г. Х. 107, 117, 127, 192  
 Геденштром М. М. 104, 285, 294  
 Генгрос А. Е. 221  
 Герсеванов Н. Б. 38  
 Герцен А. И. 38, 303, 304, 334  
 Гессен В. М. 200  
 Гильфердинг А. Ф. 61, 73  
 Глазенап Г. И. 84  
*Глейнер Р.* 204, 224  
 Гогель И. И. 103  
 Голицын А. Д. 34, 83, 87
- Голицын Г. С. 143  
 Головачев Д. М. 327  
 Головачев П. М. 39, 205, 327, 328, 335  
 Головкин Ю. А. 81  
 Голубев В. С. 297  
 Гончаров И. А. 26, 29, 38  
 Горемыкин А. Д. 33, 117, 139, 147, 148, 194  
 Горемыкин И. Л. 139, 237  
*Горизонтов Л. Е.* 40, 72, 74  
 Горчаков В. Н. 285  
 Горчаков П. Д. 99, 101, 104, 107, 191, 192  
*Горюшкин Л. М.* 299  
*Градовский А. Д.* 105, 199  
*Громыко М. М.* 173, 199  
 Грулев М. 71, 74  
 Гурко В. И. 144  
 Гучков А. И. 145, 153
- Давыдов В. А. 290  
*Дамешек Л. М.* 224, 225  
 Данилевский Н. Я. 18  
 Данилович Г. Г. 70  
*Дворянов В. Н.* 301  
 Девиер А. 273  
 Демидов А. 245  
 Дергачев А. Ю. 299  
 Деспот-Зенович А. И. 115, 117, 122  
 Джабадари И. С. 296  
*Джефферсон Р.* 204, 224  
 Джефферсон Т. 315  
 Джогин П. П. 305  
 Дзержинский Ф. Э. 298  
 Дибич И. И. 289  
*Дижур С.* 299  
 Дитмар Н. П. 116, 122  
 Дмитриев И. И. 82  
 Долгорукий А. Г. 273  
 Долгушин А. В. 296  
 Достоевский Ф. М. 293  
 Дрепер Д. 315  
*Дударенок С. М.* 73  
 Дюгамель А. О. 126

- Евреинов, земский исправник 101  
Екатерина II, императрица 79, 81, 158, 168, 181, 182, 185, 199, 200, 216, 263  
Елизавета Петровна, императрица 245  
Елисеев Г. З. 304  
Ермак 305, 306  
Ермолов А. С. 60
- Жерновков Г. И. 331, 335  
*Жидков Г. П.* 152
- Завалишин Д. И. 64, 74  
Завелейский, чиновник Министерства финансов 103  
Загоскин М. В. 307  
Заичневский П. Г. 304  
*Зайончковский П. А.* 116  
Закревский П. Ф. 250  
*Зверев В. А.* 12, 349  
*Земеров Б. И.* 269  
Зимин Ф. 310  
*Зиновьев В. П.* 37  
Зиновьев Д. И. 209  
Золотин А. Е. 311, 312, 314  
*Зувев А. С.* 12, 299
- Ивановский В. В.* 122, 152, 199  
Игнатъев А. П. 117, 128, 142, 144, 148, 237  
*Игнатъева М. Н.* 152  
Илличевский Д. В. 83, 84  
Ильминский Н. И. 220  
Ильяшевич Л. И. 71  
Иннокентий, архиепископ 65, 71, 74  
Иван Грозный, царь 306  
Ириной, архиепископ 103  
*Исаченко Б. А.* 74  
Иштуин Н. А. 33, 313
- Кабузан В. М.* 225, 300, 349  
Казакевич П. В. 29, 38, 73  
Казнаков Н. Г. 131, 150  
Калашников Т. П. 285  
Каменские, купцы 251
- Кампенгаузен Б. Б. 83  
Канкрин Е. Ф. 251  
Капустин С. Я. 304  
Капцевич П. М. 98, 103, 169, 171, 172, 178  
Каракозов Д. В. 314  
Карпов М. М. 250  
Кауфман А. А. 27, 37, 54, 73  
Каханов М. С. 26  
Кашкин Е. П. 160, 167, 185, 198  
Кельсиев В. И. 38, 33  
Кеннан Д. 24, 37  
*Кирьяков В. В.* 37  
Кирьянов Н. 310  
Киселев П. Д. 104, 130, 179, 191, 192  
*Клер Л. С.* 105, 152, 300  
Ковалик С. Ф. 296  
Ковальская Е. Н. 297  
*Кодан С. В.* 105, 299  
*Кожевникова Н. И.* 74  
Козодавлев О. П. 84  
*Козьмин Б. П.* 334  
*Козьмин Н. Н.* 205, 311, 327  
*Колесников А. Д.* 300  
Колосов Е. Я. 310, 312  
Комаров С. С. 311, 314  
Кон Ф. Я. 297  
Константин Николаевич, вел. кн. 74, 108  
Константин Павлович, вел. кн. 294  
*Копылов А. Н.* 300  
*Коркунов Н. М.* 16, 37, 199  
Корнилов А. А. 153  
Корнилов, купец 251  
Королевы, купцы 251  
Корсаков М. С. 38, 73, 117, 295, 309  
*Корф М. А.* 189, 200  
Корюхов, советник ГУВС 98  
Костомаров Н. И. 302, 303  
Костюшко-Валюжанин А. А. 298  
Котовский В. 296  
Кочешевы, купцы 251  
Кочубей В. П. 83, 87  
Красиков А. 305  
Красин Л. Б. 297  
Кржижановский Г. М. 297  
Кривошеин А. В. 51, 60, 67, 144, 214

- Крижанич Ю. 284  
Кропоткин П. А. 26, 37, 52, 73, 74  
*Круссер Г. В.* 334  
Крутовский Вл. М. 327  
*Крыжановский В.* 152  
Крыжановский С. Е. 68, 74, 153  
*Кузнецов А. С.* 151, 300  
Кузнецов Д. Л. 312, 314  
*Кузнецова Ф. С.* 12, 349  
Куйбышев В. В. 298  
Куклин И. А. 305  
Куколь-Яснопольский С. А. 222, 223  
Куломзин А. Н. 30, 38, 70, 103, 135, 136, 137, 288  
Курнатовский В. К. 298  
Куропаткин А. Н. 52, 64, 73, 74, 222  
Кутайсов П. И. 142, 143, 144, 147  
Кухтерины, купцы 250  
Кэрри Г.-Ч. 315, 323  
*Кюнер Н. В.* 15, 36, 37  
Кюхельбекер В. К. 293
- Лавинский А. С. 103, 190, 281, 290, 294  
Ладыженский М. В. 99  
Ланганс, советник ГУВС 98  
*Лалин Н. А.* 38, 39  
*Лаппо—Данилевский А. С.* 169, 199  
Ларионов О. 309  
Левицкий К. И. 83  
Легра Ж. 136  
Лепарский С. Р. 290  
Лепешинский П. Н. 297  
*Леруа-Болье П.* 31, 38, 315  
*Ливен Д.* 40, 72, 75  
Лид И. 262, 265  
Лопухин П. В. 84  
Лорис-Меликов М. Т. 118  
Лосевы 305  
Лоскутов, нижеудинский исправник 229  
Лукин И. А. 312  
Лукьянов С. М. 28, 38  
Лунин М. С. 293  
*Лурье С. В.* 73  
Львов Г. Е. 55
- Львов Ф. Н. 293  
*Любавский М. К.* 18  
Любимов П. П. 349
- Маджаров А. С.* 334  
*Майков П.* 229  
*Максимов А. Я.* 14, 36  
Мальтус Т. Р. 319  
Мамонтов С. И. 255  
*Мамсик Т. С.* 164, 199, 300  
*Марголис А. Д.* 153, 299, 300  
Маркс К. 315, 323, 325  
Маслов А. П. 99, 102  
Мейендорф Е. К. 31  
Менделеев Д. И. 18, 19  
Меншиков А. Д. 273  
Мерцалов В. И. 117  
Мещерский В. П. 34  
Мигулин П. П. 52, 53, 73  
*Миллер А. И.* 74  
Милль Д. 323  
Милоков П. Н. 24, 181, 199  
Милютин Б. А. 151  
Милютин Д. А. 222  
*Миненко Н. А.* 172, 199  
Миних Б. К. 273  
Миролюбов (Ювачев) И. П. 73  
Михайлов Г. П. 74  
Михайлов М. И. 296  
Михалев 228  
Михельсон Л. А. 261  
Мишо 281  
Моллериус И. П. 117  
Муравьев А. З. 290  
Муравьев Н. В. 147, 288  
Муравьев Н. М. 302  
Муравьев-Амурский Н. Н. 32, 38, 57, 61, 64, 65, 74, 101, 105, 107, 110, 114, 117, 118, 120, 123, 125, 131, 235, 295, 301  
Мусин-Пушкин И. А. 104  
Муханов П. А. 292  
Мышкин И. Н. 296  
Мясников Н. Ф. 251
- Нагаев А. С.* 301  
Нагибин В. А. 99

- Надеждин Н. И. 17, 37  
Налетов, сын забайкальского купца 305  
Нансен Ф. 18, 37, 333, 335  
Наумов Н. И. 305, 309  
Небольсин П. И. 25, 32, 37  
Нессельроде К. В. 272  
Нестеров А. П. 312, 314  
Неустроев К. Г. 296, 297  
Николай I, император 97, 101, 107, 109, 216, 286, 290  
Николай II, император 135, 137, 144, 146, 222  
Николай Александрович, вел. кн., цесаревич 134  
*Никулин В. Н.* 152  
Новиков Н. И. 32  
*Новоселова А. А.* 74  
*Нольде Б. Э.* 21, 37  
Оболенский Е. П. 290  
Обручев Н. С. 296  
Обручев Н. Н. 222  
Огарев Н. П. 33, 38  
Одоевский А. И. 292  
Одоевский Н. И. 77  
Озерский А. Д. 126  
Оланьон К. 204, 224, 225  
*Олех Л. Г.* 12  
Орджоникидзе Г. К. 299  
Орлов А. Ф. 108  
Орлов И. Я. 304  
Осокин Г. М. 38  
  
Павел I, император 80, 167  
Павлиновы Н. М. и Е. М. 305, 312  
Падалка В. К. 116, 117  
Падерин А. П. 106  
Панаевы, предприниматели 246  
Панов Ф. А. 310  
Пантелеев А. И. 142  
*Парусов А. И.* 105  
Патканов С. 225  
Педашенко И. К. 117  
Пейзын Г. Г. 315, 334  
Пелино Ю. П. 309  
Перфильев В. И. 304, 305  
  
Песков М. И. 304  
Пестель И. Б. 81, 82, 83, 84, 105, 229, 230  
Пестель П. И. 302  
Пестерев Н. Н. 305  
Петерсон Н. Л. 135  
Петр I, император 78, 180, 226, 306  
*Петров А. М.* 270  
Петров М. 281, 300  
Пиотровский Р. 294, 301  
Пирожков И. 305  
Пичугин А. П. 310  
Плеве В. К. 137, 142, 143, 144, 240  
Подкорытов А. М. 312  
Поклевский-Козелл А. Ф. 251  
*Покровский Н. Н.* 199  
Пономарев С. 199  
Попов А. Я. 248  
Попов И. И. 330, 334  
Попов С. С. 305, 309  
Попов Ф. И. 248  
Потанин Г. Н. 39, 205, 285, 303—325, 328, 333—335  
Похилевич Л. 57  
Поярков В. Д. 74  
Пржевальский Н. М. 26, 37  
Прудон П.-Ж. 315, 320, 323  
*Прутченко С. М.* 21, 37, 105, 189, 199, 200  
Пугачев Е. И. 294  
Пудеров С. 25  
Пушниковы, купцы 250, 251  
Пушин И. И. 103, 292  
Пушин Н. И. 103  
Пятницкий А. В. 98  
  
Р. Ф. [Фриессе Р.] 75  
*Рабцевич В. В.* 169, 172  
Радде Г. И. 65, 74  
Радищев А. Н. 284, 288, 289  
Раевский В. Ф. 25, 37  
Разин С. Т. 294  
Ребиндер Н. Р. 65, 74  
Рейнер Я. 296  
*Ремнев А. В.* 105, 151, 299  
Репнин И. Б. 77

- Роббинс Р.* 120, 152  
 Рогачев Д. М. 296  
*Романова Г. Н.* 269  
 Рошер В. 315, 316  
*Роцевская Л. П.* 301  
 Руперт В. Я. 104, 107, 280, 281  
*Рыбаковский Л. Л.* 74  
 Рыкачев В. П. 309, 310, 313  
*Рябиков В. В.* 299  
 Рязанов Е. 248
- Саблер С. В. 153  
 Саломон А. П. 147, 287  
 Самсонов А. 309, 310  
*Сандерланд В.* 38, 42, 73  
 Сафьянов Г. П. 269  
*Сватиков С. Г.* 37, 38, 111, 151  
 Светлицкий К. Н. 117  
 Свистунов П. Н. 292  
 Селифонтов И. О. 80, 81  
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 18, 33, 105, 106  
 Сен-Симон А. 315, 323  
 Сент-Альдегонд 104  
*Сердюк М. Б.* 73  
 Серебренников И. И. 205, 331, 335  
 Серебренниковы, купцы 250  
 Серно-Соловьевич Н. А. 33, 296  
 Сибиряков А. 328  
 Сибиряков М. В. 245  
*Сигарева Е. П.* 74  
 Сидоров, студент Петербургского университета 304, 305  
 Сипягин Д. С. 140  
*Скубневский В. А.* 269  
 Словцов П. А. 17, 96, 285  
 Смирнов А. 199  
 Смирнов Н. Я. 46  
 Смит А. 317, 323  
 Соболев М. Н. 200  
*Соболева Т. Н.* 152  
 Созонов Е. С. 298  
 Соймонов Ф. И. 79, 273  
 Сосновский И. В. 60, 153  
 Софронов В. 300  
 Сперанский М. М. 16, 24, 45, 76, 84—90, 94, 95, 105, 106, 151, 160, 177, 179, 187, 188, 189, 190, 200, 212, 230—235, 243, 247, 276—278, 289
- Спешнев Н. А. 293  
 Спиридонова М. А. 299  
 Сталин И. В. 298  
 Стахеевы 261  
 Степанов А. П. 280, 283, 300  
 Степанов О. 209  
 Стишинский А. С. 288  
 Столыпин П. А. 38, 51, 60, 67, 68, 144, 145, 222, 241, 242  
 Страленберг Ф. И. 284  
 Страховский И. М. 195, 200  
 Струве В. Б. 151  
 Струве П. Б. 324  
 Субботины Е. Д. и Н. Д. 296  
 Суворин А. С. 34  
 Суворов В. И. 245  
 Суворов П. П. 26, 37  
 Сулима Н. С. 97  
 Сумароков П. П. 285  
 Сухотин Н. Н. 142, 144  
*Сычевский Е. И.* 243
- Талызин И. Д. 99  
 Тарасенко П. А. 311, 314  
 Татищев А. А. 73  
 Таубе М. А. 141, 142  
 Тахтаров А. А. 314  
 Термен А. И. 30, 38  
 Тернер Ф. Г. 40  
 Тернер Ф. Д. 41  
 Тецков Д. И. 250  
 Токвиль А. де 322, 323, 335  
 Толстой И. Н. 104  
*Топчий А. Т.* 154, 200  
 Трескин Н. И. 82, 83, 212, 228, 229, 230  
 Третьяков, заседатель 229  
*Троицкий С. М.* 225  
 Трубецкой А. Н. 77  
 Трубецкой С. П. 290, 291  
 Турчанинов Н. В. 349  
 Тхоржевский И. И. 68
- Ульянов (Ленин) В. И. 297  
 Уманец Ф. М. 52, 73

- Усов Г. Н. 312, 314  
Усов Гавриил 309, 310  
Усов Ф. Н. 305, 309, 310, 312, 314  
Ушаров Н. В. 311, 321, 314
- Фалькенберг Н. Я. 279, 280  
Федоров-Омулевский И. В. 304, 305  
Федосеев Н. Е. 297  
Фигнер В. Н. 296  
Фик 284  
Фирсов 228  
Фойницкий И. Я. 153, 287, 301  
Фразер Д. Ф. 224  
Франклин Б. 315  
Фредерикс П. А. 117, 236  
Фредерикс, штабс-капитан 309  
Фрунзе М. В. 298
- Хабаров Е. П. 209  
Хаминов И. С. 251  
Хроленок С. Ф. 269  
Хрох М. 325, 335  
Худяков В. Н. 152, 269  
Худяков И. А. 304, 305, 313
- Целинский Н. 296
- Чарушин Н. А. 296  
Чевкин К. В. 103  
Черемховские 261  
Черепанов, купец 248  
Черкасов 5-й 99  
Черносвитов Р. А. 25  
Чернышев А. И. 107, 108  
Чернышевский Н. Г. 296, 303, 311, 323  
Чичерин Д. И. 43, 263
- Шайтанов А. Д. 310, 311, 312, 314, 315  
Шалашников К. Н. 116  
Шарамович Г. 296  
Шашков С. С. 304, 305, 307—313, 317, 334  
Швецов Е. 248  
Шейнфельд М. Б. 225
- Шелашников К. Н. 236  
Шелгунов Н. В. 320  
Шестаков И. А. 27, 37  
Шешуков А. К. 305, 250  
*Шиловский М. В.* 334, 335  
Шипов И. П. 135  
Шишков А. С. 83  
Шкапский О. 73  
Шленев Н. А. 99  
*Шостакович Б. С.* 300  
Штейнгейль В. И. 283, 292, 300  
Шубин А. П. 285  
Шувалов И. И. 245  
Шумяцкий Я. Б. 299
- Щапов А. П. 302, 303, 304, 308, 311, 327, 334, 335  
*Щеглов И. В.* 151  
Щербачев 228  
Щукин Н. С. 304, 305, 310—314
- Энгельке К. К. 99
- Юшневский А. П. 292
- Ядринцев Н. М. 33, 73, 199, 205, 285, 303—310, 312—316, 318—325, 327, 328, 333—335  
*Яковенко И. Г.* 73  
*Яковлева Н. А.* 153  
Якубович А. И. 290  
Якушкин И. Д. 292  
Янсон Я. Д. 299  
Ярославский Е. М. 299  
*Яснопольский Н. П.* 39

# СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии серии .....	5
Предисловие .....	11

## ГЛАВА 1

### СИБИРЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ

1.1. Сибирь в имперской географии власти .....	13
1.2. Образы Сибири и региональная идентичность .....	24

## ГЛАВА 2

### КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ XVIII — НАЧАЛА XX в.: ИМПЕРИО- И НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1. Колонизационная политика самодержавия в Сибири XVIII — начала XX в.: этапы и направления .....	42
2.2. Колонизация Сибири как политический проект .....	51
2.3. Национальные аспекты колонизационной политики Российской империи в Сибири: «проект большой русской нации» и сибирская региональная идентичность .....	63

## ГЛАВА 3

### АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

3.1. Сибирь в имперском административном механизме XVIII — начала XIX в. ....	76
3.2. Реформы М.М. Сперанского: сибирский вариант имперского регионализма .....	84
3.3. Реализация реформ 1822 г. и новые проекты преобразования управления Сибири .....	95

## ГЛАВА 4

### УПРАВЛЕНИЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

4.1. II Сибирский комитет .....	107
4.2. В поисках новых административных границ Сибири .....	111
4.3. Административная политика самодержавия в Сибири в 60—80-х гг. XIX в. ....	116

- 4.4. Комитет Сибирской железной дороги как орган  
регионального управления ..... 134
- 4.5. Сибирские проекты и реформы конца XIX — начала XX в. .... 138

## ГЛАВА 5

### КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ СИБИРИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИМПЕРСКОЙ ОКРАИНЫ (XVIII — НАЧАЛО XX в.)

- 5.1. Состав и структура сибирского крестьянского общества:  
преодоление локального многообразия ..... 155
- 5.2. Внутреннее крестьянское управление: модернизация  
потестарных институтов ..... 179

## ГЛАВА 6

### ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В ОТНОШЕНИИ СИБИРСКИХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

- 6.1. Соотношение аборигенного и пришлого населения.  
Проблема «вымирания инородцев» ..... 201
- 6.2. Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в империю:  
соотношение методов ..... 208
- 6.3. Сибирские «инородцы» и правительственная политика ..... 215

## ГЛАВА 7

### СИБИРСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНА

- 7.1. Сибирские «инородцы» в административной системе  
империи XVIII в. (конец XVII — середина XVIII в.) ..... 226
- 7.2. «Устав об управлении инородцев» 1822 г. .... 230
- 7.3. Закон о крестьянских и инородческих начальниках 1898 г.  
Волостная реформа у «инородцев» Сибири ..... 235

## ГЛАВА 8

### ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

- 8.1. Индустриальное развитие Сибири в XVIII —  
первой половине XIX в. .... 244
- 8.2. Модернизация промышленности Сибири и роль региона  
в экономике России во второй половине XIX — начале XX в. .... 250
- 8.3. Экономическая политика государства в Сибири ..... 262
- 8.4. Внешнеэкономические связи Сибири ..... 266

## ГЛАВА 9

## СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

- 9.1. Общая характеристика ссылки и каторги в Сибири ..... 271
- 9.2. Политическая ссылка и ее влияние на общественно-  
политическое развитие сибирского общества ..... 288

## Глава 10

## ОБЛАСТНИЧЕСТВО: РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

- 10.1. Дело «сибирских сепаратистов» ..... 302
- 10.2. В поисках теоретических основ сибирского регионализма ..... 314
- 10.3. Административно-хозяйственная автономия Сибири:  
на путях к реализации областного проекта ..... 326

Приложение 1 ..... 336

Приложение 2 ..... 345

Список основной литературы ..... 350

Именной указатель ..... 353

**СИБИРЬ**  
**В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Ответственные редакторы  
*Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев*  
Редактор *И. Жданова*  
Дизайнер *Д. Черногаев*  
Корректоры *Л. Морозова, Э. Корчагина*  
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —  
общероссийский классификатор продукции  
ОК-005-93, том 2;  
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:  
129626, Москва,  
абонентский ящик 55  
тел. (095) 976-47-88  
факс (095) 977-08-28  
e-mail: [real@nlo.magazine.ru](mailto:real@nlo.magazine.ru)  
<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60x90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная № 1.  
Печ. л. 23. Тираж 3000. Заказ № 368  
Отпечатано с готовых диапозитивов  
в ППП «Типография «Наука»»  
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6

Издательство  
**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
В 2006 г. вышли:

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»  
(**Окраины Российской империи**)

**ЗАПАДНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Западные окраины были наиболее плотно заселенной и развитой в экономическом отношении частью империи Романовых. Интенсивность политических процессов на этих землях также была несравненно выше, чем в других частях империи. Именно здесь возникли еврейский, польский и украинский вопросы, сохранявшие свою актуальность вплоть до краха Российской империи. Здесь во многом решалась и судьба русских проектов строительства нации. Именно взаимодействие властей империи и разных национальных движений было в центре внимания авторов книги, ведущих российских специалистов в этой области. В книгу также включены в качестве приложений статьи польского, украинского, белорусского и литовского авторов, что дает читателю возможность сравнить подходы разных историографий, а также многочисленные карты и таблицы.

Издательство  
**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
В 2006 г. вышли:

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»

Алексей Миллер  
**ИМПЕРИЯ РОМАНОВЫХ И НАЦИОНАЛИЗМ**  
Эссе по методологии исторического исследования

Империя, среди прочего, это пространство, где различные этнические группы взаимодействуют между собой и с властями. Это история восстаний и репрессий, борьбы и сотрудничества, аккультурации, ассимиляции и диссимиляции. Такая история империи Романовых еще не написана. А. Миллер, один из ведущих российских специалистов по истории империй, автор книги «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении» (2000), соредактор недавно вышедшей в «НЛО» книги «Западные окраины Российской империи», размышляет в своей новой работе о том, как можно писать историю империи, чтобы она не превращалась в сумму национальных и региональных нарративов и не была повторением традиционной имперской версии русской истории. Каковы были взаимоотношения русского национализма и империи? Чем был для империи «еврейский вопрос»? Почему важны для империи язык и алфавит? Что существенней для нее — идентичность или лояльность? Почему все континентальные империи на окраинах Европы рухнули в ходе Первой мировой войны? Эти и другие, не менее значимые не только для исторической науки вопросы рассматриваются на страницах данной книги.

Издательство  
**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
В 2006 г. вышли:

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»

В. Ф. Райан

**БАНЯ В ПОЛНОЧЬ**

Исторический обзор магии и гаданий в России

В. Ф. Райан — крупнейший британский филолог-славист, член Британской Академии, Президент Британского общества фольклористов, прекрасный знаток русского языка и средневековых рукописей. Его книга представляет собой фундаментальное исследование глубинных корней русской культуры, является не имеющим аналога обширным компендиумом русских народных верований и суеверий, магии, колдовства и гаданий. Знакомит она читателей и с широким кругом европейских аналогий — балканских, греческих, скандинавских, англосаксонских и т.д.

Издательство  
**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
В 2006 г. вышли:

Серия «HISTORIA ROSSICA»

Я. Коцонис

**КАК КРЕСТЬЯН ДЕЛАЛИ ОТСТАЛЫМИ**

Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861—1914

*Авторизованный пер. с английского В. Макарова*

Главная тема провокативно озаглавленной книги профессора Нью-Йоркского университета Янни Коцониса — взаимодействие между распространенными в образованном обществе способами мышления о крестьянах и практикой реформирования деревни в предреволюционной России. На примере сельскохозяйственных кооперативов автор доказывает, что постулат о крестьянской отсталости, неподпечности и неправопособности не только был основой цивилизаторской самоидентификации специалистов-аграрников, но и внедрялся в сознание самих крестьян, воплощаясь в новых учреждениях и порядках, призванных, по задумке, модернизировать жизнь и быт деревни. Сословная ментальность, представления о социальной структуре, дискуссии о земельной собственности и кредите, программа и ход столыпинской реформы — эти и другие сюжеты рассматриваются в контексте культурной дискриминации крестьян некрестьянами. Приглашая российского читателя к спору, книга демонстрирует плодотворность союза аграрной историографии с методами дискурсивного анализа.

## Издания

### «Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в следующих магазинах:

#### в Москве:

«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.: (495)200-36-94

«Ad Marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел.: (495)951-93-60

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.: (495)924-46-80

«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.: (495)332-47-28

«Гнозис» — Zubовский проезд, 2, стр. 1. Тел.: (495)247-17-57

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18. Тел.: (495)924-46-45

«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.: (495)238-50-01

«Москва ТД» — ул. Тверская, 8. Тел.: (495)797-87-17

Московский Дом книги — Новый Арбат, 8 (а также во всех остальных магазинах сети).

Тел.: (495)203-82-42.

«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) — Тверской бульвар, 25

Тел.: (495)202-86-08.

«Фаланстер» — Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел.: (495)504-47-95

«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.: (495)250-65-46

«Букбери» — Никитский б-р, 17. Тел.: (495)291-83-03

«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8 (м. Таганская-кольцевая)

Тел.: (495)915-11-45

Primum Versus — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.: (495)951-93-60

Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.: (495)223-58-20

«Топ-книга». Тел.: (495)166-06-02

#### в Санкт-Петербурге:

«Летний сад» — Большой просп., ПС, 82. Тел.: (812)232-21-04

«Подписные издания» — Литейный просп., 57. Тел.: (812)273-50-53

«Дом книги» — Невский просп., 62. Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88

«Лавка писателей» — Невский просп., 66. Тел.: (812)314-47-59

Гуманитарная книга, 1-я линия ВО, 42. Тел.: (812)323-54-95

Академический проект, ул. Рубинштейна, 26. Тел.: (812)764-81-64

#### в Екатеринбурге:

Дом книги — ул. А. Валека, 12. Тел.: (343)358-12-00

#### в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — Б. Покровская, 46. Тел.: (8312)31-64-71

#### в Ярославле:

ул. Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.: (0852)22-25-42

#### в Интернете:

[www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)

[www.bolero.ru](http://www.bolero.ru)

# *HISTORIA ROSSICA*

## СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В составе России Сибирь исторически имела две ипостаси – отдельность и интегральность. Она манила своей романтической свободой, природными богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Противоречивые и динамичные картины Сибири, формирующиеся на протяжении XVIII – начала XX в. в общественном сознании и воззрениях политиков, определили импульсивность и непоследовательность правительственных действий в регионе. Расширение Российской империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и экономической интеграцией, но предусматривало постепенное поглощение Сибири русским государственным ядром за счет административно-правовой унификации и крестьянской колонизации. Авторы этой книги стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения сибирской истории имперского периода, но и представить новые подходы к ее интерпретации. Они сфокусировали свое внимание на проблемах взаимоотношения центра и Сибири, специфике ее хозяйственного и социокультурного освоения, феномене сибирской ссылки, адаптации русских переселенцев к новым условиям и взаимодействию их с коренными народами, формировании особой русско-сибирской территориальной идентичности.

ISBN 5-86793-510-8



9 785867 935108 >